

АННОТАЦИЯ К РОМАНУ «ЗОЛОТО АЛДАНА»

РАСКОЛ и РАСКОЛЬНИКИ, — всякое слово о них вызывает неподдельный интерес, поскольку для нас россиян это явление — потрясающий пример многовековой, неборимой преданности исповедуемым идеалам.

Дилогия «Золото Алдана» включает в себя две книги: «Скитники» и «Золото Алдана». В них повествуется об уникальном явлении в истории Российского государства — РАСКОЛЕ.

В первой книге — романе «Скитники» повествование о жизни старообрядческой общины, зародившейся в Ветлужских лесах в середине 19 века, одолевшей долгий, трудный путь через Урал, Сибирь и обосновавшейся в Забайкальском крае, оттесненной затем в глушь Алданского нагорья и там хоронящейся по сию пору.

В романе «Золото Алдана» отражены события произошедшие в жизни общины, эвенкийского и якутского народов в период с 1922 по 1955 годы, в тесном переплетении с судьбой белогвардейской колонии, образованной уцелевшими участниками якутского похода дружины генерала Пепеляева.

Через героев дилогии автором показаны яркие и убедительные образы людей сильных духом и необычайного мужества, готовых во имя глубочайшей веры и убеждений преодолевать бесчисленные препятствия, нести жертвы, но оставаться верными своим идеалам.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Писатель всегда, а в наше время особенно, должен стремиться дарить читателю радость сопереживания и познания, давать пищу для ума, для души, уводя временами от реальности.

Нельзя не видеть, что влияние религии сегодня слабее чем в любую иную эпоху истории человечества. Большинство людей живёт без веры в воздаяние и наказание, в бессмертие души, без веры в соблюдение этических и моральных устоев.

Ошеломляющий технический прогресс не смог компенсировать того, что навалилось на человека — ощущения одиночества, подавленности, неуверенности в завтрашнем дне. Мы утрачиваем веру в людей, в добро, справедливость, в разумное устройство общества. В наших душах поселилась и нарастает тревога за будущее детей.

В связи с этим обострился интерес к произведениям, в которых показан возможный путь выхода из тупика и спасения цивилизации от надвигающейся катастрофы. Никто не знает какая дорога правильная. В дилогии «Золото Алдана» намечены контуры одной из них.

Читая роман, веришь, что спасение придёт. И придёт с самой неожиданной стороны.

Вера в это обязательно поможет тому, кто готов пройти трудный и увлекательный путь её поиска вместе с героями дилогии — мужественными людьми с твёрдым характером, прилагающими все свои силы и знания на то, чтобы жить по заветам Христа.

Погружаясь в мир староверья, видишь, что у этих людей есть чему поучиться: умению терпеливо преодолевать трудности, воспитывать детей, находить счастье там, где другие не видят ничего, кроме проблем. А ещё, и это, пожалуй, главное, способности быть благодарным за каждый прожитый день, за каждую крупницу успеха, за каждое проявление любви. Приходит осознание того что успех это награда за труд, а не манна, неожиданно свалившаяся с небес.

Старолюбцы считают, что не надо ничего требовать от жизни, нельзя командовать и распоряжаться чужими судьбами. Эти люди уверены, что Господний план лишь в самом начале и, в конце концов, придёт время и чело-

вечество проберётся среди сил разрушения, зла и исполнит мечту Создателя — станет Ему подобным.

У читателя есть возможность окунуться в этот мир добра и любви и, быть может, взять что-то из него в свою жизнь. Повествуя о трагических событиях Гражданской войны, автор стремится побудить читателя к переосмыслению и более объективному подходу к истории, исходя из идеи примирить две правды: «правду красных» и «правду белых» в рамках единой парадигмы согласия.

Любые факты истории — предмет дискуссий, исследований и верную оценку значения тех или иных событий для России может дать только время и обеспечение историкам свободного доступа ко всем имеющимся документам. При этом не надо забывать, что исторические летописи и религиозные книги зачастую подвергаются многочисленным исправлениям в угоду правящим элитам. Чтобы знать историческую истину следует пользоваться рукописными материалами первосвидетелей.

Для некоторых верующих — приверженцев официальной Русской православной Церкви, рассуждения о противостоянии новообрядцев (никонианцев) со старообрядцами могут показаться кощунственными, и даже оскорбительными. Не следует воспринимать их как выражение автором неприязни к тем или иным религиозным воззрениям, а всего лишь как историческую данность. Тем более что вера в своей основе, что у новообрядцев, что у старообрядцев по сути одна. Подтверждением тому стало снятие 1971 году на Поместном Соборе Русской православной Церкви клятвы и анафемы со сторонников старого обряда. Более того на том же Соборе старый обряд был окончательно объявлен равнозначным новому.

Бог милостив, придёт время и оба религиозных учения воссоединятся ибо все православные есть братья и сестры во Христе.

КНИГА ПЕРВАЯ

СКИТНИКИ

Текст первой книги находится в другом, соседнем «окошке».

КНИГА ВТОРАЯ

ЗОЛОТО АЛДАНА

Старообрядцам с почтением

и любовью посвящаю

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Рай там, где вера

ИСПЫТАНИЕ

Отшумела, отцвела весна 1935 года. Минуло шестьдесят пять лет с той поры, как семнадцать молодых иноков, оставив Ветлужский монастырь и одолев немеренные, безлюдные пространства, устроили в глухомани Забайкалья староверческий скит. Но довольно скоро вынуждены были покинуть его и перебраться в глушь Алданского нагорья. Здесь, под защитой непроходимых дебрей, основав новое поселение, старолюбцы хранили отеческие устои

православия и один из главных символов — образ Божьей Матери из покоев самого Владимира¹.

За эти годы упокоились с миром основатели общины, поседели их дети, возмужали внуки, народились правнуки. Почернели стены домов, порос понизу мхом бревенчатый заплот вокруг скита. Но все так же, словно породившись со Временем, у которого нет ни начала ни конца, сияли беловерхие пики Северного хребта, все так же темнели на склоне Западных гор Впадины лазы в запретные пещеры, все так же несла мимо них свои воды Глухоманка, унося дни, недели, годы безмятежной жизни.

Благоденствию скита способствовали царившее в общине редкое трудолюбие, неколебимость в вере, дух согласия и то, что почитание старших соблюдалось как наипервейшая заповедь.

«Та община сильна, где старость в почете», — любил повторять в проповедях наставник Григорий, отличавшийся крайней требовательностью по отношению к себе и безграничной любовью к скитожителям. Он следил за неукоснительным соблюдением всех правил Устава, писанного благочестивым праведником Варлаамом на основе Домостроя². Не забывал регулярно вносить записи в скитскую книгу, начатую еще его предшественником, старцем Маркелом, в 1873 году.

Помимо сведений о брачевании, рождении и смерти, в нее вписывались и иные значимые события. У него же хранились и труды пустынножителя Никодима. В совокупности все эти рукописи довольно полно отражали нестяжательную жизнь уединенной общины.

На исходе духовитого июльского дня, в канун Иоанна Предтечи, братия

¹ Владимир Святославович (в былинах — Владимир Красно Солнышко) — Великий киевский князь, при котором в 988 году произошло крещение Руси. В церковной истории известен ещё как Владимир Креститель.

² Домострой — свод житейских правил и наставлений. Составлен в XVI веке при Иване Грозном. Отражает принципы патриархального быта. Известен предписанием строгости домашнего уклада.

собралась у молельни на вечернее правило и поджидала наставника, наблюдая заодно, как в лучах закатного солнца тихо тлеют, чуть дымясь, облака. Казалось, ничто не может нарушить сопутствующий всякому летнему вечеру умиротворяющий, льющийся с небес покой, как вдруг земля под ногами дрогнула. Люди, кто удивленно, кто настороженно переглядываясь, спрашивали друг дружку: было ли что, али поблазнилось? И тут последовали толчки, один сильнее другого. Под конец же тряхануло столь изрядно, что все вокруг пришло в движение: закачалось из стороны в сторону било, стукнула входная дверь, внутри молельни что-то с грохотом упало. Даже могучие кедры встрепенулись, замахали патлатыми ветвями. С крутояра обрушился, подняв волну, пласт земли. Скитники крестясь вразнобой забормотали: «Защити и спаси, святой угодник Николай Чудотворец, укрой и оборони подопечных своих...», «Отче наш! Иже еси на небесих...»

Быстрым шагом подошел запыхавшийся наставник Григорий. Его голос на фоне всеобщего замешательства прозвучал на удивление спокойно и уверенно:

— Братья, не страшитесь — это землетрясение. Коли толчки не повторятся, бог даст, начнем службу. А пока, Демьян, возьми ребят, и вынесите из избы, от греха подальше, болящую Марфу. Анастасия с Ефимьей уже побежали к ней.

В ожидании «тряхнет, не тряхнет?» мужики нервно трепали бороды, покусывали усы. Прошло с полчаса — толчков не последовало. Успокоившись, осторожно вошли в молельную. То, что они увидели, повергло в ужас — икона Божьей Матери в вызолоченном окладе лежала на полу ликом вниз.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Беда-то какая! — запричитал седой, как лунь, Тихон.

— Худой знак, похоже, Божья Матерь серчает на нас, — осевшим голосом произнес тоже не на шутку встревожившийся наставник. — Кабы беда не грянула. Надобно большой умирительный молебен отслужить. Да поможет

нам пречестный Животворящий Крест Господень! — добавил он, бережно поднимая образ Богородицы.

* * *

Ефимия, спустившись к реке за водой, первой заметила, что Глухоманка поднялась. Поначалу значения этому не придали. Обеспокоился народ лишь, когда затопило мостки, на которых бабы стирали белье.

— Похоже, от землетряски где-то реку запрудило, — продребезжал сквозь завесу усов дед Тихон. — Надо бы поискать да ослобонить проток.

Наставник одобрительно кивнул и велел пятерым мужикам обследовать русло.

Шагая по затянутой липкой паутиной береговой тропе, скитники отмечали, что уровень воды становился все выше и выше. Местами даже деревья подтопило. Но лишь подойдя к скальным воротам, через которые Глухоманка убегала к Большой реке, обнаружили причину затопа: высокую плотину, образованную отколовшейся и рухнувшей поперек русла частью горы. Здесь вода уже залила почти всю пойму, и к завалу пришлось пробираться гривкой.

Процесс разрушения «ворот» все еще продолжался. По оголившемуся сколу, потрескивая, расходились змейки трещин, из которых то и дело сыпалась каменистая крошка. Пока обследовали завал, сверху сорвалось несколько крупных обломков, не причинивших людям вреда по чистой случайности. Один из них упал в воду и обдал мужиков зернистыми брызгами.

— Кабы еще шибче не закуporило. Пришла беда — отворай ворота, — опасливо поглядывая наверх, промолвил Матвей, отряхиваясь от воды.

— Да туточки, паря, все наоборот. — Ворота-то как раз закрыли, — хохотнул стоявший рядом Демьян, но его никто не поддержал — вода прибывала на глазах. Мужики заторопились обратно.

* * *

Выслушав Корнея, встревоженный наставник отложил лестовку¹:

— Эка напасть! — сокрушенно вздохнул он. — Что делать будем? Может, собор созвать?

— На собор времени нет. Да и сколь ни бей языком о кремень — огня не будет. Вода того и гляди в скит зайдет! Пока не поздно, надобно дома разбирать и на верхний уступ переносить, либо еще чего измыслить. Вон моя Дарья предложила выйти всем миром да попробовать раскопать тот завал.

— А что, дело говорит! Какой он высоты?

— Саженой пять-шесть с дальнего края. А ближе к отвалу, пожалуй, все восемь будет.

— Не шутейная работа, но как говорят: глаза боятся, руки делают. Сзывай народ, помолимся и, не мешкая, выйдем.

* * *

Вскоре все работоспособное население скита — сорок семь душ — шло к Воротам. Становище разбивали уже в сумерках неподалеку от плотины. Тщательно обследовав завал, установили, что основанием ему служит отколовшийся скальный монолит, легший точно поперек русла, не достигнув, к счастью, противоположной стенки. Там завал состоял из спрессованной мешанины осадочных пород. Было очевидно, что копать траншею возможно только в этом месте.

На следующий день, как только первый солнечный луч поцеловал вершины окружавших Впадину гор и те благодарно просияли, скитники дружно принялись грузить землю в корзины, сплетенные из тальника, выковыривать из грунта камни, переносить их на край плотины и сбрасывать вниз. Чтобы поменьше докучало комарье и слепни, разложили несколько дымокуров.

¹ Лестовка — древний вид чёток, представляющий собой плетённую замкнутую кожаную ленту из ста трёх планок. Символизирует собой одновременно и лестницу (лестницу) духовного восхождения с земли на небо и замкнутый круг — образ вечной и непрестанной молитвы. Предназначена для счёта молитв.

Наплывавшие волны ветра подбирали сизые клубы и разносили по завалу. Люди кашляли, глаза слезились, но все терпели.

Поначалу дело шло медленно. Скучившись в беспорядочную толпу, больше мешали друг другу. Сметливая Дарья предложила выстроиться в две цепочки. Работа сразу зашпорилась. Раскоп ширился и углублялся с каждым часом.

Чем ниже опускалось его дно, тем тяжелее дышалось землекопам — не хватало воздуха. Вопревшие мужики поснимали с себя рубахи-косоворотки и штаны — остались только тельные пояски¹ да подштанники. Пытаясь поднять обкопанную глыбу, Демьян так напрягся, что они лопнули в самом неподходящем месте. Мужики застонали от хохота, а смущенные женщины густо покраснели и стыдливо отвернулись.

— Чего скалитесь, кони стоялые? Яйца не видели? Подсобили б лучше, — огрызнулся Демьян.

Этот конфуз махом приподнял настроение притомившимся людям. Работать стало легче и веселей.

За три дня удалось прокопать довольно глубокую траншею — не менее четырех сажений. Глубже не получалось: нижние камни вмяло в грунт столь плотно, что не могли их даже пошевелить.

Вода все это время поднималась и уже наутро, после завершения работ, она, курчавясь мелкими воронками, хлынула в рукотворный канал.

Затопление остановилось. К этому моменту западная оконечность Впадины почти вся оказалась под водой. Наставник, работавший наравне с братией, тут же на плотине, радостно целуя землю, воспел псалом благодарения Спасу и матери его Пресвятой Богородице. После чего все помылись в речке и отслужили молебен с земными метаниями². Люди ликовали. Еще бы — спасли скит!

¹ С пояском, свитым из ниток, старообрядцы не расставались со дня крещения, ибо считали, что человек без пояса всё равно что без креста.

² Метание — малый земной поклон.

Корней обнял Дарью:

— Какая ты у меня умница!

Женщина просияла и легонько прижалась к мужу. Уже тринадцать лет, как живут они вместе. Дарья с годами хоть и пополнила, красоты не утратила. Спина прямая, шея лебединая, подбородок держит высоко. Всех восхищала ее царственная осанка, изящный поворот головы, а в особенности походка. Ходила Дарья не так, как другие. Она не шла, а как бы несла себя ровно, неспешно. При этом никакой надменности или высокомерия. Со всеми была проста и приветлива, никогда не чуралась работы, даже самой грязной и тяжелой.

* * *

Уже в следующую весну на богатом кормами мелководье, усыпанном множеством островков, устроили гнездовья многие сотни гусей и уток. Воздух звенел от их надсадных криков до тех пор, пока птицы не сели высидеть потомство.

В середине лета, когда у гусей началась смена пера — линька, их брали голыми руками. Тут уж не зевай — коли успеет гусь выправить перо, он не твой. Двигаясь цепью и крича во всю мочь, загоняли птиц в заранее расставленные сети. Таким способом удавалось заготавливать столько гусаков, что мяса хватало на долгую зиму.

Не сразу, по прошествии трех лет, водоем закишел рыбой.

— Славны дела твои, Господи! — восхваляли люди Создателя за щедрость и корили себя за умственную скудость, не позволившую сразу оценить, какие достоинства таило в себе рождение «моря».

А еще через год уровень воды стал постепенно понижаться и за лето упал на полторы сажени. К счастью, это не повлияло на численность птицы и рыбы. Их развелось к тому времени столько, что хватило бы прокормить не один десяток таких скитов.

Причину нового каприза Глухоманки выяснила вездесущая ребятня, ходившая удить рыбу к Воротам. Оказывается, река, промыв в известковом склоне хребта проток в пещеру, ушла в подземное русло, выходя, как много позже узнали скитники, мощным ключом прямо со дна Большой Реки. Старое же русло Глухоманки ниже Ворот с десятками мощных порогов обнажилось и превратилось в сухую ленту из череды громадных валунов и каменных уступов.

ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ

Настало время познакомить читателя с обитателями, выросшего в семидесяти верстах от скита, крохотного поселения. Для этого нам придется на время вернуться в август 1922 года...

Исковерканный колеями, копытами и тяжелыми сапогами Охотский тракт после затяжных дождей за ночь подветрило. Лошади шли ходко, хотя и тянули вполсилы. Объезжая обоз из конца в конец, краснолицый ротмистр¹ Пастухов окидывал его беспокойным взглядом маленьких зеленоватых глаз и то и дело поторапливал служивых:

— Побойчей, братцы! Запаздываем. Коли к вечеру догоним голову, всем по чарке выдам! — при этом выразительно хлопал по притороченной позади седла суме.

Его щедрость была объяснима. Обоз отстал от головного отряда из-за его гнедой кобылы — Фроси. Та ожеребилась прямо на марше. А полковник Степанов еще в Охотске² всех предупредил: «Брюхатых в поход не брать».

¹ Ротмистр — в царской армии офицерский чин в кавалерии, соответствовал чину капитана в пехоте.

² Охотск — патриарх русских городов на Дальнем Востоке. В прошлом отправной пункт всех тихоокеанских экспедиций. Заложен в 1649 году. Отсюда мореплаватели уходили на Аляску, Чукотку, Русскую Калифорнию, Командорские, Курильские и Алеутские

Да как оставишь боевую подругу чужим людям в столь ответственный момент? Седьмой год служила она ему верой и правдой и ни разу не подвела! Новорожденного сосунка пристроили на кошме за ящиками с патронами.

Передней подводой правил здоровущий бородач — Иван Дубов. На нем шинель Забайкальского казачьего войска с желтыми погонами, туго перетянутая португеей, на боку шашка, на лобастой голове — темно-зеленая фуражка с желтым околышем. Черная борода такая пышная и дремучая, что в ней, на зависть многим, тонули не только губы, но и глаза. Этот тридцатидвухлетний казак обладал такой недюжинной силой, что в рукопашном бою штыком и прикладом уложил четверых германских солдат и, взвалив на себя трофей — тяжеленный станковый пулемет, принес его в свои окопы, за что и получил медаль Святого Георгия, которой очень гордился и никогда не снимал.

Рядом с ним, положив драгунку на колени, сидел бравый казак Федот Шалый: рябоватый, пухлощекий, рослый, но помельче в кости, односелец. Тоже с бородой, но пожиже, вихрастым белобрысым чубом, упрямо выбивавшимся из-под щегольски сдвинутой набекрень фуражки с треснувшим козырьком. Что-то подкупающее было в его хитровато-задорной улыбке, открытом взгляде. Оба — потомки семейских¹ староверов — первых переселенцев на мерзлые земли Восточной Сибири. Их предки уже больше двух веков жили в этих размашистых краях.

Глухая, непроходимая тайга, могучие косматые хребты, увенчанные снежными гребнями, вздымавшимися до самых небес, перекрывавшие путь из матерых российских земель к Тихому океану на протяжении тысяч вёрст,

острова, форт Росс. Как порт был неудачным местом из-за отсутствия глубоководной, закрытой бухты. Поэтому в 1846 году порт-факторию перенесли в. Аян, где был защищённый залив (Аян в переводе с якутского означает — путь).

¹ Семейские — староверы, которые переселялись из центральных губерний России в Сибирь целыми семьями. Этот процесс особенно активно шёл во времена правления Екатерины Великой.

делали эти земли почти недоступными. Но перед упорством и выносливостью казаков, неудержимо торивших дороги на восток, ни горы, ни чащоба не могли устоять. Они даже умудрялись волоком перетаскивать тяжеленные струги через крутые горные перевалы.

Прокладывали по берегам рек дороги. Ставя избы, раскидывали селения. И гордость за ширящееся Отечество была для бесстрашных землепроходцев практически единственной наградой за невероятные испытания, которые выпали на их долю в те давние времена на пути к Ламскому¹ морю.

— Ну и дорога! Навроде нашей нынешней жизни: разбитая и покалеченная, — бубнил в бороду Дубов, сворачивая сигарку.

— Эт ты, Вань, верно подметил. Что жизнь, что дорога одинаково порушены... Дай дымнуть!.. Мститесь мне, что в пятнадцатом году тракт куда лучше был.

— Ты-то откель знашь?

— Мобилизованных в Охотск дважды к пароходам сопровождал. Да и к деду, что на Караульном начальствовал, в детстве с отцом ездить доводилось, — ответил Федот, то и дело настороженно поглядывая на хмаристые тучи, толпившиеся над дальними хребтами. Остроконечные пики уже пропороли самые брюхатые и из них тянулись к земле кривые мутные завесы. — Коли дождь сызнава затеется, худо нам придется, — добавил он и, с блаженством вобрав через нос воздух, остро пахнувший кисловатым конским потом, соскочил с козел и зашагал рядом с подводой, дабы размять затекшие ноги.

Тракт, пролежавший по хребтине увала, уперся в отрог, покрытый гранитными развалами, и стал спускаться вдоль ключа. По нему обоз должен был выйти на обширную падь, где до 1906 года располагался казачий пост «Караульный камень» с постоянным двором — желанным и гостеприимным приютом для проезжавших здесь путников. Назвали его так, по всей видимости, от того, что пост прилепился к щербатому утесу, по бокам которого торчали, будто часовые, каменные останцы. В 17-18 веках, вплоть до середины

¹ Ламское море — старое название Охотского моря.

19 века, когда Охотск был основным портом на восточных рубежах России и опорной базой всех экспедиций по Дальнему Востоку и в Северную Америку, в нем вовсю кипела придорожная жизнь.

Дальше высились громады угрюмых хребтов, похожих на застывший вал грозных туч. Дубов глядел на них без тревоги. Даже, напротив, — с интересом. Ему хотелось, забыв обо всем, стать птицей и улететь к ним. Сесть на вершину самого высокого пика и, охватив взором бугристые швы хребтов, узорчатую вязь долин, посмотреть на то, что скрыто от медленно ползущего по лесу обоза.

Внезапно тишину нарушила дробь пулеметных очередей и шквал беспорядочной стрельбы. Колонна встала. Лошади беспокойно запрядали ушами. Казаки напряженно вслушивались и, с тревогой осматриваясь, то и дело бросали вопросительные взгляды на ротмистра.

Тот спешился, успокаивающе погладил норовистую кобылу по лоснящейся, коричневого цвета шее, снял фуражку с белой офицерской кокардой и, вытирая платком, пропахшим конским духом, капельки пота с громадной лысины, охваченной пушистым венчиком золотистых волос, пошел к крытой повозке. Здесь надел фуражку, зачем-то спустил на подбородок ремешок, расправил широкие, немного вислые плечи и, вытянувшись по стойке смирно, обратился к начальнику штаба — подполковнику Лосеву Олегу Федоровичу, оказавшемуся в обозе по причине внезапной лихорадки. Выслушав его распоряжения, вскочил на кобылу и сверху вполголоса скомандовал:

— Слушай приказ начальника штаба. Сворачиваем на террасу. Ехать по одной колее, след в след. Морды лошадям стянуть, чтоб не ржали, не курить, не разговаривать!

Когда с тракта съехала в лес последняя подвода, ротмистр с Шалым, пятясь, присыпали следы от колес трухой из листьев и травы. Прodelали они это столь искусно и тщательно, что уже и самим не разобрать было, где же проехали телеги.

Сгрудившись за каменным развалом, отряд томительно ожидал — что дальше? Пальба прекратилась и установилась такая тишина, что было слышно позвякивание конской сбруи и чмокание жеребенка, припавшего к вымени матери.

Тут уже сам Лосев, собравшийся перед опасностью, словно тугая пружина, встал на передок повозки и оглядел всех цепким ястребиным взглядом. Обветренное, безукоризненно выбритое лицо подполковника, со стального цвета, слегка навывкате глазами, высоким лбом, острым с горбинкой носом и тонкими губами, опаленное десятками сражений; напряженная осанка, скупые и точные, несмотря на болезнь, движения выдавали в офицере твердого и бесстрашного воина. На нем была подбитая беличьим мехом и крытая тонким сукном защитного цвета бекеша с серым каракулевым воротником. На ногах хромовые сапоги.

Слегка приглушив голос, он распорядился выставить дозоры, а самых опытных следопытов, Дубова и Шалого, отправил в разведку.

Потянулись бесконечно длинные минуты томительного ожидания. Всякий раз, когда от порывов ветра начинала перепугано лепетать листва, люди настораживались и до звона в ушах вслушивались в доносившиеся звуки.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку (не стреляй, свои), — подала, наконец, парольный голос «кукушка».

— Ку-ку, ку (понял, проходи), — ответила другая.

Из густого ельника вышло пять человек. Впереди казаки, за ними — трое офицеров. Старший по званию, штабс-капитан Тиньков Николай Игнатьевич, загорелый, довольно высокий, с гвардейской выправкой, в кителе с изрядно потускневшими золотыми погонами, со скрученной бледно-серой шинелью через плечо, подойдя к Лосеву, резко вскинул руку к козырьку:

— Здравия желаю, господин подполковник! Разрешите доложить, — густым рокочущим басом обратился он.

— Докладывайте, только потише.

— При подходе к Караульному камню попали в засаду. Красные фланговым огнем из пулеметов всех положили на поляне. Я, мичман и юнкер¹ успели укрыться за буреломом. Поднимаясь в горы, встретились с вашими разведчиками.

— Как, много красных?

— Точно сказать затрудняюсь. Судя по плотности огня, человек сорок.

— Так, нас восемнадцать... Маловато... Что с полковником Степановым? Убит?

— Убит. По нему первому и били.

— Жаль... — Лосев снял фуражку, стиснул кулак так, что пальцы побелели.

— Простите, господин подполковник, забыл доложить. Казак Дубов видел среди красных Хохлова — денщика полковника.

Лосев нахмурился:

— Вот паскуда! А врал, будто занедужил. Теперь ясно, почему поджидали и постреляли, как щенят слепых... Сие в корне меняет дело... Хохлов ведь знает, что следом идет обоз с провиантом и боеприпасами — сам подводы собирал... Ситуация непростая, а действовать надо быстро. Вижу два варианта. Первый — возвращаемся в Охотск, а там по обстановке. Второй — спускаемся по ключу к речке Юдома и по ней сплаваемся до Аянского² тракта. Там ожидаем группировку генерала Пепеляева. У вас, штабс-капитан, какие соображения?

— Возвращаться — позорно. Полагаю, вариант с Юдомой оптимальный.

— Я тоже склоняюсь к нему — Юдома рядом. Если поднажать, на Аянский тракт дней за пятнадцать выберемся. Но уйти, не отомстив за товарищей, — постыдно для офицера.

¹ Юнкер — курсант военного училища.

² Якутско-Аянский почтовый тракт, прежде основной, захирел после прекращения деятельности Российско-Американской компании в 1867 году и установлении морского сообщения с Камчаткой.

— Оно, конечно, так, однако ж силенок маловато...

— Согласен, с людьми не густо. Надо прибегнуть к военной хитрости. — Подполковник, преодолевая озноб, поежился и поплотнее запахнул бекешу. Переведя взгляд на Пастухова, сказал: — Господин ротмистр, подойдите, давайте вместе обсуждать... Что мы имеем? В паре вёрст от нас отряд красных, минимум в два раза превосходящий по численности. Вопрос — как малым числом совершить акт возмездия?

Ротмистр снял фуражку и по привычке протер лысину:

— Красные нас, наверняка, поджидают. Скорей всего, на том же месте. Сейчас, должно быть, с поляны убитых убирают, чтоб нас не спугнуть. Думаю, до вечера подождут, а с утра сами начнут разыскивать — основной-то груз у нас. Так давайте поможем им. Вернемся назад, к ущелью, что Щеками зовется, оставим повозки на виду, а сами сверху в скалах заляжем. Лошадей выпряжем и в лес уведем. Как только красные зайдут в теснину, так огнем из пулеметов покосим. Один поставим на входе, другой на выходе. Надо только создать видимость, будто обоз разграблен, чтобы безбоязненно подошли. Набьем несколько казачьих гимнастёрок и брюк травой и раскидаем «куклы» вокруг телег — будто убитые лежат. Пару подвод распотрошим, крышки с ящиков сорвем. Одну лошадку, для убедительности, придется пристрелить. На такую заманку, думаю, клюнут!

Подполковник слушал, одобрительно кивая головой:

— Щеки — западня надежная, ни один не уйдет. Сколько до ущелья отсюда?

— Верст семь, не боле.

— Всего-то два часа ходу! — В предвкушении мести Лосев даже звонко щелкнул пальцами и, повернувшись к штабс-капитану, приказал:

— Отправьте казаков обследовать дорогу в обе стороны. Да потщательней!

* * *

Перед злополучной поляной разведчики увидели поваленную поперек тракта здоровенную сухую ель с торчащими во все стороны острыми сучьями.

— Неспроста она тут! — прошептал Федот.

Бесшумной звериной поступью зашли в лес. И верно — вон трое затаились в кустах, о чем-то шепотком переговариваются.

Вернувшись к своим, казаки доложили о заломе и дозоре красных подполковнику.

— Ель с расчетом повалили. Подойдет обоз, возницы слезут, начнут ругаться, убирать — никак не прозеваешь, — догадался Лосев. — Тоже хитрят. Ну что ж, теперь можно смело ехать к Щекам и готовиться к встрече.

* * *

В ожидании скорого боя люди были возбуждены. Все горели желанием отомстить за убитых товарищей. Шалый, с любовью поглаживая смазанный и начищенный пулемет, балагурил. Дубов слушал с улыбкой и заправлял патронами одну ленту за другой. Всего их возле него лежало уже пять...

Наконец, на стальных гранях штыков блеснуло выглянувшее в разрыв черногрудых туч солнце, и на дороге показались первые верховые красных. Разговоры в засаде прекратились сами собой. Лица стали серьезны, сосредоточенны, в глазах — твердая решимость. Тихо, только ветерок слегка шелестит в ветвях кедров и негромко токают-переговариваются сидящие на берегах тетерева.

Увидев стоящие в беспорядке подводы и лежащих в траве «убитых» казаков, красноармейцы остановили лошадей, сдернули с плеч винтовки. Боязливо поглядывая на нависшие скалы, двое направились к обозу. Оставшиеся с напряжением наблюдали. Вот красноармеец подъехал к «телу» казака и слегка свесился с лошади. В этот момент Лосев рявкнул: «Огонь!» Скалы ответили на команду звонким треском пулеметов и сухими щелчками винтовок. Стреляли почти без промаха, по заранее выбранным целям. Тиньков поймал

в прицел ручного пулемета «Шоша» обезображенное страхом лицо Хохлова. От выпущенной очереди голову предателя буквально разнесло на части.

— Собаке собачья смерть! Подыхай, сука! — мстительно орал, разинув оправленный узкими усиками и аккуратной бородкой рот, разлютовавшийся штабс-капитан Тиньков и поймал в прицел следующего, метнувшегося к повозке.

Подсохшая земля от пуль покрылась ватными клубками пыли. Красноармейцы попытались развернуть пулеметы вверх, но один за другим, взмахивая руками, валялись на землю. Некоторые успели укрыться от смертоносных струй за камни и стали метко отстреливаться. Вот затих, даже не вскрикнув, казак рядом с Лосевым. Помянул недобрым словом матушку раненый в плечо Шалый. Пули все чаще цвилькали по камням.

— Гранаты! Кидайте гранаты! — скомандовал подполковник и, сняв чеку, метнул свою. Прогрели один за другим взрывы, и в ущелье установилась нереальная после пальбы и оглушительного грохота тишина, которую неожиданно нарушил вопль ротмистра Пастухова, взобравшегося на камень и размахивающего наганом:

— Крамола кругом!

К нему подошел штабс-капитан и, осторожно вынимая из руки оружие, сказал, показывая на убитых красноармейцев:

— Успокойтесь. Зачинщики уничтожены.

Из донесения, найденного в документах одного из убитых, по всей видимости, командира, узнали потрясшую всех новость — повстанческая армия корнета¹ Коробейникова разгромлена. Из Якутска в Охотск направлены два красных эскадрона и начальнику Аллах-Юньской заставы Ивару Райнису приказано в кратчайшие сроки очистить закрепленный за ним участок тракта от остатков белых.

* * *

¹ Корнет — младший офицерский чин в кавалерии.

Лосеву, лично руководившему боем и пролежавшему на холодных камнях не меньше часа, на следующий день стало совсем худо. Ротмистр убедил его забраться в крытую подводу и заботливо укутал полушубками. Но подполковника знобило даже под овчиной. Когда приступ лихорадки ослабевал, Лосев в мыслях возвращался к неожиданному известию о разгроме трехтысячной армии Коробейникова.

Как могло такое случиться? В Охотске отважный корнет успел стать кумиром горожан. Еще бы — сумел собрать такое крупное соединение и освободить от красных почти всю Якутию! Рассказывали, что поначалу у него был небольшой отряд, состоявший из одних кадетов и юнкеров. Разбив летом 1921 года красных на Мае, они захватили сорок тысяч пудов провианта и боеприпасов. Это позволило принять новых добровольцев и в короткий срок стать значительной военной силой. За несколько месяцев вся область¹ перешла под контроль их армии. Красные удержались только в областном центре — Якутске.

Весной 1922 года в Охотск пришла радиограмма от Коробейникова: «Уничтожен арьергард красного экспедиционного корпуса зпт идущий из Иркутска на подмогу большевикам тчк Для их окончательного разгрома просим помощи кому дорога судьба России тчк».

Полковник Степанов, царствие ему небесное, и он — Лосев, откликнулись первыми: честь офицера не позволила им сидеть сложа руки. Собрав добровольцев, они спешно вышли в Якутск, и на тебе: отряд уничтожен, а сама повстанческая армия уже не существует. Научились красные воевать... Ничего, Пепеляев скоро задаст им перца! Умный командир. И пуля его не берет — говорят, заговоренный. Не проиграл ни одного боя, а сколько блистательных побед! Вон как Пермь в 1918 году с ним взяли — почти без потерь! Тогда для армии Колчака открылась дорога на Москву. К сожалению, в это время по всей Сибири усилились бунты крестьян, рушился, пораженный

¹ В царской России некоторые административные образования именовались не губерниями, а областями.

мздоимством интендантов и зверствами разномастных банд, тыл. Учитывая эти обстоятельства, адмирал так и не решился пойти на первопрестольную...

Оживление в голове колонны отвлекло Лосева от воспоминаний: обоз вышел к реке Юдома. Два дня ушло на то, чтобы напилить сухостоин, связать из них плоты. Низкое, серое небо, видимо, жалея путников, так и не распахнуло свои затворы для дождя. Даже, напротив, — снопы солнечных лучей временами пробивались в узкие разрывы туч и подбадривали живительным светом.

До Усть-Юдомы, откуда начинался сухопутный переход на Аянский тракт, сплавились без происшествий с единственной потерей — на мощном прижиме один из плотов вздыбило и в воду съехало два ящика с патронами.

Вскоре после того как отряд Лосева добрался до села Усть-Миле, стоящего прямо на тракте, из Аяна прискакали братья Сивцовы — хозяева самых крупных табунов в округе. Они были в приподнятом настроении: дружина Пепеляева уже десантировалась с двух пароходов в Аяне и Охотске и готовилась выступить на Якутск. Им помогают обиженные купцы, кулаки, тойоны¹, возмущенные принудительной кооперацией оленеводы и почуявшие возможность прийти к власти эсеры.

Перед братьями была поставлена задача: до подхода пепеляевцев собрать в Усть-Миле табун из двухсот верховых лошадей с упряжью для кавалерийских эскадронов (транспортных оленей в дружине достаточно — тунгусы дали) и развезти по трактовым станциям фураж, попутно скупая зимнюю одежду: полушубки, малицы², унты — теплые сапоги из оленьего меха.

«И в самом деле, все устраивается, — воспрял духом подполковник. — Хозяйка в тесто кладет немного дрожжей, а оно вздымается. Так и дружина генерала по дороге еще обрастет сторонниками и, как уже на Руси не раз бы-

¹ Тойоны — князьки (главы родов).

² Малица (кухлянка) — глухая (нераспошная) одежда из оленьих шкур мехом внутрь и пришитыми рукавицами и капюшоном, надеваемая через глотву. В сильные морозы надевают двойную малицу: одна мехом внутрь, вторая (совок) мехом наружу.

вало, превратится в непобедимое народное ополчение. С Пепеляевым мы всех одолеем!...»

У ЭВЕНКОВ

У Корнея с Дарьей подрастало двое справных, работающих сыновей: Изосим и Паша. Старшему, Изосиму, шел четырнадцатый год, а младшему минуло восемь.

Когда дед Елисей с бабкой Ольгой ударялись в воспоминания о жизни в стойбище, в котором она выросла, а чуть живой от обморожения дед, тогда молодой парень, впервые увидел ее, Изосим преображался: слушал, затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Он давно грезил попасть в те места и окунуться в кочевой быт оленных эвенков. Его волновало все новое, неизвестное. Таким уж уродился по божьему замыслу. (Паша же был равнодушен к таким рассказам.)

Изосим исподволь стал подговаривать родителя сходить проведать кочевую родню. Корней, и сам истосковавшийся по простодушным, гостеприимным родственникам, обещал, но всякий раз возникали неожиданные препятствия: то ветром у кого крышу завалит, то кому баню надо помочь обновить, то дрова заготовить. Да мало ли в скитском хозяйстве дел.

Разрешилось все зимой и самым неожиданным образом.

В скиту, буквально потонувшем после многодневной вьюги в снегу, — пушистая заметь доходила до самого верха заплота, — всюю праздновали святки¹. Парни и девушки после обеда собирались на берегу Глухоманки на игрища, на которых молодняк украдкой присматривал себе пару для помолвки. Здесь они прогуливались, барахтались в сугробах, катались с ледяных покатушек. При этом ребята нарочно опрокидывали санки на спуске и как бы нечаянно прижимались к приглянувшейся девице.

¹ Святки — период от Рождества Христова (7 января) до Крещения (19 января).

А вечерами на утоптанной полянке у ворот, под приглядом старших, водили хороводы, сопровождавшиеся кружковыми песнями. Большинство из них имело поцелуйную концовку. По кругу двигались неторопливо, чтоб не нарушать запрет на плясания.

В эту самую пору к скиту подъезжал дядя Корнея — Бюэн, крепкий, несмотря на свои шестьдесят лет, эвенк со смуглым, прокаленным морозом лицом. На нем чем-то инородным смотрелись опущенные белым инеем густые брови и ресницы. За спиной болталась старенькая берданка 28-го калибра. Сильно поношенная меховая парка и потертые штаны из сыромятной кожи говорили не о бедности, а о том, что этот человек просто мало придает значения своей одежде, все время и все силы отдавая работе.

Приехал Бюэн на четырех упитанных, привязанных друг к другу ременными поводками быках, три из которых были комолыми — уже сбросили рога до весны. На первом — сам, второй с вьюками: палатка, меховой спальный мешок, продукты, котелок, чайник. И два оленя с тяжелыми сумами.

Молодежь как ветром сдуло: умчались в скит известить о чужаке. Бюэн, не обращая внимания на яростный лай собак, спешился, потянулся, разминая суставы, и стал устанавливать прямо у ворот свою походную палатку. Калитка отворилась, и к нему вышли бородатые мужики.

— Дорова, Елисей! Узнавал? Это я, Бюэн. Ты не ехал, сам ехал. Гостинцы привез, соль привез. Бери, видишь — много готовил, — с трудом двигая замерзшими губами, проговорил эвенк, указывая на груз.

Елисей, признав шуряка, с радостными возгласами обнял его. Отправив Корнея за матерью, сам побежал к наставнику испросить дозволения принять гостя. Григорий посопел, но не отказал. Когда вернулся, счастливая Ольга висела на шее брата:

— Как там наши?

— Хорошо, много хорошо.

Корней уже освободил уставших животных от вьюков и увел их на малоснежную сторону заплота в ельник. Проголодавшиеся олени тут же обсту-

пили деревья и стали жадно отрывать сильными губами свисающие с ветвей и ствола космы лишайника.

Кочевника провели в дом, усадили за стол. Изосим, слышавший много рассказов о бабанином брате, с интересом разглядывал его. Темные, как безлунная ночь, волосы, слегка побеленные изморозью седины, спадали на широкие плечи, отчего голова по форме походила на чум.

Хотя Бюэн не очень хорошо изъяснялся на русском — подзабыл, с помощью Ольги узнали, что эвенкийской родне срочно требуется помощь: оленей в их стаде косила таинственная болезнь — каждый день умирало два-три орона.

— Наш шаман камланил — олень все равно умирай. Корней — сильный шаман, хорошо лечил.

Елисей с Ольгой понимали, что значит роду остаться без стада. Олень — главная опора эвенка в тайге. Неприхотливый к пище (мхи да лишайники), он, к тому же, непревзойденный ходок по бездорожью. Для него не страшны ни снег, ни болотистые мари — выручают необычайно широкие копыта. Туловище северного оленя удлиненное, шея, из-за густой гривы, кажется непропорционально толстой, ноги довольно короткие. Тело, включая морду, вместе с носом, сплошь покрыто шерстью. Все это придает оленям немного неуклюжий вид. Впрочем, эти животные способны и на стремительный галоп.

— Всё ясно — оленей надо спасать, — произнес Елисей. — Агирча, помнится, всегда говорил: «Жив олень — жив эвенк». Пойду к Григорию, думаю, отпустит. Ты, Корней, пока собирайся, — велел он сыну.

— Верно понимай. Твоё слово сладко. Олень умирай — мы умирай. Олень кормит, греет, возит, — радостно закивал Бюэн.

— Тятя, испроси дозволение и на Изосима, — крикнул вдогонку Корней.

Выезжать следовало как можно быстрее. Для спешки была еще одна причина: Бюэн обещал топографам, работавшим прошедшим летом в их районе, пригнать к устью реки Быстрой к 15 марта шестьдесят оленей и девять

нарт. Из них четыре грузовые. И оттуда вести отряд со снаряжением и продуктами на север, к Пикам — месту полевых работ. Эвенк дал согласие до конца полевого сезона управляться с оленями, кашеварить и смотреть за лагерем, когда топографы будут на съемке местности.

Через час все было готово к отъезду, но по настоянию самого же Корнея задержались, чтобы в полночь, на Крещение, набрать из проруби освященной воды, приобретающей противонедужные свойства.

Груз разложили в кожаные сумы. В отдельную Корней тщательно упаковал мешочки с травами и корешками, дедовы лечебники, в которых расписаны составы зелий от многих хворей. Подпругами из сыромятной кожи крепко притянули сумы к шерстистым бокам оленей. У ездовых на спинах лежали по две подушечки — маленькие седла без стремян. Эвенк, ловко запрыгнув на своего быка, не дожидаясь пока усядутся Корней с сыном, повел крохотный караван, оглашая округу криками «От! От!». Изосим, впервые ехавший верхом на олене, пока принаравливался, несколько раз падал: шкура оленя ходила, как рубашка на теле, и парнишка скатывался с гладкой шерсти.

* * *

Разлохмаченные хвосты дыма, тянущиеся вдоль подножья Дальних гор, указали на местоположение стойбища. Переехав покрытую торосами речку, сквозь деревья увидели и сам стан вольных кочевников, раскинувшийся на ровной, как стол, террасе. Низкое, но яркое солнце хорошо освещало покрытые шкурами островерхие чумы, из дымовых отверстий которых выступали прокопченные концы остова. Между жилищами стояли пустые и груженные нарты с запасными жердями, тюками. На одной из них, в меховом мешке, посапывал малыш. Он завозился и подал требовательный голос. Краснощекая мать, чумахая от копоти очага, в широченной юбке и длинных шароварах, заправленных в лосевые унты, расшитые цветистым орнаментом, выбежала и сменила под малышом подстилку: мох пополам с оленьей шерстью. Ребенок успокоился и вновь сладко засопел. С дальнего края стойбища неслись смех,

веселые крики и визги одетой в теплые кухлянки детворы. Здесь, в глуши буреломных лесов, люди сохранили чистоту эвенкийского типа. Лица круглые, чуточку плоские, с узким разрезом глаз.

Еще дальше густилось стадо. Над ним колыхались остроконечные ветвистые рога оленух — они сбрасывают их позже быков, после отела, когда оленята немного подрастут.

Эвенки заселяют огромную территорию от реки Обь до берегов Охотского моря с незапамятных времен. Постоянная борьба за жизнь, лишения, суровый климат сделали этот народ необычайно приспособленным к жизни в лесах. Изолированные от внешнего мира обширными малолюдными пространствами непроходимой тайги, они в течение длительного времени развивались вне влияния цивилизации, сохранив самобытность своей культуры.

Сейчас на поляне, искрящейся от крупных кристаллов промороженного снега, в круг стояло шесть больших чумов, покрытых двумя слоями оленьих шкур: внутренний слой — мехом внутрь, внешний — мехом наружу. Летом чумы покрывают сшитыми полосами бересты.

Ветерок донес возбуждающий аппетит аромат — женщины варили оленину. Небольшие, остромордые псы, увидев, что Бюэн не один, выскочили из общих, на три-четыре собаки, «гнезд», усталых для тепла сухой травой, и с заливистым лаем помчались навстречу — знакомиться. Не часто приходят к ним новые люди, и нигде гость не бывает таким желанным, как в этих малонаселенных местах.

Корней радовался тому, что хозяйство деда заметно разрослось. Агирча с Бюэном, единственным сыном, из года в год увеличивали стадо. Когда сестры выходили замуж, а их у Бюэна, кроме Ольги, было еще три, они с мужьями — все из рода Сапкара — вопреки традиции, перебирались в стойбище отца и вместе вели хозяйство. Агирча очень гордился, что сыновья Сапкара после свадьбы перешли жить к нему: теперь он глава большого рода и имеет самое многочисленное стадо в округе. Он даже не знал, сколько в нем оленей, и когда спрашивали, отвечал: «Сколько на небе дырок».

Обиженный Сапкар долго дулся, но когда померла жена, сам приехал к Агирче и сказал: «Жену потерял — потух костер, давай вместе оленей гонять». «Огонь не имеет конца, если рядом друг», — согласился Агирча.

С тех пор, даже после смерти Агтрчи и Сапкара, так и продолжали жить одним общим родом.

— Перед кочевкой к верхним людям отец нас собирал и сказал: «Род силен, когда все вместе, — от одной ветки нет огня, от двух мало-мало теплится. Положи несколько — горит жаркий костер. Он всех согреет. Живите дружно», — пояснил Бюэн.

— А как мой друг Хэгды поживает? Он тоже с вами? — спросил Корней.

— Хэгды вместе с Сапкаром к нам ехал. Однако мало с нами жил — провалился зимой речка, быстро ушел.

В чуме Бюэна всем хозяйством управляла его жена Ирбэдэ — худая, суровая эвенкийка. Когда она наклонялась, в ее иссиня-черных косах звенели серебряные подвески. Ирбэдэ готовила пищу, колола дрова, поддерживала огонь, приносила воду, шила, убиралась, выбивала и сушила на высоких колыях возле чума меховую одежду, доила оленух, разбирала и ставила при перекочевках чум. Бюэн же с сыновьями пасли стадо, охраняли его день и ночь, в дождь и метель от волчьих стай и занимались охотой.

Корнея в стойбище помнили. Изосиму было приятно видеть, с каким почтением относятся к его отцу. Когда подъехали к чумам, все вышли встречать. Один из сыновей Сапкара, обнимая дорогого гостя, сказал:

— Ухо далеко про тебя слышало, потому глаз так хочет видеть.

Их усадили за низенькие столики, на подушки, накрытые пестрыми круглыми ковриками — кумланами, сшитыми из разноцветных обрезков ткани. (Женщины перед этим аккуратно скрутили к прокопченным шестам покрывавшие «пол» шкуры и на освободившееся место поставили столики).

Приятно после мороза и колючего ветра оказаться в тепле, под защитой непроницаемых для них стен из оленьих шкур. Чум Бюэна был исключительным по своей величине. В нем могло одновременно устанавливаться три

спальни-полога! Сейчас два из них проветривались, вымораживались от влаги на солнце.

Изосим впервые видел такую «спальню» и с интересом разглядывал ее устройство. Она была сшита из оленьих шкур и натянута на деревянный каркас мехом внутрь. Этот довольно объемный меховой ящик прекрасно держит тепло, и в нем можно спать в одной рубашке даже в самые сильные холода.

Высота полога невелика — стоять можно лишь на коленях. Пол тоже устлан шкурами. У изголовья примитивный жировик — каменная чаша, в которую налит топленый жир, с прядкой мха у края — фитиль. Он горит слабым, уютным, не мешающим спать светом. Днем полог выносят из чума. Выворачивают и выбивают колотушками из оленьих рогов. Колотят и сушат долго — до тех пор, пока не удалят из шкур не только мусор, но и влагу.

Прежде чем начать угощение, хозяйка помыла лицо и руки, прыскавая воду изо рта. Первым подали разогретую, прокопченную на ольховом дыму, оленью колбасу из кишок, заполненных мясом, жиром, кедровыми орешками. Пока лакомились ею, в котле сварилось мясо молодого оленя. Его мелко нарубили, посыпали сушеной черемшой и подали на деревянных подносах.

Во время трапезы в чум время от времени просовывали головы собаки — клянчили подачи со стола. Хозяйка молча собрала и высыпала на снег груды костей. Растащив их по стойбищу, псы принялись за любимое дело — глодать мосолыжки. Но один пес так и остался сидеть у входа, чуть склонив голову набок. Он жадно вдыхал восхитительные ароматы, сочащиеся сквозь щелку. Иногда от наслаждения закрывал глаза. Тонкие струйки слюны тянулись и падали на снег из уголков его полураскрытой пасти. Когда из котла достали очередные дымящиеся куски мяса и волна запаха достигла его носа, пес аж придвинулся поближе. Глаза хмельно загорелись, хвост от возбуждения забил по земле. Опыяненный чарующим ароматом, он поднял морду и в исступлении заскулил.

— Всегда так. Кость не грызет, от запаха ум теряет, — прокомментировал Бюэн.

Доев оленину, вытерли жирные пальцы о чистые полоски шкур и принялись за дуктэми — эвенкийское лакомство приготовляемое из свежей, подсушенной над костром, рыбы. Его подают самым дорогим гостям. Перед употреблением дуктэми припорошивают костной мукой и поливают рыбьим жиром.

Изосим, впервые оказавшийся среди эвенков, не столько ел, сколько во все глаза смотрел на происходящее. Вслушивался в неторопливый, пока малопонятный, гортанный говор кочевников. Ему, правда, не нравилось, что в чуме было дымно, душно и кисло пахло прелой кожей. Но он с интересом наблюдал, как соловеют от сытости эвенки. Их лица становились все более добродушными, на губах, блестящих от жира, заиграли блаженные улыбки. На шее у Бюэна желтыми полосками лоснился натекший с губ жир.

Приученный к чистоте скитник поеживался. Сам он, как и отец, ел быстро, но аккуратно, бережно смахивая крошки в ладонь. Мать с детства учила: «Кто ест скоро — тот и работает скоро».

Обжигаяще горячий чай принесли на маленьком деревянном столике. К нему вместе с лепешками подали колобок масла, взбитого из густого оленьего молока, и ихалх — сливки.

Эвенки большие мастера поддерживать экономное пламя в камельке¹ так, чтобы кипятик не остывал. Поэтому чайник у них всегда готов.

Пили долго, не торопясь, громко втягивая горячий напиток, с наслаждением смакуя каждый глоток, щурясь от удовольствия. Залив мясо чаем, эвенки раскурили трубки. Вскоре табачный дым обволок людей сизым туманом. Староверы морщились, но из деликатности терпели.

— У вас все такое необычное и вкусное! — похвалил Корней. — Однако лишка уже. От обильной трапезы плоть пухнет, а дух слабнет.

— Много ешь — дух добрый! — несогласно покачал головой Бюэн. — Еда надо люби, как жена. Языком гладь, тихо глотай. Не будешь люби — духи еда забирай.

¹ Камелёк — небольшой очаг для обогреваемого чума, юрты.

— Еда силу дает, — подражая взрослым, важно добавил Вакэ, средний сын Бюэна.

— Однако много есть вредно, — стоял на своем Корней.

Бюэн с сомнением покачал головой, но спорить не стал.

За стенкой чума заскрипел снег, занялись собаки. Это на широких, оклеенных камусом лыжах, подъехал старший сын Бюэна — Орон, который с женой и двумя детьми-погодками, четырех и пяти лет, жил с родителями. Радужно всех поприветствовав, он снял меховую куртку, и, усевшись у очага, принялся разделывать тушку зайца, рассказывая отцу, что во время его отлучки приезжали из исполкома и уговаривали перейти на оседлое жительство в деревянную избу возле какой-то культбазы. Убеждали, что в избе тепло и голодать никто не будет — продукты там дают по нарядке. Детей учат говорить буквы и из бумаги про все узнавать.

— Что ты говорил исполкому? — полюбопытствовал Бюэн.

— Говорил: «Эвенк не может без кочевков. И едим мы мясо, а не нарядку. Оленя учить надо, собаку — надо, а человека зачем учить? Человек и так умный. Не поедем! В чуме жить будем».

— Правильно сказал. Изба эвенку, что клетка — умирай быстро. Эвенка учить исполком не может, исполком не знай, как тундра жить, как олень пасти, как чум ставить. Чему учи? Как он ходи, как он живи? Эвенк не может живи, как большевик. Эвенк умирай такой жизнь.

— Когда уезжал, шибко злой был. Сказал: «Ты не эвенк, ты кулак. На тебя упряжку найду». Отец, он что, из нас оленей хочет делать?

Бюэн расстроился.

— Эвенк не будет олень. Такой позор наш род не надо. Уходить надо. Далеко уходить. Пусть исполком сам оленем будет.

— Еще шаман Оргуней приезжал. Духов звал. Ругал, что ты поехал лучу¹ звать. Сказал, что большевики скоро всех шаманов убьют. Тогда жизнь кончится.

¹ Луча — русский.

— Жадная ворона много каркает. Десять оленей дали — не лечил. Луча хорошо лечит, олень не просит.

* * *

Запущенная болезнь отступала с трудом. Ослабевшие животные, особенно быки, продолжали умирать.

Корней нервничал, а Изосим, напротив, втайне даже радовался тому, что задерживаются. Жизнь в стойбище ему всё больше нравилось. Он легко осваивал язык, перезнакомился и подружился со сверстниками. Играл вместе с ними, смотрел за стадом, ходил на охоту. Особенно привязался к Вискэ. Несмотря на разницу в возрасте (Вискэ 17 лет, Изосиму недавно исполнилось 14), между ними сразу возникло взаимопонимание.

Ирбэдэ не могла есть жирную оленину, и ребята ходили за тетеревами — у них мясо постное. Молодой эвенк охотился не с ружьем, а с луком, доставшимся от деда. Искусству стрельбы его обучал Хэгды, когда еще был жив.

Большой, почти в рост, лук для упругости был оклеен оленьими сухожилиями. Напряжение тетивы было столь велико, что она звенела от малейшего прикосновения. Оттянуть такую тугую тетиву непросто, зато и стрелу она посылает на высоту парящего орла.

На пояс Вискэ вешал красиво вышитый колчан со стрелами. Острые наконечники выкованы из гвоздя. Хвостовое оперение сделано так, что в полете стрела начинает вращаться, будто пуля, вылетевшая из ствола нарезного оружия. Это придавало ей идеальную устойчивость.

Неслышно ступая мягкими ичигами — легкими кожаными сапогами, перехваченными сыромятными ремешками по голенищу, Вискэ умел тихо подойти к любой дичи.

Изосим в первый же выход понял, почему он предпочитает промышлять луком, — от ружья много шума. А с луком тетеревов сколько надо, столько и настреляешь: птицы шею вытянут, посмотрят, куда сосед упал, и продолжают кормиться дальше.

Изосиму тоже нашли лук, правда поменьше. Он бил слабее, и мальчику приходилось подходить к тетеревам поближе. Из-за этого тетерева порой пугались и отлетали вглубь леса.

Но ребята не только охотились. Они помогали и по хозяйству. Много времени занимала подготовка деталей для нарт: обтесывали березовые жерди для полозьев, нарезали тальник, вырубали копылья — стойки. Потом взрослые все это использовали при сборке лесных саней.

На двух широких, круто загнутых с одного конца полозьях устанавливали копылья, стойки, соединенные поперечинами из тальника. Спереди их стягивали дугой — бараном (тоже из тальника). В эвенкийских нартах нет ни одного гвоздя — все связано полосками сыромятины. Нарты получаются легкие и прочные.

Упряжь для оленей мастерили женщины. Она устроена предельно просто: широкая ременная петля надевается оленю на шею, пропускается под ногой и, через баран, возвращается к другому орому. Если один из оленей тянет не в полную силу, второй, добросовестный, сейчас же оттягивает ремень вперед, и лентяй попадает ногами под нарты. Поэтому оба вынуждены тянуть на равных. У оронов очень ветвистые рога и чтобы не цеплять напарника и деревья, у ездовых их укорачивают пилой наполовину.

Готовя Бюэна к экспедиции, обитатели стойбища работали, не покладая рук. Они понимали, что если выполнят все условия договора с топографической партией, то род может хорошо заработать.

* * *

Перед сном, когда Ирбэдэ закуривала длинную трубку, вырезанную из мамонтовой кости, внуки начинали крутиться вокруг и просить:

— Расскажи, бабушка, сказку. Расскажи!

— Кыш, кыш, комары, налетели на старуху. Вот я вас прутом!

Дети смеялись и опять просили: «Расскажи, хоть одну». Они знали, что у бабушки в памяти их такое множество, что и до утра хватит.

— Ну, ладно, слушайте, ума набирайтесь. Меня, старую, потом вспоминайте. Расскажу вам я про умного охотника и глупого медведя.

Малыши поближе придвигались к бабушке. Изосим и Васкэ, хоть и были уже большими, тоже подсаживались.

Ирбэдэ глубоко затягивалась и, выпустив струю дыма, начинала повествование:

«Шел по тайге старый охотник. Смотрит, лежит медведь и стонет: деревом его придавило. Обрадовался охотник — большая добыча! А медведь говорит ему:

— Лежачего не бьют!

Подумал охотник и согласился — дерево убрал, медведя спас. А медведь бросился на охотника и давай его душить.

— Ты что же, за добро злом платишь?

— За добро всегда платят злом! Ты что, не знал?

— погоди, медведь, давай спросим встречного. Каждый скажет: за добро платят добром.

Пошли они по тайге, а навстречу им идет старуха. Платье в заплатках, ичиги рваные.

— Скажи, бабушка, чем платить надо за добро — добром или злом?

— Злом, злом, — закричала сердито старуха. — Вот я работала у тойона, старалась, а когда ослабла, состарилась, он выгнал меня — хожу теперь подбираюсь!

— Слышал?! — обрадовался медведь и еще сильнее стал душить охотника.

— Постой, давай спросим у высоко сидящего, — простонал охотник.

— Скажи, дятел, чем за добро надо платить — добром или злом?

А дятел не обращает внимания. По-прежнему сидит на дереве и долбит, только щепки летят. Охотник и говорит медведю:

— Дятел плохо слышит, надо нам показать ему, как дело было.

Лег медведь, и охотник тут же придавил его толстым стволом. Медведь заохал:

— Что так стараешься? И так видно, как было.

— Пусть так и дальше будет, — засмеялся охотник.

Хотел медведь подняться, а дерево тяжелое — не пускает.

— Нехорошо ты поступаешь, человек, убери дерево, хватит — отпусти!

— Нет, — ответил охотник, — полежи, подумай хорошенько, чем надо за добро платить — добром или злом? — и ушел домой».

— Так ему и надо, — сказала младшая внучка Инэка. С ней все согласились и радовались, что охотник так умно наказал неблагодарного хомоты.

Окончила бабушка сказку и стала собираться спать.

— Бабушка, ну еще хоть одну, самую короткую.

— Устала я.

— Ну, пожалуйста, расскажи, — хором заканючили дети.

— Ладно, расскажу про песца и зайца. Только больше не просите...

«Песец и заяц, оба белые и пушистые, как братья, дружно жили в одной норе, а на охоту ходили в разные стороны. Песец как-то спросил зайца:

— Скажи, что ты ешь?

— Ем траву, тальник, кору осины, — ответил заяц. — А ты что ешь?

— Я ловлю мышей и птиц. Пойдем со мной на охоту, будешь есть мою пищу.

— Нет, у меня чистые зубы, не буду пачкаться кровью.

Осерчал песец на зайца.

— Трусишка ты, а я-то думал — настоящий охотник. Уходи от меня, больше не попадайся — съем!

Испугался заяц, убежал.

Собрал песец свою родню, хвалится:

— Зайчишку-трусишку я выгнал из своего дома — плохим он оказался охотником!

— Хорошо ли ты поступил? Не прогневать бы хозяина тайги. Надо его спросить.

Пошли песцы к медведю, а заяц уже там, жалуется.

Медведь спрашивает:

— Почему ссоритесь? Оба одинаково белые, живите дружно, как братья!

Песец ответил:

— Он плохой охотник. Посмотри на его зубы.

Косолапый поднял зайца одной лапой за уши, а второй верхнюю губу старается задрать, чтобы зубы посмотреть — разорвал ее. Кинулся бедный заяц убежать, да медведь лапой за хвост поймал. Дернул заяц — хвост и оторвался. Прячется теперь перепуганный заяц по тальникам. С тех пор уши у него длинные, верхняя губа раздвоенная, хвост совсем короткий».

Ребята посмеялись и довольные легли спать.

* * *

Наконец настал день, когда Корней вздохнул облегченно — перестал хромать, спотыкаться последний орон. На стадо теперь приятно было посмотреть: упитанные, с лоснящимися боками, красавцы. Над широко раскинувшимся по заснеженному пастбищу шерстистым ковром стоял веселый перестук ветвистых рогов оленух (быки сбросили рога еще в конце осени, после гона).

Вот, исполняя команду Бюэна, к оленям подбежали со стороны реки три собаки и с лаем погнали их на свежую, с нетронутым ягелем, марь. Живая лавина тотчас хлынула, пощелкивая копытцами, вдоль края леса на новый выпас. Передние летели, словно ветер, вытянув длинные шеи. Копыта едва касались земли, только снег разлетался брызгами во все стороны да выдуваемый из ноздрей густой пар легким облаком окутывал стадо. Нет в этом суровом крае более быстрого и более приспособленного к местным условиям животного, нежели северный олень.

Убедившись, что болезнь побеждена, Корней сказал сыну:

— Собирайся. Завтра домой.

Заметив, как скуксился Изосим, отец невольно вспомнил то время, когда ему посчастливилось прожить в стойбище целый год:

— Что пригорюнился? Неужто не соскучился по дому?

— Тута, тятя, не заскучаешь.

— Небось, остаться хочешь?

Изосим встрепенулся:

— А можно?

— Ладно уж, погости еще. Только без меня не своенравничай, слушайся старших, — пряча улыбку, ответил отец, знавший что поздней осенью опять приедет в стойбище.

Дело в том, что варлаамовцам всегда по душе была одежда из легкого оленьего меха. Мягкий, не скатывающийся и необычайно теплый за счет трубчатой полости внутри волос, он как будто специально создан для суровых якутских зим. К тому же в него не набивается снежная пыль и мех остается всегда сухим. Поэтому Корней сговорился с Бюэном, что осенью, после забоя, эвенки сошьют из шкур молодых олешек унты и меховую одежду для скитских, а он ближе к зиме приедет и заберет ее.

Прощаясь с Корнеем, Бюэн напутствовал:

— Пусть твоя тропа будет чистой и чаще пересекает нашу. Аят бикэллу!¹

— А олени больше не хворают, — добавил лекарь.

* * *

Помощником для работы в топографической партии Бюэн решил взять Васкэ. Чтобы не разлучать друзей, он предложил Изосиму:

— Идем с нами. Будем костер сидеть, жирный мясо есть, чай пить. Что бывает лучше?!

— А это надолго?

¹ Аят бикэллу (эвенк.) — до свидания.

— До молодого льда. Когда отец приедет.

— Тогда можно, — обрадовался паренек.

ТАЕЖНЫЙ «ГАРНИЗОН»

1924 год.

Нескольким горсткам отчаянных рубак, в том числе остаткам отряда подполковника Лосева, после разгрома красными добровольческой дружины генерала Пепеляева, удалось укрыться в малодоступной глухомани Восточной Якутии.

Красноармейцы долго гонялись по их пятам, но, великолепно ориентирующиеся в тайге Иван Дубов и Федот Шалый увели отряд через мари и болота в такую глушь, что преследователи потеряли их след. Даже кочующие оленные эвенки — и те не имели представления, где тот отряд и что стало с его бойцами. Замерзли ли в трескучие морозы или утонули на порогах? Заела ли мошкара или умерли от истощения? Только остроглазый беркут знал о том...

* * *

Гарнизон, состоящий из двенадцати человек (восьми офицеров и четырех казаков) укрылся в буреломном распадке, неподалеку от горячего источника, напористой струей бьющего из-под обомшелого валуна, метко нареченного Шалым «Бараний лоб». Вода в нем слегка отдавала протухшими яйцами, но на вкус была довольно приятна. Жили в двух полуземлянках, вырытых на бугре.

Зимой в морозы источник обильно парил, и ближние деревья опушались густым игольчатым инеем. Земля и камни вокруг него всегда были теплыми. Особенно заметно это было зимой: кругом бело, а вдоль истока ключа кое-где даже травка проглядывает. Первое время мылись прямо в нем. Потом,

обожавшие баню казаки, не поленились, выкопали в откосе прямо у ручья еще одну небольшую землянку и, натаскав туда кучу валунов, устроили в ней замечательную парилку.

Для лошадей соорудили подобие конюшни: каркас из жердей, густо заплетенный лапником.

Окрестные горы покрывал кондовый лес. Преобладала лиственница, перемежавшаяся с вкраплениями более темного кедра. Повыше склон сплошь в высоких свечах мрачных елей. К ним спускаются зелеными разводьями языки кедрового стланика, а на самом верху простираются безжизненные поля курумника¹, пронзенные кое-где острозубыми скалами.

Поначалу крохотный военный гарнизон насчитывал пятнадцать человек. В первый же год по недосмотру двое угорели в парилке. При углях зашли и заснули: один на полке, второй у выхода. К числу банных потерь можно отнести и несчастный случай с Лосевым. Когда на камни плеснули воды, раскаленный валун стрельнул, и острый осколок вонзился подполковнику прямо в глаз.

А зимой 1925 года потеряли хорунжего² Соболева — мощного, словно скрученного из тугих мускулов, молодого офицера. Охотясь в горах, он сорвался с карниза и сломал позвоночник. Хорунжий был необычайно гордым и самолюбивым человеком. Это его и подвело — постеснялся ночью разбудить товарищей для исполнения естественной нужды. К утру в землянке стояла нестерпимая вонь.

— Что за дела! Спишь, как в гальяуне! — зло процедил сквозь зубы мичман Темный, худощавый, высокий моряк. Ему было около тридцати, но из-за грубых черт лица и звероватой походки, он казался старше. В его манере говорить сквозила резкость и строптивость характера.

— Господин мичман, как вам не стыдно! — одернул его Лосев.

¹ Курумник — каменистая, зачастую подвижная, осыпь.

² Хорунжий — офицерское звание в казачьих войсках, соответствует званиям корнет в кавалерии, прапорщик — в пехоте.

— Под ноги смотреть надо, когда по горам ходишь, — вспыхнул мичман.
— И довольно морали читать. Из-за головотяпства одного страдают все.

Хорунжий, совесть свою невольной оплошности, жалуясь, покрылся красными пятнами. Не желая быть обузой для товарищей и терпеть унижения от мичмана, он ночью, скрежеща зубами от нестерпимой боли, раздирая в кровь руки, сумел вылезти из землянки. Когда утром хватились, было поздно — раздетый офицер промерз уже насквозь.

Его смерть послужила толчком для новой стычки. Надо сказать, что первое время ссорились вообще часто: у каждого был свой характер, свой взгляд на то, как быть дальше. Одни возмущались, особенно яростно мичман:

— Сколько будем отсиживаться? Чего ждем? Во время войны с Наполеоном партизаны вон какой урон врагу наносили. А мы что, оружие в руках держать разучились? Все одно — тут передохнем! Кто раньше, кто позже. Так лучше пару-тройку красных с собой прихватить, чем гнить здесь.

Другие сомневались. Самый молодой из них, еще безусый юнкер Хлебников, например, предлагал:

— Господа, надо попытаться узнать, что в мире творится. Вдруг амнистия объявлена?

— Может, и объявлена, да волк никогда собакой не станет. Тихо сидеть надо, — возражал ротмистр Пастухов.

— Трус вы, господин ротмистр, а не офицер! Тени своей боитесь! — презрительно сплюнул мичман Темный.

— Молокосос! Как ты смеешь меня в трусости обвинять? Что ты мог на своем флоте видеть? Хоть раз в рукопашную ходил?! — рассвирепевший Пастухов, сжав кулаки, придвинулся к обидчику.

— Ну давай, гад, посмотрю, каков ты в деле, — вконец озлобившись, мичман принял боксерскую стойку.

Подполковник, видя, что назревает потасовка, решительно встал между ними:

— Господа, успокойтесь! Нам действительно нужно разведать, что вокруг творится. Но куда зимой? Перемерзнем в наших обносках. Да и следы выдадут. Весны дождаться надо. Как лес зазеленеет, отправим разведку. Вы, мичман, у нас самый резвый, вот и готовьтесь, — сказал Лосев и, как бы ставя точку, примирительно похлопал его по плечу.

Напряжение спало. Разговор перекинулся на хозяйственные темы. Авторитет Олега Федоровича Лосева был неоспорим. Непреклонная воля, светящаяся в его глазах, ломала встречные взгляды, сдерживала людей от брани. Улыбался он редко. И весь был холодно-сдержан, скуп на слова.

* * *

После Рождества, как нарочно, установилась небывалая даже для этих мест стужа. Вроде и тайга не истощена промыслом, а дичь будто вымерла — на снегу ни следочка! Лишь один угольно-черный ворон, украшенный заиндевевшими бакенбардами, изредка пролетал над гарнизоном, оглашая зловещим карканьем застывшее пространство. В морозной стыни был отчетливо слышен шелест размеренных взмахов его жестких крыльев.

Намучились изрядно: голодали, мерзли. Вылезешь из землянки — кажется, не вдохнешь. А вдохнешь, так все внутри замирает. Лицо покрывается коркой, губы трескаются. Моргнуть и то больно. Веки, словно заржавевшие створки, еле раскрываются. Спасались тем, что топили круглые сутки. Дрова приходилось готовить постоянно. Как выяснилось, необычайно плотная древесина лиственницы зимой почти не содержит воды и, попав в печь, горит, как смолистая сухара¹, поэтому старались заготавливать именно ее.

Пока пилишь чурки, колешь их на поленья, руки и ноги успевают промерзнуть так, что, по возвращении в жарко натопленную землянку, отходя от стылости, начинаешь выть и корчиться на нарах от нестерпимой боли.

В марте объявилась новая напасть. В офицерской землянке из пола стала сочиться вода. И чем жарче топили, тем сильнее. Встанешь с нар — ноги по

¹ Сухара — высушенный добела ствол дерева.

щиколотку в воде. Ладно, хозяйственные казаки сообразили и покрыли земляной пол настилом из плах.

Чтобы не помереть с голоду, ели павших от бескормицы и холода лошадей. Последней, несмотря на особый уход, пала кобыла ротмистра. Он засыпал боевую подругу снегом и долго не разрешал ее трогать. Но когда у товарищей стали пухнуть от голода ноги, сам первый отрубил и принес в землянку куски конины. Так, благодаря Фросе, дотянули до тепла.

Лишь только начал сползать снег, наладились собирать на проталинах кедровые шишки, на ближней болотине — прошлогоднюю клюкву.

Когда деревья выпустили листья, мичман напомнил Лосеву об обещанной разведке. Подполковник не рискнул отпустить его одного. Отправил в паре с младшим урядником Шалым.

* * *

Вернулись лазутчики на удивление быстро — на пятый день, и не одни. Привели с собой бродячего торговца — улыбчивого якута Василия Сафронова с круглым, смуглым, словно прокопченным, лицом и едва видными в узких щелочках маслянистыми глазками, с реденькой клиновидной бороденкой. Он перебивался тем, что объезжал одиноко кочующие семьи тунгусов на навьюченных ходовым товаром лошадаках и выменивал пушнину.

Разведчики встретились с ним случайно на таежной тропе. Слово за слово — разговорились. Сели вместе перекусить у костерка. Тертый якут сразу почуял в них союзников. Осторожно жалуясь на нынешнюю власть, убедился, что перед ним свои люди. Общение перешло в доверительное русло. Купец быстро сообразил, что дружба с отрезанными от мира белыми офицерами сулит хорошие барыши, и безбоязненно предложил им свою помощь, а взамен — мыть для него золотишко и промышлять пушнину.

Обитатели гарнизона повеселели — связь с якутом решала проблемы, связанные с нехваткой инструмента, посуды, мануфактуры. А сейчас они, пользуясь щедростью купца, наслаждались забытым вкусом сахара и суха-

рей. От него узнали, что до ближайшего поселения — его родного улуса, пять дней пути; что других поселений в округе нет, что красные выжимают из народа последние соки и лютуют: недавно расстреляли троих белопартизан Артемьева.

Стало очевидно, что пока лучше никуда не соваться. Зато в окрестностях гарнизона им опасаться некого и на охоту можно ходить спокойно.

Неугомонный мичман уже на следующее утро отправился вниз по ключу и через пару часов вышел к речке. Увидев, что она буквально кишит рыбой, недолго думая сплел из ивы с пяток «морд» и расставил в узких протоках. С того дня рыба в гарнизоне не переводилась. Запеченные на углях тугие хариусы и ленки в собственном соку (каждого заворачивали в несколько листов лопуха или обмазывали глиной) разнообразили стол и были поистине царским деликатесом. А уж какой наваристой получалась уха!

Непонятно откуда набежали олени. В верхнем поясе гор появились снежные бараны. Жизнь налаживалась.

Промышлять круторогов на безлесых гольцах было сложно — открытые склоны просматривались насквозь. Но и тут вскоре подфартило: выслеживая баранов, ротмистр Пастухов обнаружил солонец. Он оказался совсем близко — всего в двух верстах от гарнизона. Вязкая, темно-серая почва была сплошь истоптана копытцами животных. С той поры один — два барана по мере необходимости регулярно «перекочевывали» в гарнизонный ледник, устроенный на затененном склоне в вечной мерзлоте.

* * *

Однообразная, замкнутая жизнь, лишенная событий и впечатлений, состояла из дней, как две капли воды, похожих друг на друга. Некоторое разнообразие вносили лишь перемены в погоде, охота на зверя, а особенно — приход торговца. Такие дни запоминались и оставались в памяти долгими, почти как в детстве.

В какой-то степени разнообразили житье-бытье и вечерние душевные разговоры, начинавшиеся, как правило, сразу после трапезы. Они позволяли им почувствовать себя частицей пусть небольшого, но крепкого сообщества.

В такие вечера люди не только вспоминали о прожитом, но и пели полюбившиеся с армии песни, читали стихи. Один поручик Орлов редко подключался к общим беседам, но слушал внимательно, а потом уединялся и подолгу что-то писал.

Среди обитателей гарнизона оказался истинный сказитель — Федот Шалый. От деда, казака-старожильца, он знал много интересных историй про землепроходцев и промышленников, осваивавших Сибирь и нередко ставивших на кон не только свой капитал, но и живот. Кроме того, его память изобиловала разными забавными случаями из жизни местных князьков, оленеводов-кочевников.

Самой же частой темой разговоров были, конечно, до сих пор кровоточащие воспоминания о горьких поражениях и рассуждения — что делать дальше? Здесь позиции разделялись. Одни по-прежнему являлись сторонниками партизанской войны, другие не видели в ней смысла.

Через Василия Сафронова к ним доходили сведения, что в Нелькане и Аяне уже сами коренные жители под предводительством эвенкийских старейшин вместе с остатками неустрашимых белопартизан Артемьева подняли восстание и учредили Тунгусскую республику. Правда, просуществовала она всего несколько месяцев и была ликвидирована регулярными частями Красной Армии. Что один из видных якутских большевиков Ксенофонов, пережив революционную эйфорию и утратив иллюзии, организовал мощное антисоветское движение. Его вооруженные формирования взяли под свой контроль почти половину территории области, но и он не смог устоять против переброшенных сюда из Иркутска крупных армейских соединений.

К сожалению, а может, к счастью, в гарнизоне Лосева узнавали об этих событиях с большим опозданием, когда все они были уже в прошлом...

Сегодня подполковник, желая порадовать товарищей, ушедших встре-

чать якута, везущего для них большой груз, уже побывал на солонце и вернулся с добычей.

Сидеть в засаде долго не пришлось — с отрога по курумнику, цокая точеными копытцами по камням, спускался табунок овец с ягнятами. В их компании был единственный баран-трехлетка с довольно крупными, завитыми в кольца, ребристыми рогами. Лосев с интересом наблюдал, с какой жадностью животные набрасывались на глину: их головы буквально исчезали в глубоко вылизанных ямках.

Барашки забавно отмахивались задними ногами от комаров, тучей висящих над ними. В конце концов, не выдержав атак кровососов, животные засеменяли наверх, на продуваемые гребни. Замешкавшийся ягненок, привлекая внимание матери, звонко заблеял. Она тут же глухо отозвалась, и Лосев, наконец, вспомнил о цели своего прихода. Метким выстрелом свалил молодого круторога.

Вернувшись в лагерь и разделав с Дубовым тушу, уставший охотник вынул из-за пазухи обтянутую лоснившейся кожей баклагу со спиртом. Встряхнул — много ли? — и, отлив в кружку, развел водой. Поднеся ко рту, запрокинул голову и вылил содержимое прямо в глотку. При этом кадык ни разу не шелохнулся, лишь расправилась кожа на худом обветренном лице.

— Ишь, ты! — воскликнул восхищенный Иван, щеря крепкие широкие зубы. — Откель такая сноровка у вашбродь — пьете, не глотая?

— Я ж, Ваня, с 1904 года по фронтам. Там всему научат. Мой денщик говаривал: «Вода простор любит. Она не то что глотку, даже горы точит, а глотка что — она ж не каменная». Жаль, погиб нелепо... самурай сонному горло перерезал.

— Да уж! Не приведи Господь таку смертушку принять, ажно мороз по коже, — перекрестился могучий казак.

— Как же ты столько лет воевал, коли смерти так боишься?!

— Кто ж ее не боится? — рассудительно отозвался казак. — Чать, все бояться, а я и не жил ведь ишо. Да и любопытственно было знать — что дальше-то будет.

— Пожалуй, ты прав: смерти только дурак не боится. Если честно, Ваня, и я боюсь. Но есть такие понятия, как долг, присяга — нарушить их не могу. С кадетов¹ приучен. Обязанность у нас такая — стоять за Отечество верой и правдой. Звания «офицер русской армии» с меня никто не снимал. И мы, Ваня, даст бог, постоим еще за матушку Россию.

— Кто ж против, вашбродь. Мне-то ведь теперича и податься некуда — дом родительский голытьба в отместку сожгла... Да чем только воевать, ог-неприпасов-то совсем чуток... Вашбродь, а правду говорят, будто вы с генералом Пепеляевым дружили?

— Да нет. Хоть и с Германской вместе служили, стать друзьями как-то не довелось. Тем не менее, знаю его довольно хорошо. А что тебя это так интересует?

— Сказывали мужики, будто стоящий командир был. Правда, али так болтают?

— Верно говорят. Человек он простой, солдат уважает, придерживается кодекса офицерской чести. Никогда не прибегал к такому позорному способу воздействия, как арест. Он видел в этом высшую обиду личности. Строгий, но справедливый командир. Солоно порой от него приходилось. Сам знаешь, в армии, особенно на войне, без дисциплины никак... Командуй он Восточным фронтом — может, и не случилось бы такого сокрушительного разгрома. И как человек — интересный, глубокий. Мне особенно запомнилось одно его выступление. Я его даже в свой дневник записал. Погоди, сейчас найду... Ага, вот, слушай:

«В своих поступках и решениях я исхожу из того, что мы — люди присяги, и если мы изменим ей, будет страшный хаос и кровь. А так хочется по-

¹ Кадет — учащийся среднего военно-учебного заведения для детей дворян и офицеров с 7-летним циклом.

меньше крови¹! Я взялся за оружие исключительно потому, что убежден, что при хозяйничаньи коммунистов народу погибнет больше, чем в организованной борьбе. Моя мечта — создать народно-революционную армию, освободить Сибирь, собрать Всесибирское народное собрание и передать всю власть представителям народа, а дальше — как они сами порешат. Я ненавижу месть, кровь, стремление к возврату старого режима. Мой идеал — возрождение старорусских вечевых начал, православия, национального достоинства».

— Да, видать по-всему, человек с толком, однакось красных не одолел, что-то не срослось... Жаль...

— Не горюй. Война — это тоже работа, а работа любит терпеливых. Всему свое время... Вань, я что-то притомился... Пожалуй прилягу. Как караван покажется, буди... Так говоришь, страшно умирать? А может, зря мы смерти страшимся? Ведь вся наша жизнь — это дорога к ней. Тело-то оно что — оболочка. Главное — душа. А она бессмертна — без плоти живет... Однако так хочется и в теле подольше ее удержать, да как? Вот вопрос! — задумчиво сказал Лосев, уходя.

Спустившись в землянку, освещенную двумя масляными светильниками, подполковник зашел в свой огороженный угол и помолился на небольшой трехстворчатый меднолитой складень, потемневший от времени. Устроившись на застеленных шкурами нарах, помассировал бедро в том месте, где покоилась немецкая пуля, укрылся заплатанной бекешей и свернулся по-детски калачиком. Сон не шел. Подполковник, как всегда в таких случаях, открыл в первом попавшемся месте томик Лермонтова и прочел:

*Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,*

¹ Тут уместно отметить, что Пепеляев никогда не расстреливал пленных. Он их отпускал с просьбой не воевать больше против него, а желающим предлагал перейти в его армию.

*Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья,
Цель упований и страстей?
Поведать — что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.*

«Как верно сказано! Словно про нас! И откуда у этого юнца такое глубокое понимание жизни?! Писал ведь практически мальчишкой. Эх, жаль, что так рано ушел. Поживи он наравне с Пушкиным, сколько бы еще бессмертных творений создал!.. Что-то ребятки припозднились... Может, Василий донес на нас? Хотя, какой ему резон себя подставлять?» — заскакали в голове подполковника беспорядочные мысли...

ПРИИСК «СЛУЧАЙНЫЙ»

1926 год.

Два месяца назад якут, доставив очередной товар, сообщил Лосеву, что его американские друзья из торговой фирмы «Олаф Свенсон» готовы протянуть им руку помощи. На складах полно оружия и обмундирования, завезенного еще в 1920 году. Американцы хотели бы передать все это людям, способным поднять население на борьбу с большевиками. Они заинтересованы в этом, так как Советы стали препятствовать их прибрежной торговле.

Василий сказал американцам, что он знает отряд офицеров с большим боевым опытом и пообещал переговорить с командиром.

Лосев выслушал купца с интересом, однако готовности возглавить мятеж не проявил. Он прекрасно понимал, что их гарнизон слишком мал для подобной цели. Однако опытный переговорщик Сафронов стал бить на то, что в народе растет недовольство политикой большевиков и очередное восстание неизбежно, но у якутов и тунгусов нет грамотных командиров, пото-

му большие потери неминуемы. Олег Федорович призадумался, решил обсудить предложение с соратниками.

Мичман Темный сразу загорелся:

— Такой шанс нельзя упускать! Мечтали оружие раздобыть, а тут оно само в руки просится! Если привлечь всех недовольных, то, наверняка, сформируем крупное соединение.

На офицеров и казаков как-то разом нахлынула ярая ненависть к большевикам, сделавшим их, всю жизнь честно стоявших на страже интересов Отечества, изгоями в собственной стране. Ротмистр, участвовавший в Крымской кампании, никак не мог забыть коварство и подлость председателя Реввоенсовета Троцкого, то бишь Бронштейна.

Когда их дивизия стойко держала оборону против наседавших красных, тот дал письменные заверения, что при сдаче в плен всем гарантируется жизнь, сохранение звания и беспрепятственное возвращение домой. Люди поверили — понимали, что Крым все равно уже не удержать. И что? Тех, кто сдался, — всех расстреляли. Девятнадцать тысяч лучших ратников! Девятнадцать тысяч! В живых остались единицы.

— Тогда в Севастополе мы поклялись отомстить этим жидам, организовавшим октябрьский переворот.

— Верно! Ввергли в хаос великую империю! Гнать их из России надо! — горячо поддержал статный, с белесыми бровями на гладко выбритом лице и мягкими, пшеничного цвета волосами, поручик Орлов.

— Господа офицеры¹, бросьте, — неожиданно вмешался штабс-капитан. — Я знаю среди них множество благородных и преданных России людей.

Пастухов подскочил к штабс-капитану Тинькову с потертой газетной осьмушкой и стал тыкать ею:

¹ В добровольческой дружине Пепеляева полагалось обращаться друг к другу «Брат подполковник, брат прапорщик и т.д.», но после её разгрома в отряде Лосева вернулись к привычному «Господин подполковник».

— Вот, почитайте, специально для таких, как вы, берегу. Тут опубликован закон, подписанный главой советского государства евреем Мошевичем Ешуа, то бишь Свердловым, еще 27 июля восемнадцатого года! Читайте: за непочтительное обращение к еврею — расстрел! Ясно? Нас, русских, можно расстреливать тысячами! А их не тронь!

— Говорят, что в правительстве большевиков почти нет русских! — добавил юнкер.

— Да и сам Ленин не пойми, кто. К тому же полжизни за границей неизвестно на чьи деньги прожил, а как почуял добычу — так вмиг объявился. И, несмотря на то, что царь сам отрекся от престола, расстрелял его с больным сыном на руках. Дочерей не пощадил, — продолжал наседать на Тинькова, словно наседка на тень коршуна, ротмистр.

— Уймись, господа!.. Все-таки, что ответим американцам? — произнес Лосев сдержанно.

Набычившийся ротмистр, бормоча ругательства, отошел. Его левая щека нервно дергалась — верный признак приближающегося приступа, случившегося с ним при эмоциональном напряжении — последствие контузии от разорвавшегося рядом снаряда.

— Господа, к чему спорить? Надо действовать! — с пафосом воскликнул поручик Орлов.

Ротмистр резко обернулся:

— Не верю я в бескорыстность американцев. И якуту этому не верю — уж больно расчетлив.

— Ротмистр прав. По короткому лаю собаку от лисы не отличишь, — поддержал его Дубов.

— А вы, штабс-капитан, что думаете? — обратился к Тинькову подполковник.

— Согласитесь, оттого, что мы сейчас клянем большевиков, ничего не изменится. Я лично за вооруженную борьбу! А что до якута — ему прямой резон нам помочь — он спит и видит, когда вернутся прежние порядки.

— Что-то наши унтер-офицеры все помалкивают?

— А мы что! Мы, как все! — подпрыгнув синичкой, за двоих живо откликнулся один из братьев-близнецов Овечкиных. Их рыхлые лица с водянистыми, небесной голубизны глазами были так схожи, что братьев никто не мог различить. Поэтому, чтобы не путаться, их звали Всеволодо-Владиславами или сокращенно Всеvlадами.

Заручившись поддержкой большинства, подполковник дал-таки торговцу согласие, при условии, что американцы предоставят оружие и боеприпасы в количестве, достаточном для ведения длительной и масштабной военной кампании. Он помнил, что одной из причин поражения генерала Пепеляева была слабость боевого обеспечения.

Воодушевленный Василий пообещал в следующий же приезд доставить первую партию оружия. Только попросил встретить у подножья хребта: тропа крутая, одному с груженными лошадьми в горах не управиться.

Ночью обитателей офицерской землянки криками «Крамола кругом! Не верьте ему, он предатель!» несколько раз поднимал на ноги переволновавшийся ротмистр.

* * *

Всхрапывание лошадей известило о приближении каравана.

— Вашбродь, кажись, едут.

— Встаю.

Оружия привезли на четыре полноценные роты. Промасленные винчестеры были аккуратно упакованы в ящики. Неожиданно для всех, якут привез и ичиги¹. Каждому по две пары. Теперь, в случае, если одни промокнут, можно будет переобуться в запасные. А самое главное — поберечь сапоги для воскресных построений, на которые они надевали форму, боевые награ-

¹ Ичиги — летние сапоги без каблуков с голяшками, обвязанными ремешками или верёвочками. Шьются из сыромятины и пропитываются жиром, как правило, медвежьим, чтобы не промокали.

ды, надраивали до вороньего блеска яловые и хромовые сапоги — у кого что сохранилось. В этот день утром строились на небольшом плацу в две шеренги для подъема флага третьего Сибирского полка, спасенного поручиком при отходе из Читы.

С провиантом обстояло хуже. Десятка два коробок с галетами, четыре куля муки, четверть спирта и пуд соли. Именно ей, невзрачной, серой, с бурыми крапинками, радовались более всего. После месячного употребления пресной пищи, ни у кого не оставалось сомнений, что соль, и есть наиважнейший продукт.

В предыдущий приезд якут сплеховал — забыл ее. Зато сейчас, пользуясь моментом, поднял цену. Привез еще тетради, карандаши для поручика: тот писал книгу о последнем зимнем походе Белой гвардии и вел летопись их маленького гарнизона.

— Тут одно железо? Где патроны? — возмутился подполковник, закончив осматривать поклажу.

— Вот, смотрите, — Василий открыл небольшой ящик.

— Ты что, издеваешься?!

— Ваше степенство, больше нету. Сказали — шхуна привезет. За шхуну платить надо, за патроны тоже мал-мало надо... Золото надо, — сочувственно развел руками якут.

— Ты же говорил, что у них боеприпасов с избытком! — сказал Лосев вроде спокойно, а у самого глаза побелели от бешенства.

— Тогда было с избытком, теперь нету.

— Ну так увози свои железки американцам! Пусть сами воюют. Откуда у нас золото?!

— Куды черт! Так никак. Шхуна пошла. Золото нада, — твердил свое якут.

— Что ты заладил «Золото, золото». Откуда оно у нас?! Похоже вы, ротмистр, были правы — им лишь бы мошну набить, — Олег Федорович с расстройства даже сплюнул.

— Ваше степенство, сердиться не надо, думать надо... Знаю прииск «Случайный». Богатый прииск. Для такого важного дела у них можно золото взять, — тут же услужливо подал идею якут.

Лосев оглядел товарищей. В их глазах горели искорки надежды.

Офицер задумался. Им владели двойственные чувства. Он понимал: прииск, конечно, шанс, и шанс редкий, но это разбой.

Разрешил сомнения штабс-капитан:

— Господин подполковник, такой случай может больше не представится. Не до реверансов! Брать надо!

— Тогда уж не брать, а занять на время, с возвратом, и расписку дать, — наконец, согласился Лосев.

— Конечно, конечно! В фактории говорили, старатели большим фартом хвалились, — обрадовано закивал, засуетился якут. — Скоро туда провиант везу. Буду смотреть, потом вместе пойдем, лошадок дам.

Необходимость угождать покупателю, постоянный поиск выгоды обкатали купца, как вода камень. Он стал гладким окатышем, который удобно лежит в руке, не царапает кожу. Якут настолько хорошо знал русский язык, что даже писал своим сородичам за отдельную плату письма, запросы, но, дабы угодить «заказчику», дать ему возможность почувствовать свое превосходство, любил играть роль малограмотного простачка. Именно из этих соображений слегка коверкал язык и одевался как бедняк — старый сермяжный кафтан¹, латаные ичиги,

Русский язык для него был практически родным. Мать прислуживала в семье богатого русского купца. И Василий, играя с хозяйскими детьми, научился довольно грамотно говорить.

Лосев, проходя мимо коловшего березовые чурки Дубова, попросил:

— Ваня, сделай милость, взбодри баньку.

¹ Сермяжный кафтан — верхняя одежда из грубого домотканого неокрашенного сукна.

— Сей момент, вашбродь — на вчерашних дрожжах она мигом вспрянет. — Казак блаженно улыбнулся, представив, как хлещется пихтовым венником: любил он это дело до крайности.

— Да проследи, чтоб угли стлели.

— Помню, помню, вашбродь...

Иван запарил в шайке веники и давай нахлестывать подполковника сразу двумя, да так, что тот застонал от расслабляющего, духмяного жара. После Лосева пошли штабс-капитан с ротмистром, к ним присоединился и Василий.

Привычные офицеры сразу взобрались на полок. Якут пристроился на чурке. Прогрелись до обильного пота, и давай охаживать друг дружку. Чуть пар спадет — так на раскаленные камни с ковша опять летит ароматный настой. И по новой молотятся, счастливо вопя: «Баня — мать родная», «Кто парится, тот не старится». Василий не выдержал, выскочил отпыхиваться:

— Такая мать не нужна, лучше стариться буду, — бормотал он, тяжело дыша.

Когда помылись, разопревшие, помолодевшие мужики долго наслаждались заваренным на травах чаем.

«Эх, да нагулялось, наплавалось молодцам», — вывел от избытка чувств ротмистр. Его мощно, дружно подхватили. Вскоре исчезло все, кроме песни. Пели так, что казалось, деревья дрожат от мощного рокота слаженных голосов.

У якута перехватило дыхание — такая внезапная, жалость пробудилась в его сердце к этим заброшенным в глухомань служивым, что и самому захотелось вплести свой голос в их стройный хор.

* * *

Чем ближе отряд подходил к прииску, тем чаще натыкались на лежащий в отвалах свежепромытый песок, местами перемешанный с черными углями (по всей видимости, отогревали стылую землю); старательский инструмент: грохота, тачки, бутары.

Из-за наплывавшего с реки тумана видимость в низинах не превышала пяти-семи сажень. Звуки глохли, очертания искажались: все текло, плыло. Наконец, из белой мути проступило стоящее на пригорке длинное приземистое строение с двумя печными трубами.

В этот момент над головами путников, раздался оглушительный треск, хлопки тяжелых крыльев, и черный призрак сорвался с дерева. Люди невольно вскинули карабины, но Шалый осадил:

— Глухарь!

Зайдя под крутояр, спешили. Якут остался присматривать за лошадьми, а белогвардейцы, сняв ичиги, обули сапоги и, одетые по всей форме, неслышной поступью прокрались по росистой траве к бараку. Четверо встали у окон, нацелив в них стволы, остальные подошли к двери.

Дубов осторожно отворил дверь. Посреди барака с перекладки, над столом, свисала тускло светящая сквозь прокопченное стекло керосиновая лампа. Рядом, на чурке сидел и мирно посапывал, зажав между колен бердану, дежурный. Неслышно подойдя к нему, казак выдернул ружье и гаркнул во всю глотку:

— Всем встать! Выходить по одному! Вы окружены!

На дощаных нарах, потягиваясь, зашевелились:

— Что за шутки, Борзой! Наломался, что ль, вчерась? — прохрипел кто-то из дальнего угла.

Вскинув фронтальной карабин с побитым ложем, казак три раза выстрелил в потолок и проревел:

— Молчать! Живо на выход! Перестреляю!

— Тихо, тихо, чего шумишь, не глухие, так бы сразу и сказал, — спокойно отозвался все тот же хриплый голос.

Выходящих тщательно обыскивали. С одного сняли кожаный пояс, заполненный золотым песком, у троих нашли ножи.

Приставив к старателям часовых, Лосев со штабс-капитаном зашли в барак. Золото долго искать не пришлось. Оно хранилось в обитом железными

полосами сундуке. Сбив замок, увидели тугие кожаные мешочки, заполненные чешуйчатыми пластинками лимонного цвета, и берестяной короб с бесформенными комочками самородков. Прикинули вес — пуда полтора потянет!

У Шалого проявилось завидное чутье на рыжуху: еще около четырех фунтов насобирал из потайных старательских схронов.

Взобравшись на чердак, обнаружил связки «мягкого золота» — собольи и беличьи шкурки.

— Летом же пушнину не промышляют, — изумился поручик.

— Так это с зимы висит. Видите, все «выходные», первым сортом пойдут. Похоже, они тута круглый год живут, — пояснил Иван. — Не оставишь же инструмент и барак без присмотра!

Лосев, выйдя к старателям, поправил погонный ремень, и, откашлявшись, объявил, что он, подполковник царской армии, по закону военного времени изымает у них все золото под расписку. Оно пойдет на борьбу с большевистским режимом и будет возвращено артели после установления в Якутии законной власти.

Мрачные старатели слушали молча. Вид казаков и офицеров, облаченных в амуницию и начищенные до блеска сапоги, произвел на них сильное впечатление. Вместе с тем их душила обида, что вот так, без затей, у двадцати здоровых мужиков отнимают результаты многомесячного каторжного труда.

— А детей малых да баб наших вы, что ль, кормить будете?! — спросил, зло глядя исподлобья на золотопогонников мосластый, смахивающий на шагуна, старатель.

— Брось жалиться. Вона сколь пушнины оставляем на прокорм, — отрезал Дубов.

Когда мешочки с золотом разложили по вьюкам и уже собирались уходить, рослый, широкий в кости мужик, с густой темно-русой окладистой бородой по самую грудь, сделал чеканный шаг вперед. Весь его облик говорил

о недюжинной силе. Вытянувшись по стойке смирно, он чуть было не козырнул, да спохватился — без головного убора ведь.

— Господин подполковник, честь имею обратиться, — раздался уже знакомый хрипловатый голос.

Лосев с удивлением обернулся:

— Обращайтесь.

— Дозвольте послужить делу освобождения Якутского края от большевиков.

— Кто такой?

— Есаул¹ Суворов. Вот, — протянул он свой паспорт.

Лосев взял документ и прочел так, чтоб все слышали: «Суворов Назар Петрович, 1889 года рождения, великоросс, православный из казаков». Полистал. На следующих страницах стояли штампы, двуглавые печати. Перечислены чины. Последний — есаул.

— Ишь ты, ровня, — прошептал ротмистр.

— Господин есаул, а вы сознаете, что в случае чего красные нас всех повесят, в лучшем случае расстреляют?

— У меня с ними, ваше благородие, свои счеты. В семнадцатом пристрелил агитатора за подстрекательство к отказу от присяги Престолу и Отечеству. В отместку, пока я ночью караулы проверял, жену ночью в постели топорами изрубили. Грудничок двухмесячный без матери стоял и помер у меня на руках, — дрогнувшим голосом произнес старатель.

— Ну что, принимаем пополнение? — обратился к соратникам Лосев.

— Как не принять? Свой человек.

— Вы, господин есаул, из старожильских² иль из расейских казаков будете? — поинтересовался Шалый.

¹ Есаул — чин в казачьих войсках, равен чину ротмистр в кавалерии, штабс-капитан в пехоте.

² Старожильские — сибирские казаки, а тех кто приехал с матёрой России недавно, называли — расейскими.

— С Уральского казачьего войска я. Можно сказать, с середки¹.

— Стало быть, не из нашенских, но все же не чужой.

Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиречекское, Сибирское, Енисейское, Забайкальское, Амурское,

Уссурийское. Общая численность казаков на тот период составляла 5 миллионов человек.

Старателей загнали обратно в барак и оставили у дверей двоих всадников — чтобы дать возможность отряду уйти подальше. Тут обнаружилось, что есаул исчез. Собрались было организовать погоню, как он вышел из густого ельника с туго набитой котомкой.

— Вы что, есаул, устав забыли? Ушли без доклада.

— Виноват, ваше благородие. Вещи взял.

Офицер развязал мешок, и Лосев увидел сложенную казачью гимнастерку с серебристыми погонами, брюки с алыми лампасами.

— Господа, взгляните, — человек форму сберег! Весьма похвально! — одобрил подполковник.

Уходя, долго путали следы. На одной из лужаек, сплошь покрытой кустиками княженики, не устояли — задержались. Малиново-красных ягод на коротких стебельках было так много, что стоило ступить — под ногой растекался алый сок. Княженика по форме похожа на малину, а по вкусу — земляника, только сочнее и слаще. Недаром зовется — княже-ни-ка! Княжна среди лесных ягод!

В гарнизоне поважневший якут подошел к Лосеву и протянул пустой мешочек:

— Ваше степенство, отсыпьте за добрый совет.

— Ох, и хитрован ты, Василий!

— Куды черт — хитрован! Трудно стало жить. Мал-мало зарабатывай надо, — обиделся тот.

¹ В Российской империи в 1916 году имелось двенадцать казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское,

Разложив все золото по четырем выючным сумам и насыпав сверху для маскировки кедровых орешков, якут притянул бесценный груз ремнями к шерстистым бокам низкорослых, мохнатых лошадок. Связал их друг с другом длинным кожаным ремнем и, ещё раз проверив ладно ли сидят выюки, заскочил на переднюю.

В дороге, покачиваясь в седле, он по привычке наматывал на палец жидкую поросль бороденки и пел песню о том, какой умный и хозяйственный человек Василий Сафронов. Ни один якут не может сказать, что его голова мхом набита. Скоро его друзья офицеры получат много ящичков с патронами и, когда они перебьют красных, Василий опять станет уважаемым человеком. Он знает многих, кто пошел бы драться с красными. Он поможет быстро собрать большую армию, чтобы прогнать большевиков, которые мешают ему, доброму купцу, торговать. Так пел он в своей бесконечной песне. Но пел, на всякий случай, тихо, чтобы никто, даже медведь, не услышал и не разнес по тайге его слова...

Монотонная жизнь обитателей гарнизона стала насыщенной и разнообразной. Утренние построения, рукопашные бои и стрельбы по мишеням приобрели конкретный смысл. Теперь только и говорили о скорой военной кампании...

НЕОЖИДАННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Якут в гарнизоне появился в начале осени.

— Не ругай, ваше степенство, запоздал маненько — болел.

— Патроны привез?

— Море скоро мерзнет, шхуна не ходи. Лето ждать надо, — ответил купец, щуря и без того узкие прорези глаз.

— Брешет он все, плут толстомордый. Наверняка рыжуху прикарманил, — не сдержался ротмистр Пастухов.

— Куды, черт! Зачем так говоришь? Не слушайте его, ваше степенство. Василий Сафронов честный купец. Золото давал фактории. Вот тебе крест.

— Эх, грому на тебя нет, башка торговая! Божишься и не краснеешь, — не унимался ротмистр.

— Твой ум короче комариного шага, — огрызнулся Василий, недобро прищурившись.

— Ты, любезный, язык-то прикуси, и боеприпасы следующим летом доставь в гарнизон без отговорок. Мы с тобой с избытком рассчитались, и ты уговор выполняй! — поставил на место купца подполковник.

— Хорошо, хорошо, ваше степенство, — тут же миролюбиво закивал Сафронов. — Шхуна не пришла, что могу делать? Шхуна придет — патроны привезу. Сердиться не надо. Василий любит, чтобы друзья удовлетворены были. А потому привёз вам жён. Мужик плохо одному жить. Когда вдвоём — мужик хорошо! — С подобострастной ласковостью пропел хитрый плут. — Погодите, я быстро. Василий ненадолго скрылся за деревьями и вскоре вышел с девушками. Смуглолицые, румянощекие, с черными, до пояса, косами, пять северных красавиц искоса поглядывали на мужчин карими глазами.

— Ваше степенство, выбирай первым, — елеиным голоском предложил, низко поклонившись, Василий.

— Откуда ты их взял?

— Должники рассчитались. Всех вам привёл — мужчине нельзя без жены. Мне соболь за них не надо. Василий добрый якут. Людям всегда хорошо делает, поэтому его все любят... Продукты вот вам еще привез. Посуда еще есть. Бери что надо, рассчитаетесь потом, — суетился купец, то и дело ласково улыбаясь насупленному ротмистру.

— Это что ж получается, золото прихапал, а теперь барышнями хочешь откупиться!? Так не пойдёт. Нет патронов — возвращай золото, — затряс Василия за грудки взбешённый ротмистр.

— Зачем так плохо думаешь. Как золото верну? Я же его всё передал, а шхуна не пришла. Что делать могу? А женщин не хотите — увезу. Хотел добро делать. Думал радовать.

«Да, дураком я был, что понадеялся на якута. Видел же — каверзный человек. Но и ссориться с ним нельзя. Может, оно и неплохо, что он женщин привел. Не похристиански, конечно, всё это. Однако выхода нет. И в этой глуши жизнь как-то надо устраивать. Все надеялись, что скоро на настоящее дело пойдут и на тебе — такая осечка, — пронеслось в голове Лосева. Вслух же сказал:

— Господа, сами решайте. В этом я вам не указ.

Офицеры и казаки, забыв про патроны, невольно приосанились.

— Ваше благородие, казаку ни как не можно без жены. Да и девицы хороши! Вон какие ладненькие да миленькие. — быстрее других нашелся прыткий Шалый. Он тут же подскочил к засмуцавшимся девушкам и ухватил одну из них за руку, — Дозвольте эту?

— Господа! Мы же не на рынке. Не лошадей покупаем. — Возмутился есаул. — Если уж на то дело пошло, все должно быть с взаимного согласия, без понуждения. Пусть поживут, к нам присмотрятся, мы к ним, тогда и решим.

— Верно, дело серьёзное. Торопиться не следует. Дня три поживут, а там видно будет, — подвёл черту Лосев, понимавший, что люди сейчас крайне раздражены, разочарованы и требуется время чтобы им успокоиться. Сам он уже смирился с мыслью, что из тайги ему не выбраться, супруги не разыскать и тоже надо как-то налаживать жизнь здесь.

В этот же вечер к подполковнику подошли штабс-капитан Тиньков и юнкер Хлебников.

— Господин подполковник, разрешите обратиться.

— Обращайтесь.

— Мы с юнкером по этическим соображениям отказываемся принимать участие в выборе женщин.

— Я вас понимаю и уважаю ваш выбор.

На четвёртый день Лосев построил гарнизон и, чтобы избежать конфликтов, попросил девиц самим выбрать спутников жизни — кому кто по сердцу. Все, как сговорились, указали на него. Тогда подполковник подошел и галантно подал руку понравившейся якутке. У Василия при этом глаза от радости прямо-таки засияли — она была его внебрачной дочерью. Остальные выбрали четырех казаков. Практичным женским умом они безошибочно определили, что с ними не пропадут.

— Господин подполковник, а как без венчания? Грех ведь, — заволновался набожный Дубов.

— Не беспокойтесь. Что в уставе сказано? В военное время старший чин всему голова. Так что я у вас один во всех ипостасях. Повенчаю как-нибудь с Божьей помощью.

* * *

Минуло два года. Поселение стало не узнать. Офицерам, обученным в кадетских и юнкерских училищах только воевать, крайне повезло, что в отряде были выходцы из казачьего сословия: эти люди не только имели наследственную привычку преодолевать любые трудности, но и умели делать буквально все.

Когда в гарнизоне появилось пять супружеских пар, и встал вопрос, где жить, казаки сразу принялись за дело. Свалили на склоне горы, прямо напротив землянок, кондовые кедры. Обрубив сучья, спустили хлысты¹ по каткам вниз. Ошкурили, окантовали. Мастерски выбрали четвертя, срубили в верхнюю чашу углы с выпуском.

¹ Хлысты — ствол дерева, отделённый от корня и очищенный от сучков.

На нижние венцы использовали лиственницы, спиленные на болоте в полнолуние. Такие бревна не поддаются гниению и, делаясь с годами все крепче, служат веками.

Офицеры были только на подхвате: принести, подать, подержать. Из них лишь есаул и мичман мало-мальски владели топором.

Собрали на мох два первых сруба-крестовика. Больше до снега не успели. Возвели на них двускатные крыши тесовые. Окна для тепла прорубили маленькие: в два бревна высотой. Дубов не удержался и украсил их наличниками с выдолбленными узорами. Для пола и потолка напилили плах. Из дикого камня сложили большие печи. Напротив устья оборудовали уголок для готовки еды. За боковой стеной печи устроили примост для сушки обуви и одежды. Для женатиков горницу разделили перегородками. Вдоль стен неподвижно укрепили широкие лавки, над ними, выше окон, полки для мелких предметов домашнего обихода. Двери, чтоб не пробил мороз, обили с двух сторон шкурами. В сенях лестница на чердак и клеть для хранения продуктов. Дома получились ладные, как опрятно одетые детишки: любо посмотреть.

В следующее лето поставили еще четыре избы. Всего получилось шесть: пять для семейных и одна, побольше, для холостяков. Женщины, наученные казаками, скоблили полы так, что те сияли. В дальнейшем дважды в год, перед Покровом и Пасхой, мыли в домах и стены. А перед Святой Троицей мыли их и снаружи.

Поселение, по предложению поручика, обнесли для порядка и безопасности высоким заплотом: ему больно хотелось, чтобы их гарнизон походил на настоящую крепость.

У домов на припеке весной устроили гряды. Сажали лук, редьку, картошку. Дубов собрал в лесу несколько пчелиных роев и расселил их в заранее подготовленные колоды. К осени соорудил омшаник. Кроме того, вблизи полян, богатых медоносами, выдолбил в нескольких кедрах полости. Место, через которое вырубал дупло, плотно закрывал деревянной вставкой.

Вовнутрь вешал остатки сот. В период роения пчелы-разведчики быстро находили надежные, теплые жилища и приводили в них рои. Уже следующим летом меду накачали столько, что еще с десятков пудов выделили на обмен с Василием.

Зверя тоже добывали в достатке. Чтобы шкуры не пропадали, казак Шалый стал их выделывать, а супружница Ульяна¹ шить из кожи для обитателей гарнизона одежду и обувь. Как-то Федот выделал шкуру добытого в берлоге медведя и попросил Ульяну сшить из нее душегрейку, но та замахала на него руками:

— Чур, тебя, чур! Наденешь эту шкуру, за тобой его дух придет. Накажет за то, что убили амаку. Не надо носить шкуру амаки, худо будет.

Купцу Сафронову в обмен на мануфактуру, соль и инструмент они теперь, кроме даров тайги, сдавали излишки сыромятины и меховую одежду.

Про патроны уже и не поминали. У того всегда был один ответ — «шхуна не пришла» и он, для пущей убедительности горестно вздыхая, широко разводил руками. Белогвардейцам же ссориться с якутом было нельзя. Он хоть и обдирал их, как липок, — все из осьмины норовил четвертину вытянуть, но необходимым обеспечивал. Что ни закажешь, все доставит.

Порой гарнизонных все же посещали робкие мысли выйти, сдать на милость властям. Но, послушав в очередной раз рассказы якута о том, какие суровые приговоры выносят даже тем, кто всего лишь сотрудничал с белыми, они быстро улетучивались. Люди понимали, что купец может и приврать, чтобы не потерять выгодных покупателей, но все равно было боязно.

Оставшиеся без женщин холостяки, уже на второй год стали просить якута привезти и для них невест, но тот почему-то упорно отказывал.

Особенно донимал купца ротмистр.

¹ Многие эвенки и подавляющее большинство якутов были крещёнными и имели русские (православные) имена.

— Василий, выручи! Окажи милость — мне хоть косую, хоть кривую. А то ведь помру, так и не посеяв семени, как будто и не жил на земле. Страшно это. Сколько скажешь, уплачу, выручай!

Однако якут, против обыкновения, был тверд и непреклонен. Дело в том, что один из его должников пожаловался участковому милиционеру: мол, Сафронов Василий его дочь на год взял за долги и никак не отдает. Еле выкрутился. Пришлось самому одаривать жалобщика, чтобы тот говорил, что дочь у больной тетки живет — смотрит за ней. Тогда Василий не на шутку струхнул и дал зарок больше живым товаром не заниматься.

* * *

У Антона Хлебникова отец был священником, и ему с малых лет вплоть до кадетского училища приходилось замещать то заболевшего пономаря, то подьячего, то звонаря и, конечно, постоянно петь на клиросе. Приученный к твердым церковным порядкам, юнкер и здесь старался регулярно выполнять установленные обряды, читал ежедневные псалмы, молился за здоровье обитателей гарнизона. Постепенно к нему начали присоединяться и другие. Последним штабс-капитан, да и то — из солидарности. На главные наместольные праздники собирались, как правило, в доме командира.

Перед рождением первого младенца срубили ладную часовенку. Лосев поставил в ней свой походный складень. Вместо лампадки повесили плошку с фитильком из скрученных прядок лишайника и в дальнейшем каждое воскресенье вели службу в ней.

Попервости эти службы воспринимались как привычные офицерские собрания. Но юнкер, знавший наизусть почти все Евангелие, всегда к месту рассказывал что-нибудь из жития святых, пел красивым голосом псалмы. Так исподволь и служба по чину наладилась.

Лосев как-то даже пошутил:

— Ты, юнкер, среди нас самый молодой, а уже учительствуешь.

— Господин подполковник, Боже упаси, я не учительствую. Просто пытаюсь донести до всех слова Господни. Вы же знаете, все мои предки — священнослужители.

— Ты не обижайся, я ведь одобряю твои старания. Помнишь, как у преподающего Серафима Саровского: «Учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз. А самому исполнять — это с мешком камней на спине подниматься на эту самую колокольню. Посему, ты в этом смысле — образец.

В один из вечеров, когда холостяки собирались ложиться спать, ротмистр с юнкером вышли на крыльцо. На небе сияла луна, где-то вдали настойчиво гукал филин.

— Хорошо-то как! Почти как дома, — сказал Пастухов и повернулся к Антону:

— Я сегодня внимательно слушал твою проповедь о совести. Говоришь верно, но от того безумия, что охватило Россию, просто оторопь берет. Мы сражались за правое дело, а проиграли большевикам. Как Господь мог допустить победу воинствующих богоненавистников?

— Сам об этом часто думаю. Знаете, у меня из головы не выходит разговор с отцом, состоявшийся в девятнадцатом, когда заехал к нему в Самару. Так вот, он убежден, что в мире всего поровну: есть день и ночь, есть плохие люди и хорошие. Так же и у Бога есть супротивник — диавол. Он властвует под землей, а Бог на небесах. Земля же — поле их брани, на коем они сражаются за наши души. Бесы долго разжигали в нашем народе жажду перемен, и мы поддались им. Господь и решил — хотите жить по законам зла? Пожалуйста, — мешать не буду, но сами потом расхлебывайте то, чего возжелали.

— Любопытно! То, что Бог и диавол равны по силе, пожалуй, верно. Иначе, как объяснить то, что диавол по сей день не побежден? Ты и сам, наверное, замечал, что тем, кто не покоряется ему, он старается создать на земле самые тяжелые условия и, постоянно нашептывая: «предай, отними, обмани», пытается сбить с пути праведного. А заложившему ему душу —

начинает помогать изо всех сил. И те, кто послабже духом, уступают. Рассуждают: есть ад или нет — неизвестно, пусть я и грешен, но сейчас мне хорошо и ладно. Не задумываясь, что ждет после смерти.

— Наш полковой по этому поводу сходно говорил: «На кривде можно дальше уехать, чем на правде, но взыщется потом сторицей».

— Господь отправляет нас на землю для испытания. Выстоишь — вернешься в Божье царство, а нет — прямая дорога в геенну огненную.

* * *

Вечера холостяки чаще всего коротали за разговорами. К ним на огонек заглядывали и семейные. Порой посиделки затягивались за полночь: у каждого за плечами была интересная, полная ярких событий жизнь.

Предпочитали говорить о детстве, о родительском доме. Это объединяло и поддерживало дух братства. Но, как ни старались избегать воспоминаний о революции, о Великой¹ и Гражданской войнах, все равно нет-нет да и сворачивали к этой кровоточащей теме...

— Что-то Шалый который день не заглядывает. Без него скучновато, — обронил мичман, срезая нагар с фитиля светильника.

— Опять, поди, полы драит, женушка-то у него на сносях. Сходи, помоги, коль соскучился, — с улыбкой откликнулся поручик Орлов. Он был, что называется, книжник. Благородный, элегантный и вместе с тем несколько высокомерный молодой человек. При этом в боях показал себя столь отважным и грамотным офицером, что генерал неоднократно отмечал его в приказах.

— Это запросто! Мне на флоте, знаешь, сколько драить пришлось!

— Послушай, мичман, ты ведь вроде из землепашцев. Рассказал бы, как морским волком стал.

— А что рассказывать? Ничего романтического. Наша семья по переселенческой программе в 1911 году переехала со всей улицей из Костромской

¹ Великая война — так современники именовали Первую мировую войну.

губернии в Уссурийский край, в поселок Терней. Это на берегу Японского моря. Как и многих, бату поманило обещание департамента безвозмездно выделить 100 десятин¹ земли по выбору. К тому же, проезд оплачивали, да еще в дорогу на каждую душу выдавали по полтине золотом и пуду зерна.

Отец с соседями набрали на новое место столько инвентаря, машин, скарба и скотины, что пришлось к нашему вагону прицеплять еще открытую платформу и телятник.

Земли на новых местах оказались плодородными. Урожаи получали отменные. Построили на ключе общую мельницу. Пасека разрослась до двухсот семей. Дичи вокруг было столько, что иной раз стреляли прямо со двора. Про рыбу уж и не говорю. А за мануфактурой ездили в Харбин. Там товар был дешевле — таможенными пошлинами не облагался.

В достатке жили. У одних он был больше, у других меньше — кто как смог развернуться, но никто не бедствовал. Да и грех было жить по-иному — море и суша кормили с избытком. Имелись, конечно, и лодыри, хотя и им вольготно жилось. Не считалось зазорным отвесить такому нескладехе меру муки. Наперед знали, что долг не вернет, но давали. И не подозревали тогда, что подкармливаем на свою голову тех, кто в восемнадцатом году, оказавшись в комбедах, нас же, своих благодетелей, достигших достатка упорным, каждодневным трудом, придет раскулачивать.

— Точно! Мы сами взрастили опору для большевиков — постоянно такого рода бездельникам помогали, жалеючи. Я не про тех, кто увечный, такому дать — святое дело. А про любителей жить за счет других, — согласно закивал ротмистр. — Извини что перебил.

— Когда дошла весть, что началась война с Германией, хотя переселенцев не трогали, отец собрал нас и сказал: «Негоже нам, пятерым здоровым мужикам, в стороне оставаться — кому-то надобно на фронт идти».

Поскольку из всех только я был холостой, я и вызвался. В шестнадцатом году закончил во Владивостоке мореходку и с той поры на флоте. В двадцать

¹ Десятина — русская мера площади, равная 1,09 га.

первом наш миноносец подорвался. Меня после санчасти откомандировали на охрану складов на острове Русском. Как услышал про набор Пепеляевым добровольцев в Якутскую экспедицию, так сразу и записался. А дальше вы знаете.

— Так получается, что мы с тобой, мичман, почти земляки. Я ведь из Ярославской губернии, — неожиданно присоединился к беседе обычно помалкивающий поручик Орлов. — Господа, вы будете смеяться, а мне почти каждую ночь снится наше родовое поместье. Будто брожу я то по усадьбе, то по аллеям старого парка... Все дотла сожгли! Другом нашей семьи был художник Нестеров, и четыре картины, что он отцу подарил, в огне погибли. ...Непонятна эта страсть к разрушению. Почему бы не устроить там, скажем, школу? Сжигать — какая польза?

— Сейчас плачемся, а ведь сами радели о демократии! А надо было на корню давить большевистскую заразу, — с горечью заметил штабс-капитан.

— И все же элемент демократии необходим, — возразил поручик.

— Какая к черту демократия?! Хотите пример демократии? Вот послушайте. В бою под Уфой, в рукопашной красноармеец с криком «Подыхай, барин!» воткнул мне в легкое штык. Хотел еще пырнуть, да я его саблей успел по шее полоснуть. Он упал и тут я разглядел, что это наш садовник. В глазах злоба, хрипит от крови: «Будь ты трижды проклят!» Каково! А мы его во Франции обучали и на именины всегда одаривали. Вот и вся демократия, господа! — с болью вспомнил штабс-капитан Гиньков.

— Тогда ж Уфу красные взяли. Как выбрался-то? — поинтересовался ротмистр.

— Башкир сердобольный на своей заимке выходил. Когда окреп, купил у него лошадку, сани, мужицкий армячок и тулуп, а борода к тому времени отросла, и на восток по лесам двинул. Пробился к Транссибу. Сколько ехал вдоль насыпи, столько и видел промерзшие трупы людей, коней. Лежат, припорошенные снегом, где смерть настигла. Телеграфные провода оборваны, на ветру болтаются. На путях брошенные эшелоны: вагоны с выбитыми стекла-

ми, искромсанные снарядами теплушки. И в них заледенелые трупы. Больные и раненые, не способные двигаться, так и замерзли — кто на полках, кто в проходах.

Что, думаю, делать? Зашел к обходчику, тот говорит, что эдак до самого Омска. Решил: была, не была, двум смертям не бывать, одной не миновать — поехал на своей лошадке дальше. И добрался-таки до наших частей и сразу с ротой стрелков был отправлен в Харбин. Мы сопровождали спецгруз — ящики с останками Великих князей с алапаевской трагедии¹.

— Бедняги... Кто мог подумать что такое возможно — весь род Романовых истребить. Да так жестоко...

— А я, господа, поначалу даже обрадовался, когда свершилась Февральская революция, и царь отрекся от престола, — признался ротмистр Пастухов. — Да и не только я — устали от бездарных и несуразных приказов военного министра. Верил, глупец, в хорошую жизнь, хотя и страшновато без монарха было.

— Но ни Львов, ни Керенский не сумели остановить развал. Огромная, мощная империя превратилась в неуправляемый хаос. Народ, забыв о Боге и Отечестве, пошел за кучкой авантюристов, бросивших соблазненный голытьбу клич «грабь награбленное», — вступил в разговор есаул.

— А я сразу не принял революцию. И сердце, и разум противились. Я монархист. Жизнь положу за царя... это, господа, без позы. Временному правительству не присягал, — объявил поручик Орлов.

¹ В Алапаевске (100 вёрст от Екатеринбурга) 18 июля 1918 года были сброшены в одну из шахт рудника, глубиной 28 сажень (около 60 метров), близкие родственники семьи императора — Великие князья и княгини с верными им людьми (всего восемь человек). В сентябре 1918 года Алапаевск был освобождён от большевиков армией Колчака, которая при отступлении осенью 1919 года вывезла останки с Урала и долгой опасной дорогой доставила их через Читу, Харбин в Пекин, где они были перезахоронены в склепе только 16 апреля 1920 года.

— Чувство долга, верность присяге, конечно, похвальны, но и мы Отечество не предавали, — ответил несколько смущенный ротмистр.

— То, что мы — офицеры, сошлись в схватке с коммунистами, это естественно — спасали страну от крушения. А отчего брат на брата, сосед на соседа пошли? Вот непостижимая загадка! — задумчиво произнес юнкер.

— Ничего загадочного. Ответ на поверхности — зависть! Все враз захотели быть богатыми. И пошло: сплошное воровство, разбой. Как же: у соседа добра больше — надо отнять. И не хочет такой взять в толк, что сосед-то работал, как проклятый, а не в трактире со стопкой водки сидел, — вскипел есаул.

— Так много было и тех, кто не пьянствовал, а из нужды не вылезал. Я хорошо татар, башкир знаю — у них бражничать вообще не принято. Так и они бедствовали, — возразил ротмистр.

— Конечно, дело не только в зависти и лени — можно подумать, будто их прежде не было. Ноги наших бед растут еще из 19 века. Тогда в России стал насаждаться принцип личной свободы, который, к сожалению, в нашей стране из-за незрелости общества обратился в губительное зло. Яркий пример — убийство Александра II. Человек отменил крепостное право, начал проводить демократические реформы, а народники, сами же ратовавшие за все это, таким образом «отблагодарили» его, — парировал Лосев.

— Это верно — демократия пока не для нас, — подтвердил штабс-капитан.

— Ну почему же? Демократии нужно учиться. Тут не без ошибок. А держать народ в железных рукавицах, диктовать каждый вдох и выдох — получим совершенно неспособную к самостоятельному существованию массу. Если бы Столыпину дали довести реформы до конца, то, я в этом уверен, никакой катастрофы не произошло бы, и Россия могла стать сильнейшей державой, — упорствовал поручик.

— Согласен с вами. Ведь кто Столыпина убил? Опять же народовольцы, которые как раз и испугались укрепления страны — рыбка-то только в мут-

ной воде ловится. Все это происходило при явном попустительстве чиновников, лишенных Столыпиным возможности обкрадывать казну, как прежде, — подтвердил Лосев.

— Это они сами себя так возвеличили — народовольцы, а я бы назвал их своевольцы — убили человека, который так умно, рачительно и бескорыстно российское хозяйство повел, — опять сердито пробурчал есаул.

— За то и убили, что честно и с любовью служил Отечеству — науськали наши же казнокрады. Верно говорят: «Сеющий ветер пожнет бурю». Так и случилось, — откликнулся ротмистр.

— Но и монархию не нужно, друзья, идеализировать. Революция не была случайностью. Царь, возможно, человек хороший, но правителем оказался никудышным. В одну войну ввязался, вторую. Обескровил, истощил страну, а потом, в критический момент, вместо того, чтобы власть употребить, бесхарактерно отрекся от престола. Вот Петр Великий, когда России было тяжело, лично дрался в рядах своих войск, и люди верили ему и шли за ним! Мы запутались в вечных вопросах: что правда, что ложь, кто виноват и что делать? Для меня теперь совершенно очевидно, что в Гражданскую выбор шел между двумя равновеликими неправдами. Мы защищали одну неправду, приведшую к революции, от другой, разрушившей страну и выкосившей самый плодородный слой общества, возвращавшийся веками. К сожалению, не нашлось в России силы, которая привела бы ее к той единственной, устраивающей всех, правде, — высказался, как бы подводя черту, подполковник.

— Верно! Жизнь — это река, у которой два берега: берег добра и берег зла. А между ними множество течений. Одни несут к берегу добра, другие к берегу зла. Нашу же страну подхватили потоки, несущие прямо в преисподнюю, — добавил штабс-капитан.

— Русский всегда идет вперед. Но иной раз к обрыву, — начал было есаул, но подполковник его перебил:

— Господа, есть факт — большевики победили. И оттого, что вы сейчас с умным видом рассуждаете, нужна демократия, не нужна демократия, ниче-

го не изменится! Давайте лучше подумаем о том, как нам жить дальше. Ведь мы оказались изгоями в своей собственной стране, и даже хуже — объявлены ее врагами.

— Крамола кругом! — прокричал вдруг ротмистр Пастухов, дико вращая глазами.

— Тихо, тихо, господин ротмистр! Не волнуйтесь — зачинщиков уже арестовали, порядок в полку восстановлен, — привычно успокаивал его штабс-капитан, выводя контуженного на свежий воздух.

На крыльце Пастухов принялся отчаянно растирать лицо. Буйная растительность, забывшая бритву, закрывала всю его физиономию, оставив в неприкосновенности лишь губы, нос и горящие безумным огнем глаза, да на голове поблескивала загорелая лысина.

— Проклятая контузия! — Ротмистр расстегнул тугий воротник, глубоко вздохнул несколько раз. — Отпускает... благодарствую. Волноваться совсем нельзя... Идите, я немного подышу, — оправдывался он, виновато улыбаясь.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

1931 год.

С появлением в гарнизоне женщин его обитатели разделились на два дружественных, но с разными интересами лагеря: холостяков и семейных.

Последних установившаяся, размеренная, полная домашних забот жизнь устраивала. Лосев, правда, иногда тосковал по семье, оставшейся во Владивостоке, но вместе с тем понимал, что шансов соединиться с ней практически нет, а якутка Соня души в нем не чаяла и родила ему двоих замечательных мальчиков. Один уже помощник — носит по одному полешку дрова к печи, второй вьюном в зыбке ворочается, подвесом поскрипывает.

Холостяки же чувствовали себя несколько обделенными. Им тоже хотелось, чтобы рядом была заботливая женщина, которая даст продолжение ро-

ду. Постепенно они стали склоняться к мысли, что единственный способ исполнить это желание — эмиграция. В Китай или Русскую Америку — уж как получится. Осуществить это можно было только выбравшись на побережье Охотского моря. Там они рассчитывали отыскать друзей мичмана по мореходке и с их помощью нанять судно. Но прежде следовало запастись золотом в достаточном количестве: каждый уже строил радужные планы.

Штабс-капитан мечтал разыскать оставленную в Харбине семью и заняться разведением скаковых лошадей, да таких, чтобы все призы были его. Близнецы Овечкины просились к нему конюхами. У мичмана программа была попроще: купить домик с землицей, жениться и занять кучу детей. Юнкер грезил служением Богу в православном храме.

С конца мая, лишь только на ближней речушке сошел лед, они, а с ними за компанию и женатые казаки, занялись старательством.

У холостяков, не обремененных семейными заботами, рыжуха прибывала намного быстрее. И не удивительно — они посвящали промыслу практически весь световой день.

Старательская работа сама по себе незатейливая, но требует отменного здоровья и выносливости. Стоять часами в студеной воде, от которой уже через минуту ломит ноги, не каждому по силам. Икры к вечеру багровели, покрывались синими узорами вздутых вен. Суставы опухали и болели так, что приходилось каждый вечер прогревать в жаркой бане. Если и это не помогало, тогда уж ничего не оставалось, как томиться несколько дней на теплой печи.

Жалея мужей, женщины из выделанных шкур тайменей сшили непромокаемые бродни. (Крепкие нитки они «добывали» из сухожилий: разминали их руками и, отделив самые тоненькие волокна, брали две и, старательно мусоля слюной, сучили на голом колене.) Женатики, надев под бродни меховые чулки, могли спокойно мыть золото весь день. Чтобы рыба шкура не рвалась об острые камни, поверх бродней натягивали короткие ичиги из лосиной сыро-

мятины, пропитанной медвежьим жиром. Такая тройная обувь оказалась столь практичной и теплой, что и холостяки стали заказывать ее.

Для своих мужей женщины вышивали на голенищах замысловатые узоры и окрашивали рыбью кожу кто в желтый цвет — отваром коры ольхи, кто в красный — лиственницы. А чтобы краска не смывалась, в отвар добавляли порошок из рыбьей икры. У холостяков бродни были попроще: не расшитые и не крашеные.

Добыча на речушке падала, и, сдружившиеся Суворов с Пастуховым, решили попытать счастье на притоке, верстах в двух от первых промывок.

Начали прямо с устья. Есаул первым зачерпнул галечник лотком — небольшим корытцем, выдолбленным из ствола тополя, с пологими краями и поперечной канавкой посередине. Покачивая его на руках в проточной воде, он смывал песчинки и камушки до тех пор, пока в бороздке не остались только крупинки тяжелого желтого металла. Полученный «улов» порадовал. В следующем заборе он оказался еще больше. Хмелея от азарта, Суворов заорал:

— Ротмистр, быстрее сюда!

Сверкая загорелой лысиной, обрамленной венчиком седящих волос, Пастухов подошел, гордо неся свою добычу, тускло поблескивающую на дне проходнушки, застеленной для сбора самых мелких частиц ворсистым куском шинельного сукна. Она оказалась заметно больше.

— Ну, ты даешь! Превзошел учителя! — восхитился есаул.

Золото тут напоминало хорошо отшлифованные сплюснутые зернышки, тогда как на старом месте оно имело вид тонких чешуек.

По дороге в гарнизон Суворов задумчиво пробубнил:

— Мы думаем, что ищем золото. Нет, это оно ищет нас: чем больше его имеешь, тем вернее ему служишь. Я ведь к вам когда пошел, надеялся от этой болезненной страсти избавиться. Ан нет, не вышло — и тут достала.

До морозов холостяки намыли рыжухи более пуда. На каждого получалось шесть фунтов. По расчетам, этого должно было хватить на дорогу и

обустройство на новом месте. Договорились трогаться в путь, как только сойдет снег.

Мешочки же с золотым песком каждый день упрямо напоминали обитателям гарнизона о долге перед старателями прииска Случайный. Теперь-то они хорошо представляли, какого труда стоило тем намыть реквизированные почти два пуда. Больше всех терзался угрызениями совести подполковник. Честь офицера, укоренившаяся в сознании с кадетского корпуса, каждодневно укоряла его. В конце концов он пригласил всех на совет.

— Господа, я собрал вас, чтобы обсудить один, довольно щепетильный вопрос. Держать слово, данное артельщикам, или махнуть на наше обязательство рукой?

Офицеры, уже настроившиеся по окончании зимы выбираться к морю, приуныли: если возвращать долг, то их эмиграция отложится как минимум на год, а то и два. Пойти на это было непросто, особенно холостякам, но большинство, не без внутренней борьбы, все же согласилось, что нарушать слово офицера им не к лицу. Более других ратовал за возврат долга есаул. Ему, как никому другому, было известно, что значило для старателей и их семей изъятое золото.

После принятия этого мужественного решения договорились в дальнейшем намытое делить на две равные части. Одна в общий котел, а вторая на личные нужды.

Наступивший сезон отработали, как заведенные, и, сами того не ожидая, к осени собрали необходимое количество золотого песка и самородков. Выручила богатая золотоносная жила. Только на ней за две недели намыли почти пуд шлихового золота.

На прииск отправили Суворова с Дубовым. Барак они нашли легко. Тот, правда, стал раза в три короче и выглядел совершенно заброшенным. Отворили дверь — ни души.

— Неужто разъехались? — расстроился Суворов.

— Да нет, кто-то живет. Вон чайник на печи, вода в ведре чистая. Надо бы разобраться, кто здесь теперь хозяйничает, — произнес рассудительный Дубов.

— И то верно. Только давай, от греха подальше, в лесочке покуда затаимся.

Вечером объявились-таки хозяева — трое усталых оборванцев с пегой, понурой собачонкой. Есаул признал товарищей.

— Саватей! — окликнул он по имени одного из них.

Тот удивленно уставился на человека в казачьей амуниции.

— Суворов, ты что ль?

— Кто же еще?! А где остальные?

— Мы тута одни. Как основная рыжуха кончилась, так и разошлась артель. На соседний прииск подались. А мы так и моем тута. Барак токо укоротили, штоб помене топить. Зимой соболя промышляем... Ты-то как? Поважнел, вроде.

— Слава богу! Грех жаловаться. Мы к вам от подполковника с поручением долг вернуть.

Старатели вытаращили глаза.

— Оно как понимать, неужто все принесли?

— А то как же — займы ведь брали. Только как с остальными быть?

Далеко тот прииск?

— Не больно. Я за день ходил, — ответил Саватей.

— Отлично! Отнести долю ребятам сможешь?

— С превеликой радостью... Ужель не шутишь?

Есаул вынул из котомки четыре тугих, увесистых мешочка:

— Вот, ровно столько, сколько брали.

Старатели онемели. Потрясенные честностью офицеров, они долго стояли истуканами, боясь прикоснуться к неожиданно свалившемуся богатству.

— В акте распишитесь все трое, — ткнул пальцем в бумагу Суворов. — И остальным долю отдайте по-честному. Да не вздумайте шалить. Про обман все едино узнаем. Руки повыдираем, ежели что.

Пока разговаривали, к собачке подбежали два длинноухих зайчонка-подростка и легли у ее ног. Та сразу оживилась и принялась тщательно вылизывать их. У Суворова с Дубовым от изумления глаза сошлись на переносице.

— Что, дивно? И мы дивились, когда Мулька весной их притащила. Зайчиху-то задавила, а мальцов пожалела. Сама щениться уж не может, а понянуть малых еще охота. Все лето возилась с ними. Насилу выходила. Оне так тута и живут. Нам-то хорошо: коль сильно прижмет — провиант под боком.

— Да вы что? Как можно?! Они к вам, как к родителям, а вы — «провиант»! Не по-христиански это, — заволновался Дубов.

— Да эт я так, к шутейному слову пришлось... Сами к ним прикипели. Другой день как нету, так переживаш, будто за дите малое, а прискочут — праздник, — оправдывался Саватей.

* * *

Вернув долг, офицеры почувствовали, что с плеч как будто свалилась огромная тяжесть. Теперь они могли с чистой совестью готовиться к отъезду. Всю зиму только и делали, что перебирали вещи, решая, что взять с собой, что оставить. За время жизни в гарнизоне каждый успел окружить себя не только нужными, но и милыми, дорогими сердцу вещами. Получалось, как ни крути, вместе с харчами, оружием, боеприпасами груза у каждого из них набиралось по три-четыре пуда.

— И как мы с такими торбами потащимся? — заныли братья Всеволоды.

— Может, заплатить якуту, чтоб на лошадках довез? — предложил юнкер.

— До побережья он нас довезет, а кто знает, сколько времени там мыкаться придется, пока судно найдем? Могут и арестовать, — высказал свои опасения есаул.

— Господа! Предлагаю построить струг и, спустившись по реке, дрейфовать вдоль береговой линии. — Подал смелую идею мичман. — Рано или поздно кого-нибудь зафрахтуем. Василий говорил, что американцы несколько новых факторий открыли. А не повезет, так на том струге на Сахалин махнем. Компас у меня есть, парусину Василию закажем.

— Молодец! Толково придумал! Тогда и золото сэкономим, — обрадовались дураковатые Овечкины. Они оба имели звание унтер-офицеров, но самодовольства хватило бы и на более значительный чин. Зато оно ограждало их от излишних переживаний и сомнений.

Эта идея остальным тоже пришлась по душе.

Лосев, узнав о намерении товарищей, поддержал их и пообещал выделить на подмогу двоих казаков, в плотницком деле сведущих.

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Небольшой струг заложили в конце апреля, в семи верстах от гарнизона, на берегу реки, несущей свои воды в Ламское море. Лес для постройки готовили там же. Чтобы не тратить драгоценное время и силы на переходы, ночевали на «верфи». Из наносника — сухих стволов, выброшенных на косу поводом в предыдущие годы, — соорудили временную хижину.

Вставали чуть свет. Работа, в предвкушении новой жизни, спорилась. Солнце, ненадолго прятавшееся за цепью синих гор, каждое утро спешило вскарабкаться повыше и выплеснуть потоки света и тепла на корабликов и оживающую тайгу. Из-под снега вытаивали гроздь темно-красной брусники, оголялись влажные лысины береговых валунов. От прогретых стволов лиственниц повеяло бодрящим запахом смолы.

Через две недели от обнажавшейся земли стал подниматься пряный теплый парок. Склоны гор усеяли неяркие первоцветы. Пение птиц и журчание сотен ручейков сливались в один торжественный гимн, славящий новый цикл жизни.

Радуюсь весне, казаки распевали старинные, еще дедовские песни:

*Жаворонки, прилетите,
Красну весну принесите!
Нам зима надоела, весь хлеб переела!
Всю куделю перепряла,
Всю солому перемяла...*

Питались кораблестроители тетеревами, токовавшими в соседнем березняке. Волнительно было входить в эту рощу ранним утром, когда она наполнялась брачными песнями петухов с характерным глухим шипением на конце «чу-фыш, чу-фыш». Им, робкими чистыми переливами ручья, издали отвечали курочки: «кр-лью, кр-лью».

Доверчивые птицы, несмотря на ежедневные потери, и не думали покидать рощицу. Облепив ветки, сидели-висели, кто боком, кто вверх ногами, и часами склевывали разбухшие почки. Переступая по веткам и вытягивая после выстрела шеи, они удивленно вертели головами и слетали с дерева лишь, когда стрелок выходил из укрытия, чтобы поднять очередного петуха с лирическим хвостом. Курочек не стреляли — им скоро высиживать потомство.

Доски для бортов и брусья для остова будущего судна распускали на козлах. Брусья партиями складывали в яму, обмазанную глиной и заполненную речной водой. Потом в костре докрасна калили крупные валуны и сталкивали их в «котел». Пробыв в горячей воде с полчаса, лиственничные брусья становились мягкими и податливыми. Из них тут же на специальных щемьях гнули каркас, а согнув, укладывали под напряжением в тень для просушки. Когда брус высыхал, он сохранял установленный изгиб навечно.

Работалось радостно, дружно. И как-то так выходило, что любое дело, любая деталь, заготовка получались с первого раза. Казаки были отменными

плотниками и управлялись топором не хуже, чем шашкой. Доски в борта легли одна к одной, словно влитые. Установили и мачту. Квадратный парус приготовили, но решили пока не ставить — на речке в нем нужды не будет. Когда струг немного подсох, его просмолили: дно сплошь, а борта по стыкам. На края бортов приладили упоры для весел-гребей.

Команда состояла из восьми человек: штабс-капитан Тиньков, есаул Суворов, ротмистр Пастухов, мичман Темный, поручик Орлов, юнкер Хлебников и два унтер-офицера — близнецы Овечкины.

Отплыли в Вознесение, что на сороковой день после Пасхи. Большая вода понесла их встречу солнцу с такой скоростью, что экипажу оставалось только, налегая на греби и кормовое весло, огибать лобастые камни, торчащие из, покрытой упругими завитками водоворотов, реки.

Пришедшие проводить товарищей казаки вместе с Лосевым и его женой едва успели прощально махнуть, как струг с новоиспеченными матросами и мичманом, гордо восседавшим на корме в полинялой фуражке с золотым крабом на околыше, скрылся за поворотом.

— Ой, страх какой, — с дрожью в голосе прошептала Соня, прижавшись к мужу, чем вызвала некоторое замешательство у того. Еще бы! Удивиться было с чего — она всегда отличалась сдержанностью и невозмутимостью. Казалось, не существовало такого события, которое могло бы взволновать ее, а тут вдруг столько эмоций.

Поначалу Лосев, уставший от неустроенности быта, относился к ней как к домработнице — в его сердце все еще теплилась надежда на воссоединение с семьей, оставленной во Владивостоке. Однако молодая якутка так заботливо и ненавязчиво ухаживала за ним, что он настолько привязался к ней, что не мыслил свою жизнь без этой, ставшей родной, женщины.

* * *

В первый день, благодаря высокой воде, экипаж прошел почти шестьдесят верст — прибрежные виды менялись с калейдоскопической быстротой.

Мелькали каменные утесы, ощетинившиеся лесом крутобокие горы, склоненные к воде деревья. Возбужденные необычностью обстановки и удачным началом сплава, офицеры (пятеро из них впервые оказались на судне) то и дело нахваливали мичмана за хорошую идею. Пешком, пусть даже с лошадами, они в лучшем случае прошли бы не более тридцати верст, да еще умаялись бы в усмерть. А тут благодать — река несет так, что только успевай рулить.

На следующий день после полудня послышался нарастающий гул. Мичман Тёмный встревожился: догадывался, что это может означать. Отдав команду грести к берегу, сам влез на рею мачты. С нее попытался разглядеть, далеко ли пороги, но скалистый выступ закрывал обзор. Скорость течения нарастала, и гребцы, хотя и прилагали все силы, никак не могли сойти со стремнины. За утесом русло выпрямилось, и река, словно стрела, выпущенная из туго натянутого лука, устремилась туда, где поток, обрываясь, исчезал в клубах водяной пыли.

Зрелище перед людьми разворачивалось сказочное и жуткое одновременно. Под аркой радуги, перекинутой через речку, билась, кипела, в гигантском котле, невидимая вода. Мириады мельчайших капелек-брызг парили над грозно ревушим безумием.

Путники, оцепенев от ужаса, вперили немигающие взгляды в клубящийся ад — теперь оставалось только ждать, чем все завершится. Один юнкер пал на колени и, осеняя себя крестным знаменем, стал молить Николая-угодника о помощи.

Могучая сила тем временем стремительно несла неподвластный людям струг.

— Держись, ребята! Авось не пропадем! — Прокричал штабс-капитан, но его голос потонул в сплошном реве низвергающейся в пропасть воды. Судно, распластавшись раненой птицей, на миг зависло в воздухе и, сверкнув мокрыми боками, рухнуло в белесую от поднимающихся клубов водяной пыли «глотку дьявола» и исчезло в кипящем котле, из которого непрерывно

выкатывались и мчались дальше тугие пенистые валы. Вот пронеслись вместе с ключьями пены расщепленные доски — все, что осталось от крепкого судна.

Цепляясь за обломки, офицеры один за другим выгребали к песчаной косе. Выбравшись из воды, юнкер Хлебников опустился на колени и, откашлявшись кровью, бежавшей из разбитого рта, поцеловал землю, шепча слова благодарности милостивому Николаю Чудотворцу. Выползали на берег в ссадинах и кровоподтеках и все остальные.

— Знатно покупались?! — прокричал мичман, пересиливая рев водопада.

— Кретин! Флотоходец хренов! Не мичман ты, а поломойка! А мы болваны — нашли кому довериться! — Заорал на вытянувшегося сразу в струну мичмана озверевший штабс-капитан. Он замахнулся было, чтобы врезать тому по носу, но, овладев собой, лишь яростно ткнул кулаком в грудь.

— Я ж говорил, на лошадаках надо, так нет — вам свои вещи носить тяжело. Зато теперь и носить нечего, и золото пропало, — напомнил юнкер Хлебников, массирую ушибленное плечо. — Слава Богу, что Николай Угодник самих уберег!

— А я, господа, плавать научился. Такой вот сюрприз! — пытаюсь разрядить обстановку, пророкотал есаул Суворов.

— Да уж, удивительный сюрприз — лапки кверху, мордой вниз, — с горькой иронией пошутил штабс-капитан. — Зря мы от якута про сплав скрывали. Он, наверняка, о водопаде знал — предостерег бы.

— Чего теперь, господа, после драки кулаками махать? Пошли посмотрим, может, что к берегу прибило, — предложил есаул.

Как ни странно, гул по мере удаления от водопада нарастал. Вскоре стало ясно, почему. Саженьях в ста находился второй водослив, еще более внушительный и страшный. В этих местах тысячи лет назад гигантская сила сместила земные пласты и под ступенчатыми уступами река выбила внуши-

тельные котлы. Со стороны могло показаться, что здесь прошел великан и продавил глубокие ямы.

Перед сливом увидели котомку Суворова, зацепившуюся лямкой за сучкастую коряжину. Пришлось опять лезть в воду. Зато теперь у них были пара рубашек, казачьи, с желтыми лампасами, брюки, моток веревки, нагайка, хромовые сапоги, кружка, миска, ложка и никому не нужный дымарь. Одну рубашку сразу разорвали на ленты и перевязали рану на руке ротмистра.

Подойдя к сливу, невольно залюбовались мощью и красотой низвергающейся воды. Эмоциональный поручик тут же продекламировал Тютчева:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик —

В ней есть душа, в ней есть свобода,

В ней есть любовь, в ней есть язык...

Глядя на бесновавшуюся внизу стихию, офицеры поняли: ниже искать что-либо бессмысленно и, не сговариваясь, ступая шаг в шаг, пошли цепочкой обратно к гарнизону. До него было изрядно — верст семьдесят пять, не меньше.

— В любом положительном событии есть отрицательный момент, как, впрочем, и наоборот. Вчера мы восхищались скоростью течения, а сегодня проклинаяем это обстоятельство. Таковы парадоксы жизни. Нет абсолюта — все относительно, — философствовал на ходу поручик.

Чуть выше злосчастного водопада на высоком берегу наткнулись на груду поваленных в беспорядке стволов — все, что осталось от строения. Пытаюсь найти что-нибудь полезное, а в их положении полезным могло быть многое, раскидали трухлявые бревна. Порывшись, в покрытой древесной трухой, земле обнаружили казачью пряжку, пять свинцовых круглых пуль и еще какие-то до неузнаваемости изъеденные временем предметы. Потянув за ржавую скобу, сдвинули некое подобие крышки. Под ней лежали рядышком три приличного вида пищали и сабля.

— Выходит, не только мы здесь пострадали, — заметил один из близнецов, — и до нас тут люди горюшка хлебали, зимовали.

— Господа, это ж исторические раритеты! Прекрасные экспонаты для музея! — поглаживая клинок, восторгался поручик Орлов. — Какая изумительная резьба, какой изящный изгиб у клинка! Столько лет лежит и намека нет на ржавчину! Похоже, сталь булатная. А пищали каковы! С фитильным замком. И стволы с винтовым нарезом. Может, возьмем?

— Вы, что, поручик, умом тронулись? Кто такую тягу понесет? — Урезонил есаул. — Вот саблю давайте — вещь полезная.

— Не представляю, как прежде казаки с такими тяжеленными пищалями до Ламского моря ходили. Еще и пушки с ядрами волокли, — продолжал восхищаться Орлов.

— Я тоже об этом думал. Крепкая все же эта порода — казаки. Даже сопливые девчата, что Василий привел, сразу сообразили, с кем им спокойней и вернее семью строить, — казачьему сословию предпочтение отдали. Нутром учуяли их надежность и хватку, — вспомнил незаживающую обиду ротмистр Пастухов.

— Кто-то из наших гигантов, кажется, Лев Толстой сказал, что Россию построили казаки. Согласитесь, в этом большая доля правды, — добавил поручик.

Пока рылись в трухе и разглядывали найденное, путники в мокрой одежде продрогли и поспешили было дальше, но копнув напоследок сучком, Суворов открыл кончик сморщенного ремня, торчащего из-под толстой листовенничной плахи. Все заинтригованно замерли. Приподняв ее втроем, вытащили покоробившуюся кожаную сумку. В ней лежали хорошо сохранившиеся шило, огниво, дратва, пара свечей и сносного вида плоский берестяной чехол, в котором лежали несколько листков бумаги в коричневых разводах. Один был исписан. Буквы угадывались с трудом, но все же большую часть текста удалось разобрать. Это было письмо сотника по фамилии Серый из Охотского острога Якутскому воеводе.

Сотник докладывал, что вверенные под его начало служилые казаки третий год государево жалованье не получают, а ясачный сбор справно с инородцев собирают и в казну отправляют безо всякой с их стороны шаткости. Что священник Борисов (отец Антоний) с особым рвением приводит в православие местных инородцев, по большей части якутов. Тунгусов помене, зато крестил недавно их князька Катаная. Так что велика надежда, что и они пошибче в Христово лоно пойдут.

Дальше писанного оставалось совсем мало, да и буквы размыты. Похоже, в этом месте были дата и подпись радетельного казака.

— Какие на Руси крепкие и верные люди прежде жили! Три года жалования не получают, а службу образцово несут, — заметил ротмистр.

— Да, удивительный народ! — откликнулся, продолжая копаться в трухе, Суворов. — Сколько в этих строках заботы об Отечестве.

— Господин есаул, может, хватит рыться в этом хламе? — спросил мичман, нервно отмахиваясь веткой от комаров.

— Что ты раскомандовался? Я бы на твоём месте вообще помалкивал, — осадил его Суворов, вынимая из древесного мусора медную, позеленевшую от времени, монету. Потерев ее о штанину, прочел: «Денга. 1749 год».

— Как помнится с гимназии, в это время царствовала императрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великого. Кто-кто, а она освоению окраинных земель уделяла первостепенное внимание, — вновь не преминул блеснуть эрудицией поручик.

По настоянию неугомонного Суворова путники принялись обследовать местность вокруг развалины и вскоре обнаружили пять изъеденных временем крестов. Почерневшие поперечины были скреплены такими же черными деревянными гвоздями. Один из крестов стоял под разлапистой елью и, благодаря этому, хорошо сохранился. На нем можно было даже разобрать вырезанную надпись:

«Помни, всяк: мы были, как вы, а вы будете, как мы».

Еще один валялся в траве. Похоже, могила была неглубокой, и, то ли росаха, то ли косолапый, учуяв мертвечину, разрыли ее.

Подняв крест, офицеры обложили его принесенными с берега валунами. Суворов попытался продолжить исследования, но штабс-капитан урезонил его:

— Господин есаул, ваша любознательность похвальна, но мне кажется, дальнейшее изучение истории следует отложить до лучших времен, а сейчас давайте поспешим в гарнизон.

Солнце уже изрядно перевалило за полдень, и люди все острее ощущали желание поест. Известно, начало лета — бесплодное в тайге время. Ягоды, даже самые ранние, не поспели. Орехов и грибов нет и в помине. Немного заглушала голод черемша, растущая на полянках. Стебель, правда, уже жестковат, но выбирать не приходилось.

В заводи на мелководье, касаясь спинными плавниками поверхности воды, грелась стайка ленков. Пытаясь добыть хоть одного, офицеры завалили валунами проточные горловины и принялись метать в рыб камни, колотить по воде со всего размаха длинной увесистой дубиной, но безрезультатно. Только опять все вымокли.

Попутный ветер тем временем гнал солнце на запад, к зубастому горизонту, натягивая на тайгу вечернюю мглу.

Чем ниже опускалось светило, тем сильнее досаждал гнус. Путникам не повезло — как раз на эти дни пришелся пик их вылета. От несметной кровожадной рати все живое начало истерично метаться по тайге. В поисках спасения звери заходили в омуты, и над водой торчали только их головы. Когда ветерок стихал, гнус буквально заедал людей. Проведешь рукой по щеке — она покрывается липкой кровью, перемешанной с кашницей из раздавленных насекомых.

— Господи, что творится? Гнуса, как снега в метель, — почти рыдал гуще всех облепленный кровососами поручик.

— По-моему, больше, — простонал Суворов, голова которого была обмотана запасными брюками.

— Есть предложение последовать примеру сохатых, а заодно и искупаться на сон грядущий!

— А что? Чудесная мысль, — обрадовались братья Овечкины.

Раздевшись догола, они первыми кинулись вводу. Стремительное течение, охватив тугими струями, массировало, освежало искусанные тела. Люди чувствовали, как уходит накопившаяся за день усталость, раздражение, а, главное, слабеет, как будто смывается, нестерпимый зуд. Офицеры долго, с наслаждением лежали в воде, загребая руками против течения. Из-под них выскальзывали гладкие камушки, какие-то рыбки мягкими губами тыкались в белую кожу. Дышалось уже легко и глубоко — до сладкого нитья в груди. Река возвратила людей к жизни, но, как только они вышли из воды, насекомые вновь атаковали их.

Пригодились огниво и кремень, найденные накануне. Развели дымокур. Иначе о сне не могло быть и речи. Чтобы костер не потух от сырого мха и листьев, наваливаемых для дыма, ему дали хорошо разгореться, накопить жарких углей.

Нарубив саблей (спасибо казакам-землепроходцам!) лапника, легли спать. Для поддержания дымокура, установили дежурство. От едкого дыма глаза слезились, но люди терпели.

По тайге, пугая путников, время от времени разносились душераздирающие вопли какого-то зверя. Утром есаул спросил:

— Слышали, господа, как рысь вопила? Это она ругалась, что мы дышим на ее территории.

— У них мясо такое вкусное! — мечтательно вздохнул мичман.

— Еще бы! Рысь ведь только свежину ест — все больше беляка, если повезёт молодых олешков. К падали никогда не притронется, даже голодная.

— Я читал, что рысь прыгает с деревьев. Она на нас не нападет?

— Не бойтесь, юнкер, она не агрессивна. Но ежели разозлить, превращается в шипящую молнию — острейшие когти бьют без промаха. Слава богу, рысь нелюдима и осторожна — зверь-невидимка. Как говорят, тень в тени. Всегда уступает человеку дорогу, — пояснил есаул.

— Откуда, вы такие тонкости знаете? — удивился поручик Орлов.

— Чай, не в пустыне жил. Всякой живности повидал.

Как только набравшее силу солнце разогнало скопившийся в долине туман, офицеры продолжили путь.

К «верфи» подошли на исходе четвертого дня. Счастливые, обессилено повалились на скамьи под навесом. Кашеваривший во время строительства струга ротмистр, немного отдышавшись, встал. Соблюдая неписанный закон тайги, он оставил на полке немного продуктов: крупу, соль, пластину вяленого мяса. Разожгли костер, сварили похлебку. Тут уж пригодилась посуда из котомки есаула. Единственную ложку пустили по кругу. Варева хватило на четырнадцать кругов.

Сумерки тем временем перешли в ночь. Жутко «захохотал», страшая обитателей тайги, филин.

— Господа офицеры, может, сразу в гарнизон? Осталось немного, тропа хорошая. Зато спать ляжем в избе, без мошкары, — предложил поручик.

— Верно, чего здесь всю ночь с кровопийцами воевать, пошли, — дружно поддержали остальные.

Проходя мимо глиняной ямы, в которой запаривали шпангоуты, смекалый есаул обмазал лицо и руки глиной. Товарищи последовали его примеру. Теперь мошкара не страшна. Правда, подсохнув, глиняная маска полупалась, и крохотные вампиры стали кусать через трещины.

Заморосивший дождь поубавил их численность, но прибавил злости. Люди почти бежали — мысль о скором надежном убежище придавала силы. Вырвавшийся вперед поручик Орлов на развилке вместо тропы, ведущей в гарнизон, свернул на хорошо натопанную звериную тропу. Никто из следовавших за ним в темноте не обратил на это внимания.

Тропа, как и положено, поднималась по распадку на водораздел, за которым, как они полагали, находится поселение. Уверенные в этом люди, все дальше и дальше удалялись от гарнизона.

Минула ночь. Тяжелые, свинцового цвета тучи обложили тайгу. Провалы между холмов залило сырой мутью, из которой островками проступали макушки деревьев. Зарядил нудный дождь. Он то моросил, то затихал: уже трудно было понять, дождь или туман окружает людей.

— Господа, смею предположить — мы заблудились. Давайте общими усилиями попробуем определить, в какой стороне гарнизон, — произнес штабс-капитан, устало привалившись к дереву.

Люди были настолько измучены ночным броском, что никто не смог в ответ и слова произнести. Все находились в том состоянии, когда безразлично, куда идти — лишь бы сказали, куда.

Никто не представлял, где они сейчас находятся, и штабс-капитан Тиньков предложил спускаться по берегу петлявшего среди обомшелых валунов, ключа — у воды больше вероятность встретить оленеводов. Пройдя пару верст, люди услышали ровный плеск речки, выющейся прозрачным телом среди гор. Вдоль ее каменного ложа тянулась звериная тропа. Пошли по ней, никуда не сворачивая.

Силы были на исходе, передвигались с частыми остановками. Чтобы как-то заглушить голод, путники начали есть оводов.

Первым рискнул продегустировать аппетитное на вид насекомое неприхотливый Суворов. Овод пришелся по вкусу, и есаул стал бить их не только на себе, но и на спинах едва стоящих на ногах товарищей. Видя, с каким удовольствием он отправляет в рот мясистых кровососов, его примеру последовали и остальные.

Лишь поручик так и не смог преодолеть врожденную брезгливость. Когда он замечал, что кто-то из спутников засыпает в рот горсть насекомых и сплевывает, как шелуху семечек, прозрачные крылышки, приступ рвоты выворачивал его внутренности. Чтобы не провоцировать чувствительный желу-

док, молодой человек старался больше смотреть под ноги. И вдруг начал громко, чтобы все слышали, рассказывать:

— Братцы, я читал, что самые утонченные гурманы живут в России. К примеру, чтобы поесть цыплят, они кормили их недели две гречневой крупой, заваренной кипящим молоком. А уж если хотели побаловать себя цыплятами на славу, то кормили только вареным на молоке рисом. Тогда мясо цыплят оказывалось необыкновенно нежным, тающим во рту, косточки становились, как хрящики! Запекали таких цыплят в печи, нафаршировав орехами и поливая шампанским. К такому изысканному блюду подавали спаржу, сбрызнутую лимоном...

— Орлов, Христа ради, замолчите, не то я за себя не ручаюсь! — взмолился юнкер. — Как можно про яства в нашем положении говорить?!

Продолжая поиски съестного, есаул попробовал на вкус улитку.

— Боже! Какая вкуснятина! Натуральный деликатес! — воскликнул он, проглотив студенистую мякоть. Товарищи и тут дружно последовали его примеру.

На прибрежной пустоши торчали скелеты эвенкийских чумов, круги из валунов на месте очагов. Поодаль на ветвях березы горелыми хлопьями реяли тетерева. Оголодавшие путники бросали на них алчные взоры, да что толку — добыть-то нечем. Окрыленные надеждой скорой встречи и с самими кочевниками, офицеры зашагали веселей.

Пройдя с версту, уткнулись в кладбище: несколько колод — бревен, расколотых вдоль на две половинки, — стоящих на четырех, а маленькая, видимо, для ребенка, — на двух столбах. На деревьях рядом с колодами висели черепа оленей с рогами. Под одним из них в траве лежал медный котел с пробитым дном, несколько наконечников стрел из мамонтовой кости.

На широкой галечной косе спиной к ним сидел бурый, в лохмах линялой шерсти, медведь. Он басовито рычал, одурело мотал головой и яростно махал передними лапами — отбивался от комаров, накрывших его подвижной вуа-

лью. Неожиданно он вскочил и с ревом бросился в воду, где и остался сидеть, выставив наружу только нос и глаза.

— Насколько я осведомлен, у мишек в эту пору свадьбы, и встречи с ними опасны, — забеспокоился юнкер.

— Не волнуйтесь, голубчик. Этому уж точно не до нас, — с улыбкой откликнулся есаул, не менее яростно отмахиваясь от комаров веткой.

Вскоре путники набрали на громадный конус муравейника. Сбоку под ним зияло углубление.

— Для чего этот подкоп? — удивился штабс-капитан, осматривая яму.

— Вроде, медвежья берлога, — предположил есаул. — Точно, берлога — вон и «пробка» валяется.

— Что еще за пробка, от шампанского, что ли? — захихикали Овечкины.

— Во-во, у вас, молодых, одно шампанское на уме. Из медвежьей задницы пробка. Он, пардон, выкакивает ее, когда выходит из берлоги.

— Башковитый косолапый — дом сухой, теплый и харч рядом, — похвалил зверя мичман.

Суворову тем временем посчастливилось забить посохом гревшегося на припеке полусаженного ужа. Съели. Только поручик отказался от своей порции полупрозрачных, сочных долек мяса. В речных заводях в изобилии водились лягушки, но даже крайний голод не мог заставить офицеров прикоснуться к их покрытым ослизлой кожей телам.

Глядя на одну из напыщенных квакуш, даже всеядный есаул брезгливо скривился:

— Б-р-р! Не понимаю, как их французы употребляют. Просвещенная вроде нация, а, фигурально выражаясь, — извращенцы.

МОНАСТЫРЬ

1933 год.

Речушка, наконец, вырвалась из горных теснин и вывела путников на обширную равнину, упирающуюся в пологие холмы, за которыми темнели горные пики. Русло здесь разбивалось на несколько рукавов, перекрытых мощными, нагроможденными паводками, заломов. Тысячи стволов, ошкуренных водой и выбеленных солнцем, торчали во все стороны, как иголки циклопического ежа. По гривке, разделявшей протоки, с трудом обошли этот хаос и побрели по росистому лугу, высматривая, куда держать путь дальше.

Их внимание привлекло скопление бурых пятен на макушке самого высокого холма. По форме и цвету они напоминали строения. В глазах изможденных горе-путешественников загорелась надежда — вдруг и вправду это жилье. Самый полноводный рукав речушки, как по заказу, вел прямо к подножию этой возвышенности. Вскоре стало очевидно, действительно, — какие-то постройки.

— Похожи на якутские юрты с хотонами*, — сказал ротмистр.

— Кроме прииска, здесь быть нечему, — уверенно возразил есаул Суворов.

— А что если это застава красных? Поскрытней надо бы идти.

*Хотон — помещение для скотины, соединённое в целях экономии тепла с жилой юртой.

Послышались треск сушняка и чьи-то шаги. Офицеры замерли. По противоположному берегу брел, не разбирая дороги, лось светло-бурого окраса. Зверь шествовал так, будто пребывал в глубокой задумчивости — громадная голова с лопатами неокостеневших еще рогов опущена и безвольно болтается из стороны в сторону. Тоже, наверное, достали кровососы.

Переждав, когда гигант исчезнет из виду, осторожно двинулись гуськом дальше.

— А вот и старательские промывки! — обрадовано указал Суворов на давние, отчасти заросшие травой, рывины. — Что я говорил!

Когда офицеры, крадучись, стали подниматься на холм, в проеме между деревьями над строением прорисовался крест.

— Господа, это же монастырь, — прошептал юнкер Хлебников. — При чем раскольничий. Крест-то восьмиконечный! Красных здесь наверняка нет, а то давно б скинули.

— Да что вы, юнкер, такое придумываете, откуда возле монастыря промывки?

— Может, монахи старательством, как и мы, добывают на жизнь.

Напрягая последние силы, держась друг за друга, оборванные, изъеденные комарами, опухшие от голода люди, теперь не таясь, торопливо взбирались на холм. Они боялись, что если сейчас же не дотронуться до обросших по низу мхами каменных стен, то этот мираж исчезнет, и они опять окажутся один на один с тайгой, где их терпеливо стережет костлявая с косой.

У монастырской стены из земли топорщились ровными рядами мясистые ростки с морщинистыми округлыми листьями.

— Братцы, это же картошка! Ей-богу, картошка!

Оголодавший до предела поручик первым прошел через калитку во двор и без стука отворил дверь — никого! Пахнуло застоявшимся мужским потом, перемешанным с ароматом копченого мяса, пласты которого висели на деревянных крюках по стенам. Следом зашли отставшие спутники.

— Эй, есть кто? Эй, отзовитесь! — вразнобой все громче выкрикивали люди. В ответ — тишина.

— Господа, в чугушке похлебка. Еще теплая! Вы, как хотите, а я сажусь есть. Хозяева, даст бог, простят, — поручик снял со стены половник, с полки стопку разнокалиберных мисок.

Никто не возражал. Штабс-капитан проследил, чтобы наливали не более одного черпака на рот.

— Какая вкуснятина! А нельзя ли еще? — попросили близнецы Овечкины, моментально проглотившие свою порцию.

— Пока хватит — сразу много есть опасно, — сказал Тиньков. — Заворот кишок может случиться. Да и хозяевам оставить надо.

Во дворе залаяла собака.

— Вон один идет. Старикан, а какой бравый!

Все разом повернули головы и в узкое окно с коваными перекладами увидели гривастого человека, походившего на матерого зверя. На левом плече раскачивались длинные удилища, а правая рука выкидывала далеко вперед увесистый посох. Дверь отворилась.

— Спаси Христос, — поздоровался он, как ни в чем не бывало, подавая каждому широкую, как лопата, ладонь. — Эко дело! А мне и невдомек, что гости пожаловали. И, кажись, высокородных кровей. — Старик снял потёртую душегрейку и пригладил руками взлохмаченные волосы.

— Сударь, вы уж простите нас, Христа ради, мы тут похозяйничали — отобедали без дозволения. Сами изволите видеть, в каком состоянии — шесть дней не ели. Чуть дошли, — за всех извинился юнкер Хлебников.

— Дык правильно, што похарчевались. Пошто животы терзать. Тем паче, ноне Троицын день... А я вот удумал рыбки наловить — попризничать. Ан нет, не берет — сыта. Вона сколь ноне комарья. Глотай, хошь лопни, — улыбнулся дед одними глазами, но так радушно, что мгновенно расположил к себе.

Глядя на исхудалые измученные лица пришлых, не сдержался, попенял:

— Как можно так отощать? В лесу эвон скока съедобных корней, трав. Не ведали? А надоть, коли в лес пошли. Хороши татарник, сурепица, желтая лилия. Особливо питателен борщевик. Ну да ладно, покеда самовар заправляю, сказывайте, откеля и куды путь держите. Не по мою ж особицу явились. Мож, советом пособлю. Лучше меня здешние места никто не знат.

— Простите, отец, как вас величать? — спросил штабс-капитан.

— Родители Лексеем нарекли, но с той поры, как перва борода враз на всю харю отросла, Лешаком кличут. Так все Лешак да Лешак. Гляньте, чем не Лешак, — старик ловко задрал до подбородка низ рубахи, и гости увидели густую, с проседью пополам, кучерявую шерсть, сплошь покрывавшую живот и грудь. — Так все ж — што вас-то сюды завело?

Офицеры в некотором замешательстве переглянулись. Первым нашелся поручик Орлов. Сочиняя на ходу, он поведал о том, что их группа представляет собой часть комплексной экспедиции академии наук и занимается поиском следов первопроходцев на окраинных землях страны, и что уже есть уникальные находки.

Товарищи, слушая, тарасили глаза от удивления. Но поручика уже понесло — не остановить! Хотя впоследствии он и сам не мог объяснить толком, для чего так складно врал.

— Семь дней назад, — продолжал Орлов, — наш проводник якут сбежал на лодке со всем снаряжением и провиантом.

При этих словах, жевавший клочок бороды старик недоуменно вскинул седые, кустистые брови и, недоверчиво покачивая патлатой головой, пробормотал:

— Однако ж! На якутов не похоже — боязливый народ.

Увлеченный сочинительством, поручик не обратил на эту реплику внимания:

— Теперь мы ищем проводников-тунгусов, чтобы с их помощью выбраться на Аянский тракт.

Тут простодушный Лешак и вовсе изумился:

— Это ж далече! И тунгусов ноне не сыскать. Оне сюды своих оленей токо в зиму пригонют. Снега тута помене — оленям ягель сподручно копытить... Во! Чего вам спешить?! — осенило деда. — Здеся и дожидайтесь. А што до истории — так ее в монастыре хошь лопатой гребти. Кто основал? Кто жил? Откель те люди? Пошто забрались в эдаку глушь? Кудысь подевались? Спросов уйма. Я уж скока тута живу, а ответа не ведаю. А вы учёные — разберетесь. Можя, в записных книгах че вычитаете. Оне на старом славянском писаны... Вот где загадки, а вы — трахт! Ниче тама не сыщете. Тута все интересы, не сумлевайтесь. Монастырь большой — на каждого по три кельи выйдет. Как вычитал один знакомец, тожа из дюже грамотных, тута по списочным книгам две дюжины монахов значилось, к ним еще восьмерых по-

слушников прибавь. А вон в той постройке игумен, иеродиакон и два иеромонаха жили. Так што могу не токо вас, а, почитай, всю вашу эспидицу принять.

Офицеры согласно кивали — для них сейчас важно было поесть и передохнуть.

— Покорнейше благодарим, отец. Остаемся. В обузу не будем. Мы много чего умеем, даже золото мыть. У вас вон кремневка висит, а мы все отменные стрелки — дичи впрок набьем, были б ружья, — ответил за всех штабс-капитан.

— Эка невидаль! Ентого добра целый арсенал: луки тугие и ружья всех калибров с огнеметным зельем. Монахи хоть и молитвенные люди, но без промысла тута не выжить. Зверя-то Господь на што в лесах поселил? Штоб людям прокорм обеспечить. А можа, и оборону случалось держать. Сам я, правда, таперича больше рыбку ем. Ее сподручней жевать — зубы-то сгнили. Ох, и намучался я с ними, как болеть начали. Ажно удавиться хотел — эдак невтерпеж было. Спасал гвоздь: прижмёшь его к больному зубу, опосля в дерево забьешь — боль и уходит. Таперича благодать — саднить нечему.

Старик растянул губы в улыбке, и гости сквозь седые заросли окладистой бороды увидели розовенький, как у налима, овал десен.

— Дедусь, сколько ж лет вы здесь живете?

— Небось пятьдесят, а можа, и боле. Не считал.

— И все это время один?

— Один, как бирюк. Зимой токо тунгусы бывает, заглянут, а летом староверы навестят. Так што премного доволен, што остаетесь. Покалякать по-человечьи страсть как охота.

— Что ж к людям не переедете? Кто вас неволит?

— Эт ты в точку попал, мил человек. Злато неволит. Оно ж как притянет, так не вырвешься... Я уж стока его намыл, што и на двух подводах не увезть, а все не брошу — така зараза.

— Знакомая история, — понимающе кивнул есаул Суворов. — Кто хоть раз мыл рыжуху, тот болеет этим на всю жизнь и начинает вкалывать, как каторжник. Но не по приговору, а добровольно, старательно. Потому и зовется — старатель. И не столько желание разбогатеть движет им, сколько страсть к риску, азарт — вдруг намою или найду неслыханную залежь.

— Верно глаголешь. Откель знашь? — Удивился старик.

— Да люди говорят.

— Я ведь, попервости, все мечтал в деревню козырным тузом вернуться. А ноне интерес к щегольству остыл. Да меня тама, поди, давно забыли. Годки-то верно перемерли. Эт я штой-то задержалси на белом свете. Та-перича все голову ломаю, кудыть с пользой намытое употребить. Душа просит на доброе дело, а никак не смякитю, на какое, прах его побери.

* * *

Воздух от высоко стоящего светила сделался горячим. Даже в Якутии, в краю, где земля проморожена на глубину в сотни сажен, выпадают такие дни, когда хочется спрятаться от палящего зноя. Правда, лишь набежит на солнце тучка, так тут же начинаешь ежиться от холода, сочащегося из оледенелого нутра Земли.

Сегодня как раз один из таких дней. Тайга нежилась в летней истоме. Мичман, насторожив самострелы на оленьих тропах в верховьях ключа Студеного, возвращался в монастырь. С Лешаком они договорились, что тот будет промышлять понизу. Старика это устраивало — подни-маться вверх, к истоку ключа, ему уже было в тягость.

Шел мичман по дну распадка среди угрюмых елей, а перед его глазами неотступно стоял завораживающий блеск невиданных сокровищ. Как ни старался он избавиться от навязчивого видения, эта картина беспрестанно всплывала в памяти.

Дело в том, что вчера дед не утерпел и показал «академикам» свои богатства, хранящиеся в закрытой на замок келье рядом с трапезной. Его давно

терзало желание похвалиться им, чтобы хоть кто-то знал и по достоинству оценил то, чем владеет сын бедняка из Орловской губернии.

«Чего таиться? Покажу-ка своим приживальцам, а то неровен час помру — какой тогда от всего этого прок», — отбросил старик сомнения и не пожалел, что открылся. Наблюдая, как округлялись глаза «академиков» при виде бочонков, заполненных драгоценностями, мешочков с хрусткой рыжухой, чисто вымытых самородков, сваленных прямо на пол, он получил редкое, неизъяснимое наслаждение. Быть может, именно ради таких сладостных минут и стяжают люди богатства?!

Мичман, оторопевший от детской доверчивости старика, не сдержался, спросил в лоб:

— А не боитесь, что мы вас ограбим? Вы ведь совсем не знаете нас.

— Дык я, сынок, давно свое отбоился. И не дано нам знать, как лучше: так али эдак? Как душа попросила, так и поступил...

Теперь эти сокровища не давали мореходу покоя.

«Зачем такое богатство деду? Он им не пользуется и пользоваться не будет. А на такое количество золота можно закупить столько оружия, что хватит вооружить целую армию и изгнать большевиков из Охотска и Аяна. Объявить все побережье свободной зоной. Предоставить всем государствам Тихоокеанской акватории право беспошлинной торговли, а они обеспечат нашей территории, назовем ее Новой Россией, международное признание. Правительство из истинных патриотов создаст такие условия для жизни, что и остальные российские территории сметут большевиков», — мечтал он.

Сама мысль о том, что он может стать спасителем Отечества и даже, быть может, членом правительства, наполнила Темного чувством исторической значимости и высокого предназначения. Но вскоре их сменили более приземленные мысли: «Еще неизвестно, чем военная операция завершится. Большевики нашьют войск и перестреляют всех. Уж если такие командиры, как Пепеляев, потерпели крах, куда нам тягаться — плетью обуха не перешибешь. Да и вообще, большой вопрос — доставят ли оружие? Американцы,

шельмы, опять могут надуть... При таких деньгах лучше просто купить шхуну и уйти хоть в Японию, хоть в Америку, хоть в Австралию и основать там русскую колонию. Денег на все хватит».

Вечером мичман осторожно поделился своими мыслями с сослуживцами. Идею бескровной, мирной экспроприации сокровищ старика осторожно, с поправкой «не больше половины», поддержали братья Овечкины. Остальные промолчали, а штабс-капитан сказал:

— Угомонись, голубчик. Все это уже было!

Неуемный Лешак вернулся в монастырь последним, уже в сумерках. Нащепал от сухого полена лучины и, запалив в железном светце пару, устало сел на скамью. Ротмистр тем временем взбодрил самовар и, когда «пузач» напряженно забурлил, разлил всем травяной чай. Первому — старику.

Тот кряхтя поднялся, сходил в кладовую и принес туесок меду.

— Угощайтесь! Чай с медом больно хорош с устатку и для сугреву. Назяб я седни.

— Что ж вы, почтенный, так долго? В вашем возрасте поберечься бы надо, — попенял деду Суворов.

Польщенный заботой Лешак заерзал на скамье и, наконец, хитро прищурившись, достал из-за пазухи тряпицу. Торжественно развернул: на стол глухо брякнулся кусок желтого металла.

— Вот это да! — Не удержались постояльцы.

Лешак залоснился от радости. Он вновь испытал сладостную истому от своей значимости:

— Вот, подфартило малость. Што долго? Дак алкал ишо назолотарить. Така уж натура, прах ее побери. Озябши, а все бутарю. — И, смакуя маленькими глотками чай, добавил: — Буря, кажись, идет. На дворе чьи-то портки сохнут, сымите, а я пойду. Ко сну клонит, силенка и впрямь уж не та... умаляси. — И уже в дверях: — О, вспомнил! Днесь сон чудной видел. Будто лежит кто-то на полатах в белом одеянии. Меня увидел, поднялся навстречь и молвит: «Ложись, а я тебя охранять стану». Што б то значило?

Старик удалился, и вопрос повис в воздухе. Офицеры глянули на Темного, но промолчали. Мичман слегка покраснел, отвел глаза в сторону...

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Ураганный ветер, атакуя монастырь, всю ночь бился о стены, сложенные из дикого камня. Яростные шквалы, казалось, вот-вот вышибут из них староверческий дух. Но крепкое строение стояло, не шелохнувшись. Лишь могучий кедр во дворе слегка постанывал, отмахиваясь ветвями-лапами. А ветер все не унимался, сатанел. Не выдержав его напора, с треском переломилась высокая береза подле ворот. Падая, она попыталась опереться на подружку, но гибкие ветви только шумно проскользили по стволу. Сколько подобных бурь и гроз пережила белокорая красавица, и вот лежит, поверженная, на земле.

Умаявшись от потуг, ураган к рассвету утихомирился. Пойму накрыла серая вуаль мороси. Воцарилась оглушительная тишина. Ни одна травка, ни один листочек не шелохнутся в сеющей влаге.

Глядя на эту непогоду, обитатели монастыря весь день провели в трапезной. В основном сидели у самовара, гоняли чай из таежных трав. Любопытный Лешак все выпрашивал постояльцев про революцию, про войну, о которых имел представление лишь по отрывочным и зачастую искаженным слухам.

— Ну, мужичье дружка с дружкой испокон веку машутся. Но откель таки нашлись, что царевых дочушек и мальчика хвораго постреляли? Таких и мужиками-то назвать не можно. Што за помрачение тако с народом стряслось? — пытал дед. — Мне таперича даже помыслить не можно, штоб в Рассею возвернуться. Така одичалость там.

— Милостивый сударь, во-первых, простите нас, Христа ради, солгали мы про экспедицию, — неожиданно для всех вдруг повинулся есаул Суворов. — Мы — офицеры царской армии.

Старик удовлетворенно хмыкнул:

— Я ить сразу смекнул — брешете.

Ошарашенные белогвардейцы переглянулись.

— Поверьте, мы не из дурных побуждений. Побоялись сразу открыться незнакомому человеку.

— Ладно, то дело прошлое. Вы днесь вразумите меня, откель тако безумство в Рассее?

— Если обратиться к истории, то примеров, когда в борьбе за власть королей и царей убивали, не счесть. Но чтоб царствующую фамилию подчистую уничтожить — такого не припомню. Подобную жестокость к уже поверженному противнику невозможно ни понять, ни объяснить. Мы и сами не можем взять в толк, что же такое случилось с нашим народом, — заговорил штабс-капитан Тиньков. — Но как правил царь-батюшка, как воспитывал своих подданных, так народ и отплатил ему. У мудрого, справедливого родителя дети родителя почитают. Что это за правитель, у которого в военное время шпионы разгуливают по столицам, а ватага пьяных матросов перевороты совершает? Но Николаю было не до этих пустяков! Сначала развязал позорно проигранную войну с японцем. Потом ввязался в никчёмную баталью с германцем. Люди устали от бессмысленных потерь и унижительных поражений, озверели от голода и лишений. Вот и пошло-поехало. — Николай Игнатьевич с болью махнул рукой. — Декреты большевиков о мире и земле стали теми гранатами, которые взорвали, и окончательно деморализовали армию, склонили ее к красным. Солдаты ринулись домой, чтобы поспеть к дележу помещичьих земель. Офицеров, призывающих к верности присяге, убивали. Надо отдать красным должное — очень точно все рассчитали, а мы тем временем медлили, выжидали. Надеялись, что все как-нибудь само собой образуется!

— Потом, не забывайте, что во время смуты начинает действовать закон толпы, — обронил ротмистр.

Лешак, и так мало что понимавший в мудреных рассуждениях офицеров, робко поинтересовался:

— Какой такой закон?

— Это когда сама по себе добропорядочная, законопослушная личность, оказавшись в толпе, вопреки своей воле, делает то же, что и толпа, управляемая заводилой. Человек как бы теряет свое я, и если зачинщик призывает к бунту — бунтует, хотя до этого и не собирался.

— Эт верно — куды баран, туды и овцы, сломя головы.

— Что удивительно — на Руси все происходит вопреки здравому смыслу и логике. Если обстоятельства говорят о грядущем процветании, жди катаклизмов и разрухи. Столыпин вон как экономику поднял! Страна так резко в гору пошла, что весь мир изумился. А сильные державы, испугавшись, помогли бардак у нас устроить. Мы имели самый большой в мире золотой запас, а кончилось все катастрофой, — с болью в голосе, добавил штабс-капитан Гиньков.

— Я все удивляюсь, как такая малочисленная партия сумела победить! — вступил в разговор молчавший до того юнкер.

— Да очень просто — посулили народу надежду на лучшую жизнь, и он пошел за ней. Не зря говорят: «надежда — золото бедных».

— Ох, и времечко, в голове не поместишь, — вздохнул Лешак. — Однакось и новая власть не на те полозья сани поставила. Кудысь она прикатит, коли повелевать стали самые нерадивые? Тунгусы вон сказывали, што у них таперича главный Тутумэ. А он всю жисть токо спал да ребяток делал.

— Для большевиков как раз такие люди самая надежная опора, — сказал штабс-капитан. — Бедняк, не имевший ничего и вдруг получивший власть, всегда будет за нее горой.

Слово за слово, время подоспело к обеду. Братья Овечкины, сами любившие поесть, оказались неплохими кашеварами.

— Соловья баснями не кормят, господа, кушать подано, — радостно сообщили близнецы, водружая на стол котел с дымящейся картошкой и чугунок с мясом, приготовленным по собственному рецепту.

Уминая за обе щеки, люди, забыв о революции и войне, нахваливали братьев:

— Вкусно! Пальчики оближешь!

— Вы у нас настоящие рестораторы.

— Дядя Лешак, а здесь поблизости красные заставы есть? — стряхивая с бороды упавшие крошки, поинтересовался есаул.

— А што им тута делать? Со мной воевать? Прииск недалече есть — ден¹ пять ходу будет. До него на восход надобно идтить. Подле него, якут торговый в прошлый год сказывал, ишо каки-то новопоселенцы объявились. Однакось где, не знаю. Уж точно не красные — с чего бы им хорониться. Имеется тута еще староверческий скит, я о нем баял. Дюже затворный. Живут наособицу. Боле никого нема, — подробно обрисовал обстановку старатель, по привычке рыхля пятерней дремучую бороду.

— Какой же затворный, если вас навещают? Выходит, вы тоже старой веры?

— Не старой, не новой — безбожник я. Просто знакомцы о-го-го с каких времен. Крепко пособил им попервости. Потому не забывают, заходят.

— Они что же, где-то рядом?

— Гдесь, в точности не скажу — сам не был. Но, похоже, те же пять ден будет пешего хода, токо на север.

— Интересно бы с ними познакомиться.

— Не знай, не знай... Не жалуют оне чужаков... Коды сами наведаются, тоды, можа, и спознаетесь.

* * *

¹ В Сибири мера расстояния — день в пути.

Ранним утром, пройдя через луговину к гряде полуразрушенных гор, мичман Темный стал подниматься к верховью Студеного, проверяя расставленные самострелы. В тайге стояла редкая тишина. Лишь ворон — черный жрец, медленно и четко выговаривал свои суровые заклинания с вершины засохшего кедра.

На дне крутого распадка, разделявшего два кряжа, под самострел, видимо, совсем недавно угодила кабарожка. Раненная навывлет, она лежала, заливая раны. Увидев человека, вскочила и побежала вверх по тропе.

Сдернув с плеча ружье, мичман ринулся следом. В азарте погони охотник запомнил, что на подъеме у него насторожен еще один самострел. Тот дал о себе знать резким колющим ударом в левый бок. Нестерпимая боль повалила человека на землю. Кабарга обернулась на вопль отчаяния, исторгнутый преследователем, и прибавила ходу...

Офицеров потрясла неожиданная, трагическая гибель товарища. Потрясла не столько сама смерть, сколько то, что она произошла после того, как мичман замыслил похитить сокровища деда.

— Да, похоже, Господь охраняет это место. Даже мыслей греховных не допускает. Смерть мичмана и нам укор и наука, — сказал ротмистр.

— А мне по-человечески жаль Темного — офицер он был храбрый, да и человек, согласитесь, не такой уж плохой. А что мысли? Мало ли какие мысли в голову приходят, — заступился есаул Суворов.

— Не согласен. Не причиняй зла никому даже в мыслях — это закон жизни, — возразил ротмистр.

— Мой батюшка по этому поводу так говорил: «Кто на добро содеянное учинит зло, тому вековечно на огненной скамье корчиться», — добавил юнкер Хлебников.

Чтобы трагедия не повторилась, Лешак с есаулом прошли по звериным тропам и длинным посохом рассторожили все установленные мичманом самострелы. К счастью, тот возле каждого делал на стволах двусторонние затесы.

Остальные тем временем готовились к похоронам. По предложению юнкера, прибрались в заброшенной молельне: помыли пол, стены, протерли божницу. Выгребая из углов хлам, нашли восьмиконечный наперсный крест, отлитый из серебра с цветными камнями по краям, сияющими, как солнышки. Между перекладинами рельефно проступал полумесяц с рожками кверху. Его помыли в щелоче, натерли до блеска и положили на аналой.

На третий день отслужили в прибранной молельне панихиду по убиенному и предали тело земле.

По завершении сорокоуста¹ и далее продолжали собираться на вечерние службы. Постепенно они прочно вошли в их полную забот жизнь.

После завтрака принимались за хозяйственные дела. Сначала подремонтировали и отмыли саму трапезную, следом келарню. Поскольку кое-где протекала крыша, перекрыли ее. Навели, как заведено у военных, образцовый порядок на всей, местами сильно заросшей, территории монастыря. Все теперь радовало взор своей ухоженностью. И офицеры стали поговаривать о том, что этот оторванный от мира благодатный монастырь давно нуждается в хозяевах, которые вдохнут в него новую жизнь. Поэтому никто не удивился, когда Хлебников, завершая вечерю, сказал:

— Друзья, я полагаю, что, потопив струг, Господь спас наши души. Хочу остаться здесь. Ведь тут для жизни идеальные условия. Добротные здания, земля и леса богатые. Какой смысл ехать куда-то и на пустом месте начинать? И потом, согласитесь, господа, будет обидно, если монастырь вновь в упадок придет.

— Кораблекрушение, монастырь, гибель мичмана — все это, похоже, не случайности, а подсказки, толчки к принятию решения, — как бы рассуждая сам с собой, проговорил ротмистр. — Может, и впрямь, не стоит рваться на чужбину — кто знает, как она встретит?

— Здраво глаголешь, — не преминул встрять довольный Лешак.

¹ Сорокоуст — ежедневное молитвенное поминание в течении сорока дней.

— Господа, а что если нам создать здесь сельхозартель и монастырь заодно возродить? Место намоленное. Господь явно покровительствует ему. За столько лет ничто не порушено, внутри все в целости, сохранности. Сохи есть, зерна в клетях до сих пор полно. Займемся землепашеством. Школу-интернат для тунгусских детей откроем, к православию их приобщим, — размечтался есаул Суворов.

— Может, по тайге еще кто бродит, вроде нас. Им тоже нужно место, где прислонить голову, — думая о своем, добавил ротмистр.

— О чем вы говорите! Планы-то у нас иные были. Не слишком ли быстро меняем? — возмутились разом братья Овечкины.

— А что, у вас есть иное предложение? Какое? Вернуться в гарнизон? Что нас там ждет, кроме общего дома в глухой тайге? А здесь высокая цель, можно сказать — духовная миссия. Коль не получилось послужить Отечеству, так Богу послужим, — отпарировал есаул.

— Как самый младший среди вас, — опять заговорил юнкер, — я, конечно, не могу указывать. Каждый сам должен принять решение. Неволить в этом деле нельзя. Но не следует забывать, что мы сила до тех пор, пока вместе. Моё решение твёрдое — остаюсь!

После недолгого молчания есаул пророкотал:

— Я с вами, юнкер.

Штабс-капитан резко поднялся:

— Я тоже.

— Иных вариантов не вижу, — кивнул в ответ на молчаливый вопрос товарищей поручик.

— Пожалуй, и мы останемся, — неожиданно дружно присоединились близнецы, откидывая со лба отросшие пряди.

По лицу Лешака пробежала улыбка — его такое решение устраивало больше всех.

* * *

Все же великая тайна — Человек! Его суть и предназначение подчас сокрыты под таким множеством наслоений вторичного, несущественного, что он об этом главном в себе и не догадывается. В этом смысле человека можно сравнить с извлеченным из земли самородком. Достоешь неприглядный, грязный комочек, а отмоешь в воде и заблестит, засияет как полуденное солнышко.

Вот и в Лешаке с того дня начала чудесным образом раскрываться тяга к духовному служению. Он стал много времени проводить с Антоном Хлебниковым. Особенно часто они сидели в библиотеке — самой светлой, с двумя окошками келье.

Здесь хранились письменные труды вероучителей, тексты былин, наставления, указания по постам и праздникам; писанный четким вытянутым полууставом¹ монастырский устав в кожаном переплете, стянутом парой серебряных застежек. Встречались и старопечатные книги, изданные в Москве еще до раскола. У многих из них углы потертые и заломлены, иных страниц недостает.

Особо почитаемыми были боговдохновенная «Книга — Вера», «Поморские ответы» и «Кириллова книга», направленная против унии. В последней поражало то, что за 22 года до утверждения Никоновых новин пророчески предсказывалось скорое явление антихриста на Святую Русь. К сожалению, часть книг была сильно повреждена. Особенно пострадали от грызунов кожаные переплеты. Почему-то совершенно не тронутыми оказались несколько стихарников. Из них два представляли собой редкие издания певческих книг древнерусского крюкового письма² с записью напевов в пятилинейной нотации.

Читая Лешаку выдержки из этих книг, Антон Хлебников сразу же доступно разъяснял старику непонятные места, а по прочтении они вели беседы на духовные темы.

¹ Полуустав — вид почерка.

² Крюковое письмо — старинная нотная грамота церковных духовных песнопений.

Неотесанный, полуграмотный старатель, впитывая знания, как ягель воду, на глазах менялся. По мере того, как ему раскрывалась суть евангельского учения, у него усиливалась потребность к каждодневному общению с Богом.

Когда вся компания по завершении дня, управившись с делами, собиралась в трапезной, юнкер и есаул, тоже знавший старославянский, для всех читали по очереди главы из жития святых. Понравившиеся и взволновавшие их места обсуждали. Диалог старообрядца Павла Даниловца во время стрелецкого бунта с патриархом Иоакимом впечатлил их. Особенно вот это место:

«Правду говоришь, святейший владыко, что вы на себе Христов образ носите: но Христос сказал: научитесь от Меня яко кроток и смирен сердцем, а не срубам, не огнем и мечом грозил. Велено повиноваться наставникам, но не повелено слушать и Ангела, ежели не то вещает. Что за ересь и хула двумя перстами креститься, за что же тут жечь и пытать?»

Патриарх на то отвечает:

— Мы за крест и молитву не жжем и не пытаем. Жжем за то, что нас еретиками назвали и не повинуетесь святой церкви, а креститесь, как хотите».

А в книге «Камень Веры» вычитали другое, еще более циничное признание никонианца: *«Раскольникам полезно есть умереть, для них несть иного врачевания паче смерти».*

— Получается, что причина жестокости церковных иерархов не в стремлении к чистоте веры, а во властолюбии. В страхе за свое внешнее положение и авторитет, — удрученно заключил есаул.

Из старых монастырских книг офицеры узнали, что в первохристианские времена не было особых правил для верующих и многое предоставлялось решать их совести. Она, для живущих по заповедям Христа, была как бы неким общим мериллом, ибо сказано: страхом Господним уклоняется всяк от зла.

Перебирая книги, юнкер на обложке затертой, подмоченной снизу рукописи, прошитой пеньковой нитью, прочитал заголовок, написанный затейливыми завитками:

«Летописание отеческой обители, нарожденной по воле схиигумена Сергия», а на следующей, побуревшей от старости странице, — буквами помельче:

«Писано иноком Никитой для доверительного извещения потомков и незабвения жития в славном Сергиевском монастыре, трудами нашими здравствующем.

Начато в лето 7195¹ года по наказу многоименитого уставщика Кирилла. Аминь.

По несправедливой воле антихристички Софьи², нас, рабов Божьих, преданных отеческой вере, сторонников казненного на Лобном месте столпа правоверия отца Никиты³, всего 57 душ, изгнали лета 7190 от сотворения мира

¹ Летоисчисление славян отчитывалось «от Сотворения Мира», заменённое Петром Первым в 1700 году на «от Рождества Христова» по юлианскому календарю (в 1918 году он был заменён большевиками на григорианский). Поэтому лето 7208 года от Сотворения мира стало 1700 годом от Рождества Христова. С тех пор мы поздравляем друг друга не с новолетием, а с новым годом (если быть точным, «С Новым Богом» — на немецком и голландском языках «Гот» означает «Бог»).

Упомянутое лето 7195 со дня Сотворения Мира по старому летоисчислению соответствует 1682 году современного григорианского календаря. Начало старославянскому летоисчислению было положено 5508 лет до нашей веры, когда славянские племена, разбив на реке Хуанхэ предков нынешних китайцев, заключили с ними мирный договор.

² Царица Софья Алексеевна в период своего правления (1862-1689гг.) вела активную борьбу со старообрядчеством.

³ Никита Пустосвят — суздальский священник, виднейший руководитель старообрядческого движения, активно добивался восстановления древнего благочестия. Был казнён в 1682 году на Лобном месте вскоре после вступления в присутствие царствующих особ в Грановитой палате в защиту старых обрядов. Следом по староверству прокатилась волна жёстких репрессий.

из Калужского леса и под стражей, сменяющейся от града к граду, препроводили в ссылку в Якуцкий острог.

В дороге пеши, студены были боле лета. Сопроводительные служилые кто мучили, помыкали нас, лаяли да укоряли, а кто сам душой прикипал к воззрениям древлеправославных христиан, и токо творил вид пред десятником, якобы и они неприязненны к нам. Явились до места не все. Семь страдальцев Господь на Суд прибрал.

Из острога с двадцатью аманатами¹ загнали в непролазную глушь валить лес для нужд постройки новой крепостцы. Там терпели, босы и наги, много издевательств и лаяния от бражных служивых воеводы. Голодали до невозможности. Ели что попало. Перебились кое-как скитающиеся по лесам и острым камениям, разными кореньями. Голова караульных стал зело притеснять и так помутился с браги, што покусился на мой живот. Стрелял три раза, но Божиєю волею на полке порох пыхнул, а пицаль не стрелила. Я, было, обмер со страху. Да Господь не дозволил. Тако было трижды. За сие неправедное деяние Бог строго покарал неправедного притеснителя. Тот сильно занедужил и много не мог двинуться с места. Слава Ему, Владыке нашему — век за правых стоит. Аминь.

Припасли леса с избытком. Вязали в два сорока плотов для четырех башен и ста сажен острожных стен. С ними двадцать плотов долготья на избы и церковное строение. Сплавляли лес к устью незнамой речки и споро возвели ту крепостцу.

В зиму нас не кормили. Спасались, как могли. Варили сосну, коренья. То один, то други падати с морока голода. В ину пору, повалившись наземь, который и встать не мог, испрашал бедный нас: «Долго ли сея муки терпеть?». А оправившись, сам себе прекословил: «До самыя смерти во обличение никонианства». Слава Богу, поддержали служивые, сочувствующие отеческой вере. Носили тайно по тьме. Иной раз кусок скотского мяса,

¹ Аманаты — заложники из местного населения.

иной мучки и овсеца, колико сойдется. Иногда и полпудика накопят и передадут.

До тепла не чаяли дожить, как чудо таки свершилось, Господь смилостивился. Воевода, бесом пораженный, по воле Божьей сгорел в избе с товарищами антихристами. Муки тем наши кончились, ибо все поели досыта и промеж собой и со служивыми побратались, яко семья одна. Нашего многопочтенного старца Сергия на общее водительство определили. На соборе все высказали намерение так и жить сообща, по-доброму.

Тунгусы про наши перемены не ведали. Много раз прежде обиженные воеводой, собрали свое немирное войско и коварно пожгли крепостцу сперва весной, второй раз осенью. Пожгли все до крохи. Поруха нам велика была.

Что делать? Снарядили послов к ихому князьцу просить мира, ибо не ведали своей вины перед иноверьцами. Тот рек нам так: «То наша земля. Уходите жить дале. Там ничья земля и отныне будет до самыя смерти ваша. Живите, зла нам не чините, и мы вас злом не укорим». Дал проводника, сотню оленей, провизии на пеши ход, чуток рухлядишко. Так и порешили добром, не поминая зла. Побрели пеши, куда сказано, почти наги телом, яко птенцы, токо родившись. Много лиха натерпелись, однако ладно дошли, потерь, слава богу милостивому, не имели.

На сим благодатном холме место заняли в лето 7199. Живем таперича тута без лиха и притеснения, дружною общиною, не поминая блудню еретическую от Никона. Пищи довольно сами растим. Токо для надежности монастырь из камня, огню не посильного, на века ладим. Слава Богу, што нужды великой, как прежде, не ведаем. Птиц зело много. А рыбы и того боле. Жирны гораздо — жарить нельзя: жир все будет. То велика награда Божия нам за неослабное стояние за веру отеческу. Повеличали земли сии вокруг холма и дале за многие воды «Беловодьем». Аминь.

Лето 7203 года. Построились недалече две общины с самого Камня. Всего 29 душ мужискаго полу. Чисты, яко ангелы. 5 лошадей с жеребцом.

Бысти отцу Варфоломею знамение чудесное, творимое силой Божией. Показал он, что Никоновым хриstopродавцам уготована зело страшная кара, а его любит и слушает Бог.

Лето 7207 года. Произошла прибавка из одноверцев с Керженца. 16 душ мужискаго полу, с ними коров 5 и бык, и лошади. Всего скотских голов 12.

Эту зиму морозы велики бысти, и 3 коровы прискорбно затомили беси.

Ныне в лето 7213 года приняли в свое духовное лоно пять новых общин, не приемлющих ереси Никоновой. 39 душ мужискаго пола. Послали из страны Беловодья на четыре стороны ходоков по... для Творищи... Не единым хлебом живе человеце, но всяким словом, исходящим из уст Господних.

Собрали 500 пудов ржи.

Служилый Никанор, праведной веры человеце, привезши с тунгусами на хранение казенного злата шесть бочонков с разбитого струга, шедшего к Ламскому морю. Помимо того...»

Последующие странички были вырваны.

Взволнованный юнкер еще раз запоем перечитал записи. В первый же вечер, когда все собрались в молельне, он объявил о находке и по окончании службы прочел вслух историю монастыря. Сотоварищи, окунаясь в события давних времен, слушали, затаив дыхание. Когда чтение закончилось, первым заговорил Лешак.

— Кака сила духа! Воистину ученики Христовы. Стока испытаний снесли, а не отреклись от отеческой веры... Хлебнули поболе нашего, однакось как ладно отстроились! Любо-дорого глядеть и ныне. А мы, братцы, что? Неужто слабже? Я так мыслю — како житье в монастыре было до нас, тако и ныне быть должно. Кто не согласный — пусть уходит.

— Верно, отец! Мы ведь такие же изгнанники, как и те великие сподвижники, что построили сию обитель. Поскольку здесь был староверческий монастырь, его староверческим и нужно восстанавливать. Иначе дело не заладится. А Бог нам поможет! — Воскликнул есаул.

— Ты прав! — поддержал ротмистр, — мне в Забайкалье довелось проехать через староверческие селения, и всякий раз будто в другую страну попадал — крепкие хозяйства, дружно, ладно живут. Куда ни загони старовера — на голые камни, вечную мерзлоту — повсюду порядок и достаток. До того они трудолюбивые и организованные.

— В летописи упоминаются еще какие-то скиты, может они жилые? — Загорелся юнкер.

— Скиты те стоят по сей день, но все безлюдны, — разочаровал его Лешак.

* * *

Антон Хлебников от души радовался быстрым переменам в таком, казалось бы, одичалом старателе.

— Радостно, что чтение и обсуждение богословских книг на вас столь благотворно влияет. Вы так изменились. Речь совсем иная и внешность благообразней!

— Знамо дело, в книгах я нахожу подтверждение мыслям, кои стали посещать меня после одного сна, виденного незадолго до вашего прихода, — ответил польщенный Лешак.

— Расскажите, любопытно.

— Слухай, коль интерес имеешь.

По дороге шли люди, все в длинных холщовых рубахах. Не различить, кто бедный, кто богатый. И все несли камни: кто великие, кто малые. То, как я опосля догадался, грехи ихни были. Те люди, у кого камни малые, несли их кто на руках, кто на плече, кто на спине. А у кого тяжельше, те просто катили по дороге, благо она ровная была. Катят да еще и посмеиваются над теми, кто камни на себе несет. И вот подошли оне к лестнице, што на небо, в царствие Божие. У кого камни были помене, те с трудом, но поднялись по лестнице. А те, которые посмеивались, стали подыматься, да не тут-то было. Камни падали, срывались вниз вместе с хозяевами. А один человек даже ото-

рвать от земли свой камень не смог. Пригляделся — то был я. Ужас меня обуял. Опомнись, говорю себе, Лешак. Покайся и искупи грехи свои неподъемными делами добрыми. Откажись от жажды стяжательства. С того дня решил употребить золото на богоугодное дело, а на какое и как то исполнить — по сей день не ведаю.

Первый толчок к Богу я получил от нынешнего наставника Варлаамовской обители, когда оне с Корнеем у меня гостевали. Беседы с ним до сего времени душу согревают. Теперича и сам дивлюсь: я то, али не я! Не пойму, за што такой милости Божьей сподобился. Каждодневно прошу у Него здоровья, дабы успеть до смерти грехи искупить и людям помочь. Как порешил употребить припасы золота на богоугодное дело, так и полегчало на душе, осветлел мир вокруг. Каждый день в радость. Силы у меня и сейчас, словно у молодого. А то об одном золоте токо и думал, будь оно неладно.

— Господь дает испытание каждому человеку. Для вас им была тяга к стяжательству, — сказал юнкер.

— Я и раньше мыслил: ну вот есть богатство, а пошто оно мне? Куды его с пользой употребить? Надумал было сто тысяч оленей бедным тунгусам купить, так у них, говорят, тех, что есть, отнимают и сгоняют в общее стадо. Употребить на строительство храма — так построенные рушат. Услыхал Господь мои метания и прислал вас. Теперича все ясно — возродить монастырь будем. Глянь, я уж и вывески приготовил.

Лешак достал и с гордостью разложил перед юнкером дощечки. На них углем было нацарапано: «трапизная», «киларня», «золото», «лишак».

— Ого! Так быстро научились писать! Неплохо было бы еще усвоить привычку записывать все, что происходит вокруг. Тут две пользы. Первая — приучитесь к изложению своих мыслей, а вторая — украсите жизнь небесполезным занятием.

Лешак горячо ухватился за этот совет и сшил из собранных чистых листов бумаги подобие тетради. Заглядывая в Библию, старательно сделал корявыми буквами первую запись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа начал

сию пропись 1933 лета. Лишак». Он так старался, что капельки пота выступили на лбу. С тех пор тетрадь регулярно стала пополняться новыми короткими памятками вроде этой: «Днесь поймал тайменя на полпуда. Уха зело хороша. Кололи дрова. Сложили две поленницы. Наладил лавку. Третий день вёдро».

* * *

Работа в монастыре кипела. Восстанавливали хозяйственную базу.

Штабс-капитан имел в этом деле некоторый опыт. Он прожил одно лето после окончания гимназии вместе с отцом в Германии, где тот изучал европейские методы земледелия. Вернувшись в Костромскую губернию, они за несколько лет превратили свое поместье в образцовое хозяйство, гремевшее на всю округу.

Слава богу, иноки, жившие прежде в монастыре, не только молились, но и пропитанием сами себя обеспечивали. В пристрое хранились в довольно хорошем состоянии три двузубые сохи-односторонки с изогнутыми сошниками и одна плужного типа — косуля — с двумя сошниками, лемехом, резцом и отвалом; многозубая борона, жатка, веялка. Под навесом тяжелые камни мукомолки.

За лето, запрягаясь по трое, а там, где дернина поплотней, то и по четверо, сумели вспахать лишь полторы десятины заросшего поля. В конце августа засеяли его озимой рожью. Весной, когда зацвела черемуха, успели поднять дополнительно небольшой клин и заборонить в него ячмень. Всю картошку, что осталась с осени, порезали на глазки и посадили у стен монастыря. Погоду Господь устроил им, как по заказу: лето выдалось теплое, дожди прошли вовремя.

Во избежание потерь хлеб убирали не жаткой, а вручную, серпами. Срезанный и связанный в снопы оставляли на поле. Как подсыхал, сносили под навес — что-то навроде гумна. Там молотили березовыми цепами, сушили, веяли на ветру с помощью лопат. Очищенное зерно ссыпали в клетки.

Первый же урожай подтвердил, что рожь здесь родится на славу. Поэтому всю осень расширяли посевной клин.

Хотя рядом с монастырем никто не жил, и его обитатели ни с кем не общались, до купца-якута Сафронова уже на следующее лето долетел слух о том, что Лешак организовал артель, растит хлеб и собирает знатный урожай. Прежде Василий в монастырь ездил редко — какой смысл забираться в такую даль к одному покупателю, но тут решил заглянуть, проверить, верно ли, что у старика имеется зерно. К тому же, подошло время вести заказы в гарнизон к Лосеву, а от него до монастыря всего дня два, самое большее — три.

* * *

При виде стоящих на полях ощетинившегося жнивья плотных снопов с тугими тяжеловесными колосьями, налитыми крупным янтарным зерном, у Василия загорелись глаза. Он аж крякнул — жители окрестных наслегов вечно страдали от нехватки хлеба.

Каково же было его удивление, когда из тягуче проскрипевших ворот (в монастыре ввели строгий порядок — чужаков на территорию обители не впускали) к нему вместе с Лешаком вышли старые знакомые, про которых подполковник Лосев говорил, что они уплыли к морю.

Линии жизни офицеров и купца скрестились в очередной раз. Белогвардейцев приход Василия обрадовал: хоть и плут, зато не выдаст и все, что закажешь, доставит.

— Смотрел ваши поля, такой хлеб нигде нет. Думал, хорошие хозяева появились. Думал, кто такие? Гляжу — старые друзья, — радостно протягивая руки, без остановки, елевым голосом говорил купец. — Ваши степенства, давайте вы мне зерно, а я вам мануфактуру или что еще — все привезу. Куды черт, как хорошо всем будет. Вы знаете, Василий Сафронов — добрый человек.

— Торговать мы не против, токо ты у этих стен чёрта боле не поминай, здесь святая обитель, — ответил за всех Лешак.

Первым делом решено было купить лошадей — без них целины много не поднимешь. Еще коз, кур. А в следующий приезд, по просьбе ротмистра, якут доставил токарный станок с ручным приводом для изготовления резных и точеных изделий из дерева. Во дворе под навесом установили кожемялку. На ручье построили водяную мельницу.

Торговля набирала обороты. Якут заказывал муки, зерна, особенно овса для лошадей все больше и больше. Эти товары пользовались постоянным спросом не только в якутских наслегах, но и у тунгусов. Чтобы не возить зерно, Василий открыл лавку на месте слияния двух речушек, на полпути между гарнизоном и монастырем, где проходили постоянные тропы кочевников, и поселил там своего батрака.

Жизнь в монастыре кипела, но одна проблема, из-за которой, собственно, офицеры и покинули гарнизон, оставалась нерешенной: семьей так никто и не обзавелся. Надеялись найти невест у староверов, но со скитскими пока не получалось встретиться.

Отправляясь за покупками в лавку, монастырские иной раз проезжали дальше — в гарнизон, к лосевцам. Встречи с боевыми соратниками хотя и были желанными, в итоге еще больше обостряли тоску по семейной жизни: те уже имели по двое-трое детей.

В гарнизон сподручней было ездить на Троицу: посев закончен, а сено косить время не спело. Лосевцы же с ответным визитом на уборку приезжали. Помогали жать и обмолачивать хлеб. Скучавшие по земле казаки работали с огромным удовольствием — в их буреломной тайге негде было ни сеять, ни косить. Кроме того, женская половина гарнизона по заказам монастырских шила из выделанных шкур расшитые узорами унты, кухлянки.

Уже после первого посещения лосевцев приметливый есаул поделился со штабс-капитаном:

— Слушай, Николай, мне показалось, что жена Лосева на Василия стала походить. Когда в гарнизоне жили, не замечал, а сейчас смотрю — одна ко- лодка.

— Точно — похожи. Не дочь ли она ему?

— Кто ж этих аборигенов разберет. Я слышал, они своих жен, если видят, что мужик видный, сами в постель предлагают. И считают это проявлением гостеприимства, а не грехом.

Обладея редкой изворотливостью и чутьем, Василий Сафронов долгие годы умудрялся скрывать от властей существование сети таежных лавок, устроенных им в местах пересечения основных кочевых путей эвенков. Почувствовав, что тучи все же сгущаются, он поступил просто: договорился с начальником районной милиции, и тот за приемлемое вознаграждение стал смотреть сквозь пальцы на сигналы о незаконной торговле и скупке якутом золота, мягкой рухляди.

* * *

Довольно быстро монастырская община превратилась в крепкое хозяйство со строгой дисциплиной, поддерживаемой авторитетом старца Алексия — Лешака. В стенах монастыря нашли приют несколько беглецов из Алданлага. Как будто Богом ведомые, бежав из мест заключения, они шли в верном направлении, и те, кто выжил в дороге, выходили прямо к монастырю. Казалось, невидимый свет озарял это место, притягивая к себе искавших безопасного приюта.

Горный инженер, из числа беглых, обнаружив на склоне монастырского холма богатый выход медной руды, соорудил плавильную печь и из полученного металла стал отливать в дополнение к деревянной посуде и медную. Освоил и кузнечное дело. Василий доставил ему наковальню, и теперь от печи нередко несся перестук молотка — глухой и мягкий по меди и звенящий по наковальне.

С приходом зимы тунгусы начинали перегонять стада оленей в эту и соседние долины. Алексей с Антоном ездили к ним, беседовали, старались об-

ратить спустившихся с гор кочевников в православие, приглашали в гости. Новообращенным, прошедшим обряд крещения, Лешак собственноручно вешал на шею медный крест, отлитый здесь же, в монастыре.

Один, крещеный Владимиром, эвенк, через несколько дней вернулся и попросил еще один нательный крест.

— Пошто тебе второй?

— Старый гвоздь ковал. Новый давай, только толстый давай. Худой, как юкола, Христоса не давай. Бог надо толстый, как наш сэвэки. Такой долго живи, эвенку помогай.

— Владимир, ты же по своей воле крестился, а продолжаешь поклоняться идолам. Нехорошо!

Эвенк сердито глянул на Лешака:

— Христос на небе. Как просишь у него добычу? Сэвэки рядом, всегда можно проси. Христоса хорошо только нож делай.

Лешак улыбнулся, а стоявший поодаль есаул возмутился:

— Отец, что проку крестить дикарей? Живут одним днем, о душе не думают, о будущем не заботятся. Одно слово — таежные цыгане!

— Отвечу тебе притчей. Старик сажает яблоню, а сосед удивляется: пошто сажаешь, ведь тебе не дожить до плодов? Тот и говорит: зато внуки поедят и вспомнят обо мне. Так и тут: коли мы хотим приобщить этих людей к православию, семена засеять надобно уже сейчас. Они хоть и язычники, а посмотри — живут-то по-божески. Не вороваты, не коварствуют. Добро помнят всю жизнь и платят тем же. Чем не православные? В Библии сказано, што возле каждого человека летают два духа: ангел и демон. Оттолкнув этого дикаря, мы лишь поспособствуем диаволу.

Один из беглых, старообрядец Зиновий из знаменитой на всю Россию Поморской общины, оказался иконописцем. Он в тонкости владел традицией византийской школы, любовно передававшей через иконы высокодуховные идеи человеколюбия не посредством внешней яркой красоты, а глубоким внутренним содержанием.

Иконы Зиновий писал на ковчежной доске. Писал темперой — красками, в которых связующим веществом является эмульсия из воды и яичного желтка. В качестве пигментакрасителя использовал растертые камни, глину, сажу. Написанные темперой образа отличались стойкостью к внешним воздействиям и сохраняли первоначальную свежесть значительно дольше, чем писанные маслом. Теперь старец Алексей-Лешак вручал семьям новообращенных вместе с крестами и образ покровителя монастыря — Сергия Радонежского.

* * *

Монастырские уважали и почитали старца, да и небеса благоволили ему. В свои годы он был бодр, энергичен и зело здрав в уме. А в знании догматов православия почти сравнялся с Антоном Хлебниковым. И когда стали решать, кому быть настоятелем, офицеры всем обществом попросили его принять этот сан.

— Рад бы в рай, да грехи не пускают. Дабы наставлять, я обязан сперва очистить свою душу. Для того надобно исповедаться перед законным духовным лицом, получить у него благословение и рукоположение.

— Где ж такого в нашей глухомани взять? — расстроился есаул.

— Есть один человек, который мог бы нам в этом деле помочь — наставник Варлаамовской общины. Григорием его кличут, в миру ажно профессором служил. А до того могу быть просто старшим у вас.

— Погодите, а как фамилия того профессора? — заинтересовался штабс-капитан.

— Не ведаю. На что она мне?

— Ну, хорошо, опишите, как он выглядит?

— Высокий, борода черная, нос острый...

— На щеке шрам?!

— Кто его разберет — борода густая, не видно.

— Господа, не исключено, что это мой брат! Его зовут Григорием, и он профессор теологии.

— А что удивляться? Место у нас такое — хороших людей собирает. Будет на то Божья воля — свидишься. Тогда и узнаешь: он али не он, — рассудительно заключил Лешак.

ТРАГЕДИЯ В ГАРНИЗОНЕ

1936 год.

В один из прохладных августовских вечеров, когда братия отдыхала после жатвы, в монастырь явились два изможденных отрока с собакой. Младший Тимоха — белобрысый, медлительный, добродушный увалень, старший Игорёк — чернявый, подвижный, обходительный. Офицеры не сразу признали в них сыновей Лосева: Тимоху и Игорька — так сильно исхудали.

Мальчишек усадили за стол и напоили бодрящим настоем брусены с хрустким, еще горячим хлебом. Придя в себя, ребята рассказали о постигшей гарнизон трагедии.

Подполковник Лосев не позволял покидать окрестностей гарнизона, но жена Шалого, Ульяна, упростила-таки мужа тайно съездить навестить родителей, живших в улусе. Чтобы их не искали, сказали, будто уходят ставить избышку за перевалом. Мол, зимой попытаем промысловое счастье на новом участке — золото в ключах и речушках иссякло и теперь, чтобы выменивать у Василия товар, лосевцам приходилось активно добывать пушнину.

Проведали, порадовали стариков и рано, едва начало отбеливаться утро, собрались было обратно, а у дверей их три красноармейца уже поджидают.

— Бог — на дорогу, Никола — в путь, — издевательски сказал один из них, щелкнув затвором нацеленной на казака винтовки. Это было настолько неожиданно, что Шалый даже не смог выхватить из-за ремня наган. Когда их вели к сельсовету, он сиганул в табун лошадей и, вцепившись в гриву подвернувшегося жеребца, вскочил на него. Обезумевший от внезапности конь с места понесся размашистым галопом через луговину. У леса вскинулся све-

чой и скинул непрошенного всадника. Коснувшись земли, Шалый привычно перекувыркнулся и под свист пуль, петляя, как заяц, непостижимым образом вбежал в спасительные заросли, но в этот миг затылок острым жалом пронзила свинцовая смерть.

Запуганная Ульяна на допросе рассказала все без утайки. Донесение о скрытном военизированном поселении белогвардейцев в тот же день ушло в город. Оттуда без промедления прибыл кавалерийский полуэскадрон, имевший приказ уничтожить вражье логово.

Взяв с собой Ульяну, красные после долгой и изнурительной дороги подступились к обнесенному крепким заплотом гарнизону. Операцию спланировали на самое глухое время — перед рассветом, но, услышав взбреднувшую собаку, поняли, что взять беяков врасплох не удастся. Стали думать, как выманить их за ограду, на открытое место.

Обследовав округу, решили, что самый надежный и безопасный способ — утром поджечь баню, стоящую на берегу ключа, как раз напротив ворот: белые увидят дым и выбегут тушить, а тут и...

Пулеметчики залегли у тропы, ведущей к бане, а остальные окружили поселение. Действительно, как только над баней за клубился черный дым, из ворот выбежали мужики с ведрами. Навстречу им полетел свинцовый град...

Брившийся в это время Лосев, услышав такание пулеметов, схватил карабин и кинулся во двор. Увидев, что из леса выбегают красноармейцы, подполковник тут же запер ворота и закричал во все горло: «Лихо, лихо!». В гарнизоне все знали, что это слово-команда означает. Побросав все, женщины с детьми кинулись к тайнику. Сам же подполковник, став сразу четким, как запрограммированная машина, поднялся на чердак, где для такого случая были приготовлены карабины и боеприпасы с гранатами. Через слуховое окошко первым же выстрелом уложил красноармейца, пытавшегося перелезть через ворота...

Перестрелка длилась уже несколько часов! Следует отметить, что подполковник еще с кадетского училища славился тем, что стрелял без промаха.

Фронтоны из толстых лиственничных плах надежно защищали его от пуль. И все же одна прошила шею. Истекающему кровью Лосеву придавало силы лишь сознание того, что он остался единственным защитником гарнизона.

Когда с чердака перестали огрызаться, красные гранатами разворотили ворота. Зашли в дом. Никого. Стали осторожно подниматься на чердак.

Подполковник, привалившись к стропиле, сидел в луже крови. Отколота пулей щепка рассекла лоб, и алая струйка стекала по недобритой щеке. Облизывая пересохшим языком губы, Лосев вслушивался в приближающийся стук сапог, прерывистое дыхание врага. Понимая, что прицельно выстрелить уже не удастся, он нащупал гранату, выдернул чеку и бросил ее в проём лестницы, и до взрыва успел привести в рабочее состояние вторую...

Уцелевшие красноармейцы, обшаривая избы и подсобные строения, случайно, по приглушенному плачу грудничка, обнаружили хорошо замаскированный тайник. Из него вывели перепуганных женщин и ребятню, всего семнадцать душ. Командир приказал обыскать убитых беляков.

Когда бойцы направились к лежащим на тропе телам, на них из кустов вылетели четыре волкоподобных пса. Злобно рыча, они набросились на чужаков. Одна из собак, повалив красноармейца, разорвала тому горло. Началась суматоха. В этот момент жена Лосева — Соня загородила собой сыновей и шепнула: «Бегите в монастырь».

На отчаянные крики отбивавшихся от псов красноармейцев прибежало подкрепление. Стрелять в мечущихся среди людей собак было рискованно. Солдатам приходилось ловить момент, чтобы колоть штыками. Остервеневшие псы, даже смертельно раненые, не разжимали челюстей. Рычали, визжали, но не от страха, а от ярости. Когда добились последнего, два залитых кровью бойца остались лежать на земле без признаков жизни. А у троих оказались разодранными до кости ноги и руки. Перевязывая и усаживая на тачанку раненых, красноармейцы ругались:

— Не собаки, а звери! И откуда только взялись? А живучие какие! Одну так и не удалось прикончить. Убежала, гадина!

Взбешенный потерями командир карательного отряда приказал расстрелять все «белое отродье» подчистую. Не пощадили ни наводчицу Ульяну, ни детей...

Сложив на вторую тачанку погибших товарищей, понурые бойцы двинулись в улус — победа больше походила на поражение.

Дом Лосева, гневно пылая, уносил в небо вместе с дымом душу русского ратника, для которого честь была дороже жизни. Прав был он или ошибался — сказать трудно: не существует одной всеобъемлющей истины. Лосев просто честно исполнял то, что повелевали долг и присяга.

В своем последнем бою Лосев нанес немалые потери неприятелю: семерых насмерть, четверых ранил. Да еще собаки двоих загрызли.

— Метко стрелял, все пули в голову, — сокрушался командир эскадрона, проезжая мимо тачанки с убитыми...

Сыновья Лосева, отбежав, затаились в небольшом овражке, густо заросшем молодыми ёлочками. Красноармейцы не могли видеть их, зато ребята видели все...

Потрясенные, сидели они в своем укрытии до тех пор, пока не опало пламя от горящих домов гарнизона. Только тогда, размазывая слезы по чумазым лицам, побрели мальчики на восток. Знали, что монастырь где-то там, но идти по тропке, ведущей к нему, побоялись — опасались встретить красных. Шли лесом. Вскоре их нагнал израненный, прихрамывающий кобель Грозный. Ребята сразу почувствовали себя уверенней — с таким защитником никто не страшен.

Питаясь поспевшей голубикой и съедобными кореньями, ребята долго плутали по тайге, но никак не могли выйти к речке, у которой стоит монастырь. С каждым днем все сильнее мучил голод. Пес иногда ловил выпархивающих из-под ног куропаток и приносил их к ногам мальчиков. Поначалу они брезговали есть сырое мясо, но, оголодав, рискнули... К монастырю вышли на восьмые сутки...

Дослушав рассказ, потрясенный ротмистр Пастухов обнял братьев:

— Ваша матушка — умница! Под стать отцу.

— Они и сами молодцы — добрались до нас, не ведая дороги! — Похвалил Лешак.

— Каковы корни, такова и крона.

* * *

Кровавая расправа над гарнизоном обеспокоила монастырских. Вечером штабс-капитан с есаулом долго обсуждали это событие.

— Каратели и к нам могут нагрянуть. Хорошо, что Ульяна про монастырь толком не знала и, похоже, смолчала, — сказал Тиньков.

— А вдруг что сболтнула?

— Не исключено. Но у нас очень удачное для обороны расположение: к монастырю невозможно подойти незамеченным — всё окрест, как на ладони.

— И что с того? Ну, засечем красных — а куда от них по нашим полям бежать? Перестреляют, как гусей во время линьки. И в монастыре не отсидишься — рано или поздно выкурят.

— Можно прокопать подземный ход по гривке, к соседнему холму и соорудить там схорон. Снесем заблаговременно туда продукты и часть боеприпасов. В случае опасности там и отсидимся, — предложил ротмистр.

— Мысль неплохая, но первым делом следует установить круглосуточный дозор, а ворота укрепить. Обить, к примеру, медными пластинами.

Предложения есаула и штабс-капитана все поддержали.

* * *

Узнав от монастырских о трагической судьбе гарнизона, Василий изменился в лице. Часто заморгал, отгоняя слезу. Все решили, что он струхнул. Одно дело — контрабанда, а сотрудничество с белогвардейцами — это уже явное пособничество врагам народа. За такое сразу расстрел. Только есаул да, может быть, еще штабс-капитан догадывались об истинной причине его расстройства.

Якут закрыл свою лавку, часть товаров отдал монастырским в уплату за зерно, а остальное вывез в надежное место. Сыновей Лосева одарил с несвойственной щедростью: дал каждому по две пары сапог, охотничьи ножи и зачем-то сбрую для коней. Всех удивило то, что этот скряга оказался способен на вполне человеческие поступки.

— Лисица притворяется мертвой, чтобы наверняка схватить добычу, так и купец притворяется добрым, чтобы с выгодой чего-то получить, — по своему оценил необычайную щедрость якута ротмистр.

— Василий, ты бы и нам чего-нибудь презентовал, — попросили братья Овечкины.

— Вы пара — два сапога. Вас мать и так уже одарила, куда больше, — недовольно отмахнулся купец.

Между тем причина его щедрости была проста — Игорь и Тима были его внуками. Об этом, взглянув на Игоря повнимательней, можно было догадаться — та же мягкая походка, те же вкрадчивые повадки и лицом малость схож. Чего не скажешь про Тимофея: тот был копией Лосева.

Свернув торговлю, Василий, через влиятельных друзей, получил в улусе должность начальника райторга, вступил в партию и вскоре стал одним из самых уважаемых людей в районе — «товарищем Сафроновым».

Трагическая, неожиданная смерть единственной, хоть и незаконной, дочери ошеломила торговца. Зачем столько денег, золота скопил? Кто это оценит, кто поблагодарит? Даже внукам он не может открыться. Не может сказать, что он их родной дед. Правда, худой, ласковый, с сияющими, как у теленка, глазами, Тимоха у деда симпатии не вызывал — простодыра. Зато к крепышу Игорю, который пошёл в него, всегда испытывал нежную, спрятанную от посторонних глаз, любовь. По нему он особенно скучал.

Взяв отпуск, Василий тайно отправился в монастырь. Встретившись с Игорем, предложил переехать с ним в улус по документам сына дорожного смотрителя. А оттуда по направлению — сразу в город, в училище советской торговли или, если удастся договориться, на милицейские курсы.

Парнишка не понимал, почему именно его решил благодетельствовать якут, но согласился, ибо слышал, что сыну белого офицера все дороги закрыты, а перспектива всю жизнь скрываться в монастыре его не прельщала.

Никто не знал, о чем якут говорил с Лешаком, но старец сам помог собрать мальчонку в дорогу и благословил его. После их отъезда в монастыре пропал серебряный наперсный крест украшенный цветными камнями. Хватились пропажи на вечернем правиле. Лешак вспомнил, что он выходил с ним перекрестить в дорогу Игоря. Потом положил крест на скамью у входа в монастырь, брал ли его в руки еще раз, запомнил. Все обшарили — крест как в воду канул.

СКИТНИКИ В МОНАСТЫРЕ

Пути-дорожки Лешака и Корнея редко пересекались, но их приятельные чувства друг к другу от этого не слабели. Между ними существовала какая-то незримая духовная связь. Они мысленно общались, советовались, спорили — и у каждого было ощущение, что собеседник слышит и понимает его.

В это лето Корнея особенно сильно тянуло к старику — чуял, что его ждет там какая-то радость. И, когда в каждодневных делах наметилась передышка, он обратился к отцу:

— Дозволь, тятя, проведать Лешака, может, помощь какая ему надобна — стар ведь.

— И то верно, давненько уж не хаживали. Сходи, спроведай. Я с Григорием сегодня же обговорю¹. Заодно сольцы принесешь.

¹ Следует заметить, что у староверов на всё необходимо испрашивать разрешение старшего. Сыну у отца, деда, а дочери у матушки, бабки. Даже на обычные и повседневные дела, они просили: «Позволь батюшка, поколоть дров», «Дозволь, матушка, сходить по ягоды».

Знакомая дорога заняла у быстроногого Корнея всего два дня. Уже на утро третьего ему открылся памятный холм с крестами над строениями. Но что это?! На месте обширного луга волновались на ветру уже чуть подернутые желтизной квадраты полей. На склоне холма паслось стадо невиданных, похожих на кабарожек животных, обросших длинной шерстью, с острыми рожками и большим выменем. Ворота монастыря сияли медью.

— Неужто новые хозяева? — Встревожился скитник. — Странно, сердце чувяло иное.

Корней в замешательстве остановился, постоял перед воротами, и, наконец, собравшись с духом, осторожно отворил их. Во дворе тоже все было по-новому: прежде заросший кустарником, он был покрыт ровным травяным ковром. От строения к строению вели присыпанные речной галькой дорожки. Боковой навес плотно забит аккуратно сложенными березовыми дровами. На веревках сушится постиранное белье, в том числе дюжина портков. «Должно быть, и впрямь новые хозяева!»

Цепляясь за последнюю надежду, скитник решительно толкнул дверь келарни¹, в которой прежде сживали с Лешаком.

За столом перед чашей с дымящейся кашей сидели двое незнакомых мужичков с совершенно одинаковыми бесцветными лицами. Обернувшись на скрип, они, вытаращив глаза, спросили тонкими бабьими голосами:

— Как ты зашел?

— Отворил ворота и зашел, — пробормотал, ошеломленный их сходством, Корней.

Те переглянулись: выходило, что они нарушили установленный порядок и не задвинули засов, когда выпускали братию на работы.

Скитник, наконец, сообразил, что перед ним единоутробные близнецы и, пожелав «Ангел за трапезой», перекрестился двумя перстами, чем враз выдал себя.

¹ Келарня — кухня, обычно совмещённая со столовой, в старообрядских монастырях.

— Ты из раскольничьего скита? — Спросил, несколько успокоившись, тот, что сидел ближе.

— Правильней сказать — староверческого, а еще правильней — старообрядческого. Раскольники — это те, кто изменил вере. А у нас, кака при прародителях была, такова и есть по сей день, — не преминул поправить Корней.

Заметив, что недовольные назидательностью его пояснения незнакомцы поджали губы, добавил:

— Мне б Лешака.

— Так нет его.

Увидев, как переменялось лицо гостя, успокоили:

— Он на протоке, вентеря проверяет. Скоро должен быть.

У Корнея отлегло — слава богу, жив старик!

— Сударь, вы бы присели, поели с дороги, а я за старцем сбегаю, — неожиданно предложил Владислав. Его брат Всеволод с таким наслаждением стал высасывать из мосла оленя костный мозг, что и у скитника невольно проснулся волчий аппетит. Сглотнув набежавшую слюну, Корней снял армяк из своедельщины, достал из котомки деревянную чашку, ложку. Наложив из горшка крутой, рассыпчатой каши, прочитал над ней молитву и только после этого приступил к сдержанной трапезе.

Нарушая затянувшееся молчание, Всеволод поинтересовался:

— А не из того ли вы скита, откуда старец все гостей ожидает?

— Так он ждет? — Обрадовался Корней. — То-то я почувствовал, что надо идти.

— Мы и сами к вам в гости хотим. За невестами.

Корней удивился такой бесцеремонности, но промолчал. Больно странными показались ему эти люди.

— А вы что, давно знакомы со старцем?

— Почитай с малых лет.

— Про вас, староверов, мы слышали много хорошего, но считаем пустым спор о том, какое знамение Богу угодней: в два перста либо в три.

— Извините, но у вас однобокое представление. Суть староверья не столько в защите обрядов, сколько в защите самого православия от чуждых нововведений, заимствованных с иноземных образцов.

— Ишь ты, как загнул! — Оторопел Всеволод. — А вон и наш дедушка!

Старатель сразу признал Корнея — годы не ослабили ни памяти, ни зрения, да и сам он не изменился, лишь морщины еще глубже пробороздили лоб и еще гуще заросли на его носу веснушки.

— Здравствуй, радость моя! — Воскликнул он.

Друзья обнялись, поликовались.

— Как ваше спасение? — справился Корней.

— Слава богу, грех жаловаться, — засмеялся Лешак во весь беззубый рот.

— Рад, что в добром здравии. Поначалу встревожился. Думал, новые хозяева тут — так все переменялось.

— И новые есть, тока не хозяева, а соартельники. У нас ведь теперича здесь артель — сельскохозяйственной называется. Меня в старосты определили. Хлеб растим, скот держим. Школу вот для тунгусских мальцов открыли. Мечтаем ишо и монастырь возродить, штоб все, как прежде было.

— Монастырь?! Чудно! Пошто вам монастырь? Вы ведь безбожник, — не сдержал удивления скитник.

— Учись своим умом до всего доходить. Обо всём спрашивают тока неразумные дети, а зрелые мужи должны сами находить объяснение. На то голова им дана. А когда все осмыслишь, то поймешь не только это, но и многое другое.

Корней, смущенный мудреной витиеватостью речи старателя, молчал.

— Не обижайся, дружок. Блеснуть захотелось ученостью. Прости, Господи, грех стяжания славы человеческой, то бишь тщеславия. Кстати, Корней, ты в самый раз явился — праздник ведь сегодня — Рождество Иоанна

Предтечи. Вечером начнем всенощную. Мы всё по-вашему, как в старых книгах писано, делаем. Службы наладили и на клиросе голоса редкие подобрались. Как говорит поручик — «абсолютные октавы». Слушаешь, и душа воспаряет к небесам.

Корней смотрел на старика с изумлением. Весь его облик излучал безмятежную радость и какую-то особую просветленность. Тем временем подошли остальные монастырские. В трапезной стало тесно, шумно.

Расспрашивая о скитских новостях, Лешак в первую очередь поинтересовался, как поживает наставник — больно запал он ему в душу. Штабс-капитан, услышав имя «Григорий», встрепенулся:

— Господин хороший, вот вы сейчас говорили о своем наставнике, его фамилия, случаем, не Тиньков? — Обратился он к Корнею с надеждой.

— Верно, Тиньков. А вы откуда знаете?

— Боже милостивый, точно он! Мой брат нашёлся! — Вскочил со скамьи штабс-капитан. Волнуясь, обращаясь ко всем и к каждому по отдельности, сияя, он повторял:

— Мой брат! Мой брат нашелся! Я чувствовал, чувствовал, что он жив! В 18-м году известили, что утонул, ан нет — жив!

— Точно, отец Григорий рассказывал нам, что, когда они бежали из города на лодке, она перевернулась, и его напарник утоп, — подтвердил Корней.

— Сударь, вы когда обратно? Я с вами!

— К нам в скит без дозволения наставника не можно.

— Он же мой брат! Разумеется, дозволит!

— Все одно, не можно в скит. По уставу следует сначала получить дозволение. Я передам наставнику о вас. Какое решение он примет, так и будет.

— Вот тебе на! Брата нашел, а вы не можно, не можно! — Рассердился Тиньков и с надеждой глянул на старца.

— Я што? Я предупреждал — у них дюже затворный скит. Пока сам не придет, вряд ли увидишь, — подтвердил, сопя в бороду, Лешак.

Дежурившие по монастырю братья Овечкины еще днем украсили стены молельной свежими цветами, березовыми ветками, отчего в помещении стоял аромат лета. Служба началась в полумраке — горели лишь две лампадки перед ликами Христа и Богородицы в нижнем ярусе божницы, а в оконца сумеречный свет почти не проникал.

Пели на два голоса и очень протяжно: каждое «Господи, помилуй» длилось не меньше двух-трех минут. Над густым баритоном есаула, взлетая ввысь, трепетали чистые дисканты близнецов. Слова как бы утрачивали свою самоценность — возникало чувство, что это души собравшихся славят Бога, и в этой абсолютной радости и трепетной любви одних только слов было уже недостаточно. Красивые, завораживающие звуки молитвенного пения, переплетаясь, возносились к высокому потолку и летели к небу. Люди растворялись в этих волшебных колебаниях воздуха и вместе со словами молитвы устремлялись к Престолу Творца.

Хотя многогласие являлось нарушением принятого в скиту одногласного пения в унисон, красота пения так тронула Корнея, что на глазах непроизвольно выступили слезы. Вспомнились слова деда Никодима: «Петь во время службы надо так, чтобы слова завораживали слух, а содержащаяся в молитве истина сама проникала в сердце».

Вечерня завершилась литией, затем началась полунощница, перешедшая в утреню. Шестопсалмие читалось уже по книге — не успели выучить на память.

К утру стала давить усталость. Кое-кто сел на боковую скамью. Только Антон со старцем да есаул Суворов стояли и пели до тех пор, пока первый солнечный луч из узкого восточного оконца не озарил помещение. Прозвучали слова: «Слава Тебе, показавшему нам свет. Аминь», и служба завершилась. Спать не хотелось. Все чудилось, будто вокруг продолжает звучать и давать силы божественное песнопение.

* * *

Вернувшись в скит, Корней поведал наставнику о том, что Лешак жив-здоров и, Божьей милости сподобившись, богоугодные дела вершит: праведником стал, артель с пришлыми грамотно организовал.

— Вот уж воистину — велика сила человека, возлюбившего Творца, — подивился неожиданной вести и Григорий.

— У них там такие перемены! Не вразум даже, как столь малым числом сумели столько свершить. И Лешак так ловко пришлыми управляется — не командует, вроде, а они с полуслова слушают. Хотя, по всему видать, народ дюже породистый и с норовом.

— В том-то и секрет, что надобно помене управлять. Главное самому жить по совести. Тогда и люди следом потянутся.

— Замыслили они лечебницу открыть, а в прошедшую зиму школа для эвенкийских детишек уже работала. А еще — не поверите, большое стремление имеют староверческий монастырь восстановить, чтобы все, как прежде, стало. И Лешак все злато, что за эти годы намыл, на сие богоугодное дело кладет.

— Многомудрое решение: кто смог отказаться от излишеств, тот предостерегся от лишений. Ведь само по себе богатство не приносит счастья, ибо счастье и Божью благодать в полной мере можно ощутить, только делаясь с другими. Это то же самое, когда ты один любишься на что-либо — это не полное счастье, а когда рядом с тобой любитесь еще кто-то и ты можешь ему сказать — посмотри, какая красота! — вот это истинное, полной меры счастье. Ибо, складываясь вместе, чувства каждого усиливаются.

Весть про брата Корней берег напоследок. Завершив повествование о монастырских делах, он произнес нарочито равнодушным тоном:

— И лично для вас новость есть.

— Говори.

— Нашел я в монастыре одну вашу давнюю потерю.

— Так я там, вроде, ничего не терял.

— Брата вашего, Николая, нашел!

— Как ты мог его найти в монастыре, в наших краях, когда он в Гражданскую под Читой сгинул? Я тогда еще в Иркутске преподавал.

— А вот нашел! Жив-здоров ваш брат. Он тоже вас считал погибшим.

— Вот те на! — Григорий даже сел на лавку от изумления. — Не зря мне мстилось, что он жив, и будто рядом где-то. Смотри-ка, сердце не ошиблось.

— Брат с вами свидетелься хочет. Остальные исповедаться желают, Лешак — в первую очередь. Посему очень просят вас не отказать, прийти. Хотят так же получить ваше благословение для восстановления монастыря и пройти миропомазание в древлеправославную веру.

— В таком святом деле отказа не будет. Слава Богу, потихоньку прозревание приходит и жизнь на старину поворачивает, — возрадовался наставник.

— Есть, отец Григорий, у них еще одна нерешенная проблема: мечтают о семьях, хотели бы после переправы наших девчат сосватать.

— Тоже похвально! Нынче на выданье пять девок да трое на подходе, а парней нехватка. Кто-то в вековухах¹ может остаться. Так что прямой резон породниться. Тем паче, что женихи дальние, а свежая кровь ой, как нужна. Исповедаю, совершу миропомазание, а там и в скит можно пригласить на смотрины.

— Когда думаете отправиться?

— Откладывать не будем. Растянешь дело — снег ляжет. Да и брата поскорей увидеть хочется. Готовься через два дня на третий.

Духовник хоть и крепкий был мужчина, Корней опасался, что одолеть дорогу пешим ходом ему будет тяжело. Поэтому, по совету Дарьи, убедил Григория ехать на оронах². Пригнанные много лет назад из стойбища Агирчи, они так и держались в окрестностях скита. За это время разросшееся стадо изрядно одичало, но людей подпускало, и оседлать их при необходимости можно было.

¹ Вековуха — оставшаяся в девичестве не по обету, а по воле случая.

² Орон (эвенк.) — домашний олень.

Вышедший из ельника «караван», стоящий в дозоре Антон Хлебников заметил сразу. Первое, что подумал: эвенки едут — и удивился, не приключилось ли чего? Прежде летом их не бывало. Но, когда олени стали пересекать сжатое поле ржи, он, наведя полевой бинокль, в одном из наездников признал Корнея. Юнкер тут же спустился с вышки, пристроенной к каменной стене, и оповестил товарищей о приближении долгожданных гостей из Варлаамовского скита.

Знавший эти места Григорий, несмотря на то, что уже был подготовлен рассказом Корнея, не мог скрыть изумления от увиденного. Особенно восхитили его идеально ухоженные поля.

— Чувствуется рука брата. Любит он порядок, и чтобы всего было много и непременно красиво. Гляди-ка, часть пахоты под паром — тучность набирает. Грамотно... грамотно дела ведут! По-хозяйски! Молодцы! Иначе не скажешь, — восторгался он, оглядывая новую, измененную любовным трудом панораму.

Встречать дорогих гостей вышли все. Штабс-капитан не утерпел и побежал навстречу. Обнимая, тиская брата, чуть не свалил того с ног.

— Господи, счастье-то какое! Неужто ты? Не чаял... не чаял, что свидимся. Думал, давно стлел.

— Так и я тебя похоронил. Слава богу, встретились!

Лица обоих светились от радости. Начались расспросы:

— Ну как ты, братец?

— А ты как?

— Покорми сперва, после поговорите, — бурчал довольный Лешак.

Григорий, считавший, что «где пиры, там немочи», ел совсем мало. Правда попробовал все, чтобы не обидеть хозяев. Попотчевав гостей, Лешак со штабс-капитаном провели их по монастырю. Показали и чистый хлеб, устланный соломой, ток с горой обмолоченного зерна, курятник, кожемялку, медеплавильную печь, кузню, мельницу на берегу протоки, всю заставлен-

ную мешками муки крупного помола. Восхищению Григория не было предела.

— Дивны ваши дела, ой как дивны! Сколько же человек в артели? — Осведомился он у Лешака.

— Сколь? Кажись четырнадцать! Я, семеро из офицеров, один отрок да пять приживальцев со стороны. Осенью тунгусы привезут детишек на учебу. Тоже помощники. В прошлую зиму двенадцать обучалось. Проятся и отроковицы, но женский пол не берем.

— В нашем скиту народу поболее, но не могу похвастать таким обилием богоугодных деяний. Безмерно порадовали вы меня.

— Слава Создателю, помогает Милосердный. И сотоварищам премного благодарен — на редкость грамотны. От них многому учусь, — промолвил польщенный Лешак.

— На то они и офицеры! Люди чести и долга. Во все времена были элитой России, — пояснил наставник. — А что касается Божьей помощи — нельзя что-либо получить, не давая ничего взамен. Стало быть, и вы Бога возлюбили и по его законам жить стали.

— Стараемся, батюшка.

— Со слов Корнея знаю, что имеете стремление возродить здесь, как прежде было, старообрядческий монастырь. Как себе это представляете? Ведь вы в никонианской вере.

— Потому и призвали вас. Желаем возвернуться в лоно первородного православия и жить по нему до скончания века. Душой-то мы его давно приняли, богослужение, как прописано в старой «Минее Месячной», ведем. И мальцов по старопечатному Часослову обучаем, память создателей монастыря не гневим. Но меня не покидает тревога: не грешим ли? Ведь мы, почитай, самозванцы — служим-то без законного благословения. А дюже хочется, шток по чину все было. Вы уж помилосердствуйте — проведите миропомазание в стару веру, — Лешак говорил медленно, стараясь произносить правильные слова, чтобы, не дай бог, наставник не отказал.

— И вижу, и слышу, что всем сердцем стремитесь вы к истинной, древнеправославной вере, потому с превеликой радостью и переправу со-
вершу, и благословлю на Христову службу. С утра все в бане помойтесь,
оденьтесь в чистое и, даст Бог, после исповеди, на речке, в проточной воде,
переправу и сотворим. Говорите, четырнадцать вас, а все ли готовы?

— Да не всем надобно. Из пятерых прибылых четверо с рождения ста-
рой веры. Стало быть, наших семеро, отрок и один прибылой. Всего девять.
Народ серьезный, к вере большую ревность имеет... Есть, отец Григорий,
ишо один вопрос, не знаю, как вы расцените его. Грех на себя взял — кре-
стил зимой эвенкийских детишек. Можно ли их считать староверами?

— А по какому чину крестил?

— Как в наставлении сказано, строго по нему и три полных погружения
в проруби содеял.

— Такое не допускается, но и не осуждаемо, коли иных посвященных
нет. Важно то, что обряд не нарушен и крестили с чистыми помыслами...
Лешак, простите, Алексей, вы сказали, что ваших будет семеро, а вас ведь
восемь. Ты верно посчитал?

— Все правильно — семеро.

— Так получается, что кто-то не желает или не готов?

Лешак замялся.

— Говори как есть.

— Брат ваш воспротивился, а отчего, не понятно.

— Действительно, странно, — раздумчиво проговорил Григорий. —
Надо с ним потолковать. — Сказал ровным голосом, но по глазам и нахму-
ренным бровям было видно, что он сильно расстроен.

Желая хоть немного смягчить неприятное для наставника известие, Ле-
шак с гордостью произнес:

— А юнкер Хлебников жаждет монашеский сан принять. Дозволительно
ли то сразу, после переправы?

— Дозволительно, но до пострижения многие искусства пройти полагается. А про себя что молчите? Слышал, общество желает вас видеть настоятелем монастыря. Вы-то сами как? Готовы?

— Коли благословите, за честь почту, — смиренно опустил голову Лешак.

Банька была крошечной, посему Григорий с Николаем (им переправа была не нужна) пошли мыться с вечера. Обнажив тела, оба расхохотались: так разительно контрастировала белая, как молоко, кожа на туловище и ногах с цветом кожи на лицах и шеях. Ровная, будто прорезанная граница загара проходила четко по воротнику. Увидев на животе брата страшный шрам, наставник ахнул:

— Где тебя так?

— В Бессарабии. В рукопашной такое творилось, что и не сразу понял. В памяти остался тонкий свист, да по кителю почувствовал, как резануло. Глянул — живот вспорот. Слава богу, удачно — только брюшина рассечена, а голубоватые, целехонькие кишки тихонько на портупею наползают. Рукой заправил обратно, ладонями прижал да к своим. Тошнит, голова кружится, кое-как, но иду. Иногда, казалось, ослеп — в глазах темно. Пришел в себя в лазарете. Шесть суток без сознания! Думали, не выживу...

Ночевать братья пошли в келью Николая. Взволнованные встречей, проговорили до рассвета. Все бродили по коридорам памяти, вспоминали разное. Тем было много.

— Николай, тебе хоть что-нибудь известно об отце? Я потерял с ним связь еще в восемнадцатом.

— Последний раз видел батю после ранения. Целую неделю прожил с ним в Екатериновке. Он все горевал, что нас с тобой нелегкая носит по свету, а внуков до сих пор нет. Мол, старею, на кого хозяйство оставить? Поместье и тогда было в образцовом состоянии. И представь: в Чите в 1920-м встретил нашего управляющего. От него узнал, что имение забрали. Отец некоторое время жил в Костроме, а потом, как будто, уехал за границу.

— А твоя Катенька?

— Не знаю. Когда приехал в Питер, ее там уже не было. Соседи ничего толком сказать не могли. Разыскивать не пытался — боялся навредить. Если жива, то у нее, наверняка, уже кто-нибудь есть. Она ж актриса и без поклонников не может.

— Но ведь Катя очень любила тебя.

— Ты знаешь, и я ее сильно любил, но война развела нас, похоже, навсегда... А ты писал про Эмилию — дочь городского головы. Что у тебя с ней?

— Представь, предложения я ей так и не сделал. Стеснялся, полагал, что не достоин и стар для столь юного создания. Сейчас понимаю, что вел себя глупо. В моем возрасте надо было быть порешительней. Она эмигрировала с родителями в Австралию. Аркадий Михайлович большого ума был человек, уже после Февральской понял, куда Россия катится. За лето все распродал и увез мою Эмилию. Интересно, как они? Госкуют, поди, по нашим снегам.

— Да, в семнадцатом мало кто представлял, какие потрясения ожидают нас.

— Ты все войны прошел, изнутри их видел. Расскажи, каково там было. Не понимаю, почему армия-то против царя пошла, присягала ведь.

— А чего рассказывать? Наступаем, отступаем, окапываемся. Опять наступаем. Того убило, этого ранило. Того похоронили, этого — в госпиталь. Другого убило, меня ранило. Его похоронили, меня — в госпиталь. Подлечили и опять: наступаем, отступаем, окапываемся. Война — дело неинтересное.

— Николай, я серьезно. Для меня очень важно услышать это от очевидца. Штабс-капитан задумался.

— Ты знаешь, мне не очень приятно вспоминать о ней. Бесславная, бестолковая. Но коль для тебя это важно, попробую, — наконец согласился он. — После манифеста Николая Второго о войне мы были уверены, что она продлится не дольше четырех месяцев, да и то за пределами западной границы. Знали, что численное преимущество на нашей стороне. Но вопреки этим самонадеянным прогнозам солдаты кайзера постоянно пятили нас вглубь страны. От военных неудач и неурядиц в тылу боевой дух армии слабел. Еще

бы! Десять лет назад проиграли японцам, а теперь отступали, несмотря на массовый героизм солдат и офицеров, еще и перед германцем. А все из-за бестолковщины и преступной несогласованности в работе штабов.

Приходили мысли, а не изменники ли окружают царя? К тому же, сильно мешали, сковывали инициативу старые уставы. Ротные горько иронизировали: «Нам дозволено только одно — доблестно умирать». В это время в окопах появляются агитаторы, призывающие к братанию с немцами. Убеждают, что война выгодна лишь монарху и буржуям, а солдаты в ней — пушечное мясо. Оскверняют, разрушают понятия о родине, о воинском долге. Дисциплина упала. Одни казаки вели себя достойно и неизменно давали отпор провокаторам, несмотря на явную нелепицу войны — не отдавать же земли немцам.

Крупный успех Брусиловского прорыва весной 1916 года встряхнул, поднял было дух армии, но ненадолго. А в конце февраля всех ошеломила весть: «Николай Второй отрекся от престола! Власть перешла к Временному правительству!»

Каюсь, поначалу я с радостью воспринял это известие — не испытывал особой любви к династии. Считал, что время монархии истекло. Верил, глупец, что Учредительное собрание изберет правительство, которое сумеет принять меры для достойного выхода России из войны и восстановления экономики. Тем временем, на полковых митингах избирались контролеры командиров. Почти повсеместно ими стали самые активные говоруны из нижних чинов. Дело шло к двоевластию. Большинство решило: раз свобода — значит, конец войне. Агитаторы разбрасывали листовки с призывами: «Долой министров-капиталистов!», «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — народу, хлеб — голодным». Лозунги утопичные, но солдаты верили. Рядовой состав буквально разложили агитацией. Воевать не желали. Тоже понять можно — устали, три года в окопах на чужбине. Целые батальоны покидали боевые позиции, мародерствовали. Рвались домой. Нашего брата, офицеров, подкарауливали и убивали.

А Временное правительство в это время призывало продолжать войну до победного конца. Генерал Деникин спешно создавал ударные батальоны по борьбе с анархией. Им вменялось разоружать полки, отказывающиеся наступать, расстреливать дезертиров, громить большевистские ячейки. 12 июля восстановили смертную казнь на фронте. Но было поздно — красная зараза уже глубоко пустила корни в солдатскую массу.

19 августа немцы прорвали Рижский фронт и заняли Ригу. Нас, офицеров, верных присяге, терзала обида: Россия может оказаться под немцем! Слыханное ли дело?! Разум протестовал, боль давила сердце. Мы и не подозревали, что уже вычеркнуты из жизни, ибо большевики для построения нового общества считали необходимым ликвидацию всех сословий, кроме низших: пролетариев и беднейших крестьян. А казачество, самую преданную самодержавию силу, владеющую к тому же богатыми земельными наделами, планировалось ликвидировать одним из первых, вместе с нами. Мы тогда еще не знали о замысле Ленина превратить войну империалистическую в войну гражданскую с тем, чтобы страна, сама себя разрушив, создала идеальные условия для строительства нового общества, в котором не будет места гражданам, преданным старым идеалам. Не ведали мы и о безумной идее Троцкого разжечь мировую революцию, бросив Россию, как вязанку хвороста, в ее костер. Ради своего тщеславия он готов был пожертвовать миллионами жизней...

Перескакивая с одной темы на другую, братья говорили и говорили. Не желая нарушать душевный настрой, вопрос о переправе Григорий приберег напоследок:

— Николай, Алексей сказал мне, будто не желаешь старую веру принять. Не пояснишь причину?

— Не обижайся, но для меня сейчас — что старая, что новая веры — все одно. Я ведь давно в Боге разуверился.

— Как такое можно говорить?! Без Бога душу не спасти.

— Можно, — решительно возразил брат. — Повоевал, попластался бы с мое, понял бы, что можно, а что нельзя. Столько повидал я на фронте несправедливости и жестокости, что оторопь порой брала. Молил Его о милости, и что? — Николай махнул рукой. — Он слал наказания одно за другим! И не только мне. За что?

— Не мы ли нарушали главнейшую заповедь «не убий». Выходит было за что?!

— Может, оно и так, спорить не буду, но я в православии вообще многого принять не могу. Объясни, к примеру, почему гордость считается одним из главных пороков? А смирение, кротость — добродетелью? С какой стати я должен терпеть, к примеру, унижения или надругательства над собой? Полагаю более правильным и достойным при любых обстоятельствах защищать свою честь.

— Ты превратно толкуешь заповеди. Обидчикам непременно надо давать отпор. Сам Господь осуждает не гордость, а гордыню, которая дерзко возвышает над другими людьми. Горделивый, повторяю — горделивый, а не гордый человек, придает себе более высокую оценку, нежели имеет. Недостатки же не признает. Похоже, и тебя гордыня оторвала от Него. Знай — гордыня, вознесшая до неба, до ада низвергнет. Господь всех нас любит и от нас любви ожидает.

— Все это словоблудие. Теперь у меня одна вера — труд. Хотите верить в Бога, которого никто и не видел — верьте. Я разве против?

— Николай, это война тебя ожесточила. Она сильно меняет мировоззрение человека, калечит душу. Ведь уничтожение себе подобных, даже в интересах Отечества, противно Богу. Придет время, и ты согласишься, что путь любви лучше.

— Брось, Григорий. Человечество тысячи лет над Ветхим и Новым Заветами рыдало, но мало кто жил по изложенным там принципам и заповедям. Какая любовь, если люди во все века бессмысленно истребляют друг друга?

Не спорю, война сильно изменила мое мировоззрение. Сердце огрубело и зачерствело до того, что даже перестал испытывать жалость к убитым.

— Потому наша держава и ослабела, что люди отделились от Бога, обезверились. Ведь не столько государство, сколько вера защищает людей от вседозволенности и жестокости. Вера — всему столбовая дорога.

— Возможно, только за кем идти, если сама Церковь больна? Посмотри на служителей — редко встретишь достойного не только по уму, но даже по поведению. Вместо примера они стали для прихожан объектом насмешек. Только, пожалуй, у староверов с этим пока еще строго.

— Вот видишь, ты и сам в душе на стороне старолюбцев, а противишься.

— Я просто констатировал факт.

— А как остальные на твои атеистические взгляды смотрят? Не пытаются увещевать? Вы же артельно живете.

— Как смотрят, это их дело, но на меня они, как в бою могли положиться, так и сейчас могут — не подведу. Ты, Григорий, извини, многое в запале говорю. По правде сказать, сам терзаюсь, но мне уж, молись не молись, все одно — в ад дорога. Большой грешник я — рубил и безвинных. В горячке боя больным делаешься. В голове одно: рубить, стрелять... Злобишься, звереешь до невозможности. Однажды в проулке, в угаре, женщину зарубил. Догнал и на скаку с такой силой рубанул шашкой, что от плеча до пояса развалил. Когда сообразил, в глазах помутилось... Что самое страшное, я как бы застрял, остался в войне, и в той и в этой... — признался вдруг Николай. — Как лягу, закрою глаза, так из памяти выплывают и прокручиваются все одни и те же картины: рубка, стрельба, смерть, ненависть...

— Милый Николай, хоть и не веруешь ты в Бога, прошу тебя, совершай хотя бы краткую ежедневную молитву. Много раз я убеждался, что молитва и в труде помогает. В ней великая сила содержится. Когда молишься, душа успокаивается, работа ладится, — ласково убеждал брата Григорий.

— Что-то не больно во время войны она помогала. Помогали только собственная сноровка и плечо друга.

— Не знаю, что еще сказать. Ты упрямо не желаешь слушать меня.

Перед сном Григорий достал из котомки образ Христа и прочитал над ним вполголоса: «Молю о братьях и сестрах моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою. Свяжи сатану и бесов таинственной силою неисповедимого Креста!»

* * *

С утра все, готовившиеся к обряду миропомазания, помылись в бане, оделись во все чистое и предстали перед наставником.

Григорий поочередно спрашивал каждого:

— Добровольно ли, раб Божий, принимаешь первоисточное православие, без принуждения ли?

Все, как один, подтвердили, что по собственной воле.

Глянув на гладко выбритое лицо поручика, Григорий мягко заметил:

— Сударь, имейте в виду, после миропомазания брить бороду не дозволяется, ибо это противоестественно образу мужчины.

— А позволено ли будет только усы носить? Борода у меня уж больно жидковата.

— Бог Отец с бородой, Бог Сын с бородой. Посему бороду брить — ересь. И еще, это уже всех касается, — застежки на одежде надо будет перешить справа налево. В Православии все начинается справа. Ежели кто из вас курит зелье, надобно бросить.

Когда миропомазание завершилось, есаул от всех низко поклонился наставнику:

— Благодарим вас, почтенный отец Григорий, за то, что с вашей помощью стали зваться истинными христианами. Не посрамям ваше благочестивое рукоположение.

Антон, полагавший, что недостает у общины прилежания к службе, обратился к наставнику:

— Отец Григорий, терзает меня беспокойство оттого, что не получается у нас все молитвы установленные справлять — не успеваем. Много времени уходит на мирские труды.

— Знакомая история — нам тоже не всегда досуг. Посему на утренние и вечерние моления довольно читать молитву Господню «Отче наш», потом песнь «Богородице Дево радуйся». В завершение же — Символ Веры «Верую во Единого Бога». Эти три молитвы — основные для христианина. Первая, данная самим Господом, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери. Символ же содержит в себе все спасительные догматы православия. Прочитав их, всякий может заниматься своим делом. А во время работы достаточно говорить умом только «Господи помилуй!». Недаром в Писании есть слова «Всяк, кто призовет Имя Господне, спасется». Этого достаточно на будние дни. В наших хладных краях иначе невозможно: и дрова готовы, и печь топи, и теплую одежду справь. Работ всегда полон рот.

Общаясь каждый день с Антоном Хлебниковым, отец Григорий был покорен широтой его познаний и нестяжательным благочестием. Поразмыслив, он решил не откладывать посвящение Антона в иноки до своего следующего приезда, а пройти испытание прямо сейчас. Для этого ему полагалось проползти вокруг монастыря до аналоя на одних руках, ничем более себе не помогая. Нашли белую до пят рубаху и облачили в неё Антона. Он лег наземь и пополз, волоча за собой ноги вокруг монастыря. Сам наставник сразу удалился к алтарю читать покаянные тропари¹ и молитвы о постригаемом.

За длинный, покрытый камнями и валежинами, путь рукава рубахи Антона изорвались, кожа на локтях стерлась до крови. Как дополз помнил смутно, все было, как во сне. Григорий три раза спросил, готов ли он принять монашій сан, дать обет безбрачия и послушания: отречься от своей воли и стяжания, и исполнять главное предназначение монашеской жизни — непре-

¹ Тропарь — краткое песнопение, раскрывающее сущность праздника или краткие молитвенные воззвания, из которых состоит канон.

станную покаянную молитву за всех грешников. На что юнкер неизменно отвечал: «Да, готов».

Затем наставник, еще раз испытывая твердость постригаемого, трижды возвращал ему ножницы и тот трижды отклонял их. Приняв ножницы в последний раз, Григорий крестовидно выстриг Антону волосы от уха до уха и ото лба до шеи. После этого со словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нарекаю тебя именем Макарий», — закрепил окончательное отречение Антона от мира.

Теперь новопостриженный получил право облачиться в черную, заранее выстиранную рясу и камилавку. Хоть и старенькое все было, но аккуратно залатанное и довольно крепкое. Григорий также вручил ему лестовку и деревянный крест с комком воска, в который закатал все остриженные волосы, молвив при этом:

— С сим крестом и восковым шаром придет срок, к Богу явишься.

После пострижения молодой инок переселился в отдаленную келью и начал вести жизнь самую строгую.

А через два года в черные монахи были пострижены еще трое, один из них — эвенк. Их в монашеский сан посвящал уже Макарий, исполнявший обязанности настоятеля, после умершего в 97 лет старца Алексия.

Вычитав в наставительной книге, хранящейся в библиотеке, что перед посвящением в монахи человека желательно «накрывать», он, следуя этому правилу, селил страждущего посвятить себя Богу в самой маленькой келье, где тот жил сорок дней, никого не видя и не слыша. Еды давал совсем мало — на день кружку воды да пол лепешки. Выдержавший испытание допускался к посвящению в иноки. К радости Макария, столь тяжёлый искус прошли все.

СВАТОВСТВО

Как и договаривались, Корней через две седмицы явился в монастырь и повел пятерых «женихов» в скит свататься (юнкер, принявший обет монашества, и штабс-капитан остались).

На четвертый день (шли долго, потому как не все были справными ходоками) в проеме между деревьев монастырские увидели высокий заплот из заостренных бревен с крепкими воротами. Перед ним, на полянке, под пристроном двух девиц, копошились голопупые малыши. Подойдя, путники поздоровались с «воспитательницами».

— Навроде не ваш чёрёд за малышнёй смотреть, — удивился Корней.

— У Луши бабаня приболела, а мы шибко любим с детками возиться, — ответила огненно рыжая, стройная и гибкая, словно молодая березка, девушка.

Поручику Орлову она глянулась сразу аж до замирания сердца.

Подойдя ближе, не дыша и не сводя зачарованного взора, он спросил:

— Как твое имя, красавица?

— Марьюшка, — прошептала та, застенчиво глядя в сторону, вспыхнув от непривычного мужского внимания, как маков цвет.

Корней, заметивший, что поручику Марьюшка пришлась по душе, предупредил, что девице всего четырнадцать лет — просто рослая, а по уставу общины раньше шестнадцати замуж не можно.

Расстроенный офицер решил добиваться обручения, чтобы, не дай бог, ее, такую красу, не сосватал бы кто другой.

Первым делом все вместе зашли к наставнику. Тот распорядился готовить горницу к смотрянам, а сам повел гостей показывать скит. Поручик же, буквально вцепившись в Корнея, уговорил его отправиться в дом к Марьюшке, просить родителей обручить его с их дочкой.

Зайдя к ним, Орлов по-петушиному приосанился и, щелкнув каблуками, обратился к отцу девицы:

— Позвольте представиться, поручик Орлов. Покорнейше прошу вашего согласия отдать за меня через два года вашу дочь. — Тут он слегка покло-

нился и покраснел от волнения. — Могу заверить — жить будет не хуже, чем в родительском доме. Обещаю холить и лелеять ее пуще вашего. Если вы не против, соизвольте обручить нас нынче же. Уж больно любя мне ваша златовласая лебедушка.

— Дочку обручить — не пирог испечь. Говоришь ты складно, а каков на самом деле? Кто за твои слова может поручиться? Да и у Марьюшки поспрошать надобно, люб ли ты ей, — с достоинством отвечивал Петр, глава большого семейства. (Кроме Марьюшки, у него еще было шестеро детишек).

— Моими поручителями могут быть ваш наставник и наш настоятель. Они подтвердят, что я человек слова. А не дадите согласия, так выкраду, беглову свадьбу сыграю. Кроме Марьюшки, мне никто не нужен.

— Эх, раскозыряло тебя. Слово — тот же нож без ножен: поосторожней с ним надобно, — и, обернувшись к жене, велел: — Зови, мать, дочку.

Как оказалось, поручик девице тоже глянулся. И, к радости нетерпеливого кавалера, их обручили в тот же день. При этом Марьюшка передала жениху в знак согласия залог — вышитый ею платок. Теперь жених и невеста должны были, храня верность друг другу, ожидать брачевания два года.

Смотрины проходили в горнице.

Когда офицеры вошли, пятеро девиц на выданье поднялись и поклонились в пояс. Щеки их зарделись, в глазах застенчивость и смущение. Все, как одна, в белых сорочках, поверх — плечевые цветистые сарафаны, отделанные кружевами. Сев на лавки, они принялись прясть кудель, тихонько напевая песню.

Женихи чинно расположились на длинной скамье за столом напротив и, в полуха слушая ладные переливы, окидывали оценивающими взглядами дышащие свежестью лица, нарядные сарафаны, скрывавшие ладные, крепкие фигуры.

Могучий есаул, подкручивая густые метелки усов, не сводил глаз с Аглаи — дочери Гаврилы, жившего по соседству с наставником, а добродушный ротмистр с непривычным для него волнением поглядывал на потупив-

шую взор Аннушку — девушку из самой большой в скиту семьи Демьяна. Стесняясь своей блестящей лысины, ротмистр то и дело откидывал голову назад, отчего казалось, что смотрел как бы свысока. При этом тугой ворот гимнастерки так врезался в его бычью шею, что лицо побагровело.

Закончив песню, девицы принялись потчевать гостей пирогами с ягодами и поить чаем, заваренным на брусничных листьях. После угощения чинно поклонились и разошлись по домам.

Теперь гостям подавали жена наставника, расплывшаяся телом Анастасия и худая, остроносая перестарка Ефимия, так все годы и прожившая, то ли приемной дочерью, то ли помощницей у бездетных супругов.

На столе появились духовитые, крупно нарезанные, ломти свежеспеченного хлеба, задымилась вареная оленина, политая сливками из кедровых орешков. Во время трапезы офицеры обсуждали кому кто по душе.

Первой пошли сватать Аглаю для есаула Суворова.

Видный казачий офицер сразу приглянулся Гавриле, но он виду не подал.

— По сердцу ли тебе, почтенный, моя дщерь? — важно спросил он.

— Очень даже по сердцу, сударь, краше вашей голубушки не видал.

От таких слов девица покраснела.

— А ты что, Глаша, скажешь?

Чтобы скрыть смущение, та затеребила концы платка. Засеянное веснушками лицо ее разгорелось еще пуще. Едва переведя дыхание, она поглядела на родителя.

— Говори, говори! Ишь скраснелась, засовестилась, — подбодрила мать и улыбнулась сквозь слезу.

— Тятенька, ежели благословите с матушкой — я согласна, — наконец выдохнула она.

— Ну что ж, замужество — дело доброе, оно от Бога показано. Я поил-кормил дочь до венца, а тебе, братец, поить-кормить до конца. Да гляди, без надобности не забижай. Считайте, что зарученье рукобитное промеж нас

свершилось, целуйте икону, а дальше, что собор. У нас так: что там порешат, так тому и быть. Молитесь, чтобы на брачевание согласие от него вышло.

Тихой радостью вспыхнула Глаша. Видно, сильно по душе ей был есаул.

Мешковатый, но, сразу чувствовалось, большой внутренней силы рот-мистр Пастухов, зайдя в дом своей избранницы, низко поклонился и широко, как будто не раз прежде виделись, улыбнулся родителям Аннушки.

— Вот, почтенные, пришел просить руки вашей распрекрасной дочери. Я хоть и не молод, но достойную жизнь ей непременно обеспечу.

Родители не возражали, и, вспотевшая от волнения Аннушка, будучи девушкой необычайно доброй, никогда не перечившей родителям, хоть и не очень-то люб был ей жених-перестарок, не отказала — дала согласие. Тем более что и сама была в годах, а оставаться вековухой не хотелось.

Двум братьям-близнецам Всевидам приглянулись сестры-погодки вдовой Матрены. Она благословляла со слезами. Еще бы! Для нее они были светом в окошке, а тут обеих в один день забирают.

На соборе братия дивилась:

— Смотрикась, брательники не токмо сами схожи, но и вкусы одне!

Когда черед дошел до них, глазастый и строгий дед Тихон, от которого не укрылось, что один из братьев, войдя, перекрестился на образа тремя перстами, зашумел:

— Этим отказать! Кто-то из них лживый. Переправу прошел, а креститься продолжает, как антихрист. Новообрядцем остался, стало быть, в душе!

— Так их же двое, как определим, кто крестился не по вере. Почему обоим отказ? — Вытарашил глаза Демьян.

— А ты можешь различить их на лицо?

— Вряд ли.

— Так и я не берусь точно сказать, кто из них обманной. Потому, дабы не ошибиться, отказ объявить обоим.

— Тихон, погоди, ты сколько лет крестишься? — Спросил наставник.

— Так скока помню себя.

— Вот то-то и оно, а эти всего месяц, как переправу прошли, не отвыкли еще от трех перст.

— Можно извинить, — согласились скитники с доводом настоятеля.

Поникшие было братья враз затопорщили конопляные бородки.

А вот есаулу Суворову и ротмистру Пастухову разрешение на брачевание дали с ходу: сомнений не было — женихи достойные.

После полудня все собрались в молельном доме. Женихи и невесты, стоя на шубах, вывернутых мехом наружу, перед Христовой иконой и хлебом с солью, в присутствии своих родителей и наставника, дали клятву в любви и верности.

— Отдаем не в рабы, а в помощницы. Просим не обижать, беречь девиц наших, а ежели чего не знают, учить терпеливо, — напутствовал женихов довольный Григорий и следом благословлял каждую пару в отдельности: «Дай Бог вам совет да любовь, дом нажить, детей наплодить».

После этого молодых жён увели за занавесь, где подружки приступили к самому важному моменту свадебного обряда под песню:

У голубя, у голубя золотая голова,

У голубки, у голубки позолоченная...

расплетали тугие девичьи косы и заплетали распущенные волосы в две косы, укладывая их корзинкой вокруг головы. Это знаменовало переход невесты в категорию замужних женщин. Затем все вместе сели за свадебные столы.

Утром, переложив приданое из сундуков и коробов во вьючные мешки, отправились на оронах в монастырь. Молодые жёны в дороге назад не смотрели. Знали: коли оглянешься — счастье на старом месте останется.

Зарёванная Матрена уговорила-таки наставника Григория отпустить и ее, дабы помочь на первых порах дочерям и другим молодежи устроиться на новом месте.

Обжившись в монастыре она помогала не только молодым женам, но и выполняла и общие работы: пекла просфоры, шила, штопала одежду.

Среди всех прочих обитателей монастыря ей сразу глянулся штабс-капитан. И хотя он не принял их веру, она нутром чуяла в нем чистую, светлую душу.

Николай Игнатьевич жил особняком и страдал оттого, что, вроде, и не монах, а оказался в одиночестве. Вдова, жалея неприкаянного мужика, частенько заходила к нему. Она старалась скрасить его и свое невольное сиротство: заносила блины, пироги, прибиралась в келье.

Засиживалась порой допоздна. Говорили обычно, вроде, о пустяках, а обоим было как-то легко и покойно друг с другом. Вскоре они и дня не могли прожить, не увидевшись. Однажды она осталась у него...

Для Варлаамовской общины случай небывалый.

* * *

Обедая, наставник Григорий сокрушался:

— Николай-то каков! Экий вредный почин учинил. Перед людьми стыдно — брат ведь! Вроде бы, и я в ответе. Как узнал, всю ночь молился за его спасение. А Матрену на первом же соборе отлучим.

Анастасия, ставя на стол пирог с клюквой, урезонивала мужа:

— Не забывай, Гриша, через какие ужасы ада прошел Николай. Его измученной душе ласка и внимание ой, как нужны. Да и Матрену понять можно — скока лет вдовая, а не стара ведь! Может, она как раз и убедит брата к нашей вере склониться?

— Всякое отступление от святоотеческих правил, мало ль оно, велико ли — опасно: закроешь глаза на малое, а там и большое не углядишь, — возразил Григорий.

— Кто спорит? Но в нынешние времена все догматы соблюдать сложно, сам же так говорил — держаться надо основных.

— Каюсь, был грех, но жалость да отступки не всегда к добру ведут.

* * *

В ознаменование годовщины Уссурийского казачьего войска есаул Суворов развязал заветную котомку и, облачившись в ладно подогнанный казачий мундир с буквой «У» на желтых погонах, вышел, помахивая нагайкой, к жене, качавшей в зыбке первенца.

— Какой ты красавец! — восхитилась Глаша, не сводя глаз с приосанившегося мужа.

— А то! Я ж казак! — С гордостью проговорил Назар Петрович, щегольски сдвигая набекрень фуражку.

— Чего ж так редко кажешь форму? — Упрекнула она.

— Я ее надеваю только по особым случаям. Сегодня день учреждения императорским указом Уссурийского казачьего войска! Мой главный праздник!

— Назар, ты все хвалишься: казак, казак! Хоть бы рассказал, кто они, эти казаки?

— Как тебе подходчивей объяснить? Казаки — это особое сословие. По своей сути мы двуедины: и хлебопашцы, и стражи отечества. Из века в век казачьи отряды, осваивая новые территории, расширяли границы державы. Всего казачьих войск было двенадцать. Я из Уссурийского, самого молодого. Мы стояли на границе. Вели таможенный контроль. Ловили контрабандистов, гоняли почту, конвоировали ссыльно-каторжных, окарауливали тюрьмы, обеспечивали общественный порядок, несли гужевую повинность — грузы всякие доставляли, прорубали дороги, строили мосты, — с гордостью перечислял казак. — А как война, первыми на защиту Отечества. — Он снял с головы фуражку и, указывая на рассеченный надвое козырек, важно добавил: — Видишь — в бою шашкой рубанули, чуть увернулся.

— Ужас!.. Как вы все успевали?

— Всему голова дисциплина, сплоченность, обычай артельных помочей.

— А плетка тебе к чему?

— Это, Глаша, не плетка, а нагайка. Казаки же не носят шпор, — пояснил Назар. — Она для управления в бою конем, а дома женой, — пояснил он, едва сдерживая улыбку.

Глаша вытаращила глаза и чуть не заплакала.

— Да шучу я, глупая!

— А ты на войне убивал? — Уже со страхом спросила она.

— Приходилось, на то она и война.

— А сколько?

— Не знаю. Считать — плохая примета. Казаки воюют не для счета, а ради победы.

— Слава богу, что отвоевался. Вон и дите у нас народилось, надо растить.

— Милая Глаша, верно говоришь, но никак кровь не может остыть. Все думаю, как поквитаться с большевиками. Они ж мою первую жену с малым зарубили. Сами в братоубийство миллионы людей втянули, а теперь вопят: белые банды мешают дарить счастье народу!.. Хотя, если честно, мы, казаки, сами во многом виноваты. Все дисциплину и порядок блюли, в политику не вмешивались. Поначалу даже посмеивались, слушая, как голытьба на митингах глотки драла... И вот я, русский человек, теперь никто. Призрак! А я ведь жизни не жалел за землю родную. За что меня карать-то так, а?

— Да уж, горько все это, да что поделаешь? Надо жить!

— Ты, Глаша, не представляешь, с какими благими намерениями мы, казаки, возвращались после революции с германской! Но стоило нашему атаману начать восстанавливать прежний распорядок, пошли обиды, непонимание, стычки между самими казаками. Иные сразу к большевикам подались. Тогда красные нас крепко побили. Уходя, мы рассеялись по КВЖД¹. Но мыкаться на чужбине так надоело, что, когда объявили амнистию, решил вернуться: сдать ся новым властям. И что ты думаешь? Посадили в Благовещенскую тюрьму. Слава богу, повезло — один из надзирателей оказался с нашей станции. Он и предупредил, что, всех, кто до меня с повинной приходил,

¹ КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога. Построена Россией в 1897-1903 годах, как южная ветка, соединяющая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Передана Китаю в 1952 г.

расстреляли. Понял — бежать надо. Однажды повели за железнодорожные пути. В расход, поди, пустить хотели. Товарняк тронулся. Я как заору «белые!», а сам через рельсы перекатился и тикать. Пока все вагоны прошли, далеко утек. Потом в колодец с ведром на цепи съехал — из воды только нос торчал. Продрог страшно. Когда беготня стихла, выбрался тихонько и через огород — в баню. Каким-то тряпьем укрылся, отогрелся. Как стемнело, в тайгу ушел. С месяц по ней мыкался. На мое счастье, в то время атаман Семенов ударил из Маньчжурии. Примкнул к ним. А как нас опять прижали, ушел с Ижевским полком. Потом началась такая неразбериха: не понять, где наши, где красные. Кое-как добрался до Владивостока и там записался в дружину Пепеляева — о нем хорошо ижевцы отзывались. С ним в Якутии оказался. Отсюда — только на погост. Слава богу, вы у меня с Мишуткой появились. — Суворов подсел к жене и крепко обнял ее.

С ТОПОГРАФАМИ

Бюэн обещал ждать топографов в устье речки Быстрой, возле приметной лиственницы с орлиным гнездом на сломанной вершине. К этому месту топографов должны были доставить на аэросанях. Дальше на север, к Пикам — району работ, на них не проехать — речка изобилует промоинами, а на порогах она и вовсе не замерзает. По буреломной тайге тоже не пробиться. Потому и нужны были олени упряжки.

Оленевод опасался, что из-за недавних метелей топографы к назначенному сроку не успеют. Но «стыковка» прошла без накладок: кочевники ожидали отряд менее часа! За это время они успели натаскать сушняк, разжечь костёр. Воткнув вокруг колышки, надели для просушки рукавицы, разлили по кружкам вскипевший чай и устроились на оленьих шкурах греться бодрящим напитком. В этот момент они уловили какой-то гул. Казалось,

будто приближается потревоженный пчелиный рой. Бюэн сразу смекнул — аэросани!

Ему уже доводилось ездить на них, и он объяснил ребятам, что это большая брезентовая палатка на железных нартах. Сзади у нее крутится перекрученная палка. Крутится так быстро, что ее не видно, но сани толкает, как десять самых сильных сокжоев*.

*Сокжой (эвенк.) — дикий северный олень.

Ороны, обладающие более тонким слухом, насторожились ещё раньше и, повернув морды на юг, все поглядывали в ту сторону, пока, наконец, не показались в снежных вихрях чудо-нарты.

Два дня ушло на сортировку, упаковку груза, обучение топографа, геодезиста и троих рабочих экспедиции обращению с оленями. Бюэн предупредил их, что ехать надо сидя, свесив ноги на одну сторону, чтобы придерживать нарты, если те наклонятся. Самые ходовые вещи укладывать так, чтобы в дороге была возможность легко и быстро достать, не вороша весь груз. При этом важно было, чтобы при случайном опрокидывании саней ничего не выпало и не потерялось.

Сначала на нарты положили запасные полозья, потом, расстелив шкуры, меховой спальный мешок, на него мешочки с продуктами (крупы, соль и т.д.), специальную болотную траву — киус (её будут закладывать в ичиги для тепла — она не стирается в труху даже при длительной ходьбе), сверху запасную одежду. С особой скрупулезностью укладывали инструмент и технику для съемки: теодолит, буссоль, нивелир, треногу, мерные линейки. Все это закрыли выпущенными краями шкур и туго стянули сыромятными ремнями. Под них с боков засунули топор, пилу, принадлежности для ремонта лыж, нарт, одежду; широкие лыжи. Отдельно припасы в дорогу: чай, сахар, сухари. Поверх всего — ружье. Сзади — железный котел, чайник.

Вечером начальник отряда уединился и стал что-то записывать в блокнот. Звали его Андреем Емельяновичем. На вид лет сорока, среднего роста, плечист и худ. Карие глаза сияют, как спелая смородина после дождя.

Бюэн некоторое время молча наблюдал, как острая тонкая палочка, зажатая между узловатых пальцев, бежит по белому листу. Наконец не стерпел, спросил:

— Зачем такой след делаешь?

— Пишу дневной отчет о проделанной работе и о том, что нового узнал или увидел.

— Про меня писал?

— И про вас писал.

— Хорошо пиши! Пусть все лучи знают Бюэна!

* * *

Тронулись легко и весело, сразу перейдя на рысь. Оживший снег, сплошь покрытый мудреной вязью заячьих петель, закрипел, запел под полозьями. Впереди высились массивы щетинистых гор, могучих и прекрасных в своей неподвижности. На их фоне караван казался крохотным и беспомощным.

Пар, вылетающий из оленьих ноздрей, оседал на их шерстистых боках и на одежде каюров белым инеем. Вихри колючего снега секли лица. Чтобы не обморозиться, Изосим, по примеру Васкэ, обмотал голову широкой, мягкой полосой оленьей шкуры, оставив только узкую щель для глаз.

На ямах и буграх людей качало, бросало из стороны в сторону. Не имеющие ездовой практики, рабочие с трудом успевали перекидываться с одного края на другой, удерживая нарты от опрокидывания, одновременно учась управлять упряжкой вожжой, привязанной справа к голове крайнего орона. На спусках тормозили установленным впереди, между полозьями, остолом — палкой с острым костяным наконечником.

Норовистые горные речки покрываются льдом позже равнинных. Сначала образуются узкие стекловидные закраины, потом забереги, белые от снега и инея. Стрежень сковывает в последнюю очередь. А где-то кипит всю зиму. Лед вокруг таких мест всегда облеплен перламутровыми башнями затейливых наплесков.

На Быстрой такие участки встречались в изобилии. Поэтому караван двигался большей частью лесом, иногда довольно далеко удаляясь от берега. Утром, пока не спал мороз, и ближе к вечеру, когда он начинал набирать силу, снег перед упряжками то и дело вспучивался белыми султанами, из которых шумным веером уносились вглубь тайги стаи рябчиков, реже тетеревов, укрывавшихся от стужи под пушистым снежным одеялом.

Когда видели длинные прямые плесы, покрытые затвердевшими сугробами, гладко прилизанными разгонявшимися на просторе ветрами, старались ехать по ним — тут скорость утраивалась. В конце одного из таких участков уперлись в отвесный прижим. Речка в этом месте подозрительно парила. Опытный Бюэн, остановив караван, прошел до правого, противоположного берега, простукивая лед впереди себя посохом. Только убедившись, что ледяной панцирь прочен, дал команду ехать. Посреди русла на второй упряжке неожиданно порвался потяг¹. Рабочие принялись связывать его, а ехавший следом на грузовых нартах геодезист Петр, чтобы не останавливать движение, стал объезжать их.

— Назад, назад! Нельзя! — Закричал Бюэн, сорвав голос до хрипоты, но было поздно. Снег под полозьями с шумом, напоминающим глубокий выдох, осел и начал быстро темнеть от пропитывавшей его влаги. Чтобы облегчить нарты и помочь оронам проскочить опасное место, Петр спрыгнул с них, и... сам стал еще быстрее погружаться в снежно-водяную кашу. Ладно, вовремя сообразил лечь на живот, и лишь благодаря этому успел выползти на крепкий лед. А олени (вот молодцы!), не дожидаясь команды, рванули что было силы

¹ Потяг — тягловый ремень.

и вытащили нарты из сырого снежного месива. Отбежав, они остановились, ожидая горе-каюра.

Через пару верст показалась длинная черная полынья. Вдоль нее бугристо курился пар. Слабый ветер подхватывал молочные клубы и медленно уносил на юг, где из них вытянулась уже целая, тающая вдали, шеренга. Бюэн направил караван прямо вдоль полыньи по следу крупного сохатого — раз лед держит такого исполина, значит, и им бояться нечего.

Вскоре следы лося перешли на намет. Неспроста! Точно — вот следы волков. Выбежав ему навстречу, они стали отжимать быка от парящей полыньи, чтобы выгнать на пологий берег. Там, в лохматившихся рыжей щетиной тальниках, его уже поджидала основная стая. Но сохатый разгадал их коварный замысел и сиганул прямо в тогда ещё не замёрзшую полынью.

По следам угадывалось, что волки сидели, лежали на снежных переносах, топтались у края полыньи, подходили пить. Черная полоса воды постепенно затягивалась льдом. Когда он перекрыл её почти всю, и волки могли приблизиться к окоченевшему быку почти вплотную, тот предпринял попытку спастись бегством. Выпрыгнул на молодой стекловидный лед, но он был еще слишком тонок и кололся. Потеря драгоценных мгновений не позволила лосю оторваться от преследователей. Голодная стая настигла беглеца у берега. Красный снег, несколько обглоданных костей, раздвоенные копыта и клочья шерсти — это все, что осталось от лесного гиганта.

Вечером у костра вспоминали об этой трагедии.

— В тайге зимой ничего не утаишь — следы обо всем расскажут, — философски заметил рабочий по имени Степан. — Однажды, давно это было, мы с батяней осенью караулили медведя. В эту пору они самые справные. Не разбирая дороги, к своим берложьим местам идут.

Сидим, стало быть, на берегу нашей Юрюзани и поджидаем, когда косолапый через реку пойдет: в этом месте у них переход постоянный. Видим, из густого ельника на лед сходит громадина редкая, и жирен страсть как. —

Входя в роль рассказчика, Степан встал, изображая все в лицах. — Ну, думаем, подфартило!

А миша, не спеша, вперевалочку подошел к стремнине, обнюхал воду, полакал ее лениво, нехотя. Глянул на наш берег, потоптался и тяжело так плюхнулся в проток. Медведи, известно, пловцы отличные, а плыть всего-то три метра. Разом вымахнул на лед и шумно отряхнулся. Повалялся в снегу и потопал дальше. Вторая стремнина тянулась под нашим берегом, тут струя помощнее. Ее все звери обходили — по следам видно, а этот прет в упор — не желает уступать. Подошел, постоял да и прыгнул. Но видно было, что прыгнул с опаской. Зверь, а понимает, что лед молодой, непрочный.

Переплыл в два гребка. Привычно так выбросил лапы на закраину и рывком подтянулся. А закраина-то возьми да обломись. Он снова на лед, а тот опять сломился. Проток ширится на глазах. Бедолага туда-сюда барахтается. Совсем обессилел, и его понесло.

Пытается грести против течения, но одолеть не может. А до места, где вода буруном уходит под лед, совсем уж близко. Он к другому краю протока. Подтянулся, но и здесь кромка обломилась — такой тяжелый был. Цепляясь когтями за лед, бедняга тоненько, как медвежонок, заскулил. Но течение сорвало и наполовину затянуло под лед. Вот тут он взревел и выметнулся из воды так высоко, что даже зад повис в воздухе. Рухнул вниз и пробил лед. На его счастье, в этом месте речка неглубокая была. Почувствовав опору, извернулся и, откуда силы взялись, — выскочил на берег. Стрелять, конечно, не стали — пожалели беднягу.

* * *

Каждое утро в отряде начиналось с того, что Бюэн со своим сыном Васкэ ловили маутом, длинным, плетеным из сыромятной кожи арканом с костяным кольцом, разбредшихся в поисках корма оленей. В это время одни срывали лишайники, космами свисающие с еловых веток, другие копытили изпод снега ягель. Между его пружинящими клубками капельками крови алели

раздавленные широкими копытами ягоды брусники, иногда клюквы. Наевшись, некоторые ороны начинали слоняться по лагерю в поисках чего-нибудь соленького, пробуя на вкус и жуя все, что попадется: рюкзаки, рукавицы, шапки.

Проворно бегая на коротких окамусованных лыжах, словно приросших к ногам, эвенки ловко маневрируя между деревьев, подманивали оленей криком «Мэк, мэк!», одновременно протягивая соль или комки снега, пропитанные мочой. Те, как только завидят желанную приманку, тотчас бегут полизать ее.

Заметив летящий на него аркан, бык в ужасе шарахался, словно видел его впервые, и когда тот затягивался на шее, хрипел, бешено упирался, рвался, дико водя выпуклыми глазами. Оленевод же тем временем быстро подтягивал оленя и привязывал недоуздом к нартам. После этого животное сразу успокаивалось и покорно исполняло все команды каюра. А те опять свивали арканы в кольца и делали новые броски. И так до тех пор, пока все намеченные быки не оказывались запряженными в нарты.

Бюэн бросал арканы сызмальства, но все же из трех бросков один бывал неудачным. У Васкэ — два. Изосиму бросать пока не давали: и без того, как это бывает в начале любого дела, хватало накладок и суматохи.

Олени — животные кроткого нрава и довольно послушные. Они честно тянут нарты до тех пор, пока остается хоть немного сил. Никогда не кусаются, не лягаются, как лошади. Те уж больно самостоятельны. Волю любят. Могут вообще на несколько дней убежать в тайгу и на то, чтобы собрать их, уходит целый день. Тем не менее, якуты, в отличие от эвенков, отдают предпочтение лошадам. Местные так же, как и олени, умеет копытить траву из-под снега и для них не требуется заготовка сена на зиму.

Северные олени передвигаются по снегу (даже глубокому) довольно легко, благодаря широко раздвигающимся копытам, которые почти вдвое больше, чем у любого другого вида оленей. Поэтому с ними, особенно в начале пути, когда животные упитаны и полны сил, проблем нет. Они появ-

ляются позже, когда олени начинают слабеть. Верный признак усталости — хвост. Если он опущен — орон притомился. Когда животное устало настолько, что не может идти, ему связывают ноги вместе и, подняв вдвоем вниз головой, встряхивают несколько раз в воздухе. «Взбодренный» таким образом орон бежит после этого еще несколько верст.

Пока Бюэн запрягал оленей, Васкэ и Изосим умывались снегом (такой утренний туалет делал менее чувствительной к морозу кожу лица), разжигали костёр, набирали из промоины воду, кипятили чай, варили кашу. Когда рабочие вставали, олени были собраны, еда готова.

* * *

Прямые участки реки, как правило, покрывал плотно спрессованный ветрами шершавый снег, передуваемый виляющими космами поземки. Олени мчались по нему так, что в ушах свистело, на усах от дыхания росли сосульки; ресницы и шапки покрывались белой изморозью, а самих каюров обстреливали вылетающие из-под копыт комья снега. Индевели куржаком и олени. Во время остановок они забавно чесали задней ногой морду, счищая намерзшие у ноздрей ледышки и бесцеремонно терлись о шерстистый бок соседа. Одному проводнику все нипочем — знай, поет свои бесконечные монотонные песни.

— Бюэн, о чем ты так долго поешь? — Поинтересовался как-то начальник отряда Андрей Ермолаевич.

— Что глаз видит, что сердце любит пою... Нашей песни постоянный слова нет. Слушай:

Мы едем на оленях по снегу.

Встречный ветер дует нам.

Моя песня молода,

Не страшны мне холода.

Вон заяц бежит,

*Вон ворон летит.
То со всех лесов и гор
На приветливый костер
Собираются друзья.*

Однообразный мотив вместе с мелькавшими по сторонам деревьями убаюкивал, успокаивал.

На излучинах снежный покров был пухлявым. Несмятые ветром снежинки под лучами солнца искрились так ослепительно, что казалось, будто мчишься по россыпям ограненных бриллиантов. Чтобы уберечь глаза от брызжущего света, Бюэн с Вискэ использовали солнечные «очки» — дощечки с узкими прорезями. Остальные участники экспедиции долго храбрились, но, в конце концов, когда заболели глаза и смотреть стало трудно, попросили эвенков сделать им такие же.

В дороге, кроме леса и гор, возвышавшихся за ним, люди ничего не видели. Ехали, имея весьма смутное представление о местности. В конце концов, профессиональное любопытство взяло верх над практичностью и, хотя этот район не входил в зону работы отряда, Андрей Ермолаевич распорядился свернуть на ближнюю к речке плешивую, утыканную горелым лесом, возвышенность. Поднявшись на нее, наконец, осмотрелись.

Они находились посреди гористого края с широкими паднями и пологими сопками, перемежающимися низкими седловинами. На севере, там, где предстояло вести топографическую съемку, горизонт закрывали высокие хребты.

При спуске обратно к речке то одни, то другие нарты, цепляясь за обгорелые пни, валежины, переворачивались. Поскольку снег был рыхлым и глубоким, передовые олени быстро выбивались из сил, и Бюэну то и дело приходилось чередовать упряжки. Порой он сам вставал на лыжи и шел перед караваном — пробивал дорогу. Перед ним то и дело взлетали стаи белых куропаток. Изосим с Вискэ настреляли с пяток на ужин.

Впереди показалось небольшое черное пятно. Вот оно быстро пересекло склон и скрылось в чаще. Поравнявшись со свежей снежной траншеей, Бюэн

определил: россомаха — самое пакостливое в тайге существо, похожее на маленького медведя.

— Плохой зверь. Ест мало, портит много. Вечером убирай все надо, — предупредил он.

На четвертый день пути, ближе к истоку, речка разделилась на несколько мелких ручьев, а затем и вовсе затерялась на лесистом, заснеженном плато. Каравану следовало идти на северо-запад, к горному массиву, исполосованному развалами ущелий. К нему тянулся неглубокий, похожий на крутостенный овраг, тектонический разлом.

Разглядев его, топограф даже обрадовался: в предписании с перечнем работ было задание: попутно, там, где представится возможность, провести визуальную разведку геологии местности и собрать образцы пород. Этот разлом идеально подходил для этой цели: четкие, слоистые выходы древних отложений, как содержательная книга, могли без утайки поведать об отпечатавшихся в них эпохах, а главное были доступны для сбора образцов.

Андрей Ермолаевич, не колеблясь, распорядился съехать в него.

— Начальник, не надо туда ходи. Худой дорога, там злой дух живи, — запричитал перепуганный Бюэн.

— Сворачивай! Твое дело за оленями смотреть да нартами управлять, а куда ехать, я сам решу, — неожиданно резко ответил тот.

Разлом, с каждой верстой все глубже вгрызаясь в плато, незаметно превратился в мрачный каньон глубиной в 20–25 саженей, обрамленный поверху могучими кедрами. Местами стены угрожающе сближались. Мертвая тишина, царившая вокруг, усиливала тягостные ожидания.

За весь день не увидели ни одного живого существа. Только раз пролетела одинокая ворона. Заметив ползущий по дну каньона караван, она так удивилась, что, сделав три круга, уселась на торчащий камень и стала восторженно каркать, приветствуя появившуюся в столь мрачном месте жизнь. Потом, зачистив крыльями, поднялась и исчезла за кромкой «коридора». Особую тревогу у людей вызывали висевшие над головой внушительные

«козырьки» снежных надувов. Один из них обрушился совсем недавно и завалил проход угловатыми, плотными глыбами.

— Куда едем? Надо возвращаться. Такой «козырек» сразу весь караван похоронит, — ворчали рабочие.

Теперь уже и сам Андрей Ермолаевич поглядывал вверх в поисках понижения, чтобы выбраться из каньона, пока ненароком не завалило, но стены становились все круче и выше. Оставалось два варианта: либо возвращаться обратно, либо... идти до конца.

— Дернул же меня черт полезть в эту дурацкую щель! — мысленно ругал он сам себя, а вслух шумел, — Пошевеливайтесь, ползете, как дохлые мухи!

— Зачем кричать, начальник? Дурной слово злой дух будит, он плохо всем делай. Не ругайся, худо будет.

Эвенк как в воду глядел. Навстречу каравану по каменной трубе потянул, набирая силу, ветер. Воздух наполнился бесчисленными, больно колющими кристалликами.

Андрей Ермолаевич вздохнул и, глянув на проводника, развел руками — виноват, мол.

Ветер крепчал. Вскоре вихрящиеся хвосты снега, сливаясь в единый поток, превратились в мутное, густое месиво. Казалось, что не ветер гонит снег, а наоборот, снег, стеной мчащийся по узкому ущелью, выдавливает воздух. Останавливаться было опасно — занесет в два счета. Понурые ороны, подгоняемые людьми, шли, тяжело дыша, с трудом вытягивая тонущие в рыхлом снегу нарты.

Впереди показался массивный скальный выступ, перегораживающий разлом почти до середины. Подойдя к нему вплотную, путники словно попали на другую планету. На расстоянии вытянутой руки бушует, дико завывает метель, несутся снежные заряды, а здесь, под защитой каменной стены, не шелохнет. Лишь при сильном порыве закинет горсточку снежной крупки.

Караван сгрудился в затишке. Уставшие олени тут же выбили в снегу ямы и улеглись в них отдыхать. Им ни мороз, ни ветер не страшны: длинная и трубчатая шерсть, с очень густым, нежным подшерстком служит надежной защитой.

Из спрессованного ветром снега люди нарезали кирпичей и выложили ещё и боковую стенку в человеческий рост. После чего забрались в спальники из мягких оленьих шкур с мехом внутрь. Без них ох, как трудно человеку противостоять пурге, особенно, когда силы на исходе. Поддавшись соблазну, приляжешь передохнуть всего на минутку, а буран уже намел над тобой могильный холмик.

Один Бюэн остался сидеть на краю нарты. Когда все улеглись, он полез за пазуху и достал деревянного идола. Поставив на ладонь, стал ему что-то сердито выговаривать. Потом поколотил об остов нарты и воткнул в снег, оставив на виду щекастую, приплюснутую голову. Топограф, наблюдавший за всем этим вполглаза, приподняв голову, спросил:

— Что это ты там поставил? — И потянулся за идиолом.

— Нельзя трогай! Пускай мерзнет! — Решительно остановил Бюэн. — Это мой бог — Сэвэки. Маленько учил его. Зачем пурга терпит, зачем нам не помогает? Пока пурга ходи, не возьму его. Ты тоже свой бог побей. Пускай пурга кончает.

— Мы без бога живем. Наш бог — наука.

Бюэн же на этом не успокоился. Он достал лук и выпустил против ветра стрелу, пояснив: «Мой ветер убивал».

Под утро в воздухе произошло замешательство. Ветер сначала заметался: вроде, поднаберется силенок, пролетит по «трубе» шквалом, выстреливая заряды снега, и опять чуть дует. С рассветом ослаб настолько, что стал слышен шум от срывающихся со склонов одиночных комьев снега. В каньоне похолодало, воздух от крепнущего мороза стал жестким. Из спальников выбирались с трудом. Мышцы ног и спины болели, точно после кулачного боя, но достаточно было немного походить, как боль отпускала.

Перекусив, двинулись дальше. Некоторое время олени тянули дружно, оставляя позади себя полосу взбитого снега, но часа через два стали сдавать. Изнуренные бескормицей и трудной дорогой ороны шли рывками, спотыкались и падали один за другим. Тех, кто падал в упряжке, поднимали и привязывали сзади к последним саням. Когда олень и там начинал качаться, как пьяный, Бюэн подходил и щекотал его за ушами. Если олень не реагировал, объявлял решительно:

— Орон силы кончал. Отдыхать надо. Ягель собирать надо.

Люди лазили по камням и сдирали с них чахлый мох и лишайники. В круглых черных глазах оленей даже после такой скудной кормежки пробуждалась жизнь.

Наконец, разлом, разойдясь широким раструбом, вывел караван к речке, текущей вдоль заваленного снегом острозубого хребта. Где-то там, между вершин, спрятался проход, по которому они должны свернуть на северо-восток и углубиться в горный массив. На его самой высокой точке следовало установить первый триангуляционный знак¹. С него уже начинать топографическую съемку местности.

Неожиданно на береговой возвышенности сквозь висящую в остуженном воздухе изморозь проступили очертания юрт, увенчанные столбами дыма. Воодушевленные путники тут же повернули к селению. Под обрывистым берегом сидел, неподвижно скорчившись над прорубью, человек, одетый в потертую, всю в заплатках, кухлянку. Вокруг него на льду лежало с десятков жирных чиров. Когда караван проходил мимо, рыбак даже не поднял головы. Не сводя слезящихся от мороза глаз с лески, лишь откликнулся на их приветствие:

— Дорова!

¹ Триангуляционный знак — опорный геодезический пункт в виде деревянной или металлической ажурной пирамиды, предназначенный для точного определения координат местности.

Спустя несколько секунд, вдруг очнулся и подпрыгнул, словно ужаленный:

— Дорова, дорова! О! Как много вас! Я Коля! Кто командира, как звать?

— Андрей Ермолаевич, — представился, протягивая руку, топограф. —

А что, Коля, можно ли у вас заночевать?

— Конечно, можно. У брата Богдана юрта большая. Кэпсе¹ уже давно о вас есть.

Погрузив Колин улов на передние нарты, поднялись на берег. Якутское поселение — наслег, состояло из трех десятков юрт и нескольких лабазов. Последние стояли на высоких столбах, и взобраться на них можно было только по приставной лесенке. В них хранят продукты, добычу. Возле каждой юрты в сугробах вырыты одна-две пещерки — конуры для собак.

Поодаль паслись заиндевелые мохноногие лошадки с густыми, длинными гривами и челками до самых глаз. Они методично копытили из-под снега пожухшую траву. Изосим впервые видел коней.

«Похожи на молодых лосих, но красивше», — оценил он.

Особенно поразили их глаза. Умные, ласковые, и смотрят так, будто все понимают.

Из ближней к речке юрты с крохотными, как мышинные глаза, окошками на исступленный лай вышел рослый, по якутским меркам, мужчина с плоским, скуластым, почти круглым лицом, обрамленным копной черных волос. По краю подбородка и с верхней губы в беспорядке торчали редкие волоски — потешная претензия на бороду и усы. Это был тот самый «брат Богдан». В

¹ Кэпсе (якут. — сказывай) — таёжная почта якутов. Каждый якут, узнавший или получивший послание о значимом событии, в старину, обязан был без промедления сесть на коня и скакать в любое время дня и ночи, в любую погоду и передать эту весть ближнему соседу, живущему иногда за сто вёрст. В результате такой, исстари заведённой связи, якуты быстро узнавали о том, что происходит даже в самых дальних уголках. Если важно было доставить весть побыстрее, к ней крепили перо ворона. Тогда вестовой ехал без остановок на ночлег.

меховом кафтане, подвязанном кожаным поясом, и в шапке из волчьей шкуры с рысью оторочкой этот немолодой уже человек поздоровался со всеми за руку, чем сразу расположил к себе.

— Кто вы? Откуда? — Деловито осведомился он, оглядывая каждого смышленными глазами.

— Топографы из Алдана, идем к Пикам, — ответил Андрей Ермолаевич.
— Нельзя ли у вас заночевать?

— А веселой водой угостишь? — Простодушно поинтересовался хозяин.

— Непременно.

Якутские юрты не имеют ничего общего с чумами эвенков. Они гораздо основательней. Каркасом служат не жерди, а четыре бревенчатые стойки, связанные сверху поперечинами. Стены сложены из тонких бревнышек, обмазанных глиной смешанной с конским и коровьим навозом. Крыша плоская, сверху для тепла завалена землёй. Входная дверь обита шкурами. Пол земляной. В центре — печь. От нее вдоль всей противоположной от входа стены тянется кан¹. Справа от двери большой меховой полог. Слева что-то вроде кухонного угла. Оконца закрыты стеклами, вшитыми между слоями бересты, вырезанными в виде рамки.

В тех юртах, где живут якуты победнее, в оконных проемах оленье или конские мочевые пузыри. С наступлением устойчивых морозов их, как правило, вынимают и вставляют куски льда толщиной с ладонь — он лучше держит тепло. Стыки по краям, чтобы не дуло, замазывают снегом с водой. На льду, внутри теплой юрты, постоянно оседает слой инея. Его каждое утро соскребают ножом. У семьи обычно две юрты. Летняя и зимняя. Зимняя юрта меньше размером и лучше утеплена.

Задержавшись возле понравившихся ему мохнатых лошадок, Изосим вошел в юрту последним. Свернув на теплый дух, шедший из проема слева, он увидел во мраке большие грустные глаза. Утробно вздыхая, животное ме-

¹ Кан — широкий дымоход, идущий вдоль стен юрты (балагана). В русских избах его называют «боров» или «кабан».

ланхолично перетирало зубами травяную жвачку. Сообразив, что ошибся, парнишка вышел и, отворив соседнюю дверь, оказался в жилой юрте с бархатистым куржаком по углам.

Якуты были рады свежим людям. Мать Богдана, старушка в коричневом халате с белым орнаментом на синей ленте, напоминающем морозные узоры, что-то крикнула — и тут же два подростка, прихватив кожаные мешки и топор, выскочили из юрты. Вскоре они вернулись, сгибаясь под тяжестью поклажи. Высыпав из мешка поблескивающие, как воронье крыло, камни, несколько положили в печь. Камни занялись синеватым пламенем и вскоре жарко покраснелись. Запахло тяжелой гарью.

«Уголь, что ли?» — Мелькнула неуверенная догадка у Андрея Ермолаевича.

— Можно взглянуть?

— Смотри, не жалко.

— Это же чистый антрацит! Откуда он у вас?

— На тот гора бери. Иди, покажу.

Выйдя во двор, Богдан указал на крутой, заснеженный склон отрога. Его рассекал черный, толщиной метра три пласт. Судя по тому, как много вело к нему троп, якуты пользуются дарами этой природной кладовой постоянно.

— Какое богатство! Главное — добывать можно открытым способом! — Восторгался, делая пометки в блокноте, топограф.

Вскоре поспел обед. Расселись на низеньких табуретках, кому не хватило — на шкурах. Топограф налил в кружку спирт, развел водой. Хозяин юрты, «покормив» огонь, отпил свою долю и передал брату. Так кружка с веселой водой обошла всех взрослых членов семьи.

Закусили. Кто жирными спинками амура, кто хаапом — колбасой из конской крови. Подавая новое блюдо, Валентина, жена Богдана, каждый раз приговаривала:

— Попробуйте костный мозг. Попробуйте сохатиную печенку. А это редкое лакомство — желудки щук, только что поджарила на углях.

Геодезист Петр с удивлением поглядывая на нее, не утерпел, спросил:

— Хозяйка, где вы выучились так хорошо по-русски говорить?

— У меня отец русский. Из ссыльных.

Похлебав наваристый мясной бульон с лепешками, гости переключились на чай. И только выпив чашек по пять, они почувствовали, как живительное тепло стало, наконец, растекаться по всему телу. Хозяев спирт согрел намного раньше.

— У вашего чая необычный и очень приятный вкус, — заметил один из рабочих.

— Мы для заварки используем крупинки засохшего березового сока, — пояснила польщенная Валентина. — Срезаем черные комочки на стволах и завариваем. Даже небольшая щепотка сластит. Жаль, кумысом угостить не могу — кобылы только начали жеребиться.

За разговорами чай у Богдана остыл. Он придвинулся к печке и, взяв с плиты раскаленный камушек, бросил его в кружку.

— У вас на все свои придумки! — Похвалил находчивого якута Андрей Ермолаевич.

— У всякой птахи свои замахи, — рассмеялась, гордясь мужем, Валентина.

Спать гостей уложили в меховом пологе. Хозяева устроились на теплом кане, покрытом шкурами.

Утром все члены семьи умывались, черпая воду из тазика, терли золой зубы и полоскали рот подогретой водой, вытирались чистым полотенцем.

На завтрак подали строганину из конины, костный мозг и, в довершение, неизменный чай.

Одеваясь, Андрей Ермолаевич с удивлением обнаружил на разорванном сбоку полушубке аккуратную заплатку. Нетрудно было догадаться, кто так позаботился. Растроганный, он подошел к Валентине и от всего сердца поблагодарил ее.

Обитатели наслега товары для своих нужд покупали в лавке «Якутгос-

торга». Продавец Фадей, жил в соседней с Богданом юрте. Жители наслега промеж себя прозвали его за жадность «Процентом». Хотя делать покупки у торговца с такой репутацией не хотелось, было бы глупо не воспользоваться удобной возможностью пополнить запасы продуктов.

Зайдя в лавку, Андрей Ермолаевич увидел благообразное лицо, украшенное слащавой, прямо-таки сахарной, улыбкой. В то же время в глубине глаз дрожали искорки превосходства. Выкатившись пухлым шариком навстречу русскому начальнику, он долго, подобострастно тряс его руку. Богдану же даже не кивнул, хотя тот низко поклонился ему.

По тому, как был одет Фадей, сразу видно — богач: унты из оленьего камуса, суконная куртка на меху, с оторочкой из бурундуков, на столе рукавицы с отворотами из лисьих лапок. Все новое, чистое, и сам держится уверенно. Как же, самый уважаемый в наслеге человек — продавец! Даже две жены имеет: одна законная, а вторую стряпухой назвал, чтобы улусское начальство не ругалось.

Если у сельчан не было денег, он под высокий процент давал им свои. Поэтому, даже продавая товары по твердым государственным ценам, всегда имел хорошие барыши. Богдан трудился у него грузчиком-истопником.

— Чего ты, здоровый мужик, работаешь на этого борова? — Поморщился топограф, вынося с ним из лавки мешки с продуктами.

— У меня большой долг перед «Процентом». В голодный год он давал коня на мясо. Никак не рассчитаюсь.

— И что, теперь всю жизнь будешь ему кланяться? Найди работу, где хорошо платят. Скоро геологи сюда придут — к ним устраивайся. За сезон на четыре коня заработаешь. Уходи от него.

— Какой уходи, — по лицу Богдана тенью пробежал страх. — У «Процента» все начальство — друзья. Даже в НКВД есть, тюрьма посадить может. Сосед Уняга в большом каменном улусе был. Там видел чёрный зверь из железа. Когда бежит, дымом дышит, землю трясет. НКВД на нём всех ловит. Один должник сбежал в дальний улус. Ловили. Увели в лес, к дереву привя-

зали. Комары до смерти ели. Богатый только для начальника добрый, для нас злее волка!

— Мой дед про таких говорил: «Телу просторно, душе тесно».

Погрузив на нарты закупленные в лавке продукты, отправились к местному тойону договариваться о покупке лошадей и овса. Андрей Ермолаевич уже убедился, что оленей у них маловато. Не успевая восстанавливать силы, они быстро уставали и после обеда еле плелись. Решил подстраховаться и приобрести несколько выносливых якутских лошадок. После долгих торгов удалось снизить цену в два раза. Правда, как позже выяснилось, тойон надулки их — один жеребец из четырех вскоре пал, видимо, хворый был.

Больше всех появлению лошадей в отряде радовался Изосим. И чем ближе он узнавал этих животных, тем больше симпатии, вплоть до восхищения, испытывал к ним. Они отвечали взаимностью — слушались с полуслова. Как скупы и порой едва уловимы движения, которыми животные обмениваются между собой! Как умеют они понимать выражение лица, интонации голоса человека, чувствовать его настроение!

Пока ходили, Коля принес с лабаза пару гольцов шириной в восемь пальцев. Ловко отрубил у рыбин голову и хвост. Чуть-чуть отогрев у камелька, сделал ножом надрезы в шкуре, снял её и настрогал изящные, тонкие, словно хрустальные, сворачивающиеся прямо на доске стружки мякоти. Посолив, подал.

— Ну, как? — спросил он, наблюдая, как быстро пустеет миска.

— Ум съешь!

— Ум оставь. Рыбу ешь, — захихикал довольный рыбак.

Нежная строганина действительно была восхитительна — буквально таяла во рту.

Местным жителям рыба служит ощутимым подспорьем, особенно в голодные годы. Здешние гольцы, муксуны, пелядка и сиг вкусны необычайно.

Но самая изысканная строганина и юкола получается все же из сочащегося жиром розовато -желтого мяса чиров.

Рыбу якуты солят редко — соль дорогая. Зимой замораживают и хранят в ледниках, а летом готовят юколу — сушат рыбу на ветерке под навесами на жердях. Перед этим ее рассекают вдоль хребта на две пластины и надрезают изнутри. Кости и внутренности отдают собакам.

Юкола бывает двух видов: белая, вяленая на солнце, и коричневая, прокопченная в специальных шалашах-дымокурах. Она ценится выше, но это дело вкуса.

* * *

Укладывая груз на нарты, Изосим с трудом размыкал застывшие от холода губы:

— Мороз здесь намного крепче нашего.

— Знаешь, сейчас уже не так крепкий. Бывает шепот звезд слышно, — ответил помогавший ему Богдан.

— Чего-чего слышно?

— Так говорим. Льдинки трутся в воздухе, звезды шепчут, — улыбнувшись, пояснил якут.

Тепло попрощавшись с гостеприимными братьями, отряд скрылся в стылой мгле. Но не успели они отъехать и двух верст, как их нагнал Богдан на мохнатой кобылке.

— Провожу. Поворот к Пикам с речки мало видно, — буднично пояснил он свое появление.

— Не волнуйся, Багдан, найдем, не первый день в тайге, — попытался отговорить его Андрей Ермолаевич.

— Мокрому не страшен дождь! Бедный не боится дороги, — отшутился тот.

Долина, по которой текла речка, в этом месте устремлялась круто вверх и изобиловала порогами. Над незамерзшими сливами шляпками грибов стоял

пар. Берега покрывали бугристые, от разлетавшихся брызг, наледи. Когда проезжали по ним, нарты, чтобы они не съехали в черную кипень, приходилось придерживать. А вот за оленей можно было не беспокоиться. Они сами весьма расчетливо выбирали места, куда безопасней ставить копыта.

Поворот в ущелье, упировавшегося в заветный горный массив, достигли на второй день. Он действительно был малоприметен и, не будь провожатого, отряд, скорей всего, проскочил бы его.

Перед расставанием Богдан снял волчьи рукавицы на ремешке и нарисовал в блокноте топографа, как лучше пробираться к Большому Пику — красивому гольцу, возвышавшемуся над окрестными горами правильным конусом. Потом осмотрел лошадей:

— Слабых тойон дал — пасть могут. Сильно не грузите, — расстроился он. — В горах не торопитесь — суетливая белка первой под пулю попадает. Вон на той горе, — показал он на двугорбую вершину, — круторог живет. Я его знаю. Он совсем, пожалуй, старик. Все ему надоели, один живет. Наверное, помирать скоро будет. Следы увидите, привет передайте.

— До чего приятный человек! Своих забот полон рот, а о других так беспокоится, — дивились между собой рабочие, когда якут отъехал.

— В этих краях иначе нельзя! В одиночку, без доброжелательной взаимовыручки, не выжить. Это выработано веками и прочно впиталось в кровь местного населения, — пояснил топограф.

Через Г-образный проход между скал караван медленно заполз в тесное ущелье. В некоторых местах совсем недавно, сошли лавины, отчего обнажённые склоны выглядели мрачными. У их подножия бугрились снежные валы. В ущелье стояла редкая тишина. Ветер не заглядывал сюда, и снег лежал на ветвях редких деревьев слоистым салом с самой осени.

Продвигались толчками. Костлявые спины оленей горбились от натуги. Чтобы помочь оленям, Бюэн взял поводной ремень передней упряжки и пошел на лыжах впереди. Несмотря на это, нарты глубоко зарывались в перемерзший и сыпучий, как зернистый песок, снег. Запеченные олени морды

тыкались в него и хватали дрожащими губами. Натянутые постромки временами звенели от напряжения. Каждая верста давалась ценой невероятных усилий.

Основная тяжесть прокладки дороги всегда ложится на переднюю пару оленей. Они по брюхо тонут в снегу, сбивают друг друга, то и дело падают. Поэтому быков приходилось постоянно чередовать. Вскоре и сам Бюэн закурился паром, словно вышел из бани.

Люди шли молча: при такой работе не до шуток и разговоров. Переводя дыхание после очередного броска, проводник попросил начальника отряда:

— Андрей Ермолаевич, ночевку делай. Олени устали. Дальше не идут — видишь, валятся, дышать не могут. И лошадям совсем худо.

— Нет, друг, давай еще версту промнем, я с тобой впереди пойду. Как-нибудь осилим.

И действительно, из каких-то неведомых источников вливаются в уставшие мышцы крохотными порциями энергия, и обоз продолжает путь. В итоге за день одолели десять верст, хотя вымотались так, будто за плечами осталось не меньше сорока.

На следующий день прошли еще меньше. С утра третьего заметно потеплело. В прогретом неподвижном воздухе ощущалась близость весны. На южных скатах с каменных уступов начали скатываться первые слезы — материал для будущих сосулек. Повлажневший снег прилипал к березовым ползьям тяжелыми комьями. Это тормозило нарты и изматывало оленей.

Остановились на обеденный привал. Сноровисто развели костер, повесили котлы с водой. В самый большой положили замороженную оленину, сыпанули соли и нетерпеливо ожидали, пока немного покипит. Все были так голодны, что мало кто дождался, пока мясо сварится. Большинство ело полусырым. «Горячее сырым не бывает», — шутили рабочие, с аппетитом разрывая зубами обжигающие куски.

Олени все это время понуро стояли и хватали губами снег. Распряжешь — разбредутся в поисках корма, потом до вечера не соберешь. Чтобы под-

крепить оленей люди, пока варилось мясо, собирали для них свисавший с деревьев лишайник. Лошадки же добывали скудный корм из под снега.

До подножия Пика оставалось около шести верст. Видя плачевное состояние оленей, Андрей Ермолаевич, посоветовавшись с Петром, распорядился распрячь оленей и вставать на ночевку.

— С утра сделаем еще один переход и у подножия Пика разобьем временный лагерь. Оттуда будем бить тропу к вершине, поднимать материал для триангуляционного пункта.

Ночью уставшему отряду не давал спать отвратительный волчий вой. Перепуганные жуткой песней олени и лошади всё жались к костру. Бюэн несколько раз стрелял на вой, но голодный зверь даже не прервал своей вселявшей ужас и тоску песни.

Утром по следам увидели, что волк подходил к лагерю совсем близко, но с рассветом ушел по заваленной снегом тропе вверх. Караван двигался теперь прямо по его следам. Вдруг передние быки остановились и громко зафыркали — на бугре стоял лохматый пес. Приглядевшись, люди поняли, что он стоит на крыше занесенной снегом юрты.

Собака, явная помесь с волком, скалила желтоватые клыки и устрашающе рыкала. С березы слетела испуганная белая сова и, лениво загребая воздух, исчезла в ельнике. Внутри юрты что-то громыхнуло; скрипнула, обитая конской шкурой дверь. В образовавшийся проем выглянула и тут же исчезла седая голова. Почти сразу из юрты вышел жилистый, коренастый якут лет сорока пяти, с берданой в руках. Увидев людей, он широко заулыбался. Прикрикнув на грозного стража, пояснил:

— Думал — шатун. Один прошлый год стрелял — чуть мать не ел... Заходите, — пригласил хозяин, которого, как позже выяснилось, звали Федором.

Пройдя мимо, терпко пахнущего парным навозом, хотона с кобылами и новорожденными жеребьями на ногах-тычинках, путники, откинув шкуру,

попали в жилую, ужасно задымленную — с бревенчатого потолка буквально свисала черная бахрама копоты — юрту.

Снаружи, из-за того, что она была завалена по крышу снегом, жилище казалось маленьким, но в ней свободно разместились все путники. Пока Федор откапывал окно и соскабливал с него намерзший за ночь слой инея, его мать, прямая как жердь старушонка в цветисто вышитом халате, принялась готовить еду: раскатывала круто замешанное пресное тесто и клала ненадолго на сковородку. Когда тесто немного подсыхало, натывала его на палочку и поворачивала то одной, то другой стороной к жарким углям. Через несколько минут очередная аппетитно пахнущая лепешка была готова.

Выложив их на стол, устроилась на теплом кане и, вперив карие, в кружеве морщин, глаза на танцующее пламя камелька, отрешенно курила трубку, не вмешиваясь в разговор мужчин. Изредка только вздохнет, глянет украдкой на гостей и опять сидит дымящим истуканом.

После трудной дороги особенно приятно было пить заваренный на травах чай и есть душистые ячменные лепешки, испеченные на открытом огне.

На низко подвешенной полке с посудой тускло поблескивали ложки из желтого металла. Андрей Ермолаевич с одного взгляда определил — золотые.

— Федор, откуда у вас эти ложки? — как можно спокойней поинтересовался он.

— Сам отлил.

— Как это? — Изумился топограф.

— Грел желтое железо на сковороде. Когда стало, как вода, лил в глиняный карман. Русский инженер так учил. Еще кружку лил. Однако кружка плохой. Чай быстро холодный. Миску лил. Еще пули лил на амаку.

— Да вы с ума сошли! Это же золото! Какое преступное невежество! За такую ложку можно тысячи алюминиевых купить! Стране для подъема промышленности остро не хватает валюты, а ты золотыми пулями по зверю палишь! Какой абсурд! — Возмутился начальник партии.

— Так нету люминия и свинца нету. Что есть, делаю — что плохого? Кому надо — приходи бери, не жалко. Федору много не надо. Я желтое железо не торгую. Только для себя беру мало-мало.

Простодушный Федор никак не мог взять в толк, почему начальник сердится, но из услышанного все же уразумел, что поступал худо, и заволновался.

— И где ты его берешь?

— На ключе.

— Место помнишь?

— Что помнишь? За юртой. В горах тоже есть. Один тут, один там лежит. Везде есть.

— Хорошо. Завтра покажешь. Надо на карте отметить. Про то, что здесь есть золото, никому не рассказывай — это государственная тайна. За ее разглашение — тюрьма. Понял?

Старуха, слышавшая весь разговор, зашлась скрипучим, как расштанная нарта, кашлем. Когда приступ кончился, стала ругать сына:

— Ты морозил уши, не слушал мать. Говорила, не бери желтое железо. Теперь тюрьма будет. Кто меня хоронит?

Андрей Ермолаевич, видя, что Федор изрядно струхнул, решил успокоить якутов и смягчить настрой разговора:

— Федор, я поручаю тебе от имени рабоче-крестьянской власти чрезвычайно важное дело — охрану этого ущелья. Дам тебе справку, что эти земли в госрезерве, под охраной государства. Если кто зайдет, скажешь — уходи, иначе тюрьма будет. Понял?

— Для лошади один кнут, для человека — одно слово хватает, — обрадованно закивал якут.

— Молодец, обеспечишь режим охраны, народ спасибо скажет.

Федор после таких слов заметно воспрянул духом.

Для того чтобы хозяева в полной мере прочувствовали ответственность и важность возложенной на них миссии, Андрей Ермолаевич угостил старуху и сына спиртом. Выпив, тот опять принялся оправдываться:

— Начальник, Федор хороший якут, желтый железо сапсем не торговал. Дядя торговал, отец торговал, брат торговал — Эскери наказал. Федор сапсем не торговал — духа не сердил. Федор крепко охранять будет — никто не ходи.

— Верю, Федор, верю. А с родней-то что случилось?

— Худо случилось. Сапсем пропадай. Давно пропадай. Дядя факторию желтый железо возил. Мука, чай домой брал. Второй раз его пьяный делали. Сапсем мертвый стал. Потом отец возил. Менял два тюка черный чай, ящик табак, медный котел, топор. Нам говорил — много собирай, много меняй будем. Его волки грызли. Мать плакал, просил, не собирай желтый железо. Брат не слушал, тоже пропадай. Теперь вдвоем живи. Нельзя якуту сердить Эскери. Когда якут лошадь не смотри, кумыс не делай, охота, рыбалка не ходи — горный дух Эскери якута забирай к себе.

Утром, пока Федор показывал топографу место, где собирает самородки, старуха, стараясь угодить большому русскому начальнику, настрогала полный таз тонкой, сворачивающейся в трубочки розовой мякоти молодой конины и подала ее на стол вместе с колбы — острой приправой из черемши. Потом нарезала целое блюдо кровяной колбасы, а к чаю наложила в берестяную чашу главный деликатес — землянику в масле. Все ложки и миски из золота убрала подальше.

Андрей Ермолаевич радовался неожиданной экономии продуктов. Ему всегда казалось, что их не хватит до конца сезона.

Осмотрев перед выходом лошадей, поняли, что они уже не ходоки. Поминая нехорошими словами тойона, долго кумекали с Бюэном, что делать, и решили все же оставить их Федору — вдруг сумеет выходить. Тот на радостях притащил из юрты с полпуда конской колбасы и стал кругами ходить возле Андрея Ермолаевича.

Заметив, что якут не отходит от него, топограф, наконец, вспомнил про справку о переводе окрестных земель в госрезерв. Вынув из планшетки бланк геологоуправления, печатными буквами написал, что данный документ удостоверяет перевод долины речки Ягельная в госрезерв и введение на ее территории запрета на все виды промыслов.

Получив столь важную бумагу с гербом, якут поклялся:

— Федор крепко госрезерв хранит! Крепче Эскери! — И вывел двух жеребцов из хотона: — Бери, дорога длинный, конь надо.

Через четыре дня топографический отряд установил на Большом Пике первый триангуляционный пункт — ажурную трехгранную пирамиду из смолистых стволиков ошкуренной лиственницы. Ночью небосвод, как нарочно, затягивали тучи, и геодезист Петр никак не мог определить его координаты. Днем сплошной покров туч ветром разрывало на серые дымные клочья. Их рукастые тени, ощупывая каждый отрог, крадучись уползали на запад, где дыбились угрюмые цепи гор, но с вечера вновь напознала непроходимая армада, пригоняемая со стороны Охотского моря. Просидев на холоде и ветру две ночи, Пётр, наконец, поймал просвет, сквозь который открылись звезды для определения точных координат геодезического пункта.

Отсюда, с высоты двух верст, простиравшаяся во все стороны необозримая горная страна, терялась в дымке горизонта, изрубленного зубцами пиков. Этот хаос беловерхих громад и лесистых долин предстояло в деталях нанести на карту. А на одиннадцати господствующих гольцах построить триангуляторы. По ним, в дальнейшем, можно будет делать точную привязку других объектов. (Старые карты были схематичны, бедны подробностями и не достоверно отображали местность). Работы непочатый край, но первый, самый трудный шаг сделан.

В один из вечеров, кажется, как раз после установки триангулятора, когда все в ожидании ужина собрались у костра, Андрей Ермолаевич долго возился в палатке. Наконец, он вылез и торжественно объявил: «Дорогие дру-

зья, сейчас будет говорить товарищ Сталин. После его выступления послушаем первомайскую демонстрацию в Москве. Внимание, включаю!»

В наступившей тишине из палатки раздался и понесся над заснеженными горами хриловатый голос. Изосим и эвенки от удивления раскрыли рты: они никак не могли понять, откуда в палатке топографа оказался человек. А когда из нее донесся грохот, а голос умолк, проводники со страхом переглянулись.

Глядя на них, Андрей Ермолаевич с рабочими засмеялись. В это время сквозь брезентовую стенку понеслись возгласы множества людей, веселая музыка. Недоумению кочевников не было предела. Топограф вытер выступившие от смеха слезы и, подзвав ошеломленных таежников к палатке, откинул край брезента.

Тут Бюэн с ребятами и вовсе лишились дара речи. В их головах никак не укладывалось то, что в палатке говорят не люди, а ящик с красным глазком под названием «радио».

Вскоре Андрей Ермолаевич выключил его, так как батареек был всего один комплект, да и те просроченные, а ему хотелось хоть раз в месяц слушать новости из Москвы.

Завершив работы на Пике, олений караван стал спускаться на заснеженную лесистую равнину, через которую предстояло добираться ко второму гольцу.

Для отряда стало приятным сюрпризом отсутствие необходимости бить тропу в глубоком снеге: благодаря мощным волнам весеннего тепла, внешний слой снежного покрова за день подтаивал, пропитывался влагой, а за ночь схватывался ледком — настом. Чтобы воспользоваться этим неожиданным подарком в полной мере, собрались и выехали до рассвета, как только стали редеть сумерки — в это время наст самый прочный. Несмотря на широко раздвоенные копыта, олени, случалось, всё же пробивали льдистую корку, и животные резали ноги об острые кромки. Снег в таких местах обог-

рялся капельками крови. На крутых участках каюры ни на секунду не выпускали из рук крепкий остол, которым притормаживали разгонявшиеся нарты.

Наконец, обоз выехал на равнину, залатанную темно-зелеными лоскутами ельников. Посреди неё место будущего пересечения «прямого» и «обратного» маршрутов. (Если их наложить на карту получалась цифра восемь). Через несколько недель отряд, уже на обратном ходе, должен вернуться сюда же. Поэтому здесь заложили продовольственный склад. В нем, кроме провизанта, оставили и кое-что из зимних вещей. Олени, почувствовав, что нарты полегчали, побежали бойчее.

Открытое пространство зрительно приближало рассеченный ущельями хребет, скрывавший голец Облачный — место установки следующей пирамиды. Людям казалось, что к вечеру непременно достигнут его. Но добрались лишь на второй день: чистый воздух скрадывает расстояние.

Бюэну эти места были знакомы, и он повел караван к среднему ущелью. По нему и подъем положе, и с перевала можно сразу спуститься в долину, ведущую прямо к гольцу.

Признаки весны тут были особенно зримы. Обласканный теплым ветерком снег на солнцепеках таял вовсю. От освободившейся земли шел запах изопревшей травы, влажного ягеля. Загустел лес. Засновали стайки черноголовых синиц, чаще стали попадаться на глаза дятлы. Их размеренный стук, перемежающийся с барабанной трелью самцов, почти не смолкал. По тайге то и дело прокатывался густой шелест оседающих от тепла тяжелых пластов ноздреватого снега. Покорствуя дарованному теплу, набухали жизнью в оттаявшей земле семена, и из них проклевывались навстречу солнцу первые ростки. На головах оленей проступили вздутьями упругие бугорки, наполненные кровью. Скоро на их месте заветвятся мягкие, покрытые пушистой шерсткой, рога. К началу турнирных боев они заостенеют, приобретут стальную прочность, а в декабре-январе рога у быков отпадут. Важенки же еще долго будут ходить со старыми. Они необходимы им для защиты беспомощных оленят. (Опытный Бюэн взял в экспедицию только быков).

Оленям сейчас идти особенно трудно. Размякший снег, набиваясь между раздвоенными копытами, смерзлся льдистыми комочками и болезненно распирает их. К тому же, он налипал на полозья. Чтобы облегчить скольжение, нарты то и дело валили набок и ножом соскабливали снег.

На ночевку встали у подножия тощего сутулого отрожка. Попив из ручья воды, наблюдательный Андрей Ермолаевич заметил:

— Вода железом отдает. Похоже, выше железосодержащая руда. Надо в отчете отразить.

Пока Изосим с Васкэ кашеварили, Бюэн, отковав из гвоздиков крючки, наловил пеструшки и приготовил полный таз малосольной рыбы. Топограф по такому случаю плеснул в кружки спирт. «Разговорные капли» сделали свое дело — развязали людям языки. Суровый, неречистый Петр (бывало, за весь день слова не вымолвит), повернувшись к Бюэну, вдруг разродился длинной тирадой:

— Как живут, чем занимаются якуты — об этом мы теперь имеем довольно полное представление. А вот про эвенков ничего не знаем. Хотя очень любопытно, ведь ваш народ населяет огромную территорию от Енисея до Охотского моря. Я, к примеру, даже не знаю, отчего прежде вас звали тунгусами, а сейчас эвенками? Еще нам рассказывали, что вы, в отличие от якутов, отказываетесь жить в поселках. Это так?

Проводник, вынул только что разожженную трубку изо рта и зачем-то принялся выбивать ее о пенек. Его густые брови напряженно сомкнулись. Потом открыл костяную табакерку и опять долго вминал табак в чубук. Наконец, собравшись с мыслями, откинул со лба волосы, уселся поудобней и начал говорить, то и дело сбиваясь на родной язык. Изосим, хоть и сам не всегда все понимал, тут же переводил.

— Это правда, поселок жить не хотим. Как эвенку там жить? Оленю ягельники нужны. Олень кочует, мы кочуем. Летом кочуем, зимой кочуем — весь год кочуем с оленями. Так эвенк живет. Зверя убьем — ставим чум и много мяса едим. Праздник делаем.

Добрый дух Агды — сын Сэвэки, эвенку помогает. Агды поселок жить не пойдет. Он ходит по лесу и громом пугает чертей. Черт прячется. Агды везде его ищет. Найдет в чуме — бьет в чум. На дереве прячется — Агды дерево каменным топором колет, огонь пускает. Если в эвенке черт, в него может бить. Убьет, но черта выгонит... В каждом чуме тоже есть деревянный Агды с большой головой. Глаза маленькие, а рот большой. Его мы кормим, чтобы злых духов отгонял.

Когда эвенк умирает, кладем в колоду. Ставим на столбы в лесу так, чтобы лицо смотрело на закат — раз человек ушел в ночь, дневной свет ему не нужен. А в поселке где поставишь колоду? То-то! Рядом оставляем лук, стрелы, чашку, топор, котел с дыркой, ичиги с пробитой подошвой. Ходим мимо — кладем в котел кусок мяса, сыпем табак. Учуга¹, на котором ездил умерший, колем и его кровью мажем столбы и колоду.

— А для чего в котле и ичигах дырку делаете?

— Если мертвый захочет забрать — можем уйти через дырку. Мертвому даже лепешку делают с дыркой.

Когда уходим от мертвого, следы укрываем снегом или ветками, чтобы его душа не нашла дорогу в стойбище. Чум, в котором он умер, сжигаем и говорим: «Не возвращайся, не вреди нам и своим детям»... Теперь понял, почему нельзя жить в поселке? Мёртвые всех сразу заберут. Нет, нет! Никак нельзя эвенку жить в поселке, — твердил разволновавшийся Бюэн.

Эта тема для него была, похоже, самой болезненной. Немного успокоившись, он продолжал: — После смерти плохой эвенк умирает навсегда. Его забирает злой дух — Харги. Он живет под землей. А хорошего эвенка, чтобы на земле тесно не было, Сэвэки забирает через дыру в небе в верхнее кочевье. Эта дыра — Северная звезда называется. Там все наоборот: у нас лето, там зима. Сэвэки — самый добрый дух. Он хозяин верхнего мира. Когда старое тело совсем пропадает, Сэвэки возвращает эвенка в тело младенца.

¹ Учуг — верховой олень.

В горах тоже духи живут. Самый сильный — Калу. Эти духи могут перелетать в любое место, превращаться в людей или зверей. Портить их или лечить. Шаманы во время камлания разговаривают с ними, дают подарки, просят забрать болезнь обратно. Когда шаман камланит, он надевает шкуры, вешает колокольчики, железки, шапку с рогами. Ходит, прыгает и громко бьет в бубен колотушкой — лапой медведя. Шаман может ходить в верхнее царство мертвых. Там узнает, у кого родится ребенок, кто зверя добудет, — переводил Бюэна Изосим.

— Ну, с духами разобрались, а сами-то чем занимаетесь?

Глубоко затянувшись, Бюэн уже уверенней продолжил:

— Женщины чум ставят, еду готовят, доят оленей, дрова рубят, шкуры выделывают, унты, одежду шьют, детей смотрят. У нас другая работа. Охраняем, пасем стадо, охотимся. В праздники несколько родов вместе собираем. Много едим. Танцуем — встаем лицом друг к другу, переминаемся с ноги на ногу и хоркаем, как ороны. Из ружей метко стреляем. Загадки загадываем, кто больше отгадает.

— Загадай какую-нибудь, — попросил Петр.

— Старик стоит, небо подпирает?

Недолго думали слушатели, враз отгадали:

— Дым!

— Без крыльев летит, без голоса, а свистит?

— Ветер! — опередив всех, азартно выкрикнул Андрей Ермолаевич.

— Быстро отгадываете. Загадаю потруднее: «В середине бревно, по бокам два озера, а внизу яма?»

— Нос, глаза и рот! — Сообразил Изосим.

— Молодец, голова хорошо работает! — Похвалил внучатого племянника проводник.

— Бюэн, ты так и не ответил, как все же вас правильно называть: тунгусы или эвенки? — Не унимался любознательный геодезист.

— Сами себя мы зовем эвэнкил. Слово «тунгусы» придумали лучи. Теперь так редко говорят.

— Вы с якутами на одной территории живете, а домашние животные у вас разные. У них лошади, у вас олени. Почему так?

— Когда Сэвэки решил дать людям оленей, он стал кидать их с верхнего кочевья. Мы постелили им мох, развели дымокуры. Олени упали на мох возле дымокуров. Им было мягко. Их не кусали комары и оводы. Вот у эвенков олень и прижился. А в других местах ороны падали прямо на землю. Ушиблись, убежали.

Все рассмеялись от такого, по-детски наивного, толкования. Андрей Ермаевич, вытирая выступившие от смеха слезы, напомнил:

— Товарищи, время позднее, пора спать. Спасибо, Бюэн, за интересную информацию, если что еще вспомнишь, завтра доскажешь.

* * *

Миновала еще одна неделя. Очередная пирамидка увенчала голец. Отряд, выполняя топографическую съемку местности, продолжал двигаться на север. Ночные заморозки прекратились. Люди сменили тяжелую зимнюю одежду на летнюю. На ноги вместо меховых унтов надели легкие ичиги из лосины, выложенные киусом.

Тонкий смолистый аромат распушившейся мягкими светло-зелёными иглами лиственницы густо пропитал воздух. В тайгу пришла та благодатная пора, когда уже довольно тепло, но кровососы еще не расплодились. Изредка пикировали лишь пережившие зиму крупные комары, но их было так мало, что Изосим из сочувствия даже позволял им насосаться крови.

Пользуясь потеплением и отсутствием гнуса, на очередной стоянке, разбитой рядом с небольшим, в три юрты, наслегом, палатки не ставили. Расстелив шкуры прямо на земле, легли в под открытым небом, хотя якуты утверждали, что ночью «небо начнет плакать» и уговаривали ночевать в юртах.

— У доброго хозяина и возле юрты хорошо, а у худого и у очага замерзнешь, — отговаривался Андрей Ермолаевич, забираясь в полюбившийся спальник из шкур толсторогов — снежных баранов. В отличие от оленьих, они не продырявлены личинками оводов, да и мех у них более стойкий.

Среди ночи толпа туч, отдохавшая на склоне хребта, тяжело толкаясь во тьме, действительно сползла на пойму, и посыпал некрупный, но частый дождь. Пришлось-таки перебираться в юрты к якутам. Прежде чем зайти, долго вытирали сапоги о втоптаный в землю пучок веток. Утром подивились тому, как набухла речка. В этих краях всегда так — почва из-за вечной мерзлоты пресыщена влагой, и даже непродолжительные осадки вызывают заметный подъем воды.

Подмытая течением часть берега, на глазах людей обрушилась, обнажив, к общему восторгу, кладбище мамонтов. Из мощной льдистой жилы с вмержшей в нее галькой и песком торчали кости. Среди них выделялся громадный череп с глазницами, забитыми льдом и грунтом. Топограф, никогда прежде не видевший столь хорошо сохранившиеся останки доисторических исполинов, бегал, фотографируя то их, то якутов, которые тут же принялись откапывать и сортировать кости.

Мощные, нежно-кремового цвета бивни они освободили в первую очередь и сразу унесли к юртам. Каждый бивень тянул пуда на четыре. Здесь их тщательно вымыли и, чтобы после извлечения из промерзшего грунта они не растрескались, завернули, каждый в отдельности, в толстый слой ягеля, после чего закопали в землю прямо в юрте. Там они будут лежать долгие месяцы, постепенно отдавая накопившуюся внутреннюю влагу. Только после этого из бивня можно будет вырезать посуду и красивые поделки: скребки, рукоятки ножей, фигурки людей и богов, гребни, застежки на оленью упряжь. Полуторасаженные ребра тоже пойдут в дело — якуты используют их при сооружении каркаса юрты.

По местным преданиям, именно мамонт — Шэли — помог Сэвэки сотворить землю, подняв ее бивнями со дна первозданного моря. Вода в нем

дважды в день опускается и поднимается, потому что духи умерших мамонтов в это время приходят на водопой.

На следующий день, как только немного подсохло, отряд тронулся в путь. Полозья нарт скользили по влажной траве и зеленовато-белому ягелю, мыльно-скользкому после дождя, как по снегу.

— Сколько мяса, сколько мяса! — Подстрекательски трещали с деревьев возле вчерашнего оползня лощеные сороки. Подъехав ближе, люди увидели, что за ночь от берега отвалился еще один пласт земли и из голубоватой линзы обнажился шерстистый бок взрослого мамонта. Из-под его живота выглядывала голова мамонтенка с бивнями всего в четыре вершка. Собаки оленеводов уже разнюхали этот склад мяса и успели выгрызть в мерзлом боку мамаши темно-красные оспины.

Андрей Ермолаевич, спрыгнув с гнедого жеребца, принялся с удвоенным азартом фотографировать уникальное обнажение со всех сторон. Потом ножом вырезал для зоологов кусок шкуры, покрытый длинной рыжевато-бурой шерстью. Мамонтятина на срезе выглядела так же свежо, как мясо недавно убитого медведя. Только пахло не кровью, а сырой землей, да волокна мышц были гораздо толще.

— Жаль, спины не видно. Поглядеть бы, есть ли там горб, в котором мамонты, как рассказывали на лекции, откладывали жир про запас.

— Андрей Ермолаевич, а где эти мамонты живут? Я их следов никогда не встречал, — поинтересовался Изосим.

— Еще бы! Они же вымерли во время последнего оледенения, примерно десять тысяч лет назад, но некоторые, как видишь, благодаря вечной мерзлоте, великолепно сохранились. Столько лет прошло, а мясо даже цвет не изменило. Поразительно!

Вскоре караван въехал в расщелину, ведущую к группе кряжей, исполосованных языками ледников, спускающихся из-под снежных шлемов, венчающих куполообразные вершины. И без того узкий проход, все более сужаясь, превращался в мрачную теснину, в которой дул встречный ветер. Олени с

трудом тянули нарты. Впереди на скалистую площадку выскочили снежные бараны. Увидев людей, они развернулись и, без всякого напряжения прыгая по камням, взбежали на гребень. Понаблюдав некоторое время за пришельцами, скрылись.

Наконец подъем позади. На перевале стояли дарственные столбы, увешанные черепами, рогами, лоскутками — похоже, этим проходом люди пользуются давно и часто. Бюэн тоже привязал белую тряпочку со словами «не обижай нас, Сэвэки».

Перевалив пологую седловину, начали спуск. Стены расщелины расступались, открывая вид на уже совершенно зеленую пойму, весьма просторную и ровную. На фоне оставшихся за спиной каменных громад, где ничего, кроме мхов и лишайников не росло, а в верхней части и вовсе одни безжизненные скалы и лед, этот обширный тихий оазис, состоящий из кедров и берез, уже выпустивших молодые листочки, вызывал умиление. Заметив одинокую струйку дыма над деревьями, Андрей Ермолаевич дал команду Бюэну вести аргиш¹ к ней.

На лесной полянке, покрытой темно-зелеными курчавыми стебельками брусники, над костром на косо воткнутой палке висел прокопченный чайник. Судя по тому, что запотевшие бока лоснились от капелек воды, подвешен он был недавно. Огляделись — вокруг ни души. Только на смолистом сучке сосны болталось старинное длинноствольное ружье с курком, похожим на оттопыренный большой палец. Деревянный приклад, видимо, треснувший, обмотан сыромятиной. Тут же на тонком ремешке кожаная сумочка с патронами и привязанным к ней кресалом.

Остановившись поодаль, Бюэн стал распрягать утомленных оронов. Кусты зашевелились, показался маленький тщедушный дедок, легко тянувший несколько сухостоин. На нем потертая куртка из лосины и кожаные штаны из кабарожьей замши. На ногах — изношенные ичиги со свежими заплатками.

¹ Аргиш (эвенк.) — олений караван.

Старенький на вид эвенк на самом деле был крепким, как одинокий дуб, привыкший жить без поддержки собратьев, промысловиком. За ним, поглядывая по сторонам большими умными глазами, брел, вместо собаки, олень с вялыми от усталости ушами.

Эвенк подошел к костерку и тихо опустил стволики. Рядом воткнул посох — длинную палку с железным наконечником. В верхней части посоха торчал сучок, оставленный специально, чтобы удобно было класть ружье для большей точности выстрела. Присел на корточки, набил трубку с коротким прямым мундштуком. Выхватив из огня горящую ветку, прикурил и стал попыхивать дымом, как бы и не замечая незваных соседей. Его морщинистое, как высохшее яблоко, желтовато-смуглое лицо с широким, чуть приплюснутым носом, было отрешенно. На верхней губе жиденькие волоски. Не менее редкая бородка топорщится двумя серебристыми пучочками.

Люди почувствовали себя неловко — раскинулись на полянке вольготным станом, не спросив разрешения у хозяина. Некоторое время они сидели молча, наблюдая за разгорающимся костром. Взлетающие искорки, кружась, словно светлячки, растворялись в сгущающихся сумерках. Было тепло и тихо, только заунывное зудение комаров едва нарушали безмолвие ночи. Чтобы снять неловкость положения, Топограф вынул из мешка фляжку и, красноречиво побулькивая, направился к деду. Сдержанное равнодушие с лица старика мгновенно исчезло. Узкие карие глазки глянули на шедшего приветливо, лицо вмиг омолодила подкупающая своей открытостью улыбка.

Поздоровались. Андрей Ермолаевич еще раз выразительно побулькал содержимым баклажки. Эвенк молча достал берестяную кружку. Через минуту они уже знакомились:

— Окирэ.

— Андрей.

А после второй стали лучшими друзьями.

Оказалось, что старик третий сезон промышляет здесь кабарожек.

— Этот год восемь кабарга видел, струйника¹ нет. Худая охота, — посетовал он.

— А на медведя не пробовали охотиться? Мы недавно след муравейника² пересекли.

— Амаку нельзя убивать. Эвенки от него послы.

— С чего это вы взяли?

— Слушай, если не знаешь! У первой пары люди было сетыре сына и пять досерей. Зенились сыны на досерях — одна лисняя осталась. Самая красивая. В доме все стали с ней ругаться. Отец выгнал ее в лес. Там она встретила амаку и стала с ним зить. От них посел нас народ.

Однако, когда осень надо желсь или жир для больного, можно ходить к амаке в гости³. Надо только просить разресение у Сэвэки взять медведя. Когда взял амаку, скажи: «Не сердись, дедуска, лесить больного жир надо». А когда скуру снял: «Дедуска, тебя не я обдираю, а муравьи тебя секосут». Голову надо насадить на молодой ствол и ветку в пасть ставить, тогда дух амаки за тобой не ходит. Селится в маленьком медведе, — разьяснял старик Андрею Ермолаевичу.

— Окирэ, где твой чум, стадо? — Поинтересовался подошедший Бюэн.

— Я — не оленный эвенк, я — охотник. Зена умерла. Больсе не зенился.

— Ахия ачин бэе ангадякан (муж без жены — сирота), — посочувствовал Бюэн.

— Одному тоже хоросо. Куда хосю — туда иду. Никого ни спрашиваю. Сын искал меня, уговорил с ним зить. Три круга зил. Как болел, усел — за-

¹ Струйник — самец кабарги, добываемый, в основном, ради «струи» — целебной мускусной железы.

² Муравейник — мелкий, как правило молодой медведь, нередко питающийся муравьями.

³ Эвенки, чтобы не сердить и не обижать зверя, никогда не говорят «иду на охоту», вместо этого говорят «иду гости».

сем лисний рот. Дети пусть хоросо едят. Правильно делал — болезнь ушла. Теперь живу один, след зверя пока не теряю.

— Окирэ, вы так хорошо говорите по-русски!

— С усеным долго ходил. Он писал, смотрел нас народ. Он меня усил.

Немного помолчав, дед хитровато сощурил черточки глаз и пристально посмотрел на топографа:

— Андрей, мозесь порох мал-мало дари? Я свой консял. Сколько ни бей кресалом о кремень, пороха нет — пуля не летит, — сказал он подкупающе ласково.

Получив в руки нераспечатанную коробку дымного пороха, охотник осоловел от счастья и потешно замигал, будто плакать собрался от невиданной щедрости.

Андрей Ермолаевич, видя, что старик почти не ест, только чай пьет, стал подсовывать ему кусочки рафинада. Старик откусывал сахар по чуть-чуть и подолгу с наслаждением сосал его.

— Однако, слаسه березового сока. Когда во рту сладко, и зизнь слаسه, — жмурился он от удовольствия. — Андрей, где такой камень брал? Скази, тозе буду колоть — топор крепкий есть.

— Извини, Окирэ. Топором такой камень не добыть. Его варят из корней сахарной свеклы, а она в этих краях не растет. Хочешь, не хочешь, придется тебе собольи шкурки на сахар менять.

— Тебя, насальник, усили, усили, а ты не знаесь, как корень растить. У нас летом много солнца — все растет. — Окирэ встал, подложил в костер веток. Снова присел рядом с топографом, и смущенно протянул кружку:

— Мозесь лей есе? Окирэ крепко гулять хосет...

В прогоравшем костре переменчиво мерцали угли. Язычки пламени, очнувшись, вдруг пробежали по суставчатым головешкам и опять затаивались, накапливая жар для нового всплеска. Кто-то из рабочих подложил сучьев. Отсветы ожившего огня забегали, заиграли по мужественным, заросшим лицам. На яркий свет метелицей налетели мелкие бабочки. Хорошо возле кост-

ра, тепло, уютно. Глядишь, как огонь съедает сушняк, как разгораются и тают угли, и тело охватывает ощущение такого блаженного покоя, что не хочется даже рукой шевелить.

Укрывая спину заснувшего возле костра старика, один из рабочих заметил:

— До чего непритязательный народ, дальше некуда. Выпил, покурил трубку и свернулся себе калачиком прямо на земле, без покрова.

— Эх, как бы вас приучить к такой простоте — цены бы вам в «поле» не было, — с мечтательной улыбкой произнес начальник отряда, закручивая переросший ус на палец...

Неутомимый дед спозаранку зарядил патроны и, сбегав в кедрач, подстрелил двух глухарей-петухов. Ощипал, выпотрошил и одного сразу насадил на вертел. Аромат покрывающегося янтарной коркой мяса, поплыл по стану, расшевелил народ.

Умывшись, Андрей Ермолаевич поставил на пенек походное зеркало и сел бриться. Окирэ с любопытством наблюдал за тем, как вместе с мыльной пеной слезает густая щетина и каким гладким, молодым становится лицо нового русского друга. Он подошел поближе и отчетливо увидел в зеркале себя и все, что позади. Удивленно вглядываясь в отражение, старик то наклонял голову, то строил рожицы, то махал рукой:

— Как в такое маленькое окно я уместился? И деревья, и небо то же. Как так полусается? — изумлялся он.

— Это не ты, а твое отражение. Такое же, как в спокойной воде.

— Не глупый, понимаю, но в твоём «озере» мало воды, а видно много и хорошо.

Окирэ шлепнул себя по щеке.

— Комара пугать надо, — произнёс он и ушел на край полянки. Там наломал охалку багульника, усеянного темно-зелеными листьями-чешуйками. Вернувшись, мелко нарубил его топориком и ссыпал в котелок с водой. С полчаса кипятил на слабом огне. Когда отвар остыл, помазал зеленоватой

жидкостью одежду, лицо, руки. Крылатые кровопийцы сразу потеряли к нему интерес.

— Фантастика! Да вы, Окирэ, настоящий шаман, — восхитился топограф и попросил разрешения намазаться чудотворной жидкостью.

— Бери. Багульник много, есе варю.

— Сколько сезонов в поле, а про такое простецкое средство не знал.

— В тайге все есть, смотри надо, — скромно заметил Окирэ.

Срубленная вчера на стойки для палатки береза на срезе окрасилась в синеватый цвет.

«В почве Теплой долины много меди», — сделал в журнале очередную пометку для геологов Андрей Ермолаевич.

* * *

Через неделю топографический отряд развернул лагерь перед моренным валом. За ним возвышался туповерхий голец с трогательным названием Лысый Дед — крайняя, самая северная точка маршрута. На его вершине предстояло соорудить пирамиду и провести очередную топосъемку окрестностей. После этого отряд повернёт обратно и пойдет по зеркально отраженному маршруту к устью Быстрой речки, замыкая в итоге прямой и обратный маршруты.

Старик Окирэ пришёл с ними. Он вспомнил, что в окрестностях Лысого Деда в молодости удачно охотился на кабаргу, и решил вновь попытать тут счастья. Пока шли он через каждые саженой сто внезапно громко вскрикивал: «От! От!» Поначалу это отнесли это к стариковским причудам, но когда крики повторились, быть может, в десятый раз, Андрей Ермолаевич не утерпел и поинтересовался:

— Окирэ, зачем вы так кричите?

— Сто не понятно? Амаке говорю: «Уходи, брат, дай мне ходи».

На сыроватой тропе, действительно, обнаружили свежие отпечатки когтистых лап двух медведей: огромные и поменьше.

— Большой амака сюзака гонял, — определил Окирэ.

Увидев, что рабочие топчутся по следам, эвенк разволновался:

— Не ходи след, — тихо попросил он.

— Почему, не ходи?

— Амака сердится. Будет думать, не признаем, сто он тут хозяин. Смотри задиры. Для нас делал.

Все запрокинули головы и увидели разодранную когтями кору на стволе громадной ели.

— Как он до такой высоты дотянулся? — Удивился кто-то из рабочих.

— Видать, большой твой хозяин.

— Да, сильно большой. Сердить не надо.

Восхождение на голец не сулило осложнений: крутые, неприступные, на первый взгляд, склоны в нескольких местах разрезали каменистые желоба — следы сползших ледников. Оставленные ими моренные валы — каменные запруды, вытянутой дугой обрамляющие желоба понизу, указывали докуда доползал ледник, а затем отступил сотни или тысячи лет назад.

Андрей Ермолаевич с рабочим отправились по ближнему желобу на голец для разведки и первичной топосъемки. Вместе с ними по краям желоба взбирались хвойные деревья, цеплявшиеся за каждую щепотку плодородной почвы. Верхней границы леса достигали только лиственницы. Видимо, это единственная порода, способная выжить в суровом высокогорье. Но какой жалкий вид имеют здесь эти деревца, вклинившиеся в мертвые камни, и какой ценою они платят за жизнь! Их стволики вместе с кронами изогнуты в смиренном поклоне. Такую форму они приобрели из-за губительных ветров, дующих чаще всего с севера и северо-запада. У многих корни обнажены, верхушки засохли, да и сами стволы почти мертвы. Жизни в них всего-навсего капелька, бережно спрятанная с подветренной стороны под узкой полоской коры. Напоминают они изувеченных воинов, выживших на поле брани, сиротливо стоящих среди погибших товарищей.

Наблюдая за парящим над гольцом беркутом, Андрей Ермолаевич боковым зрением заметил, как наверху вдруг замутнело серое облачко пыли. Пригляделся. Оно приближалось, на глазах превращаясь в грохочущую каменно-пылевую лавину, несущуюся по желобу прямо на них. Топограф схватил рабочего за руку и, в три прыжка достигнув выступавшей из курумника глыбы, буквально прилип к ее подножию. Град камней оглушительно загремел прямо над головами. Скала-защитница от ударов вздрагивала, но терпела. Грохот усиливался, и путники уже прощались с жизнью, но, слава богу, камнепад пронесся, так и не сумев расколоть или столкнуть их спасительницу.

Оглушенные разведчики встали засыпанные с ног до головы серой крошкой и пылью. От запаха множества искр, высеченных при ударах камней, першило в носу. Бледный Андрей Ермолаевич, даже не отряхнувшись, первым делом снял рюкзак и вынул из него ящичек, в котором хранился теодолит, и облегченно вздохнул — прибор не пострадал.

Нашлась и выроненная рабочим тренога. Правда, помятая. Осмотрев ее, рабочий успокоил начальника — поломка несложная, отремонтирую.

За пять дней все запланированные на гольце и в его окрестностях работы были выполнены. Андрей Ермолаевич был доволен: отряд шел с опережением графика, и посему решил остаться здесь, в обустроенном и обжитом лагере, на два дня. Подошло время помыться, постираться, подремонтироваться.

В отдельной палатке докрасна раскочегарили обложенную крупным галечником железную печь, нагрели в котле воду, застелили пол свежесрезанной травой, наломали березовых веников и по очереди, группами в два-три человека, попарились.

Окирэ, слушая дикие вскрикивания людей и частые шлепки веников, пришел в ужас. «Видно, там злой дух их колотит, как бы меня не побил. Не пойду в эту палатку». Но когда красные, как вареные раки, мужики стали выбегать из нее и с радостными, счастливыми воплями прыгать в ручей, понял, что это истязание совершается добровольно и, похоже, лучи даже нравятся.

ДОРОГА ДОМОЙ

Криками «От! От!» Бюэн разбудил дремавшее под защитой дыма стадо. Зашевелился, разорвался войлок из спин лежащих оленей. Животные перестав жевать, лениво поднимаются, потягиваются и смотрят то на каюра, то на жожака. Заарканив его, Бюэн пытается надеть на него упряжь. Сильный бык, дико кося большие круглые глаза, упирается. Наконец, сдаётся и покорно идет к передним нартам. После этого остальные ороны, трубно рюхая, сами подходят к нартам и занимают свои места в караване. Через полчаса аргиш собран и идет на юг — отряд повернул на «обратный ход», чтобы в сентябре замкнуть маршрут, накрывающий топографической съемкой, огромный горно-таежный край.

Окирэ, добывший у подножья гольца уже трех струйников, объявил:

— Позалуй, вас лагерь останусь — стол есть, лавка есть, весером сидеть буду, вас вспоминать буду.

— Спасибо! Аят бикэллу — до свидания! — С грустью прощались топографы, привыкшие к симпатичному и забавному старикану.

* * *

Отряду предстоял переход на запад, в долину, закрытую от них длинным и, пожалуй, самым высоким на этой территории хребтом. Доступный перевал находится в проёме между двух вершин. Вышли к нему в полдень. От многоцветья причудливо изгибающихся пластов скальных обнажений у путников разбегались глаза. Эта «радуга» с лихвой компенсировала салатную бледность лишайников, покрывавших отвесные скаты. Как вскоре выяснилось, эта теснина обладает занятным свойством — малейший шорох усиливался и множился долгим эхом.

Хотя июнь уже был на исходе, весна сюда только подступилась. В боковых разломах и нишах лежал оледеневший снег. Из-под него сочились тоненькие струйки. Собираясь в ручеек, они текли по льду, точнее будет сказать — по леднику, покрывающему дно ущелья. Местами вода промыла в нем щелевидные каньончики. Их полупрозрачные стенки, словно подсвеченные изнутри, лучились и переливались на плавных извивах голубым перламутром. Было очевидно, что, не успевая растаять за лето, лед лежит здесь круглый год.

В одном месте промытая во льду талой водой голубоватая щель подступала почти вплотную к скалистому выступу, и каравану, чтобы продолжать движение, пришлось пересекать нее.

Олени широко ставили клешнястые копыта и, подняв хвостики, словно боялись промочить, перепрыгивали парами. Один бык всё же поскользнулся и съехал в щель задом. Не успевай подбежать Бюэн и воткнуть перед заскользившими за ним нартами свой посох с металлическим наконечником, дело могло принять серьезный оборот.

Застрявший олень, повиснув на потяге, в ужасе забился, проваливаясь все глубже. В шеи остальных оленей удавкой врезались упряжные ремни, они, задыхаясь, хрипели, но старательно тянули, стуча о лед копытами. Однако им не доставало сил выдернуть застрявшего собрата. Подбежали рабочие. Общими усилиями вытащили перепуганное животное. Сняли упряжь, а на его место поставили запасного оленя. В память об этом происшествии ручей был нанесен на карту под именем «Скользкий».

Наконец, теснина расступилась. Караван из царства льда вновь попал в лето. Открывшуюся путникам широкую террасу покрывали не только деревья, но и луга, пестревшие множеством цветов — желтых, голубых, белых. На солнцепеках янтарными гроздьями рассыпана наливающаяся сладким соком морошка. Колючие кусты шиповника, возвышаясь над ней, покачивали на легком ветру распутившиеся розочки.

По удобной изложине съехали на бескрайнюю ровную марь. Только в двух местах ее мшистая гладь вспучивалась невысокими грядами. Ярко-зеленые мхи, усыпанные крохотными кустиками клюквы, перемежались чащами озёр и реденькими рошицами чахлых берёз. Это уникальное по жизнестойкости дерево, благодаря своей способности выпускать и поверхностные корни, может расти как на скалах, так и на столь зыбкой почве.

По количеству же гнуса эта местность смело могла претендовать на звание самого продуктивного питомника кровососов. Как только караван вторгся во владения этих злобных насекомых, многомиллионные полчища, как будто получив чью-то команду, серым пеплом накрыли свежую поживу. Пока люди торопливо доставали накомарники, оголодавшие насекомые успели довести их до иступления.

Если бы Господь надумал создать на Земле ад, то эти мари подошли бы для этой цели как нельзя лучше — ни одно живое существо не в состоянии жить здесь постоянно. За все время, пока аргиш шел по мари, путники не встретили ни одного зверя, ни одной птицы. Люди стали раздражительными, резкими в движениях. Было непонятно, как путники и олени вытерпели такие страшные муки и вырвались из этого ада, не тронувшись умом.

Среди свирепствующих тут кровососов, самые страшные бич — неистребимая мошка. Она проникает в любое место, но больше всего любит веки, набивается в волосы, в подмышки. Покусанное мошкой лицо опухает так, что на него страшно смотреть. На месте укуса появляется кровоточащая, нестерпимо зудящая ранка. Причем, если попытаться почесать место укуса, то жжение только усиливается.

Чуть меньше докучает другой мучитель — мокрец. Эти мельчайшие, почти невидимые насекомые облепляют, как паутина, их даже согнать невозможно. Приходится время от времени просто стирать их рукой с лица и шеи. Отбиваясь от кровопийц, все вспоминали отвар багульника и кляли себя за то, что не прихватили в запас его пахучих веток. Оказалось, что тут он не растёт.

Больше всех доставалось запряженным оленям — ни почесаться, ни потереться. От болезненных укусов в пах и живот они беспрестанно подергивали шкурой, сучили ногами. Лошадок же выручали длинные, до земли, хвосты. Они умудрялись охлестывать ими почти все тело.

Слава богу, что паутов¹ не было: укусы этих крупных «бомбардировщиков» самые болезненные. А их подкожные и носоглоточные личинки превращают жизнь оленей в сущий ад. Стадо охватывает паника — животные беспорядочно носятся с места на место, пытаются спастись, и сильно худеют.

Шагать по податливому мшистому ковру среди дурманящих испарений и без кровососов тяжело, а тут полный набор «удовольствий». Мари никто не любит, но у «полевиков» нет такого понятия: «любишь, не любишь» — идешь туда, куда указано в задании.

Впереди блеснула гладь озера. Над ним пухли, опускаясь все ниже, черногрудые, с обвислым пузом тучи. На ходу созревая, они зачернили все небо. Воздух, пронизанный напряженностью электрического поля, казалось, вот-вот заискрится, взорвется. От заметавшегося в испуге ветра повеяло прохладой. С глухим стуком упали первые увесистые капли и почти сразу на караван хлынул ливневый косохлест. Ослепительный блеск обжег глаза. Еще и еще! Сухо шелкали, катились громовые раскаты. Молнии, вспарывая и полодея брюхатые тучи, неожиданно-остро ломаясь и скрещиваясь, обстреливали отряд огненным частоколом. Земная твердь от их резких ударов беспрестанно вздрагивала и, казалось, вот-вот расколется. Бесперывная канонада заглушала все звуки. Путникам приходилось объясняться жестами.

Шквалистый ветер вкупе с потоками воды валил с ног все живое. И было удивительно видеть, как по илистой кайме озера, окатываемой гребнями частых волн, бегала плотно сбитая коричневатая пуночка. Старательно склевывая вымываемые потоками воды поживки, она подергивала от удовольствия черной треуголкой хвоста. Вкусно! Ох, как вкусно! Но вот и она не выдержала, юркнула под кочку с раскидистой шапкой травы.

¹ Паут — просторечное название овода.

Ливень длился не более десяти минут, но уже после первой путники промокли так, будто только что искупались в озере, по берегу которого шли. И вся местность, как губка, пропиталась влагой. Куда ни глянь — всюду вода.

Дождь прекратился внезапно, но бугристые тучи, стряхнув с себя последние капли, еще долго подсвечивали окрестности голубоватыми сполохами. Наконец, ветер разорвал отощавшие громады — и на землю хлынули серебристые снопы света. К вечеру над головой сиял чисто вымытый, пронзительно-синий небосвод. Такую густую, сочную синеву увидишь ещё разве что осенью.

Ломаные зубцы гор, замаячившие вдаль, взбудрили путников. Равнина пошла на подъём. Появился лес. Правда, пока низкорослый и прозрачный, не чета высокоствольному, растущему в родной Изосиму Впадине! Воздух стал суше и задышалось легче. Сразу захотелось есть, пить. Чтобы не задерживаться, на ходу собирали мясистую морошку. Наберешь полную пригоршню, положишь в рот, и она тут же тает сплошным сладким соком. Наклонившись за очередной порцией ягод, глазастый Бюэн заметил в траве что-то белое. Раздвинул её — человеческий череп с полуоткрытой челюстью. Во лбу — круглая дырка. На земле многочисленные кости. Из под них выглядывают какие-то вещи. Оказалось — браунинг с обоймой патронов, цейсовский бинокль, золотые часы и портсигар. В разодранных (зверьем?) остатках кителя уцелели документы на имя Бородина Александра Викторовича, выданные в Петрограде, медальон с фотографией дамы с девочкой, похожей на ангелочка, и сморщенный кожаный мешочек. Как только его взяли в руки, он разошелся по шву и в образовавшуюся щелку полились бледно-желтые крупинки.

— Вот оно, подтверждение главного свойства золота — притягивать смерть, — грустно заметил Андрей Ермолаевич.

Предав земле останки, двинулись дальше.

* * *

Долины, перемежаясь с горными цепями, на господствующих вершинах которых сооружали триангуляционные пирамидки, сменяли одна другую. Люди порой путались в чередѣ переходов и начинали спорить, где случилось то или иное событие. Не заметили, как пролетел июль и начался август.

Караван шел по очередной, ограниченной горными хребтами долине. Поскольку речную пойму покрывали густые заросли, Бюэн придерживался хорошо набитой звериной тропы, тянущейся вдоль подножия хребта. Было жарко, глаза путников заливало солѣным потом. Едущим впереди частенько приходилось вставать с нарт и махать топором, прорубая проход в лесных завалах. Неожиданно повалился, забил ногами и захрипел самый сильный орон. Через минуту он стих. Все потрясенно переглядывались.

— Сердце лопнуло — сильно старался, — объяснил проводник. — Надо распрягать, запасного ставить.

— Точно, от перегрузки?

— Точно, точно!

— Тогда режь горло. Кровь спустим, на мясо пойдет, — распорядился хозяйственный Андрей Ермолаевич.

Разделав тушу, подавленные дурными предчувствиями, полевики торопливо покинули это место. Выйдя на речную косу, встали на ночевку.

В воздухе стоял неумолчный рокот горного потока. Когда ветер затихал, отчетливо было слышно, как вода тащит по дну камни, стучая их друг о друга. Солнце, раскаленное за день добела, опускаясь, быстро остывало. Ещё заметнее и быстрее остывала тайга — сказывалась многометровая вечная мерзлота.

Обомшевшие пни от спиленных кедров и лиственниц говорили о близости людей. Действительно, через версту отряд вышел на брошенное, заросшее березами поселение. Могильная тишь царила на том месте, где некогда кипела жизнь со своими страстями, радостями и горестями. Скрупулезный Андрей Ермолаевич пересчитал постройки и нанес их местоположение в рабочий журнал, подписав «нежилой хутор». Неподалеку обнаружили погост:

низенькие срубы с двускатными крышами и крестами на них, тоже увенчанные крышами, но значительно меньших размеров. Часть могил без срубов, только с крестами.

Не ведали топографы, что это тот самый скит, где отец Изосима — Корней, много лет назад нашел профессора Григория и Ефимию. И что если поехать на северо-запад, то можно упереться в монастырь, а если двинуться прямо на север, то попадешь в притаившийся за Синими горами старовеерческий скит. Не ведали они и о том, что несколько дней назад их отряд прошел всего в нескольких верстах от пепелища гарнизона лосевцев...

Дальше маршрут вел к горам, сплошь покрытым угловатыми глыбами. Сыпь лишайников багряного цвета делала камни похожими на зажженные факелы. Лес поредел и отряду открылась голая, лишенная растительности, трехгранная гора — Клык. Только отдельные низкорослые кустики полярной березы и зелёные куртинки можжевельника оживляли его угрюмые склоны.

Подъем на её вершину оказался необычайно крутым и сложным. А ведь приходилось еще нести увесистые заготовки для постройки пирамиды. Впрочем, попотеть пришлось изрядно. К тому же, из-за непогоды опять пришлось две ночи дежурить на вершине — караулить звезды. Внизу тепло, но донимают оводы. Наверху оводов нет, но до костей продувает холодный ветер. Хороший костер не разложишь: дров вобрез, только те, что подняли с собой. Но никто не роптал — знали: когда, усталые, спустятся вниз, их встретит жаркий костер, а чай, который нальют им товарищи, будет самым вкусным на всем белом свете. Ведь только перенеся лишения или выложившись до предела, можно в полной мере оценить такие, казалось бы, малозначительные в обыденной жизни радости.

* * *

По календарю еще лето, но в эти края по ночам уже навевывалась осень. Речки задышали знобкой стынью. Склоны испятнали яркие, сочные мазки от вянущей растительности. В прозрачном воздухе гребни гор проступали столь

четко и рельефно, что казалось, будто они придвинулись. Высокий небосвод заливала густая синева, а ночью звезды сияли так, будто их начистили меховой рукавицей.

Давно смолкли пернатые. Лишь гортанные крики первых стай диких гусей и трубная, далеко разносившаяся по поднебесью, переключка журавлей, гонимых северным ветром в теплые страны, рвали душу. Одни лебеди пролетали молча, важно. В тяжелых, затяжных взмахах их крыльев — царственное величие.

Тайга, запасая семена следующей жизни, замерла, удивленная своей невероятной, но недолгой красотой — пройдет три-четыре недели, и это великолепие исчезнет. Все покорится зиме. Земля и небо сольются в метельных хороводах в один цвет. А пока на высокогорных полянах, покрытых сизым ковром голубики, всю зиму жируют глухари; отъедаются с утра до вечера, готовясь к зиме медведи. В предгорьях, на кровавой бруснике и кедровом стланике, благоденствуют непуганые стаи краснобровых куропаток. Когда караван приближался к ним, старшая резко вскрикивала, однако соплеменницы продолжали столоваться, как ни в чем не бывало. И начинали нехотя, вразвалку отбегать, лишь когда аргиш подходил совсем близко.

— Братцы, шабаш, встаем на ночевку, — скомандовал, наконец, начальник партии.

— Пошли мало-мало вперед, — попросил его проводник. — Мяса надо.

— Причем тут мясо?

— Эта поляна много грибов. Сохатый грибы любит. Засаду тут делать буду.

Изосиму не пришлось долго уговаривать Бюэна взять его с собой. Сели так, чтобы подошедший зверь оказался напротив испятанного лика луны — так вернее целиться. Союзник ветер торопил тучи, обнажая испещренное серебристыми искорками черное небо.

Что-то зашумело. Среди деревьев во тьме замелькали огоньки. Они быстро пересекли поляну и углубились в лес. Охотники чувствовали, что во-

круг что-то происходит. В воздухе запахло опасностью. Но потихоньку непонятная напряженность рассеялась.

Бык появился на дальнем краю поляны с редкими деревьями поздно, под самое утро, когда охотники уже потеряли надежду. Зато какой — натуральный великан пудов за тридцать! Однако для верного выстрела зверь находился далековато.

Медленно двигаясь, лось поедал крепкие белые грибы, обходя червивые. Насытившись, поднял украшенную двумя мощными лопатами рогов голову, вытянул шею и коротко мыкнул. Мыкнул не во всю мощь, а сипло, будто горло прочищал. Потом, всхрапывая от переполнявшего ожидания схватки с воображаемым соперником, принялся бить копытом гонную яму. Накалившись страстью, простонал уже протяжно, что было силы.

— Поел, драться хочет. Гон у них за матку, — пояснил Бюэн.

Из противоположного распадка откликнулись на вызов сразу двое. Через несколько минут до охотников донесся треск ветвей, и они увидели, что к «трубачу» выбежал один из них. Сближаясь, соперники нацелили друг на друга рога и забили в ярости копытами.

— Точно, драться будут, — прошептал эвенк.

Но произошло нечто странное: животные стали... танцевать, высоко подпрыгивая и одновременно разворачиваясь в воздухе так легко и свободно, как будто они не громадные звери, а невесомые беззаботные пташки.

— Стреляй, я не могу, — прошептал проводник.

— Жалко, дядя Бюэн.

— Ладно, давай смотреть, — одобрил он.

Возвращались охотники без добычи, но на их души легла радость оттого, что видели. И, слава богу, что не порушили такую необычную идиллию. Внезапно предрассветную тишину пронзил резкий, полный ужаса крик косули. Оборвавшись на высокой ноте, он покатился по распадкам. Через несколько секунд крик повторился, но потише и приглушенней. Свернув, охотники осторожно пошли на него и через метров сорок увидели олененка, скорчив-

шегося среди залитых кровью камней. Мелкая дрожь волнила светло-коричневую шерсть на боку. Рядом лежал волк и лениво слизывал кровь, пульсирующей струйкой вытекавшую из шеи жертвы.

Изосим вскинул было ружье, но Бюэн остановил:

— Пусть ест. Это его добыча.

* * *

Обследованием дикого края, раскинувшегося на многие сотни километров, одновременно занималось несколько отрядов Якутско-Алданской экспедиции, в том числе и геологических. Где-то в конце июля в одном из них произошло серьёзное ЧП.

Бежавшие из Алданлага четыре зека, сидевшие по расстрельной статье за разбой, скитаясь по тайге, заметили дым костра. Оголодавшие головорезы терпеливо дождались, когда люди разошлись по палаткам. Тихонько подкравшись, перерезали оттяжки и, повалив стойки, порубили топорами барахтавшихся под брезентом людей: начальника партии, двух техников и пятерых рабочих из якутов. Заполучив вместе с оружием и съестными припасами надёжную фанеру*, налетчики переоделись и вознамерились на лошадях выбраться в жилуху.

*Фанера (жаргон) — документы.

Но воспользоваться конной тягой не удалось: полудикие якутские лошадки не подпускали чужаков. Пришлось навьючиваться самим и тяжело нагруженными идти по тропе, тянущейся вдоль берега — рано или поздно она должна вывести на какую-нибудь дорогу.

— Как выйдем на тракт, добычу подуваним поровну и, чтоб разом не взяли, ломанёмся в разные стороны, — инструктировал корешей Верзила.

* * *

Отряд Андрея Ермолаевича выдал все тот же дым. Двое поделльников Верзилы под покровом темноты долго наблюдали за людьми, ужинавшими у

костра. Васкэ даже заметил в вязкой черноте леса робкий огонёк. Он то разгорался, то тускнел. Как будто кто-то курил, прикрыв ладонью сигарку. Парнишка почувствовал неясную угрозу, но у костра было так хорошо, вокруг столько сильных мужчин. Разве можно чего-то бояться рядом с ними?! И паренек промолчал. Опасался, что над ним будут смеяться. Тем более что, пока он колебался — сказать, не сказать, огонек исчез.

Вернувшись, Сова доложил:

— Насчитал семерых. Узкоглазый хавалку варит, а остальные сидят у костра, баланду травят. Пушки две: карабин и шпалер. Куча оленей, две лошади, нарты, сидоры. Похоже, хавалки полно.

— Опять подфартило, братва. Олени — это хорошо. А собаки с ними есть?

— Не видать.

— Кучеряво! Раскладка будет такая: с утра до вечера пасем, а ночью сработаем по той же схеме: валим палатки и, пока бакланы корячатся под брезентом, буцаем по калганам топориками.

— Западло¹! При таком раскладе с транспортом снова облом получим. Оленей нам кто запряжет? Разбегутся, как коняги прошлый раз. Надежней утром, прямо перед выходом дело мутить. Пушки есть, — возразил главарю Сова.

— Заметано, — подумав, согласился Верзила.

На рассвете, в ожидании возвращения охотников, Васкэ с рабочими увязали груз на нартах, запрягли оленей и сидели у костра, нетерпеливо поглядывая в лес. Андрей Ермолаевич, пользуясь случаем, делал записи во вчерашнем отчете.

Бандиты тем временем зашли с двух сторон. Верзила с Плешивым затаились за буреломом и ожидали от Совы условного сигнала — «карр, карр», подтверждающего, что вторая пара тоже на месте. В это время Васкэ на свою беду надумал облегчиться. Подойдя к многоярусному завалу, он присел.

¹ Западло (жаргон) — нельзя.

В этот момент Верзила перегнулся и отработанным движением зажал парнишке рот огромной ладонью. Потом, держа у виска наган со взведенным курком, вывел его из леса к стану:

— Эй, рудокопы! Живо сюда оружие и финки. Послушаетесь — никого не тронем, вздумаете дурить — пацану кранты. Дошло? — Верзила буравил тяжелым взглядом топографа, в котором определил начальника.

Андрей Ермолаевич сразу понял, что у этого звероподобного типа рука не дрогнет и кивнул своим. Когда распоряжение было исполнено, Верзила приказал всем снять обувь. Вышедшие из леса подельники сложили ее в мешок и приторочили к нартам.

Сова, ежась под взглядами, полными ненависти, шепнул бугру:

— Замочить бы. Без свидетелей надёжней.

— Не очкуйся. Сами перемрут, — заржал в ответ главарь.

Бандиты расселись по нартам и уехали, забрав с собой Вискэ.

Подходя к стану, Бюэн с Изосимом недоуменно завертели головами — на поляне не было видно ни оленей, ни нарт. Только у костра скучились нахохлившиеся товарищи, почему-то все босые.

Андрей Ермолаевич, увидев охотников живыми и невредимыми, не сдержал слез радости. Он вкратце рассказал о нападении.

Узнав, что сын в руках бандитов, Бюэн помрачнел:

— Куда ушли?

— Вниз по течению.

Эвенк молча развязал мешок и, достав из коробки еще с десятков патронов, бросился бежать по тропе.

Понимая его состояние, Андрей Ермолаевич скомандовал:

— Изосим, живо снимай ичиги! — И крикнул вдогонку: — Бюэн, погоди! Я с тобой.

Проводник бежал изо всех сил. Сердце подсказывало, что промедление может стоить сыну жизни. Над лесом встревожено табунилось воронье. В крике птиц ему слышалось что-то предсмертное, прощальное. Казалось, сам

воздух от невидимой угрозы сгустился, потяжелел.

В глубине поднявшейся после пожара тонкоствольной поросли, мелькнули тени. Бюэн замер, всматриваясь — кто там? Никого... Подоспел Ермолаевич. Переведя дыхание, они осторожно вышли на полянку. Повсюду ящики с образцами пород, инструменты в брезентовых чехлах, сумка с отчетами. Все ненужное бандиты повыкидывали. На краю черным пятном выделялась куча свежей, вперемешку с листьями и обломками веток, земли. Донесся приглушенный стон. Комочки земли зашевелились и показались скрюченные пальцы. Опасливо озираясь, путники подошли ближе.

Бюэн руками торопливо разгреб кучу и вытащил холодное, в одних подштанниках, тело сына. На груди и спине чернели запекшиеся раны. Судорога страдания пробежала по лицу проводника:

— Васкэ, сынок!

Между комьев земли проглядывало еще одно голое тело. Когда раскопали, Андрей Ермолаевич признал в нем одного из бандитов.

Бюэн сбегал на ключ, набрал воды и прихватил голубой глины. Обмыв раны, промазал их, и обмотал изорванной на полосы рубахой.

Топограф безошибочно определил — жизнь на волоске, но ранение, слава богу, сквозное и есть надежда. Васкэ приоткрыл веки, медленно повел глазами. Сообразив, что он среди своих, попытался улыбнуться.

— Бандит стрелял, — одними губами прошелестел он. — Я брал карабин, стрелял одного. Другой меня стрелял...

Парнишка зашелся в надрывном кашле, изо рта пошли сгустки крови, и он потерял сознание.

В это время из леса показались на лошадях Изосим с одним из рабочих (жеребцы, привязавшиеся к мальчику, тут же прибежали на его свист в лагерь). На ногах — деревянные плашки, привязанные к ступням у кого ремешками, у кого веревками. Петр вытесал их топором из ствола молодой осины.

Надо было решать, что делать дальше.

— Банда вряд ли далеко ушла, к оленям еще приноровиться надо, — размышлял вслух начальник партии. — Поступим так: Бюэн остаётся с Васкэ. А мы, дожидаясь остальных и в погоню.

* * *

Удрученные потерей товарища, рецидивисты гнали оленей без остановок. Наконец, голод и усталость принудили остановиться. Солнце припекало по-летнему. Вспомнив про фляжку со спиртом, Верзила предложил:

— Братва, есть ханка¹! Помянем Кислого!

После второй развезло так, что под песню «здесь смерть подружилась с цингой, набиты битком лазареты...» полезли купаться.

Топограф с Петром, пользуясь моментом, незаметно подползли, собрали оружие и разбросанную одежду. А рабочие тем временем тихонько увели караван. На их счастье зэки даже не удосужились распрячь оленей — видимо, боялись, что не сумеют отловить их. Бедные ороны уже выщипали весь ягель вокруг себя и, не имея возможности отойти от нарт, жалобно хоркали.

Выбравшись с веселыми воплями на берег, бандиты увидели, что исчез не только караван, но и вся их одежда. Хмель мигом вышел. С ужасом глядели они друг на друга, понимали — это смерть. Сова зло уставился на жожака;

— Говорил же — порешить всех! Теперь самим кранты».

Пройдут десятилетия и, быть может, случайный путник наткнется на их истлевшие останки и его сердце заполнится сочувствием. И невдомек будет ему, что это кости преступников, достигнутых Божьей карой.

* * *

Изосим, ехавший на одних нартах с Васкэ, то и дело поил его отваром из целебных трав и корешков. Однако тому становилось все хуже: жар, бессвязные речи, неразборчивые выкрики. Обеспокоенный начальник партии распо-

¹ Ханка — водка.

рядился остановиться на днёвку, с тем чтобв дать раненому возможность отдохнуть от дорожной тряски.

На следующий день Васкэ действительно заметно полегчало. Булькающий, прерывистый хрип пропал, но взгляд, направленный в сияющую бездну неба, стал стекленеть, уходить внутрь зрачков. Ермолаевич встревожился — он догадывался, что это означает. Неожиданно по лицу парнишки скользнула тень улыбки. Всех охватило предчувствие, что должно произойти нечто необыкновенное. И случилось чудо преображения: мраморное лицо начало тихонько розоветь, стянутые в веревочки губы наполнялись кровью. Васкэ обвел глазами окружавших его людей. Все облегченно перевели дух — похоже, что самое страшное позади. Подошел Изосим со свежим отваром. Увидев его, Васкэ прошептал:

— Изосим, ко мне приходил твой Бог... с «картинки». Он сказал: «Рано!»

— Ну и славно! Стало быть, скоро поправишься, — обрадовался Изосим, всю дорогу беспрестанно молившийся о здравии друга.

— Ну что, герой, будем жить! Ты молодец — можно сказать, спас отряд!
— Похвалил Васкэ Андрей Ермолаевич.

* * *

За неделю прошли несколько сутулых водоразделов с бурунистыми речушками. Чем ниже становились горы и шире долины, тем чаще встречались ажурные скелеты эвенкийских чумов. Некоторые покрыты берестой. Оленеводы, кочуя со стадом по сложившимся веками тропам, каркасы из жердей не разбирают. Снимают при перекочевке только шерстистые покрывки.

Вот и сегодня после полудня в перестойном кедряке на взгорке, неподалеку от речки, проступили, словно призраки, белые, покрытые атласной берестой колокола.

Подошли — вокруг ни души. Хоть и не принято тревожить чужие жилища, но пришлось: по земле глухо забарабанили крупные капли.

Утром деревья и трава после дождя были мокрыми, а в чуме сухо, уютно. Сквозь незаметные глазу дырочки в бересте тянулись золотистыми нитями лучики света. Андрею Ермолаевичу захотелось забыть, что он начальник отряда, и позволить себе просто полежать, понежиться. Подкралась соблазнительная мысль: «Может, ещё одну дневку устроить? А почему бы и нет — люди давно без отдыха и бани». Высунувшись из спальника, он объявил полусонным товарищам:

— До обеда отдыхаем, после обеда всем стираться, мыться!

Бюэн, перевязав и покормив сына, занялся осмотром нарт. Менял, подтягивал истершиеся вязи, проверял, распутывал упряжные ремни, заменял треснувшие копылья. На двух остолах закрепил разболтавшиеся костяные наконечники.

Изосим с одним из рабочих варили еду, валили и таскали сухостоины на дрова, поддерживали огонь. Кто-то латал дратвой изношенную обувь, кто-то штопал порванные брюки.

Топограф систематизировал материал, делал записи в дневнике наблюдений.

Петр, выбрав место поближе к речке, натаскал кучу камней и, сложив из них очаг, несколько часов жег в нём дрова. Когда угли стлели, поставил над раскаленными докрасна валунами палатку, связал березовый и пихтовый веники.

Парились в нестерпимом жару в несколько заходов. Разогревшись, ныряли в холодную речку и опять махались, охаживая друг дружку вениками, под дикие, полные восторженного счастья вопли.

После бани расселись вокруг костра на бревнышках и, подставив под лучи солнца молочно-розовые тела, пили чай. Благо, комары после нескольких холодных ночей почти не докучали и стало возможным сидеть вот так — обнаженными и без дымокура, от которого разъедает до слез глаза. Какое это, оказывается, счастье!

Легли пораньше с расчетом выйти на маршрут с рассветом. После бани спали так крепко и сладко, что никто не слышал шума подступавшей воды.

Разбудил крик Бюэна:

— Вставай, река пришла!

Повыскакивав из чумов, в сером полумраке люди увидели воду всего в метре от себя. Палатку, в которой несколько часов назад так яростно парились, уже смыло. Мутный поток проносил мимо людей вывороченные с корнем деревья и какие-то непонятные темные кучи. Один огромный ствол, зацепившись за что-то корневищем, стал медленно разворачиваться, наезжая ветвистой кроной на чумы. Зеленый таран без труда смял самый крайний. Рабочие едва успели оттащить повыше уже подтопленные нарты.

Оглядевшись, поняли, что находятся на острове — отряд со всех сторон обступала вода. Оленей не видно — чуткие животные поднялись на взгорок до того, как лагерь отрезало от берега. Последовать их примеру уже не было возможности — по ложбине неся взбаламученный поток. Он был стремителен и грозен, как сама речка. Полозья нарт опять зализала подступавшая вода. Чтобы их не унесло, привязали ремнями к стволам.

— Мужики, пока не поздно, поднимаем груз на деревья, — скомандовал Андрей Ермолаевич и стал спешно рубить жерди для настила. Вооружившись топорами, все кинулись помогать. Площадки соорудили друг над другом, используя близлежащие деревья под столбы-стойки. Груз подняли на самую верхнюю и накрыли пологом, а сами разместились на нижней. Сели, плотно прижавшись друг к другу, чтобы дать Ваське возможность лечь поудобней.

Рабочие, подававшие грузы на настил, промокли по пояс и теперь, не имея возможности обсохнуть, стучали зубами от холода. Выручил, как обычно, главный союзник таежников — спирт. То, что оставалось во фляжке, выпили зэки, но у предусмотрительного Андрея Ермолаевича на дне ящика с образцами была припрятана заначка. Обжигающая жидкость не только согрела тела, но и развязала языки.

— Я думай, наше дело хорошо, — изрек захмелевший Бюэн. — Вода близко, сухари есть, работа нет, мало-мало гуляем, — и рассмеялся.

— Да уж, лучше не бывает, знатно устроились, — с улыбкой кивнул Петр.

Один из рабочих, с любовью взирая на Бюэна, расплылся в улыбке:

— А согласитесь, братцы, наш проводник замечательный человек.

— Эт точно! Эвенки — что дети: доверчивы, простодушны. Наверное, поэтому они так спокойно отнеслись к колонизации. Хотя и колонизации-то никакой не было. Русские селились по берегам больших рек и не тревожили коренных жителей, не вмешивались в их образ жизни. Кое-где даже наоборот, и такие случаи описаны в отчетах, казаки перенимали местный язык и местные обычаи, — присоединился к разговору Андрей Ермолаевич. — Единственным следствием русского присутствия для инородцев был ясак — уплата всего-то двух соболей в год, который и воспринимался ими, не как дань, а как выражение вежливости и уважения к «белому Царю». Зато взамен они получили гарантии защиты и безопасности.

— Верно говоришь! Моя сестра вышла за лучи — хорошо живет. Ее внук шибко умный, — горячо поддержал Бюэн, похлопывая Изосима по спине.

— Русские не переделывали инородцев на свой лад, тем более не истребляли их по примеру англичан и испанских конкистадоров. Если местные желали соблюдать языческие обряды — тому никто не чинил препятствий. Можно только восхищаться мудростью российских казаков.

Андрей Ермолаевич, прервав свою речь, проверил уровень воды. Он поднялся на два вершка.

— Бюэн, я все думаю, с чего столь мощное наводнение? Дождь ведь не сильный, — удивлялся рабочий из Башкирии Степан.

— Здесь — не сильный, в горах — сильный. Земля мерзлый, вода сразу в речку пошел.

После полудня грязные буруны стали лизать настил. Встревоженный топограф распорядился рубить толстые ветви и сооружать из них третий этаж, но в это время вода, будто сжалившись, пошла на убыль. К вечеру речка вернулась в свое русло. Грозный рокот сменился миролюбивым плеском. Рисковать все же не стали и всю ночь провели на дереве. Затянутое плотными тучами низкое небо давило на людей, как прокопченный потолок в бане.

Утром, удрученные сумрачностью потемневшей от влаги тайги, пошли собирать оленей и лошадей. Часть оронов стояла, сбившись в кучку прямо за протокой, остальных же поискать пришлось изрядно. Поэтому тронуться удалось лишь после полудня.

* * *

Дни становились все прохладней. Утром под ногами гремел отживший свое пожухлый лист. Почки, крепко сомкнув чешуйки, осмолились — готовились к морозам. Остывший воздух теперь свободно разгуливал по обезлиственному лесу, увязая лишь в кедрачах и ельниках. На озерах росли, устремляясь к центру, прозрачные забереги. Местами они смыкались и укрывали хрупким стеклом почерневшую от холода воду.

После команды «Подъем!» требовалось усилие воли, чтобы выбраться из теплого спальника. Долгая дорога изрядно измотала людей. Они устали, истосковались по родным лицам, просторным теплым домам и мягким постелям. Осточертела и каждодневная многочасовая тряска на нартах. Одни эвенки и Изосим по-прежнему были довольны, веселы и дружелюбны. Как будто не замечали ни холода, ни сырости, ни прочих неприятных спутников осени.

Наконец подошли к гольцу со ступенчатой вершиной. На нем за один день (что значит опыт!) установили последнюю в этом сезоне пирамиду. К макушке поднимались сначала через труднопроходимые поля кедрового стланика, а выше — по ускользящим из-под ног каменистым осыпям, покрывавшим склоны горы со всех сторон.

Когда-то здесь стояли массивные скалы. Время раскололо их на крупные глыбы. Глыбы — на камни, а те, в свою очередь, рассыпались щебнем. Так появился текучий курумник. Пройдет пара миллионов лет, и от него останется лишь мелкий песок, да и тот смоем дождями в реки.

Отсюда шли уже строго на юг, прямо к оконечности хребта, упирающегося каменным носом в устье речки Быстрой — конечной точке маршрута. Там их должны ожидать аэросани. Потребовалось еще трое суток, чтобы преодолеть последние шестьдесят верст, и 25 сентября 1939 года караван пошел к условленному месту.

Вот и приметная листовница с орлиным гнездом. Рядом вьется дымок — их уже ждут. От сознания, что долгий, трудный путь позади, на душе у людей и радостно и грустно.

Грустно оттого, что завершилась особая, ни с чем несравнимая по эмоциональной насыщенности полевая жизнь, а радостно от предвкушения скорой встречи с родными и близкими.

Вместе с тем у каждого еще была и своя, особая радость. Топограф радовался тому, что отряд выполнил без потерь абсолютно все полевые задания и вышел к месту встречи с опозданием всего на сутки. Бюэн потирал руки от того, что заработал для стойбища уйму денег. Изосим же запрыгал от счастья, когда Андрей Ермолаевич подарил ему лошадок, так полюбившихся скитнику.

* * *

Утром белоснежная пелена, накрывшая тайгу, превратила неприглядный от черноты обнаженных стволов лес в сказочное царство: пни — в белые часовенки, валежины — в заплывших жиром тайменей, ели — в могучих седовласых богатырей, кусты — в дворцы с ажурными башнями, окошками, сквозь которые сочился голубоватый свет. Белые мохнатые пушинки, тихо падая с высоты незримых небесных деревьев, быстро выбелели все вокруг.

Было немного обидно видеть, как налетающий ветерок разрушал одну за другой эти сказочные фигуры и изящные постройку. Снег с каждым днём покрывался новыми стежками заячьих, волчьих, собольих и оленьих следов.

В стойбище караван въехал, когда солнце, скатившись вниз, с трудом продиралось сквозь кроны кедров и елей к невидимому горизонту.

Корней давно поджидал их. Заслышав знакомое «От! От!», он выбежал навстречу каравану и увидел возмужавшего сына, восседавшего на огромном ороне необычного вида: широкий, почти до земли хвост, голова и шея покрыты спутанными прядями длинных волос. Сердце отца переполнило гордость. Корней вспомнил, что таких же «оронов» он видел в мерцающем свечении, исходившем от агата, найденного им в южных скитах еще в юности.

Пожимая руку Бюэна, скитник спросил, кивнув на сына:

— Ну как, не подвел?

— Твой сын настоящий кочевник! Все делал! Молодец!

Эвенк еще долго расхваливал Изосима и благодарил Корнея за то, что отпустил сына в экспедицию, говорил, что Изосим тоже хороший шаман. Что Васкэ без него умер бы, что теперь Изосим и Васкэ — братья, и что он даст ему за работу двое нарт и четырех сильных оронов.

Заказ варлаамовцев на одежду и унты из оленьего меха был готов и упакован в мешки. На следующий день отец с сыном погрузили все на нарты и поспешили домой, пока по реке не хлынула сплошная шуга.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Не бытие определяет сознание, а сознание.

Станислав Куняев.

НЕБЕСНЫЕ ГОСТИ

В Троицу 1940 года от Рождества Христова над Впадиной радостно и торжественно сиял бездонный голубой купол. Занимался теплый летний день.

Скитские бабаньки еще с вечера украсили стены в домах березовыми ветками, у порога и под окнами разложили пучки молодой пахучей травы, а у икон поставили скромные букетики горицвета.

После общего утреннего молебна, когда народ расходился по избам, со стороны Южных гор донесся странный звук. Вскоре над сизыми зубцами проклюнулась черная точка. Приближаясь, она зарокотала густеющим басом, на глазах превращаясь в исполинскую зеленокрылую птицу с блестящими глазами по бокам и красными лапами под брюхом. Кто-то воскликнул:

— Гусь-великан?!

Собаки напряглись. Люди же в страхе крестились.

Успевший зайти в дом Корней, услышав рокот, тоже выскочил на крыльцо и задрал голову. «Птица» пролетела над ним в сторону Водопадов, где, похоже, и села — гул разом прекратился.

Вновь собрались у молельни и возбужденно обсуждали увиденное.

— Это аэроплан — летательный аппарат для людей. Надо сходить и скрытно поглядеть, кто в нем прилетел и зачем, — распорядился Григорий.

Вызвался, как всегда, Корней, к нему присоединились еще двое скитников. Следом увязался заматеревший, но по-прежнему такой же дурашливый

медведь Потапушка. Он, несмотря на солидный для медведя возраст, то, потешно вскидывая зад, забегал вперед, то кружился рядом.

Высокие крутобокие холмы, окружавшие озеро, не позволили пилоту при посадке вовремя сбросить обороты и погасить скорость. И хотя опытный Чванов сразу выпустил гидротормоза, самолет все же врезался в берег. От удара вырвало стойку шасси и безнадежно смяло правый поплавок.

Пилот и бортмеханик не пострадали, но у пассажирки, начальника вновь созданной геологической партии, рассекло в двух местах лоб.

Обработав раны перекисью водорода, Чванов умело наложил повязку. Спрыгнув на землю, мужчины помогли женщине спуститься. Когда она попыталась шагнуть, ее неожиданно повело в сторону:

— Голова сильно кружится. Похоже, сотрясение мозга. Ничего, главное — кости целы, — натянуто улыбнулась она.

В этот момент из пихтача выскочил громадный медведь и бросился к ним. Женщина от неожиданности завизжала, а пилот, не мешкая, выхватил из кобуры наган и дважды выстрелил в зверя. Косолапый от пронзившей его боли жалобно заскулил. Встав на задние лапы, — людям в этот момент со страху показалось, что он закрыл собой полнеба, зверь обернулся в сторону леса в надежде получить оттуда защиту. На глазах, выражавших удивление и укор, выступили слезы, из пасти потекла кровь...

Выбежавшие из чащобы люди закричали:

— Не стреляйте, не стреляйте! — Но было поздно. Испутивший дух медведь распластался посреди береговой террасы.

Потрясенные бородачи, истово крестясь, мрачно взирали то на людей в необычном одеянии, то на распростертого Потапушку, то на диковинный аппарат, уткнувшийся носом в береговые кусты.

Разговор не складывался. От чужаков смердело табаком и еще чем-то резким, тошнотворным. Изъяснялись они вроде по-русски, но вперемежку с непонятными словами. Лица мужиков гладко выскоблены.

— Здравствуйте, товарищи! — Обратился к скитникам один из них, видимо, главный, весь облаченный в черную кожу. — Вы уж извините за медведя. Думали хочет напасть. Сожалею, что наше знакомство началось с такого досадного недоразумения. Мы летели на рекогносцировку. На нашей карте этот населенный пункт не отмечен — вот и решили сесть. Да, как видите, неудачно — стойки и поплавок деформировали.

Скитники угрюмо молчали, а скобленный в коже продолжал:

— Познакомьтесь — это геолог Алданской экспедиции Магданова Светлана Николаевна. Она ранена, ей необходим покой. Не могли бы вы разместить её у себя. Мы пока будем ремонтировать самолет. Выручайте, товарищи!

Бородачи молчали, поглядывая на сумрачного Корнея. После затянувшейся паузы, он, с трудом скрывая неприязнь, проговорил:

— Ты, мужик, наперед в чужой монастырь со своим уставом не лезь и за пистоль без нужды не хватайся. Звери тута многие ручные, почти домашние — человека не боятся. А насчет помощи позже поговорим. Здесь ждите.

Выслушав Корнея, наставник вздохнул:

— Помочь придется — куда деваться, не по-божески людей в беде бросать. Но и вести нехристей в скит невозможно. Поселим в старой бане — все одно, не пользуемся, а им в самый раз.

Проводив чужаков до места, принесли из скита несколько шкур и корзину с провизией. Женщина, принимая провиант, покачнулась и упала без сознания.

Узнав об этом, наставник из сочувствия пошел на уступку: разрешил сделать для нее исключение. Ее провели в дом Елисея, в закуток в сенях, огороженный ситцевой занавеской, в котором когда-то доживал свой век праведник Лука-Горбун. Сойдя с гор, он возложил на себя обет молчания, и с того дня от него никто ни единого слова не слышал. Молился и то молча, даже губами не шевелил. И умер так же тихо. После вечерней службы был в

здравии, а утром, когда позвали на трапезу, не вышел. Заглянули — уже закоченел. Лежит на боку, как дитя — обе ладошки под щекой.

С той поры в том закутке никто не жила и вещи Горбуна не трогали. Как позже выяснилось — напрасно! По крайней мере, разбери скитники его бумаги, они могли бы избежать немалого лиха.

Первые два дня Светлана даже не вставала. Еду ей приносили прямо в закуток. Увидев, что, трапезничая, она положила руки на стол, Дарья в платке, низко надвинутом на глаза¹, строго произнесла:

— Стол — длань Господня кормящая, не гоже руки на него ложить.

Приживалка растерянно улыбнулась и, привычно поправив волнистую прядь волос, извинилась:

— Простите, не знала.

Сами хозяева ели в горнице из одной деревянной чаши, широкой и уемистой. Ставили её посреди стола, после вознесения слов благодарности Создателю за дарованное им пропитание. Первая ложка — домохозяину, Елисею Никодимовичу. Остальные, по старшинству, разобрав ломти пресного хлеба, аккуратно, не спеша зачерпывали варево и несли ко рту, подставив снизу ломоть. Самый маленький Паша ел, стоя на коленях на лавке — иначе не дотянуться. Поев, каждый сметал на ладонь упавшие крошки. Встав из-за стола, крестились и кланялись в угол, откуда на них внимательно взирал освещенный желтым огоньком лампадки лик Христа, принесенный из монастыря Корнеем. Надо сказать, что постный стол был весьма скуден. Скромный — обильнее, и лишь по праздникам дозволялось щедрое изобилие.

На утро третьего дня жилица вышла во двор с непокрытой головой. Красиво расчесанные волосы ниспадали на плечи волнообразными локонами пшеничного цвета. Шрамы на лбу покрылись коричневой коркой, но не пор-

¹ После того как староверка становится матерью, она не должна показывать ни единого волоса на своей голове. Поэтому платок староверки-матери повязывают, как шлем, чтобы закрывал лоб, уши и шею.

тили ее красоты. Даже, наоборот, подчеркивали нежную шелковистость кожи.

Корней, коловший смолистые чурки, изумленно взметнув брови, с восхищением уставился на гостью, а когда очнулся, густо покраснел, как будто совершил своим откровенно-восторженным взором тяжкий грех.

— Чего это я? Дарья-то моя ничуть не хуже.

Бросив топор Корней принялся неистово крестится: « Господи помоги, отведи наваждение. Укрепи в вере!»

Но, несмотря на постоянные и горячие молитвы образ сошедшей с неба «богини» не отпускал околдованного мужика ни на миг. Он стал проявлять необычайную изобретательность, придумывая все новые и новые поводы, чтобы пройти мимо заутка и хоть в щелку глянуть на казавшийся ему волшебный лик, но занавеска всегда была плотно задернута. Сквозь ткань он ощущал лишь непривычный и, как ему казалось, восхитительный запах ее тела.

На исходе дня во двор зашли товарищи Светланы. Спросили хозяина.

— Здравствуйте, Елисей Никодимыч! Спасибо за помощь! С ремонтом не получается. Нам придётся выбираться к Реке, а там караулить пароход. Не могли бы вы с провожатым помочь — одним идти боязно, тайга ведь незнакомая. Мы уж отблагодарим, в долгу не останемся.

Елисей, не чаявший очистить дом от нехристей, не колеблясь, кликнул сына:

— Корней, подь сюды... Слышь, что люди говорят, проводить до Реки просят. Иди к наставнику, спросись, да обратно пулей.

Сердце Корнея от нежданно свалившегося счастья чуть из груди не выпрыгнуло, а обрадованный пилот тут же снял висевшие на груди две черные трубки, закрытые с двух сторон прозрачными льдинками.

— Это вам, Елисей Никодимыч. В тайге пригодится.

— Что сие?

— Бинокль.

Видя, что старовер смотрит вопросительно, Чванов пояснил:

— Устройство, которое приближает предметы и позволяет человеку хорошо видеть то, что находится вдали.

Елисей опасливо взял «устройство» и сразу принялся проверять, правду ли сказал скобленный, глядя через «трубки» то на поленницу, то на речку, то на горные вершины:

— Смотри-ка, верно — приближает! И знатно приближает!

Чванов тем временем вынул из планшетки бумагу и развернул ее на широкой скамье у крыльца.

Как оказалось, на этом небольшом листе уместился весь их край. Водя указательным пальцем по извивающимся линиям, чужак пояснял:

— Это реки, а вот это, — палец заскользил по жирным штрихам, — водоразделы горных хребтов. Сейчас мы находимся вот здесь, а выйти нам надо вот сюда, — палец ткнулся в место, где тонкая «змейка» Ворчалки упиралась в толстую «змею», обозначающую Большую Реку.

Подошедший Корней, с ходу ухватив смысл значков на бумаге, именуемой пилотом «карта», легко определил место, где находится Впадина.

— Ловко придумано. Будто с высокой горы смотришь. Токо не все верно, — сказал он, с пристрастием рассматривая линии.

— А что не так? Для нас это важно, — заинтересованно вступила в разговор Светлана.

Корнея, польщенного ее вниманием, словно прорвало. Он с воодушевлением принялся показывать:

— Здесь еще один ключ должен быть, нет озера с водопадами. А этот хребет не прямой, — он загибается полукружьем... — Пояснял, а сам всё поглядывал на Светлану. Ему показалось, что и она теперь смотрит на него поинному и даже ободряюще улыбается.

— Прекрасно, Корней! Вот карандаш, нанеси все, что недостает, и поправь, что отображено неверно. Я топографам передам. Карта старая — еще

при царе печатана. Сведения со слов казаков да местных кочевников. Многого нет. Вот и ваша деревня не отмечена.

— Нас и не надо метить, — твердо отрезал Елисей.

— Хорошо, Елисей Никодимыч, не будем. А скажите, к вам не заходили этим летом какие-нибудь люди?

— Окромья вас тута испокон веку чужих не бывало. Оно и хорошо. Так нам покойней, прости Господи.

Когда табашники наконец ушли, Дарья принялась поливать кипятком и драить лавку, на которой те сидели, а Елисей, мучимый сомнениями в правильности того, что принял дар от нехристей, отправился к наставнику.

— Не знаю, Григорий, вот взял, а сам в тревоге: может, вещаца-то бевсовская, да больно уж занимательная. Сквозь нее вся даль видна.

— Не переживай, это обычный полевой бинокль. Удобная вещь в дороге и на охоте. Очистительную молитву сотвори и пользуйся. То, что полезно и не противоречит уставу, следует применять, ибо облегчает нашу жизнь... Однако давит сердце какое-то предчувствие. Тревога на душе, от табашников добра не жду. Как бы беда какая не случилась.

* * *

Выходя из дома, Светлана остановилась в сенях и, кивнув на короб, заполненный желтыми комочками с вкраплениями кварца, спросила:

— Товарищ Корней, откуда у вас столько самородков?

— С галечников. Каждую весну там рыжье собираем.

— И что, они здесь так и будут лежать?

— Почему лежать? На мануфактуру, огнеприпасы, продукты поменяем зимой на ярмарке.

— А можно мне несколько штук взять?

— Берите, не жалко... Любые, что глянутся.

В это время отец нетерпеливо крикнул со двора:

— Пошто застряли? Давайте прытче!

Светлана сунула в кармашек рюкзака три угловатых самородка и первой вышла на крыльцо, щуря глаза от солнца.

Дарья, одетая в тесное для ее располневшего тела нарядное платье, повязанная белым платком, хозяйничала в летней кухне. Подавая мужу завернутые в полотенце свежеспеченные ковриги и бутылку с мелко толчеными кедровыми орешками на березовом соку, перехватила взгляд супруга, устремленный на девицу в мужичьем наряде. Обида обожгла и обручем сдавила ее сердце, но виду не подала, улыбнулась Корнею приветисто.

Когда пришлые сели в долбленку, Корней, привычно оттолкнувшись от мостков, запрыгнул на корму почему-то с левой ноги. Его кольнула тревожная мысль: «Погрешительно — не с правой дело начал», но, встретившись взглядом с белокурой красавицей, тут же забыл про оплошку.

— Бог на дороге, Никола в путь! — Крикнула вслед Дарья и, отвернувшись, вытерла уголком фартука набежавшую помимо воли слезинку. Когда лодка уже заворачивала за излучину, Корней оглянулся: Дарья все стояла, придерживая рукой от ветра сарафан, и смотрела им вслед.

После отъезда табашников бабы долго смывали в бане скверну. В закутке Горбуна тоже все перемыли. Постель с лавки сняли и сожгли.

По скиту меж тем поползли пересуды. От глазастых баб не укрылось то, как Корней исподтишка поглядывал на Светлану, и то, что Дарья, стараясь не уступать ей, принарядилась. Даже волнистый локон из-под платка будто нечаянно выпустила.

— Эк раскозыряло мужика. Видали, как пялился бесстыжий на антихристову бестию. Кабы до греха не дошло. Как можно? Волосы в косу не собраны, сама в штанах, дабы телеса казать. Все для бесстыдного прельщения мужних взоров, — осуждали одни.

— Уж кто-кто, а Корней — мужик надежный, на чужу не поблазнится, — защищали, возражали другие...

Течение, в широко разлившейся Глухоманке, было едва заметным, так

что идти на веслах Корнею пришлось до самой плотины. Здесь он привязал лодку к дереву и дальше повел чужаков по сухому руслу, зажатому в тесном каньоне.

Проводник не заметил, как вышли к Реке, как разбили бивак на песчаной косе. Он таскал сушняк на дрова, драл сырой мох, разводил дымокур, а перед глазами стояли только золотистые локоны, которыми играл ветерок, и покачивающиеся в такт шагам бедра сошедшей на землю богини.

С упоением вдыхая тонкий аромат волос, он с замиранием сердца ловил легкий шелест ее одежды, украдкой поглядывал на волнительно вздымавшиеся тугие груди. Кипевшая страсть лишила его способности мыслить и трезво оценивать свои поступки. В разгоряченном мозгу то и дело мелькала бесовская мысль: «Хотя бы разок глянуть на красу девичью, как Господь создал, без покрова».

Окончательно потеряв власть над собой, Корней готов был на все — лишь бы быть рядом с этой женщиной. Временами он приходил в себя и, понимая, что даже смотреть на неё грешно, молил Господа дать ему силы побороть нахлынувшую на него бесовскую страсть, но стоило ему взглянуть на Светлану, как страсть вновь овладевала им.

* * *

По Большой Реке ходили два пароходика. По расчетам Чванова один из них через день-два должен был проплыть как раз в сторону города.

Г-о-р-о-д — какое таинственное, полное загадок, слово! Оно пугало Корнея своей непознанностью. Стараясь оттянуть время расставания, он сказал Светлане громко, так, чтобы слышали ее спутники:

— Пока не посажу вас на пароход, в скит не пойду. А то спросят: «Как они там? Уплыли?» Что скажу? Дождусь уж, раз скоро.

На следующий день над остроконечными вершинами мрачных елей показался шлейф дыма. А еще через пару часов из-за поворота выплыла толкаемая двумя огромными гребными колесами, выпирающими из бортов, белая

громадина с длинным рядом окон и закопченной трубой посредине. На носу красным было выведено «Климент Ворошилов».

Пилот, сложив ладони рупором, прокричал:

— Кузьмич! Чаль к берегу! Кузьмич, к берегу! Это я, Чванов!

Их заметили и в жестяной рупор ответили:

— Привет, Сан Саныч! Жив!.. Радиограмма была, ищут тебя...

Судно, осторожно потолкавшись носом в береговой срез, пристало. Опустили сходни.

У Корнея защемило в груди — все, волшебной сказке конец!

Светлана уловила настроение проводника, и в её голове моментально созрел план использовать втюрившегося в неё мужика в своих целях. Когда она отлеживалась в доме Елисея, ее внимание привлекла лежащая на крохотном столике тетрадь с замусоленной, почти черной от копоти обложкой. Разобрать текст, написанный старославянскими каракулями, она не смогла. Но рисунок на одной из страниц что-то напоминал. Приглядевшись, сообразила — карта. Один участок был обведен довольно большим кружком, внутри которого написано «злато». Не веря своей удаче, она аккуратно вырвала этот листок и сунула между бумаг в планшетку. Позже, связав воедино схему и груды самородков в коробе, она поняла, что с помощью старовеера сможет быстро найти эту, неизвестную пока ни кому, золотую жилу. Главное уговорить лесовика поехать с ней в город — она понимала, что если он вернётся в скит, то всё рухнет.

Светлана отозвала Корнея в сторону и, прижавшись упругой грудью, горячо зашептала в ухо:

— Поехали с нами, лесовичок! Мне в партию такие следопыты ой как нужны. С тобой я в тайге ничего не забоюсь...

Продолжая говорить, Светлана тянула его за руку к сходням. Корней, не сводя глаз с пшеничных завитков, перебираемых ветром на оголенной шее женщины, послушно шагал следом.

Но как только пароход отчалил, он, словно очнулся. Бросился к Чванову:

— Мил человек, останови судно, мне назад, в скит надобно!

— Ты чего? Малое дитё? Раньше думать надо было.

— Христа ради, останови!

— Ладно, пошли к капитану.

Капитан, выслушав просьбу Чванова, остановить пароход отказался:

— Игрушки это вам что ли? И так сильно опаздываем, да и места тут нечальные...

Подошла Светлана:

— Корней, успокойся. Поработаешь немного, не понравится — неволить никто не будет. Вернёшься. Зато мне-то как поможешь...

В ГОРОДЕ

Пароход шел только в светлое время суток. Как темнело, вставали на якорь. Правда, всего часа на три. Ночи в эту пору с воробьиный скок. Селения встречались редко, но пассажиров на пристанях было изрядно.

Как-то бросили якорь на тихом, глубоком плесе, чтобы пополнить бункер березовыми дровами, быстро поедаемыми огнедышащим чревом судна. Прежде здесь, на пологом склоне холма, было село. Сейчас одна ветхая одноглавая деревянная церковь на самом взгорке свидетельствовала о том. Паперть, церковные подклети сбоку просели. Маленькие высокорубленные окна без рам, полусгнившая деревянная черепица, колокольня с вымахавшей на ней березкой, обильно обросшие мхом нижние венцы, особенно пышные с севера, производили гнетущее впечатление.

Корнею сразу вспомнились заброшенные скиты-призраки. «Тоже, пожалуй, иструхли совсем. Как давно это было, словно в другой, не моей жизни», — подумал он. Подошла Светлана. Ветер трепал ее завитушки, глаза сияли небесной голубизной. Заметив, с какой печалью Корней глядит на скособочившуюся церквушку, сочувственно пояснила:

— К сожалению таких мест теперь много. Прежде Якутия была населена русскими намного плотнее. — Женщина помолчала и, улыбаясь своим воспоминаниям, опять заговорила: — Скоро город, я уже ощущаю его запах. Он особенный, чувствуешь? — И, не дожидаясь ответа, продолжила: — Я так люблю наш город. Меня будоражит и радует шум, людская суeta. Так приятно все это видеть и слышать после таёжной тишины.

Открывшаяся через пару часов панорама потрясла старовера. По берегу, утыканному сотнями лодок, заваленному кучами мусора, потянулись приставленные друг к другу махины каменных и бревенчатых домов, разделенных широкими проемами дорог. Над ними в двух местах сиротливо торчали голубые, в ржавых потеках, маковки церковных куполов. Но главное потрясение — прозрачные льдинки вместо мутных мочевых пузырей в таком множестве окон, что дома напоминали ему пчелиные соты. Дальше, у берега, стояло еще несколько больших белых лодок с чадящими черным дымом трубами. Все это не могло не поразить скитника. От увиденного он испытывал и любопытство, и страх: сможет ли он в этом непонятном мире разобраться и жить? Они подплывали к посёлку Улукан — воротам в столицу золотоискателей — город Алдан.

У пристани, от вида непривычной толчеи горожан и лошадей, запряженных в телеги и коляски, его и вовсе охватил ужас. И с берега, и с парохода люди что-то разнобоисто кричали друг другу, махали руками, в толпе, расцвеченной россыпью женских платков, заливалась то мелкой звонкой трелью, то басовитыми переливами гармошка. Гвалт и суматоха стояли невообразимые. Длинный деревянный причал в этот час походил на огромную медовую рамку, облепленную встревоженными пчелами.

Попрощавшись с пилотами, Светлана, взяв Корнея за руку, протиснулась сквозь толпу встречающих и повела по дощаному, щелястому настилу, тянущемуся вдоль выстроившихся в бесконечный ряд домов. Навстречу шли люди. Мужики все больше скобленые, женщины — с непокрытыми голова-

ми. Срамота! Корней по привычке каждому встречному кланялся и желал доброго здоровья, но ему мало кто отвечал. Светлана вскоре одернула:

— Не приставай к людям. В городе принято здороваться только со знакомыми.

Рядом, по дороге гроыхали, скрипели пустые и груженные подводы, запряженные одной, реже двумя лошадьми. Откуда-то сбоку с ревом выкатилась сверкающая черным лаком коляска... без коней. Она двигалась, подчиняясь фырканию сизых клубов дыма. Скитник буквально остолбенел от вида такого чудища. Возле большого строения с красным флагом коляска остановилась. Из нее вышел человек в длиннополом армяке с разрезом сзади и прошел по мощеной деревом дорожке в дом. Самокатка взревела и, окутав прохожих противной гарью, рванула с места, как упряжка хорошо отдохнувших оленей.

Жилище Светланы располагалось на втором этаже громадного сруба. Рядом с ее дверью были еще три такие же с белыми цифрами на двери.

— Корней, тут моя квартира, ее номер «13». Запомни. Пока поживешь у меня. Спать будешь на кухне, — по-хозяйски распоряжалась она. — А сейчас печь растопи. Чай вскипятим да картошечки на сале поджарим. Отметим благополучное возвращение. Дрова вон в том сарае, — показала она из окна. — Спички на полке.

— Для трапезы огонь можно токо от огнива запалить.

— Запалляй, как хочешь. Да не забудь руки с дороги помыть. Умывальник в углу, полотенце там же.

Корней подошел к окрашенному сосуду, похожему на ведро с длинным носиком. Повернул ручку — полилась вода.

«Умно», — подумал он.

— Лесовичок, с мылом руки мой, — крикнула Светлана, заводя часы.

— С мылом грешно, в нем Никонова зараза. Щелоком руки и тело надобно мыть али просто чистой водой, — отозвался скитник.

Перед тем как сесть за стол с дымящейся на сковороде картошкой, Корней достал из котомки деревянную миску с ложкой и, очистив пищу молитвой и поклонами, стал есть.

— Картошку вилокй едят, — заметила хозяйка.

— Грешно дар Божий острым колоть, — не согласился скитник.

В это время по притихшим улицам понесся малиновый перезвон малых колоколов, поддерживаемый густым басом большого.

— Что это?

— Ну ты даешь! А еще верующий! Это же в храме звонят!

Корней подошел к окну. Звон несся от дальней колокольни.

— А в соседней церкви отчего ж не звонят?

— Там склад нашей экспедиции.

— Как можно такое святотатство?! — Гневно воскликнул скитник.

— Так хоть какая-то польза. Попам-то народ дурить и одного храма довольно.

Корней чуть не поперхнулся от возмущения, но смолчал, только желваки заиграли на скулах.

Смеркалось. Светлана подошла к круглому черному «пенечку» на белой стене, щелкнула «курком», и свершилось чудо — прозрачный стеклянный шарик над головой засиял, словно маленькое солнышко. В комнату, как по волшебству, вернулся день.

— Светлана, как ты это сделала?

— Что сделала?

— Как ночь превратила в день?

— Эх, лесовичок-моховичок! Это не я, а электрическая лампочка. В ней есть проводок. Когда по нему течет электрический ток, он раскаляется и ярко светит. Понял?

Чтобы не показаться совсем глупым, Корней кивнул.

Утром его разбудило тонкое пиканье, следом приятный женский голос торжественно объявил: «Доброе утро, дорогие радиослушатели. Московское

время двадцать четыре часа». Затем в комнате громко заиграли невидимые музыканты, и мощно запел хор.

— Господи помилуй! Чур, меня!

Старовер, крадучись, подошел к черной тарелке, из которой неслись все эти необычные звуки. Осторожно заглянув за нее, ничего, кроме конуса из толстой черной бумаги и круглой железки сзади, не обнаружил.

Изумлению Корнея не было предела: «Где ж там люди уместились? Эх у них все мудрено! Одно слово — бесовщина. Видать, такая же говорящая штукovina, что Изосим у топографов слушал — "радио", кажись, называется».

* * *

Прошло несколько дней. Попервости, пока скитнику все было вновь и в диковинку, Корней ахал да охал, порой даже терял дар речи от потрясения, но скоро пообвыкся и ему стало неприятно и одиноко в этом пестром и суетливом муравейнике. Его душа рвалась обратно в тайгу, в вольную, а, главное, привычную среду.

При слове «тайга», столь кратком и емком, в воображении людей возникают самые разные картины. Большинству видится мрачная глухомань с мшистыми трущобами, марями, полчищами гнуса. Кому-то несметные запасы древесины и полезных ископаемых, кому-то роскошная охота. И лишь немногие знают, что тайга — это живое существо с чуткой и благодарной душой, наделяющей полюбившего ее человека способностью видеть и чувствовать её красоту.

Особенно тяжело становилось таежнику, когда Светлана уходила на работу. Как только закрывалась за ней дверь, он начинал метаться. Брался то за одно, то за другое. То становился на колени и начинал молиться, строить планы как вернуться в скит, как объяснить домашним свой отъезд. И ни как не мог разобраться, что с ним происходит. Любил ли он Светлану? Нет, не любил! Пока он её не видел, она ему не была нужна. Но как только оказыва-

лась рядом, он словно лишился разума и был готов как слепой котёнок идти за ней куда угодно, Светлана же каждый вечер успокаивала его. Обещала, что завтра или послезавтра они отправятся в экспедицию. Но проходили дни, а всё оставалось по-прежнему.

Когда она видела что Корней вот-вот сорвётся, подсаживалась к нему, прижималась и, ласково глядя по голове, объясняла что экспедиция это не так просто, что надо всё с начальством согласовать, утвердить план маршрута, собрать снаряжение, продукты. Успокаиваясь, скитник пытался обнять её, но она всякий раз ловко уворачивалась, нисколько не теряясь от его «голодного» взгляда.

На самом же деле Светлана ничего не предпринимала. Она просто ждала возвращения начальника Алданской экспедиции из больницы в Якутске, чтобы он поменял указанный в полевом задании район работ на Впадину, где её ждет (она в этом была абсолютно уверена) всесоюзная слава первооткрывательницы крупного месторождения золота.

Выходить из дома Корней остерегался — на улице он чувствовал себя чужестранцем, не понимающим ни языка, ни местных обычаев. Даже когда спускался в сарай за дровами, старался не пересекаться с соседями.

Корнею видел, что народ в городе неприветливый, черствый. В разговорах слова неуместные. И уж совсем пал духом он после ограбления. А дело было так.

Как-то днем постучали в дверь. Открыв ее, увидел двух женщин, одетых в тряпье.

— Подайте Христа ради погорельцам, — жалостливо запричитали они.

— Да я сам тут в гостях.

— Так хоть хлебушка. С голоду круги перед глазами. Молока грудничку не достает.

— Погодите, погодите, я мигом.

Корней пошел на кухню и вынес весь хлеб, что был в ящике.

Через день Светлана поинтересовалась:

— Лесовичок, ты не убирал мою каракулеву шапку из коридора?

— Нет, а что?

— Странно, она тут на рогах висела.

— Ужели погорелицы взяли?

— Какие погорельцы?

— Да приходили вчерась, хлебушка просили.

— Все ясно!.. Эх ты, простофиля!

— До чего же обманной у вас народ. У нас двери отродясь не запирают, а чужое взять и помыслить не можно. Как в таком обмане живете? Эх, тошно мне в твоём городе, — не утерпел Корней. — Прямо чувствую, как этот многоглазый поганец вгрызается в мою душу, иссушает ее. Сердце щемит, назад в тайгу зовет. Там простор, воля. Там все понятно. Голос леса и ручья куда приятней голосов из твоей сатанинской тарелки... Уеду, не вмоготу тут.

Светлана перепугалась, что может остаться без надежного проводника — при поиске месторождения без него не обойтись. Улыбаясь как можно ласковей, она обняла и принялась гладить Корнея.

— Успокойся, Лесовичок. По-первости всем в городе тяжело. Я и сама, когда в горный институт в Ленинграде поступила, ой-ёй как настрадалась. Думала бросить, уехать обратно в деревню, да самолюбие не позволило. А потом пообвыклась.

— А я не обвыкнусь! Душа рвется в тайгу! Тама костерок зажжешь, на мохову подстилку ляжешь, и так хорошо. Прямо Божья благодать... Хоть ты и думаешь, что мы обомшелые да дремучие, но жизнь наша зело чище и праведней...

Оказавшись в городе, Корней осознал, что именно принадлежность к небольшой, но дружной и стойкой общине хранила его душевный покой и давала силы. Под влиянием необъяснимого наваждения он покинул ее и теперь ему не на кого опереться, не с кем посоветоваться. Возвратиться? Но неподвластная ему сатанинская сила, держала крепко-накрепко.

* * *

Слушая рассказ любимой ученицы, начальник экспедиции Деев Валерий Геннадьевич, или, как все за глаза любовно величали его, — Дед, то и дело поглядывая на замусоленный листок с многозначительной надписью «злато», потирал руки.

— Можешь не продолжать, убедила. Что от меня требуется?

— Разрешение на смену участка работы. Если согласны, я готова со своим отрядом вылететь хоть завтра. Люди у меня проверенные, опытные. Все в штате. Только проводника осталось оформить — он из тамошних.

— Что еще?

— Пару ящичков толовых шашек и хорошо бы закрепить за нами постоянного пилота. Лучше всего Чванова — он там уже был. Думаю, в сентябре разведку завершим, а может, и первую партию золота к отправке подготовим.

— Замечательно! Так и быть, задание сменю. Чует сердце — месторождение стоящее. Но, смотри, об этом рудном гнезде ни кому не рассказывай, и своих всех предупреди, чтоб языки не распускали.

— Хорошо, Валерий Геннадьевич, я поняла. Да, чуть не забыла: надо обеспечить Чванова запчастями для ремонта самолета.

— Не переживай, сегодня же переговорю с военными. Думаю, помогут. С командиром мы воевали в Гражданскую... Все, иди пиши служебку... Чего стоишь?

— Валерий Геннадьевич, вы же знаете — у меня почти все семейные. Как насчет аванса?

— Ну и хитра ты, Светлана. — Мужественное лицо начальника досадливо скривилось так, будто ему в рот попала долька незрелого лимона.

— Ну, не для себя же.

— Будет, будет вам аванс! Главное, сами не подведите, а то с меня за самовольство спросят по первое число, могут и партийного билета лишить.

— Не лишат — я в своих выводах не сомневаюсь, — уже выходя, с очаровательной улыбкой ответила она.

Светлана ликовала — в тридцать четыре года она может стать первооткрывателем месторождения золота или, как в экспедиции говорили, «рыжухи». О ней напишут в газетах. Мама будет счастлива, а бывший муж удавится от раскаяния.

Домой она шла, светясь от радости. Слету обняла и порывисто чмокнула в щеку оторопевшего Корнея. Ощувив волнующую упругость молодого, истосковавшегося по мужским ласкам тела, он ошалел. Кровь ударила в голову — Корней рывком притянул ее и прижал так, словно хотел вобрать в себя:

— Ах ты, душенька моя, пчелка меда!

Не сводя взора с голубых очей и зардевшихся щек, он повалил Светлану на постель.

— Погоди, погоди... дверь запру, — прошептала она таким дрожащим от возбуждения голосом, что Корней распалился до предела.

Вернувшись, обнажилась и легла рядом. При рассеянном свете низкого солнца, лившемся в окно, лицо ее казалось еще прекрасней; сквозь длинные ресницы томно поблескивают глаза, влажный чувственный рот призывно полуоткрыт, крылья носа вздрагивают от нетерпения...

Плотину прорвало... Слившись воедино, они погрузились в бездну блаженства. Корней все это время не сводил замороженного взгляда с белых, как молоко, грудей: те ритмично колебались, дерзко выставив вверх упругие розовые соски...

Остывая, разомлевшая и благодарная, Светлана обрадовала Корнея:

— Через три дня вылетаем. Так что завтра тебе нужно будет оформить-ся. Представь — полетим в вашу Впадину. Я уверена, нас там ждёт грандиозное открытие. И всё благодаря какой-то замусоленному рисунку. Но ты должен мне помочь.

Ошарашенный скитник даже сел:

— Что за рисунок?

Светлана отмахнулась:

— Да у вас в закутке в грязной тетрадке нашла.

«Там только вещи Горбуна были. Выходит, рылась», — пронеслось в голове Корнея, а вслух сказал:

— Это же воровство! Страшный грех!

— Чурбан ты неотесанный, не для себя же стараюсь. Стране золото необходимо, — ответила Светлана и, поджав губы, обиженно отвернулась.

Утром Корней не смог встать — впервые в жизни заболел. Его увезли в больницу. Два дня метался мужик в горячке. На третий вспотел так, что пришлось менять постель, отяжелевшую от телесной влаги.

Придя в сознание, увидел возле себя людей в белых одеяниях.

«Вот и суд Божий настал», — подумал он, несколько не испугавшись.

От стоящих архангелов отделился один и склонился над ним. Корней узнал в нем Светлану.

«Она-то как к ним попала?», — удивился он.

Женщина ласково погладила его по жесткой копне давно не стриженных волос и вытерла полотенцем мокрый лоб:

— Ох, и перепугал ты нас, Лесовичок. Поправляйся быстрее. В поле пора.

Светлана склонилась и коротко, а Корнею показалось, что этот миг длился вечно, прикоснулась к его губам.

Когда скитника выписали из больницы, на него жалко было смотреть — стоял, как свечка в жаркой бане. Болезнь, а в большей степени понимание, что Светлана совсем не волшебное создание, а существо грешное и алчное, изменили отношение к ней. В болезненном забытии ему было видение, вернее слышал голос отца: «Ох, тяжело мне, тяжело глядеть, как малые плачут». Очнувшись, подумал: «Сам же ниточку оборвал. Смертный грех совершил, и нет мне прощения. А настанет последний час, рогатая образаина крючком железным зацепит и прямиком в преисподнюю утащит на муки вечные. Так мне и надо!»

На столе, накрытом белой простыней вместо старой изрезанной клеенки, его ожидали пирожки с земляничной начинкой, красиво сложенные на большом блюде, вазочка с конфетами «подушечки» и чайные приборы на двоих.

Видя, как страдает, разрывается душа Корнея, женщина решила лаской и заботой отвлечь его от тяжких дум и приглушить угрызения совести.

— Мы к сладкому не привычные, — отвел он руку хозяйки, пытавшейся положить ему в чашку сахар.

После чаепития, прошедшего в абсолютном молчании, Светлана предложила:

— Одевайся, покажу кое-что.

Они зашли в большое здание и сели на свободную скамейку в громадной, полной людей горнице. Свет погас, стало темно. Сзади что-то застрекотало, и перед глазами скитника возник каменный дом. Возле него сновали люди. К ним подкатилось железное чудовище на огромных колесах с высокой трубой спереди. Из неё валил черный смрад. Страшилище, проревев, как сто сохатых во время гона, лязгая и скрежеща железом, проехало мимо Корнея, вытягивая откуда-то длинные домики с темными впадинами окон и дверей. Из них выглядывали и махали платочками люди. В небе показались старые знакомые — аэропланы. Не один, как в скиту, а десятки. Они со страшным воем снижались к едущим цепочкой домикам и что-то бросали вниз. Земля вокруг покрылась черными султанами взрывов. Домики загорелись, повалились на бок. Из них выползали окровавленные, искалеченные люди с искаженными от боли лицами.

Корнея обуял ужас, он вскочил, чтобы помочь им, но Светлана усадила обратно:

— Успокойся, это всего лишь картинки.

Но до предела возбужденный мозг верующего человека отказывался воспринимать иллюзорность происходящей на его глазах трагедии. Крестясь и бормоча охранную молитву, он вырвался и бросился к месту бойни, но

уперся в стену. Тени заползали по его рукам, а сидевшие в зале люди стали кричать, чтобы он сел на место.

До Корнея вдруг дошло: так вот оно — окно в преисподнюю! Нехристи приходят сюда смотреть на муки грешников. Но почему же тогда его самого в эту преисподнюю не пустили? Неужели Господь дает ему шанс искупить грех?!

Скитник выскочил из этого страшного дома и побежал к спасительно темневшему вдали лесу. Чем ближе к деревьям, тем лучше чувствовал себя потрясенный Корней. Обняв, наконец, ствол кедра, он принялся его гладить, вдыхая родной аромат коры и хвои.

— Господи, отчего в городе такие жестокосердные люди — ходят зреть муки других! Как вразумить их? Как пробудить в сердцах сострадание?

Не скоро Корней успокоился. Когда к нему вернулась способность здраво размышлять, он сказал себе:

«Деваться тебе, мужик, некуда, замарался по уши. Придется терпеть... Светлана говорила, что на днях вылетаем. Как явимся во Впадину, пойду в скит, паду пред всеми на колени и стану вымаливать прощение».

От этой мысли враз полегчало. Он сел под деревом и еще долго молился, глядя на звёзды. На рассвете побрел обратно в город. Тренированная зрительная память не подвела: пройдя по берегу к пристани, от неё легко отыскал дом Светланы.

Она не спала. Увидев, радостно подбежала, обняла:

— Корней, ты где пропадал? Я не спала всю ночь, боялась, что заплутал, или чего хуже.., — заглядывая в глаза, она теребила его за руку. — Дружок, ну хватит молчать! Скажи хоть что-нибудь.

Корней молча сгреб ее в охапку и бухнул на постель...

* * *

В воздухолет Корней зашел безбоязненно, но при взлете, когда спина ощутила небывалую тяжесть, побледнел и долго не решался посмотреть в окошко.

Ровный гул двигателя и легкое покачивание успокоили. Глянув вниз, Корней увидел, точь-в-точь, как на карте, змейки рек, разбегающихся между серых, высоко вспученных хребтов.

А вот и высокая дуга родных Синих гор. Сердце заполнило бесконечное счастье и ужас одновременно: там его семья и община, которых он предал. Только согрешив, Корней понял, как любит свою Дашутку.

«Как не цветут по два раза за лето цветы, так не бывает второй настоящей любви. Милая Даренка, какой я глупец, позарился на городскую кралю. Одурманила она меня своей сатанинской красотой. Сейчас понимаю, что все это пустое. Душа у нее чужая, корыстливая и расчетливая, а без родства душ не может быть любви. Одна лишь слепая, отупляющая страсть. Горит быстро, да стынет еще быстрее. Верно тятя говорил: «У Бога для каждого токо одна жена». Эх, Даренка, подскажи, как искупить вину, заслужить прощение?»

Такие вот тягостные размышления и запоздалое раскаяние навеял на Корнея вид родных мест.

Воздухолет тем временем сделал круг над Впадиной, разрезанной извилами Глухоманки. Скит сверху казался игрушечным. Вон и отцовский дом. Сердце защемило еще сильнее.

Плавно снизившись, аэроплан ногами-лодками коснулся глади озера, и сразу две пары жемчужных крыльев полетели в обе стороны. Пропеллер на слабых оборотах дотянул до берега, и бортмеханик, соскочив в воду, завел самолет в тихую заводь поближе к покалеченному собрату.

Перекурив, летуны взялись за ремонт. Рабочие тем временем, споро выгрузив снаряжение и припасы, стали обустроить полевой стан: поставили палатки, сколотили из привезённых досок стол, напилили чурок для сидения. Над «столовой» натянули тент. Рядом устроили кострище.

Во время этих работ Корней разглядел парящего в небе беркута. «Рыжик, Рыжик!» — закричал он ему, призывно размахивая руками. Немного покружив, огромная птица спикировала прямо на них и в последний миг, раскинув крылья, села на плечо Корнея. Приветственно проклекотав, беркут вытянул поседевшую шею и, как прежде, раскрыл клюв в ожидании гостинца. Корней, поглаживая гордо посаженную охристого цвета голову, с любовью разглядывал друга. Постарел. Потускнело, реже и потрепаннее стало оперение. У основания клюва сложились чешуйки. А в пристальном взгляде чудились укоризна и отчуждение.

С разрешения Светланы Корней открыл банку тушенки и, вывалив мясо прямо на ладонь, покормил приятеля. Все с удивлением наблюдали за необычайной картиной — столь тёплой встречей человека и громадной хищной птицей. Съев угощение, Рыжик оттолкнулся от плеча и, со свистом рассекая воздух кончиками жестких перьев, взлетел. Набрал высоту, он еще долго кружил над озером.

Пилоты с полочками управились быстро. Опробовали двигатель. Месячный простой не повредил ему — завелся почти сразу. Кашевар тем временем накрыл стол, а удовлетворенная дружной, спорной работой Светлана разлила по кружкам спирт.

Пользуясь возникшей при этом суетой, Корней тихонько встал и направился в сторону скита. Но тут перед ним, как из-под земли, вырос Чванов:

— Ты куда? Дезертировать решил? Деньги получил и бежать! Нет, брат, так не пойдет. Из лагеря только с разрешения начальника можно отлучаться — ты на работе. Станешь своевольничать — срок заработаешь. Такой порядок. Уразумел?

— Не шуми, я по нужде, — схитрил скитник.

Корней обреченно вернулся, подошел к котлу, наложил в миску каши с тушенкой и сел на чурку. Ел через силу, то и дело поглядывая туда, где проходила тропа, в надежде увидеть наблюдавших за ними скитских: не могли же они оставить без внимания прилетевший аэроплан. Он решил: если кто

объявится, просить через него дозволения наставника прийти на покаяние. Но до темноты никого не приметил. «Сегодня Рождество Иоанна Предтечи — видать, недосуг», — успокоил он себя. Но тут его вдруг словно дубиной огрели: «Глупец! На что надеешься?! Они ведь скрытно будут наблюдать. Не увидишь!... Ждешь снисхождения? Наивный — нет тебе прощения!».

Корней осознал очевидность этой истины только сейчас. «Как же быть?! Неужели не зайти больше в свой дом, не обнять родных?!», — спрашивал он себя и страшился честного ответа на этот вопрос.

Заметив, что проводник сгорбившись, сидит в сторонке, возбужденная и довольная Светлана подошла к нему и, прижав его голову к себе, стала гладить и приговаривать:

— Лесовичок, все замечательно, всё замечательно... Завтра на маршрут. Иди отдыхай.

Корней покорно поплелся в палатку.

После ночевки, как только солнце разогнало над озером туман, воздушные шары один за другим улетели на матерую землю.

В СКИТУ

Когда миновала седмица, а Корней, ушедший провожать чужаков к Реке, в скит не вернулся, встревоженный Елисей зашел к наставнику за советом. Выслушав его, обеспокоенный Григорий распорядился отправить Матвея с Изосимом на поиски.

Выйдя к Реке, ребята по следам без труда нашли стоянку. Среди них были и гладкие вмятины от Корнеевых ичиг. По отпечаткам сходней легко определили место, где причаливал пароход. Следы Корнея обрывались там же. Сомнений не оставалось — уплыл вместе с пришлыми.

Весть эта потрясла общину и повергла близких в уныние. Подозревали, что виной тому, белокурая бесовка. Но могла быть и иная, неизвестная пока скитским, веская причина.

— Неужто Корней поддался диаволу? — Сокрушался наставник, выслушав Елисея. — То-то он сейчас радуется. С грешным человеком бесы не канителяются, все одно такому в аду быть. А вот суметь сбить с пути праведника и довести его до грехопадения — это то, над чем стоит потрудиться, а в случае удачи и погордиться... Похоже, не устоял-таки мужик перед телесами срамницы...

Через четырнадцать дней после встречи с нехристями почти все дети в скиту заболели. Особенно тяжело хворали Корнеевы.

— Та пришлая бабёнка — бешиха, из-за нее и хвороба, — определил Елисей. — Лечбу верную в точности не знаю, но помню, батяня говорил, что надобно обтирать дитя угомонной водой, за которой следует идти на речку в полночь и нести домой, не оглядываясь.

Несмотря на все старания, двое малолеток в скиту, один еще парной был, померли в жару от удушья. Как записал наставник в учетной книге, «от глоточной хвори».

Когда над Впадиной вновь появился и сделал круг аэроплан, в скиту переполошились. Какую еще беду он принесет?

Чтобы понять, кто опять прилетел и с какой целью, наставник отправил Изосима все разведать, только зело скрытно, так, чтобы чужаки не видели.

По-зверину тихо подкравшись к стану, он сразу узрел сидящего отца и ведьмицу, поглаживающую его понурую голову. Кровь в сердце Изосима вскипела от гнева на родителя, предавшего их, и ненависти к змее подколодной в облике писаной красавицы. Парнишка хотел было ринуться, вырвать отца из рук колдуньи, но что-то остановило его. Изосим хоть и юн был, но Устав и ответственность перед общиной подсказывали, что он должен прежде обо всем поведать наставнику.

Григорий, выслушав отрока, еще больше опечалился. В нем погасла слабая, едва теплившаяся надежда, что проступок Корнея имеет иное, чем всем думалось, объяснение. И все равно, в голове не укладывалось, как мог Корней, всеобщий любимец и первый радетель незыблемости отеческой веры, нарушить Устав, оставить семью.

На вечернем молебне он объявил Корнею анафему и запретил кому-либо встречаться с ним, тем паче со скобленными табашниками.

— Не ведаем, что творим! Вот к чему послабления ведут! Измыслили, что не грешно несколько отступить от строгостей. И что? Дожили до грехопадения. В том только моя вина. Помилосердствовал ведьмице — сам же в скит допустил. Тем Корнея в искус ввел. Простите меня, братья и сестры! Удаляюсь на недельное моление и земные поклоны во искупление сего греха нечаянного, — известил, сглатывая подступивший горький комок раскаяния, совершенно убитый происшедшим Григорий.

После объявления приговора Корнею на душе Дарьи стало пусто. До последнего момента она все еще тешила себя мыслями, что ей лишь померещились те красноречивые взгляды мужа на белокурую бестию. Что его отлучка объяснится чем-то иным, что он скоро вернется, и они заживут, как прежде: согласно и радостно. Не желая верить в предательство, она, тупо глядя под ноги, пошла домой, зашла в свой угол и пала плашмя на постель, задыхаясь от распиравшей горло боли. Слез не было, и оттого каменная горечь давила вдвойне. Долго билась она в немом крике, кусая губы и руки, пытаясь сердечную боль убить физической. Жгучая, незаслуженная обида и легший на нее позор разрывали сердце, мутили разум. Свекровь принесла воды.

— Уйдите, — с трудом смогла выдать Дарья.

— Даша, грех-то так убиваться. Молись, милая, чтоб дал Господь силы выдюжить, детей ведь надо поднять. Как-нибудь вместе справимся, мы можем... Мы одна семья.

— Пропала моя жизнь, матушка. За что такое наказание? Али я была плохой женой? — Высоким рвущимся голосом простонала враз почерневшая

Дарья, подняв на свекровь пьяные от муки глаза. Покусанные до крови губы перекосила обида. — Вроде, так ладно жили! Думала, любит. Ан нет, другая-то милее. — Лицо ее вдруг посуровело, она встала, одернула одежду, отодвинула рукой свекровь и, прямая и натянутая как струна, вышла в горницу. Невидящими глазами обвела домочадцев, повернулась к образу Христа и начала о чем-то горячо молиться...

Внешне Дарья мало изменилась. С детьми была приветлива и ласкова, со стариками заботлива. Только в глазах поселилась горечь, да где-то на доньшке сердца сосала, томила боль, но и та, заслоненная, отодвинутая каждодневными домашними заботами и трудами, все реже давала о себе знать.

* * *

Светлана Николаевна, обсудив с Корнеем маршрут, оставила одного рабочего в лагере, а с остальными пошла по набитой тропе к водопадам — месту, отмеченному многообещающей надписью «злато». Об их приближении известил усиливающийся гул и легкое подрагивание почвы.

Вот и первый слив: вода безостановочно долбит каменное дно круто изогнутым жемчужным посохом и, намесив в бурлящей чаше белоснежной пены, мощной струей устремляется к плесу, где успокаивается до зеркальной глади, отражающей нависшие скалы, изъеденные до уреза глубокими промоинами. «Даже водопад гудит как-то напряженно, неприветливо. Должно, негодует, что чужаков привел», — подумалось Корнею.

Поднимались с частыми остановками, потому как несли с собой сразу и оснастку и весь инструмент для горных работ.

Проводник злился: «Экая торопыга: прежде место найти надо, а потом уж инструмент поднимать. Куда спешим? Хуже нет, когда баба командует».

Но виду, что раздражен, не показывал. Словно веревкой привязанный к уже почти ненавистной женщине, он безвольно, как сорванный ветром и брошенный в бурный поток увядающий лист, отдался течению жизни. Те-

перь ему было все равно, куда вынесет его. Куда бы ни вынесло — хуже точно, не будет.

Подойдя к последней, верхней ступени каскада, начальница объявила привал прямо у сливной чаши. Попив чай с сухарями и сгущенным молоком, приступили к осмотру береговых обнажений. Не обнаружив ничего интересного Светлана спустилась ниже. Долго бродила в резиновых сапогах по руслу, усеянному разноцветными камнями. То и дело нагибаясь над завитушками перекрученной воды, разглядывала камни, некоторые складывала в сумку и вдруг, радостно заверещав, выскочила на берег. В руках она держала небольшой, причудливой формы самородок, черный с одного бока от налипшей грязи. Когда щеткой смыла ее, все поразились — настолько самородок был похож на вынырывающего из кипящих волн жеребца.

— Сомнений нет, где-то выше слива рудное гнездо — все дно усеяно мелкой крошкой рыжухи. Поднимаемся и обследуем каждый метр самым тщательным образом, — распорядилась она.

Вооружившись геологическими молотками и сумками для сбора образцов горных пород, отряд приступил к работе.

Здесь уже не было ступенчатых уступов, а склон был настолько крутым, что стремительный поток то и дело срывал и перекатывал по дну довольно крупные валуны. Охваченная азартом Светлана, пристально вглядываясь в дно и береговые обнажения, торопливо поднимались по каменистому руслу. Её взбудораженная фантазия рисовала богатые гнезда золота, заключенные в кварцевые жилы, и ожидавшую её славу. За ней следовали остальные. Даже Корней невольно заразился старательской горячкой и первым углубился в щель, промытую речкой в скальной гряде. Перепрыгивая по мокрым валунам, он спешил проскочить мрачное место. Вот впереди посветлело.

— О Боже?! — Непроизвольно воскликнул он, увидев желтоватую полосу, тянущуюся по дну русла между кварцевых плит. — Это же золото! Да тут его — пуды! И под ногами все желто!

Забыв обо всем, Корней помчался обратно прямо по воде.

Вскоре торжествующий рев опьяненных невероятной удачей геологов перекрыл шум от сбегавшего по камням потока.

НЕОЖИДАННЫЙ ПОВОРОТ

Взвешивая и раскладывая в ящики позвякивающие куски вырубленного золота с незначительными вкраплениями кварца, Светлана сокрушалась:

— Как жалко, что Чванов улетел. Задержись он на день, уже сегодня порадовали бы Деда.

— Милая Светлана Николаевна! Это не повод для расстройства. Сегодня вывезем или через неделю — это не принципиально. Само открытие такого уникального месторождения — уже грандиозный успех. Трудно даже вообразить его истинные масштабы. Поверьте мне, старому землекопу, — ничего подобного в истории золотодобычи не было, — успокаивал ее Зиновий Маркович, числящийся в отряде на должности техника, хотя по диплому — горный инженер еще с дореволюционной поры.

Светлана благодарно улыбнулась:

— Маркыч, как вы думаете, на сколько дней нам хватит наружной части «языка»?

— Думаю, самое большее, на месяц. Потом придется шурфы закладывать, чтобы динамитом скальную покрывку над рудным телом снять. Чую, оно уходит глубоко. Перед нами верхушка айсберга. Основное тело скрыто.

Светлана мечтательно вздохнула. Старый техник-инженер в своих оценках никогда не ошибался. Ей иногда даже казалось, что у него в голове встроен рентгеноскоп, просвечивающий землю насквозь. Вон какое в прошлом сезоне месторождение железной руды нашли! А ведь все в один голос твердили «пустое место, бросайте», а он уперся, настоял-таки на продолжении работ.

Ей уже не единожды приходилось вставать на защиту этого редкостного в их области профессионала, где интуиция порой имеет решающее значение, и выслушивать обвинения особиста в классовой близорукости. Но ни разу не усомнилась в своей правоте: одиннадцать полевых сезонов, проведенных вместе, убедили ее в полной лояльности Зиновия Марковича к советской власти. По большому счету, его, кроме работы, ничто и не интересовало. Рано овдовев, не имея родных, он целиком отдавался любимому делу.

Корней, доселе молча слушавший их разговор, неожиданно взорвался:

— Вовсе и не Светланы Николаевны это открытие. Горбун то месторождение нашел и на карту нанес, а мы лишь искали по его мете.

— Спорить не буду, возможно, и не Светлана Николаевна первой выявила. Это и не важно. Недра принадлежат государству, и золото является его собственностью. Вы, любезный Корней Елисеевич, не волнуйтесь. Пусть ваш Горбун будет как бы первоисточником, а Светлана Николаевна первооткрывателем, хорошо?

— Горбуну все равно, второй он источник или первый. Помер давно.

— Голубчик, к чему в таком случае так нервничать? Нам ведь, пожалуй, и премию дадут, — увещевал проводника деликатный техник.

* * *

— Мальчики, завтра отдыхаем — заслужили! — Объявила Светлана Николаевна за ужином. — Хорошо бы заодно свежим мясом разжиться. Стыдно тушенкой питаться в тайге, — добавила она, выразительно глянув при этом на Корнея.

Проводник, поковыряв палкой в костре, молча встал и скрылся в лесу. Через час вернулся с дюжиной радужных хариусов, насаженных на гибкую ветку, с рогулькой на конце. Сноровисто почистив, поджарил рыбу на сковороде.

— Вот это мужчина так мужчина, молодец! — Игриво поводя бедрами, похвалила Корнея начальница, отправляя нежные ломтики в рот.

— Да уж, с нашим проводником не оголодаем, — согласились, облизывая пальцы, рабочие.

Утром, ещё до восхода, один из них, по прозвищу Рябой, имевший в экспедиции репутацию лучшего стрелка, взял карабин и ушел с долговязым Степаном промыслять мясо. Ему давно нравилась Светлана, и он всячески стремился заслужить ее внимание и одобрение.

Забравшись на скальный останец, Рябой, обследуя в бинокль окрестные склоны, засек семью лосей, жировавших на поляне в полуверсте от их наблюдательного пункта.

Чтобы не спугнуть стадо, охотники решили зайти с подветренной стороны. Пока обходили по буреломам и нагромождениям камней пастбище, на поляне разыгралась настоящая трагедия. Выйдя к месту, они увидели, что трава вытоптана и залита кровью, а там, где совсем недавно паслись лоси, лежал медведь, а на нем могучий сохатый со смятыми, еще не окостеневшими «лопатами» рогов. Его передняя нога глубоко засела в груди косолапого, разорвав тому легкие и артерию. Но и медведь успел, прокусив шею, нанести лосю смертельную рану. Победителя в этой схватке не оказалось.

— Ёшкин кот! Нынче фарт сам в руки прет. Вчера — куча золота, сегодня — гора мяса! — Воскликнул повеселевший Рябой.

Мужики, хотя и радовались так легко доставшейся добыче, с сочувствием взирали на лежащих в обнимку исполинов. Вместе с состраданием они испытывали и уважение к обоим — погибли достойно в открытом, честном бою.

Когда охотники приблизились, лось с усилием открыл глаза и тихо простонал. Рябой для верности выпустил в каждого зверя по пуле. После чего по-хозяйски осмотрел, ощупал туши. «Сохатый жирный! Миша так себе».

Вынув из сапога острый нож, мастерски освежевал добычу. Потом осторожно распорол медведю брюхо. Отрезал от теплой, дымящейся печени половину, охотники, не жуя, стали жадно глотать красно-коричневый студень с

хлебом. Насытившись, разделали туши на некрупные, килограммов по пять, куски.

— Зараз не унести. Что сперва? — Спросил Степан, раскрывая горловину мешка.

— Топтыгина, конечно. Лосятиной Светлану не удивишь. Скажет: «Не велика доблесть — лося убить». А принесем медведя, так и крыть нечем.

— Ну и башка у тебя, Рябой! Ох, утрем нынче Корюшке нос.

Увидев на разостланном брезенте гору медвежьего мяса, Светлана Николаевна от восторга заверещала:

— Какие вы молодцы! Медведя уложить — это не харюзят таскать. Тут нужна особая доблесть, — бросила она многозначительный взгляд на сидящего у костра Корнея.

— Напрасно вы попрекаете. Мы медведей не стреляем и не едим. Медведь — брат человека, только волосатый. Так меня дед учил, — тихо, но твердо произнёс скитник, глядя на нее в упор.

— Вы, ребята, суп варите, а я отбивные приготовлю, на сковороде поджарим, — командовала начальница, оставив реплику проводника без внимания.

В лагере царило праздничное возбуждение. Рябой угощал всех остатками сырой печени, а Корнею, оскалившись, сказал с ехидством:

— Извини, кореш, на тебя не хватило. Как-нибудь в следующий раз.- На его лице промелькнула неприязненная улыбка.

— В твоих кудрях уже зима поселилась, а ведешь себя, как дитя малое, — беззлобно отозвался тот.

Пока Степан со Светланой готовили свеженину, Рябой сходил с рабочими за следующей порцией мяса. В береговой линзе вырубил ледяную пещерку, выстлал дно брезентом и сложили в природный холодильник все без остатка. Вход завесили плащ-палаткой и придавили валежиной. Теперь мясо не пропадет.

Корней чувствовал себя на этом празднике чужим. Чтобы как-то развеяться он ушел на озеро. Сидя в траве, долго отрешенно наблюдал за мерцанием прозрачных крыльев стрекоз в лучах солнца. Насекомые летали парами. Гоняясь друг за дружкой, они то взмывали, растворяясь в воздухе, то падали вниз, зависая над самой водой. Легкие дуновения ветерка, больше похожие на дыхание, не поднимали ряби, а лишь поглаживали воду и ласкали лицо. Серебряным дождем рассыпалась под водой распугиваемая кем-то мелкая рыбешка.

Когда солнечный диск опустился к зубцам гор, ветерок усилился, и поверхность озера стала походить на котел, усыпанный россыпью «смолистых стружек». Огнем запылали облака, медью окрасились деревья. Светило, тем временем, коснулось почерневшей вершины горы и скатилось с неё круглым желтком в черный межгорный провал. Утопая в нём, оно выманивало затаявшуюся в лесной чаще ночь. Та, быстро смелея, щедро рассыпала по черной бездне мерцающие россыпи созвездий, а озеро заиграло волнистым отражением народившегося месяца.

Из памяти Корнея всплыло, как давным-давно где-то поблизости, он сломал ногу, поскользнувшись, кстати, на медвежьей лепешке, и пролежал несколько суток, дожидаясь помощи; как выручил его тогда Лютый, и ещё многое другое... Вспоминать-то было о чем, но все это осталось в той, теперь уже недоступной ему жизни. Для неё он изгой... А что взамен? Светлана только о славе думает. Рабочие его недолюбливают. Корюшкой какой-то обзывают. Что я им плохого сделал? Отношения с начальницей не выпячиваю... Зачем мы встретились? Все кувырком...

Спать не хотелось. Над озером зарождался юный туман. Вдали спросонья прогоготали потревоженные кем-то гуси. Корней долго сидел, погруженный в свои невеселые думы, пока, уже под утро, сон не сморил и его...

Прошло две недели. Работы шли полным ходом. Золото с щедрыми вкраплениями кварца уже некуда было складывать. Но верно говорят, что,

если уж золотая лихорадка прихватит, то не отпустит: люди работали, словно заведенные, даже отдыха никто не просил. В каком-то горячем нервном возбуждении с утра до вечера кайлили «язык» и складывали желтые куски в кучи прямо на берегу.

Наконец Зиновий Маркович взмолился:

— Светушка, стар я уже без отдыха столько работать. Может, хоть баньку организуем. Что-то тяжело мне стало.

— И у меня силы кончились, как будто сдулся, — поддержал техника Рябой.

— Я и сама притомилась, — согласилась начальница.

Наутро народ поднимался вяло. Первым из палатки с трудом выкарабкался Рябой:

— Братва, может, не будем баню топить? Что-то все тело ломит.

— А ну ее к ляду, так отдохнем, спину тянет, — прокряхтел, вылезая, Маркыч.

От каши почему-то все отказались, зато помногу пили заваренного со смородиновым листом чая. Светлана Николаевна была сама на себя не похожа. Всегда активная, говорливая, чай пила тихо, не проронив ни слова. Была грустна и задумчива. То и дело бросала на Корнея странные, непонятные взгляды. Он был в замешательстве: ему почудилось, будто Светлана хочет сказать ему что-то важное.

«Сказать, не сказать», — действительно думала она. Вчера вечером по одной ей ведомым переменам женщина поняла, что беременна. «Надо сказать», — решила было, но тут же передумала. «Аборт осенью втихаря сделаю. А скажешь — проблемы могут появиться. Он вон какой набоженный».

Немного ожив, люди разбрелись по лагерю. О бане и не вспоминали. Один за другим возвращались в палатки и забирались в спальники. Народ был явно болен. Лишь Корней чувствовал себя как обычно. Убрал со стола и принялся готовить обед — дежуривший в этот день Степан попросил проводника подменить его.

На обед из палаток никто не выполз. Корней недоумевал. Он никак не мог докопаться до причины загадочной болезни, не коснувшейся почему-то лишь его.

«Постой, постой, медвежью печень и мясо ели все, кроме меня, — дошло, наконец, до него. — Надо осмотреть мясо повнимательней».

Корней раскрыл «холодильник», вынул первый попавшийся шмат медвежатины. Раздвинув острым кончиком ножа волокна мышц, обнаружил то, чего больше всего страшился — длинных и тонких полупрозрачных червей.

— Все ясно! Мясо не доварили. Впрочем, скорей всего, через сырую печенку заразились.

Корней знал эту болезнь: однажды в неурожайный год они застрелили обнаглевшего шатуна, но Маркел, слава богу, мясо проверил и, обнаружив таких же червей, запретил давать даже собакам. Велел поглубже закопать подальше от речки и скита. Тогда он и рассказал что единственный шанс выжить при попадании этой страшной заразы — лежать, не двигаясь и обильно пить. Чем больше человек двигается, тем быстрее яйца и личинки разносятся кровью по телу и разрушают организм, проедавая в сосудах сквозные отверстия.

Обойдя палатки, Корней поговорил с каждым, втолковывая, что надо лежать и побольше пить. Но это было излишним — народ и так лежал пластом, корчась от мучительных болей, которые, судя по всему, усиливались: душераздирающие стоны к вечеру неслись уже изо всех палаток. Видя страдания товарищей, проводник без конца кипятил чай и, намешав сгущенного молока, разносил его больным.

Сильнее всех страдал Рябой. Обезумев от мук, терзавших его тело, он, судорожно клацая зубами, молил Корнея:

— Помоги! Всю жизнь буду служить! Спаси, Корнеюшка!

Светлана, как большинство женщин, переносила боль молча. Лишь по редким, сдавленным стонам и зернистому бисеру пота на лбу можно было догадаться, каково ей. Но на следующий день, как видно, стало совсем

невмоготу. Когда проводник в очередной раз заглянул в ее палатку, она, облизав сухим языком обескровленные губы, жалобно посмотрела на него и попросила застрелить ее. Тут приступ страшной боли выгнул ее дугой. Чтобы не закричать, она зажала рот руками.

Не в силах слышать эти стоны и крики, Корней уходил на ближний водопад — текущая вода всегда успокаивала его, и возвращался в лагерь каждые два-три часа, чтобы напоить больных. Чем он ещё мог помочь им? Оставалось только молиться и просить для них у Создателя облегчения мук.

На третий день все было кончено. Первым отмучился Рябой. Следом, почти одновременно, «ушли» остальные. Корней поочередно обходил их и расправлял, пока не застыли, скрюченные судорогами конечности. Что поразительно, Светлана лежала так, как будто проснулась, но решила еще чуть-чуть понежиться, подремать. Даже мертвой она была прекрасна. Пушистые крупные кольца волос красиво обрамляли бледное, заострившееся лицо.

Над лагерем с шестью коченеющими трупами повисла жуткая, могильная тишина.

Одиноким свидетель драматических событий потерянно бродил между палаток, то и дело спотыкаясь о ящики и мешки с золотыми самородками.

«Господь, почему ты и мне не даровал смерть?!» — Кричала его душа. В груди кипело, а в глазах — ни слезинки. Он пытался сдержать крик и не мог. Горестные, исступленные вопли рвались из груди произвольно...

Измученный бессонными ночами, подавленный случившимся, проводник забрался в свое брезентовое жилище и повалился на ватный спальник. Сон был коротким, но достаточным, чтобы к нему вернулась способность трезво размышлять.

Анализируя происшедшее, он утвердился в мысли, что людей постигла Божья кара за то, что покусились на недозволенное, особо хранимое. Корней знал, что и его не минует возмездие, только еще более страшное. Это не пугало. У него было одно желание: скорее бы все кончилось.

«Может, тоже медвежатины поесть, да сразу сырой, чтоб наверняка. Хуже, чем сейчас, не будет. Несколько дней помучаюсь и точка», — подумал он и тут же одернул себя — не доставало еще грех самоубийства на душу принять. Больно просто у меня получается. Ведь это только начало истории. Прилетит Чванов, увидит, что народ перемер, вот тогда все и закрутится. Скитских обвинят в убийствах. Всех арестуют и на лесоповал упекут, на тяжкую, безвременную смерть. Хоть и недолго в городе жил, но знаю, как это делается... Вот что будет, дорогой «лесовичок», ежели и ты сгинешь».

«Как быть? Посоветоваться бы с наставником, да станет ли он со мной говорить?! В любом случае, я должен известить его о случившемся. Может, сообща что и придумаем. Ежели утаить — всем хуже будет».

Застегнув вход в палатки (тела решил пока не трогать — земля холодная, не испортятся), Корней отправился в скит.

Шел по сотни раз хоженной тропе, с ужасом думая о том, как войдет в ворота, пройдет мимо своего дома. А вдруг Даренка увидит? Ох, сраму, сраму-то сколько! Представив себе все это, Корней чуть не взвыл от стыда.

Вот и заплот. «Этот пролет сам ставил. Крепкий еще», — отметил про себя.

Собаки признали его и голоса не возвысили. Радостно заскулили, с интересом принюхиваясь к новым, незнакомым запахам, исходившим от скитника.

Собрав все мужество, Корней непослушными руками отодвинул потаенный затвор калитки и, опасливо оглядываясь, быстро зашагал к дому наставника. Боковым зрением заметил за поленницей сидящих на скамье девиц с веретенами в руках. Соседская Люба, гоня ногой колесо прялки, красиво вела песню:

*Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Под которой ты меня звездой породила,
Ты каким меня счастьем одарила...*

К ней присоединились вторые голоса, следом подголоски. Да так ладно, с таким глубоким сопереживанием у них это выходило. Послушать бы, да какое! Быстрей, быстрей! Корней невольно отвернулся, но глазастые девицы уже заметили и разом смолкли.

Корней взбежал на знакомое, чисто вымытое крыльцо и, приоткрыв дверь, сдавленно прохрипел:

— Есть кто дома?

В ответ — тишина. То ли с отчаяния, то ли от безысходности он прошел в горницу. Наставник, стоя на коленях перед напестольным восьмиконечным крестом с погрудным изображением Господа в окружении образов, стоящих на деревянных полочках в Красном восточном углу, молился. Освещающая ласковые лики Христа, Богородицы и Николая-угодника, задумчиво потрескивала лампадка.

Увидев Корнея, Григорий гневно сверкнул очами, но произнес сдержанно:

— Ты, сударь, похоже, не токо совесть, но и стыд потерял. Как посмел в скит явиться? Попрошу выйди и более нас не беспокой, не то братия поленьями забьет.

— Знаю, нет мне прощения, но окажи милость, дозвожь важное сказать.

— Что попусту воздух сотрясать, сказано — прочь из скита!

— Отец Григорий! Это касаето судьбы общины.

Наставник помолчал и, преодолев себя, произнес:

— Говори, коли так.

Корней коротко поведал о случившемся. Упомянул и про обнаруженную по нечаянной наводке Горбуна залежь самородного золота.

Григорий задумался:

— Рано или поздно людей хватятся. Самое верное — тела те для сохранности сегодня же в ледник сложи и непременно сбереги медвежье мясо, оно — твой единственный защитник и оправдатель. Как власти прибудут, сразу,

не таясь, обо всем поведай. Иных вариантов нет. Ну, а мы, сам понимаешь, за тебя не в ответе. Нас не марай.

— Даже помыслить такое не можно! Во мне не сомневайтесь. Богом клянусь, на вас и тень не падет. — В глазах Корнея от обиды заискрились слезы.

— Бога не поминай! Ты ж не только нас, но и Его предал.

Наставник, наконец, вскользь глянул на бывшего сотоварища. «Исхудал, в волосах седина, взор потухший, — отметил он про себя. — Сам виноват. За грехи рано или поздно платить приходится. Тебе ли, детям ли, а Господь счет предъявит».

Прежде он души не чаял в Корнее, считал его главной опорой в делах сообщества. Да и благодарен был ему за то, что много лет назад в скит привел. И сейчас в его сердце помимо воли шевельнулась, было, жалость, тем более что сознавал и свою вину, но сразу усмирил ее. Он Наставник и отвечает перед Богом за порядок и нравы в общине.

— Ступай, — произнес он как можно суше, хотя в душе помягчел.

Когда Корней на цыпочках вышел, Григорий обессилено опустился на скамью. Нелегко дался ему этот разговор. Не было в истории общины более тяжкого грехопадения.

«Не пойму, как такое могло случиться. Примерный семьянин и вдруг впал в блудострастие. Казалось бы, редким праведником был. И мы в созвучии жили. Были, как две головешки в костре — чудилось, убери одну, и костер погаснет. Но нет, слава Богу, и без него, оказывается, есть на кого опереться. Взять ту же Дарью. Приходит ко мне, вроде, за советом или просто душу излить, успокоиться, а я от нее сам ума набираюсь. Громадной духовной силы женщина и мудра необычайно. Вроде, так повезло мужику, ан нет, не угодила!»

Мысли в голове наставника крутились, сменяя друг друга, как снег в метель.

«И когда в Корнее завелся этот червь? Может, слишком много позволял ему? Все странничал, вот и поразила любовь к переменчивости. Чтобы остальных не вводить в искуc, пожалуй, надо обособленность крепить... Сказать-то легко, а как исполнить? Уже и на аэропланах залетать стали.

Может, первопричина всего в том, что дозволили Елисею с язычницей венчаться? Так, вроде, по уставу, без самодельства женили. Да и сколько Ольга пользы общине принесла. А какие у них остальные дети и внуки! Не всяк такими похвалится! Первейшие помощники.

Чего-то Господь, сотворяя человека, не додумал. Жизнь иных тварей вон как мудро организовал! Любо посмотреть! Взять хотя бы тех же пчел или муравьев. Мы на них спесиво поглядываем, а между тем эти крохи — красноречивый образец справедливо устроенного общества. У них все направлено на сотрудничество и самопожертвование ради общего блага. Поучиться бы у них, глядишь, давно построили б рай на земле».

* * *

Корней вернулся в лагерь в крайне удрученном состоянии. Сказывался не столько холодный прием наставника — он иного и не ожидал, — сколько встреча, которой он особенно страшился и в то же время жаждал, — встреча с отцом. Перед ним неотступно маячили его ненавидящие глаза.

Они столкнулись почти лоб в лоб: когда Корней, подойдя к скитским воротам, отворил калитку, то уперся взглядом в родителя, тащившего одноосную тележку с дровами. Невольно шагнул навстречу, но гримаса отвращения, исказившая лицо отца, обожгла злой крапивой.

— Как смел поганить своими стопами нашу землю? Жену богоданную холить и беречь надо. Она мать твоим детям. А ты, тварь, за бесом в женском обличье, засучив портки, побежал. Весь наш род перед Богом и людьми осрамил. Будь ты проклят! Прочь с глаз моих!

Корней понимал, что в случае встречи отец вряд ли приласкает, но не ожидал столь откровенной неприязни. Горше слов ему не доводилось слышать. Самое страшное, что слова-то справедливые!

Долго сидел он на полузамытой песком валежине, вперив отсутствующий взор в чешуйчатую рябь озера. На душе было погано. Потухли последние искорки на примирение.

Наплывшая тень, отвлекла от невеселых раздумий. Корней поднял глаза. Белые пушистые облака, гонимые ветром весело и беззаботно летели в неведомую даль. Провожая их взглядом, он вернулся к реальности. Душевные терзания уступили место пониманию того, что надо действовать. Предстояло основательно подготовиться к ответу перед властями. Да хорошо подготовиться, дабы от Впадины их отвадить.

* * *

Узнав, что табашники проведали о залежи золота из записей Горбуна, Григорий направился в дом Елисея. Тот, выслушав наставника, сердито проворчал:

— Вот тебе и молчун! Вот удружил! Тоже еще золотокопатель выискался! Хоть бы нам про ту тетрадь сказал!

— Да уж, не будь ее, глядишь, обошлось бы, — согласился Григорий. — И зачем он про золото написал? На кой ляд оно ему-то? Да еще возложил на себя обет молчания?

— Думаю, тут какая-то тайна. Надо почитать его писанину, может, она что поведает.

Григорий с Елисеем зашли в каморку и сразу увидели на столе замасленную, в пятнах сажи, тетрадку. Наставник принялся читать записи вслух.

В большинстве своем это были рассуждения о жизни и вере. Нашли также и описание грота, в котором он жил, подробнейшие планы коридоров, по которым Горбун ходил к Оку и в соседние пещеры, и даже сам пещерный скит. На плане пещерного скита в одном месте стояли крестик и надпись

«Ларь». Но самым любопытным оказалось описание встречи Горбуна с душами пещерников. Они, поняв, что он обнаружил их тайные схроны, наложили на него обет молчания до той поры, когда сын Божий откроет схроны избранным. Души пещерников также жаловались ему, что тело последнего из них не предано земле. Они просили Горбуна пойти с ними и похоронить похристиански. Горбун согласился, но не смог пройти сквозь каменную стену.

Прослушав это место, Елисей аж крякнул:

— Похоже, спятил старик. В одиночестве измышлял всякое и от скуки записывал в тетрадь. Давай от греха подальше сожжем ее, чтобы у самих разум не пошатнулся.

— Трудно определить, что это. Может, бред больного воображения, а может, и откровения. Лучше до поры сохраним. Слава богу, что ведьма в штанах всю тетрадь не умыкнула. Чую, мета про золото здесь не главное.

В ЛАГЕРЕ

Самолет прилетел через две недели. Корней зашел вводу и подтянул обитого фанерой зеленого «гуся» бортом к берегу.

Чванов открыл дверь и весело крикнул:

— Корней, привет! Принимай почту. Грузите быстрее, мне еще к Фролову надо успеть.

— Груза много... Пойдем поможем...

Корней откинул брезент с ямы, выдолбленной в замороженном грунте в тени елей. В ней в два ряда лежали трупы.

Чванов остолбенел от ужаса. Зло глянув на Корнея, процедил:

— Ты ответишь за это, образина патлатая!

Молча перенесли в самолет тела, палатки, инструмент, продукты.

Увидев, как глубоко просели в воду поплавки, Чванов покачал головой:

— К Фролову не получится... Так, а где ящики с образцами, гражданин проводник? — спохватился он.

— Образцов не успели собрать, болезнь всех свалила. Ящики вона — пустые...

— Болезнь почему-то только наших свалила...

— Товарищ пилот, твоя неприязнь понятна, но я в смерти людей неповинен. Потравились медвежьим мясом...

Корней достал из ледяной пещерки кусок мякоти:

— Видишь завитки личинок. Такое мясо надо полдня варить. Похоже, не доварили. Да еще сырую печень ели.

— Чего ж ты не предупредил, раз знал, что мясо с глистами, — недобро прищурился пилот.

— Твоя правда, сразу не сообразил поглядеть, мы же медведей не едим, а потом поздно было — люди слегли.

— Странная история: ты живой, а остальные почему-то померли... Ладно, НКВД разберется.

В воздухе не проронили ни слова. Корней беспрестанно мысленно возносил благодарственные молитвы Создателю за покровительство плану, дающему надежду на то, что геологи не будут больше летать во Впадину и община не пострадает.

Ожидая самолет, он работал от зари до зари — боялся не успеть. Собирали по руслу, начиная от золотого «языка» все, даже самые мелкие, самородки. А сам «язык» завалил крупными валунами, отведя русло речки в этом месте, насколько смог, в сторону. Всё золото, что добыл отряд и сам собрал, закопал в глухом распадке. Место выбирал тщательно, чтобы ни одна душа не догадалась там искать. Теперь только он владел этой тайной.

* * *

19 июня 1941 года судья огласил приговор:

«Кузовкина Корнея Елисеевича, 1900 года рождения, за контрреволюционный саботаж, выразившийся в умышленно небрежном исполнении обязанностей, повлекший за собой гибель людей, а также за срыв особо важного государственного задания приговорить по статье 58 пункт 14 к двадцати годам заключения с отбыванием срока в лагере строгого режима».

Через три дня началась война. Летчик Чванов добровольцем ушел на фронт и погиб в одном из воздушных боев под Москвой. Начальника экспедиции Деева Валерия Геннадьевича за самовольство исключили из партии, понизили в должности и перевели в Магадан на должность техника, где он вскоре умер от сердечного приступа. Все складывалось так, что и без того мало кому известные сведения о месторождении золота на Глухоманке, по Божьей воле, затерялись. Остались одни слухи, но и они с годами выветрились из памяти жителей Улукана и Алдана.

* * *

Окруженный двумя рядами колючей проволоки, городок из приземистых, побеленных понизу барачных корпусов, с надписями на ржавых листах: «Труд есть дело чести, доблести и славы», с вышками на каждом углу вытоптанного до каменной твердости прямоугольника, встретил скитника и этапированных с ним трупов, привязанными проволокой к столбам лагерных ворот. От них смердело, черные от запекшейся крови лица облепили мухи.

— Того, кто вздумает бежать, вот так же на «караул» поставим, — пояснил новичкам конвоир и для пущей доходчивости похлопал ладонью по затвору карабина.

Вид стоящих в «карауле» трупов и циничная реплика охранника сразу дали осужденным в полной мере почувствовать, что они в зоне, где ты уже не человек и цена твоей жизни равна стоимости одной пули либо паре ударов прикладом по голове. Хочешь выжить — подчиняйся и терпи.

Корнею и еще несколькими вновь прибывшим физически крепким заключенным начальник лагеря после ознакомления с личными делами предложил

идти в штрафбат и на фронте кровью смыть свою вину перед трудовым народом.

— Нам вера не позволяет людей убивать. Человеческая жизнь свята, — отказался скитник.

— Так там не люди, там враги, а врагов уничтожать надо.

— Человеку человека не можно убивать. Жизнь дарует Бог, и токо Он, наш Владыко, может ее отнять. Все люди в Его воле, что германец, что японец, что русский.

— Погоди, умник, скоро поймешь, в чьей ты воле и кто здесь бог.

Остальные дали согласие и присоединились к уже отобранным из числа старосидящих. Три дня им давали двойной паек — откармливали в дорогу, а на четвертый с утра строем увели на пересылку. Корнею же дали высшую трудовую категорию и отправили на самый тяжелый участок в горах, где заключенные больше двух месяцев не выдерживали. Помимо того, что тамошним приходилось валить и раскряжевывать кедры в полтора обхвата и очищать от веток стволы, их еще надо было вручную стаскивать с горы на ровную площадку, туда, куда мог подъехать трелевочник. Но семижильный скитник, не ропща, терпел чернотелую суровость новой жизни и проработал на том участке больше года — до тех пор, пока не выбрали лес подчистую. При этом он всегда брался за самую трудную работу, чем расположил к себе товарищей по бригаде.

Корней никогда не отвечал на злобные выпады охранников, а если кто-нибудь оскорблял его, глядел на этого человека с таким искренним состраданием, что тому самому становилось совестно за собственную агрессию.

Когда один доведенный до отчаяния заключенный в ярости кинулся на конвоира с лопатой, а тот, ткнув его штыком, отошел на шаг и передернул затвор, чтобы пристрелить, между ними встал Корней. Перехватив взгляд конвоира, он необъяснимым образом принудил его опустить винтовку. Темные, цвета крепкого чая, пылающие внутренним огнем, глаза скитника и в самом деле обладали непонятной таинственной силой. От его напряженного

немигающего взора невозможно было спрятаться. Он пронизывал насквозь, принуждал к подчинению.

Его невероятная выносливость, трудолюбие и готовность подсобить занедужившим были всем удивительны, ибо первое время Корней практически ничего не ел. Когда садились за стол, он, не шевелясь, пристально смотрел на свою пайку. После команды «строиться» залпом выпивал чуть сладкий чай и выходил, так и не притронувшись к еде. И — ничего! Работал за двоих.

Поначалу над ним посмеивались — придурок! Но от Корнея веяло такой страстной силой самоотречения, что со временем даже отпетые рецидивисты и охранники прониклись к нему уважением.

— Представляешь, есть в моей команде чокнутый, совестливый сверх всякой меры. В смерти людей не повинен, а так казнится! — Рассказывал один конвоир другому.

— Да уж, слышал про него. Одно слово — старовер, подпись ставить отказывается. Это, говорит, антихристова мета — нам не можно.

Медленно тянулся срок в лагере, еще медленнее стихала сердечная боль и смягчалась тоска по семье, общине. Но время — всеильный лекарь. Поддерживало и то, что почти каждую ночь ему снились Даренка, дети. Вернее, не снились, а, как ему казалось, он наблюдал за ними, летая на невидимых крыльях в скит. Особенно радовал его Изосим, справно исполнявший мужские обязанности. Но чаще всех Корнею виделась жена. «До чего ж пригожа! Где были мои глаза прежде — такую красу не замечал», — корил он себя всякий раз после таких видений.

В своих грезах он сажал ее на пушистое белоснежное облако, как на трон, и, даря простор небес, глядел на нее с земли счастливый, переполненный любовью. Она тихонько спускалась и шла на берег Глухоманки к их березе. Обняв ее ствол, горько плакала, вытирая слезы кончиками платка. Корней подходил и утешал:

— Ты единственная, кого я люблю! Прежде не задумывался, а теперь точно знаю. Ведь любовь это не соединение плотей в похоти, любовь — это слияние двух душ в единую...

Иногда снилась и Светлана. Снилась как укор. Корней считал себя виновным в ее смерти да и в смерти рабочих тоже. Его взяли в партию, как знаток тайги, и он обязан был проверить медвежье мясо, тем более что знал, какую смертельную опасность оно может таить.

После таких сновидений Корнеем то овладевало ощущение безысходности, доходившее до отчаяния, то вдруг сердце заполняли надежды на скорую встречу.

Кормили их плохо и, оказавшись в лесу, каждый старался воспользоваться подножным кормом: ягодами, орехами, съедобными кореньями. Трое из соседнего барака, по неведению, изрядно отравились ложным борщевиком. Их состояние ухудшалось на глазах. Лагерный врач разводил руками: съели так много, что медицина бессильна.

Корней решил испробовать дедовский рецепт: принялся отпаивать отравившихся отваром полыни и, к удивлению доктора, всех выходил. Можно сказать, вернул с того света. С той поры к нему прилипла кличка «Лекарь», и отношение лагерников к нему стало еще более уважительным, можно сказать даже почтительным.

Поскольку в санчасти весь арсенал лекарств был представлен лишь четырьмя наименованиями: зеленка, аспирин, нашатырный и этиловый спирты, а офицеры и охранники тоже иногда болели, работы Корнею хватало. Новый начальник, для пользы дела, перевел его в санитарную команду, состоящую из врача, медбрата и его — санитаря, заключенного номер 1318 из барака номер 17. После работы на лесосеке это было все равно, что попасть в санаторий. Ему даже позволялось выходить за периметр собирать травы. Врач, сам из осужденных, оставшийся работать в лагере после окончания срока, искренне восхищался несгибаемой волей Корнея. Но, в то же время, многое в нем не понимал и даже осуждал:

— Корней, ты что, действительно в Бога веруешь?

— Верую.

— Ну, бабки всякие старенькие веруют — это я понимаю. Но ты-то не старый, как можно верить в эти бредни? Я вот не верю ни в какого бога. — Но, почувствовав какую-то неловкость, поправился:

— Вообще-то, я не то что совсем неверующий. Я, к примеру, верю в настоящую, чистую любовь. Хотя, честно скажу, пока не встречал.

— Потому и не встречали, что настоящая, чистая любовь — это Бог. Вы изгнали Бога из своей жизни, следом за ним ушла и настоящая любовь.

— Может, ты и прав, — неожиданно с грустью согласился доктор.

* * *

Что интересно, за все время отсидки у него ни разу не возникло даже смутной мысли о побеге. Более того, Корней искренне считал решение суда чрезмерно мягким.

В лагере отбывали срок разные люди. Скитнику в первый, самый трудный год повезло с соседом по нарам. Им оказался отец Илларион, худой, с лицом аскета просвещенный иерей. Это он, видя, что от Корнея уже остались кожа да кости, убедил его перестать истязать себя голодом без меры.

— Довольно голодать. Несуразно это. Помрешь, что проку? Входящее уста не оскверняет. На то пища и создана, чтобы поддерживать телесную обитель души.

Лагерная жизнь сдружила этих людей, хотя в миру их пути вряд ли бы пересеклись. По ночам они часто шептались, беседовали о Боге, удивлялись терпимости его к людским грехам.

Широких взглядов, добрый, честный священник, хотя и был служителем не признаваемой староверами никонианской церкви, столь глубоко любил Бога, что скитник невольно задумывался: «Может, на самом деле, важна не форма обряда, а ее суть. Она ведь едина с нашей». Но тут же отгонял эти святотатственные мысли.

Илларион, будто зная мысли Корнея, как-то сам заговорил на эту тему:

— Думается, напрасно делят православных на правых и не правых. Все равночестны. Все мы проповедуем одно — жизнь в ладу с совестью, соблюдение Христовых заповедей: почитай отца и мать, не убий, не прелюбодействуй, не кради, не лги. К чему спорить по догматам веры? И ваше двуперстие, и сложение перстов по чину нашей церкви — все есть крест, и Христос оба приемлет. Мы, почему чаем, что троеперстие праведно — молимся-то ведь трем Божественным ипостасям: Отцу и Сыну и Святому Духу. Хотя, должен согласиться, реформа церкви в том виде, как Никон ее провел, вредоносной оказалась, ибо цену великую заплатили. И народ раскололи, и духовную силу России раздором ослабили. Сейчас, Корней, важно, чтобы обе Церкви искали путь к примирению.

— Так и мы всегда за жизнь без переколов и хулы. Наш наставник учит: какой бы грешный человек ни встретился — не суди самого, суди дела его. Ведь и Сам Господь больше прощает, чем судит. Милосердие — главная добродетель православного.

— Вот и к инакомыслию с большим терпением и пониманием следует подходить. Если вдуматься, суть всех религий одна, и я мечтаю о том, чтобы началось повсеместное движение к засеиванию земного поля семенами единоверия. Согласись, дружок, ни один здравый человек не станет порицать говорящего на ином языке.

— Спору нет.

— Отчего ж с религиозными воззрениями должно быть иначе? Разные вероучения это все равно, что разные языки. Каждое слово в русском языке имеет аналог в заморском. Звучит оно иначе, но смысл один. В разные периоды развития человечества Создатель диктовал избранным — Моисею, Будде, Мухаммеду правила жизни на земле и стержневыми в них определил Совесть и Любовь. Мы, люди, считаем, что языки обогащают нас. Бесспорно, они способствуют многоцветию культур. Но мне кажется, будь на земле единый язык, культура от этого не обеднела бы. Ведь на нее в первую очередь

влияет не сам язык, а место проживания и характер народа. Где-то один раз в сто лет снег выпадает. Где-то по девять месяцев лежит. Представь, что якуты и французы стали говорить на одном языке. Не станут же от этого в Якутии, как во Франции, проводить соревнования по катанию бочек с вином, а французы устраивать скачки на оленях. У них разные условия жизни и разные традиции.

— Я об этом не задумывался. Мысль занятная.

— Для благополучия общества важно, чтобы все человечество в целом, и каждый из нас в отдельности, жили в любви друг к другу и по совести — с Богом в сердце. Жизнь, потраченная на удовлетворение только телесных потребностей, без духовности, без идеалов, без высоких стремлений — это низшая, не достойная человека форма жизни. Она не может дать ему счастья.

— А что, по-вашему, есть счастье?

Илларион, разглаживая волнистую бороду, слегка задумался:

— Счастье для каждого возраста разное. Для малыша это мама и папа. А для зрелого человека основой для счастья является любовь, гармония в душе и путь к Богу.

— Не все знают, как найти этот путь. Путей-то много, можно ошибиться.

— Отвечу притчей. Один человек пришел к апостолу и попросил:

— Мне чужда мирская суета, помоги, укажи путь к Богу.

Апостол в свою очередь спросил:

— Скажи, а кого ты любишь?

— Ты меня не понял. Я не обычный человек. Мне чуждо все земное.

Подскажи, где он, путь к Богу?

Апостол задумался и ответил:

— Иди и полюби кого-нибудь.

— Мудрая, поучительная притча. Вот вы, батюшка, со мной, как с ровней, а ведь я недостойн такого отношения. Смертный грех на мне — грех прелюбодеяния. Помимо того, повинен в смерти ажно шестерых людей. Это терзает мою душу, не дает покоя.

— Прелюбодеяние — смертный грех, но для Господа важно, что ты это сознаешь и страдаешь. Покаянием и молитвами возможно отчасти искупить его.

Корней всегда с большим интересом слушал рассуждения, проповеди священника, и порой ему становилось даже неловко оттого, что тот доверяет ему самые сокровенные мысли:

— Мне непонятно, для чего сотни, а может, и тысячи пастырей арестованы. Кто расстрелян и молится о нас в сонме новомучеников, кто, как я, в лагерях. А сколько церквей порушено! В иных городах ни одной не осталось! Коммунизм — идеал социального устройства общества. Но коммунизм на безбожии — это ошибка. Катастрофическая ошибка! Чтобы построить истинный коммунизм, большевикам, наоборот, было бы крайне полезным привлечь духовенство в союзники и проповедовать через него религию любви, а не религию страха доносящих друг на друга граждан.

Опираясь на веру, намного легче было бы воспитать совершенного человека, ведь цели и православия, и коммунизма сходны. А большевики ввели запрет на церковь, чем у многих породили неприязнь к власти. Народ ведь всё равно крестить детей да молиться тайно продолжает. Удивительно, что большевики не понимают этой очевидной истины!

— Как верно все, что вы, отец Илларион, говорите, — изумлялся Корней.

— Душа ведь болит от творящейся жестокости. Никогда не сделать добро дурными средствами. Так и нынешний строй, хоть и объявил благие цели, используя для их осуществления насилие, превращается во зло для народа. Если, к примеру, ты хочешь, чтобы в соседней деревне жили справно, ты же не будешь для этого красть у своего соседа. Или, проще говоря, нельзя осчастливить дальних, делая несчастными ближних. Впрочем, в данном случае точнее будет сказать «нельзя сделать счастливыми левых, делая несчастными правых».

Для меня удивительно то, что верхи никак не поймут, что без этической, нравственной основы немислима нормальная экономика и невозможно хозяйственное процветание. Власть, не осознающая этого, обречена.

Беседы с батюшкой пробуждали мысль, были глотком свежего воздуха, но летом 1942 года его неожиданно освободили и вернули на службу в своем приходе: оказавшись в критической ситуации, власти признали, что церковь в борьбе с фашизмом может стать мощным подспорьем, война на время примирила их.

В один из вечеров сам отец Илларион задал Корнею давно волновавший его вопрос:

— Как полагаешь, почему ваши общины устойчивей и сильнее наших сельских, тем паче городских приходов?

Корней был польщен таким уважительным отношением к одноверцам:

— Думаю, оттого что живем мы сообща, единой семьей. В ваших же казенных деревнях все делается только по распоряжению начальства: скажут — сделают, не скажут — так и будут на скамейках сидеть. Наши общины объединяют общие заботы, любимая часовня и духовное пение, а деревенских и городских — всегубительная винная лавка да лаяние матерное.

— Что правда, то правда. Да и сами мы, церковники, чего уж скрывать, измелъчали. Признаюсь: в страхе живем, отчего порой невозможно оказать противодействие несправедливости и злу. Службы превращаются в формальность, лишённую воспитательной силы.

* * *

В их бараке жила еще одна примечательная личность — тихий, чисто-плотный татарин по имени Шамиль. Он тоже не скрывал того, что верующий. Только веровал он и молился Аллаху и пророку его Мухаммеду. Место у него было на втором ярусе над Корнеем. Он ни с кем не вступал в разговоры, всегда безмолвствовал, непонятно было — занят ли он своими мыслями или слушает, о чем говорят другие.

Отец Илларион, беседуя с Корнеем, порой с опаской поглядывал на молчаливика и, на всякий случай, понижал мощь голоса.

Когда батюшку освободили, мусульманин посмотрел на Корнея и молча кивнул на освободившиеся нары: можно, мол? Тот так же молча кивнул в знак согласия. Так началась их малоречивая дружба. То Шамиль подарит соседу искусно вырезанную из дерева зверушку или возьмет да отремонтирует ему прохудившуюся обувку, то Корней угостит соседа кедровыми орехами или даст травы для поправки здоровья. И оба все это молчком, с доброй улыбкой, приложив руку к сердцу.

Лишь однажды ночью, когда Корней дежурил по барaku истопником, Шамиль вдруг подошел к печке, когда тот закладывал в нее сырые, чтобы дольше горели, поленья, и зашептал:

— Я тоже думаю, что Всевышний для всех людей один. Христос — сын Бога, а Мухаммед — пророк, вещающий от имени Бога. Он был честным, трудолюбивым и милосердным человеком. Много лет ходил в горы молиться в одиночестве. И Всевышний возлюбил его и стал говорить ему, как нужно жить людям. Чтобы сделать доступнее своему народу то, что слышал, Мухаммед написал суры. Вы говорили, у каждого народа свой язык. Так же и с религиями. Но Аллах один, пути только разные. Наш, я думаю, проще и понятней.

Шамиль взял щепку и острым концом обозначил на земле две точки: «Мы — тут. Вы — тут». Потом обозначил еще одну: «Аллах, по-вашему Бог, — тут». Далее он провел две прямые: «Ислам ведет к Всевышнему так, православие — так. Пути разные, а цель одна, мы — братья...»

* * *

Летом 1953 года поседевшего Корнея за примерное поведение, по случаю большой амнистии, за 8 лет до окончания срока, освободили.

ПОИСКИ БЕЛОВОДЬЯ

Весть о том, что безбожники по ненамеренной подсказке Горбуна нашли богатую залежь самородного золота, сильно обеспокоила скитников.

— Не ровен час, нагрянут, да не трое, а поболее. Жить бок о бок со скоблеными да терпеть их безбожные порядки — невозможно помыслить! — Говорили они.

В умах старолюбцев ожила давняя мечта о легендарной стране Беловодии с мудрыми и благочестивыми наставниками, где пребывает без притеснений прародительская вера. Сколько уж поколений русских ищет ту обетованную землю, да никак не могут выйти на ее след. Искали и в Тибете и на Японских островах, но безрезультатно.

«А может эта приветливая потаенная страна где-то в наших глухотных крепях сокрыта?» Эта мысль все чаще и чаще посещала варлаамовцев.

— Табашники теперича нас в покое не оставят. Надо чтой-то делать. Вона, сколь раз на своих эропланах прилетали, не к добру то, — пробубнил на очередном соборе неугомонный дед Тихон.

— Верно говоришь! Может статься, что скоро жизни покойной конец придет. Надобно, пока не поздно, новое место для скита подыскивать, — поддержал его Дормидонт.

— Во-во! Небось, у них уж и слух по всей округе прошёл што тута богатые залежи злата. Как понаедут тыщи скобленых, такой шабаш устроят, што сами побежим отселя куда глаза глядят! — Осмелел, почувствовав поддержку, Тихон.

— А я не согласный! Оглянитесь вокруг! Где такую лепоту еще сыщешь? Может, именно здесь и есть та самая страна Беловодье, да мы о том не ведаем, — возразил не любивший перемен Матвей.

После бурных споров сошлись на том, что на всякий случай следует-таки отправить ходоков для поиска запасного пристанища.

— В какой стороне искать-то будем? — Сразу перешел к делу дед Тихон.

Вспомнив рассказы старушки-эвенкийки из стойбища жены, Елисей предложил идти на север. По преданиям, где-то там, за беловерхими хребтами, спрятаны Теплые горы, на которых земля даже зимой не замерзает. Шаманы на посещение тех мест запрет наложили, потому как там обитает могущественный Горный дух. Зашедшего к нему он лишает памяти и оставляет в тех горах. Со временем пленник обрастает шерстью и превращается в лесного зверя.

Демьян загорелся:

— Хорошо бы сыскать те палестины!

— Край тамошний, может, и зело теплый, но зачем нам добровольно в беспмятство впадать и обличье зверя принимать? Я не согласный. Надо в других местах искать, — опять заволновался Матвей.

— Так ведь Горный дух только над идолопоклонниками власть имеет, а мы, православные, под защитой Владыки нашего находимся. Молитвой и крестным знаменем от любых духов оборонимся, — успокоил Григорий.

— Давайте лучше построим большие лодки и на них через океан в Русскую Америку подадимся. Там, говорят, наш брат издавна хоронится. И воля там без притеснения, и земли богатые, — неожиданно предложил Дормидонт.

— Звучит заманчиво, но это не для нас. От родной земли негоже отрываться. Верно говорю? — обратился наставник к братии.

— Верно, верно, — поддержал собор.

В итоге предложение Елисея поискать Теплые горы на севере все же одобрили и, вдобавок, наметили еще маршрут на восток, в сторону Ламского моря, к местам, прежде не посещаемым. Определились и с ходоками. На Теплые горы назначили Елисея с Изосимом.

* * *

Хребет, преграждавший путь на север, был столь высок, что снежные пики, казалось, пронзают небосвод. На второй день пути дед с внуком, изрядно попотев, перевалили его по седловине меж двух плоских, словно срубленных вершин. С неё путникам открылся вид на бескрайнее нагромождение величественных отрогов, тянущихся с запада на восток. Самые высокие из них были припудрены снегом и исполосованы ребристой насечкой ледников. Небольшое голубое озерцо под путниками, выглядело игрушечным.

Горы! Красота, застывшая в камне! Казалось бы, нет в этих неприступных изломах, уступах, расщелинах никаких закономерностей и пропорций. Один хаос. Но каков хаос! Сколько в нем неукротимого величия и непостижимой гармонии. Среди всех земных красот, пожалуй, именно горы являют собой наивысшую степень совершенства творений Создателя!

— Где-то там Беловодье, — убежденно заявил вдруг Елисей. Отчего у него появилась такая уверенность, он и сам не знал.

Любовались скитники панорамой гор недолго. С востока надвигалась серая армада всклокоченных туч. Зацепившись за белоснежные пики, она замедлила движение и стала проседать. Вскоре все потонуло в холодном тумане. Путникам даже в оленьих душегрейках стало зябко. Спуск ко дну ущелья из-за коварной текучести курумника и почти нулевой видимости оказался опасней и утомительней подъема. Внизу тумана, к счастью, не было. Прыгая по выступающим из воды камням, скитники переправились через бурный поток, вырывающийся из-под тающих ледников и, блуждая по расщелинам, заваленным шершавыми зеленоватыми глыбами, стали искать удобный проход в очередной горной гряде. Она хоть и была заметно ниже оставшегося за спиной хребта, было очевидно, что одолеть её будет не просто: гряда являла собой почти отвесную стену.

Умаявшись, ходоки устроились отдохнуть среди огромных валунов, напоминающих семейство свернувшихся калачиком медведей. С боку одного из них они разглядели выдолбленные искусной рукой замысловатые узоры из спиралей и волнистых линий. Сплетаясь, они образовывали фигуру человека.

Вокруг более мелкие изображения птиц, оленей, медведя, рыб и лодок с людьми. Удивило изображение животных с длинным, до земли, носом. По самому верху тянулись какие-то непонятные знаки. На соседнем валуне — десятки изображений оленей. Почти все в стремительном беге. Пока дед с внуком увлеченно разглядывали все эти рисунки, из-за обломков скал выбежали бородатые крутороги и, с разбегу запрыгнув на высокий уступ, исчезли, словно растворились в гранитной стене. Вскарabкавшись следом, скитники обнаружили скрытую от взора узкую щель.

— Пошли, — скомандовал Елисей.

Первые сажень десять дались с трудом — больно тесным оказался проход. По клочьям шерсти, оставленным на щербатых выступах, было очевидно, что и баранам здесь непросто протискиваться. К счастью, дальше щель расширялась. Однако идти стало еще трудней — тропа круто устремилась вверх. Но не только её крутизна осложняла движение. Путников сильно напрягало то, что, отдаляясь от противоположной стены, тропа теперь как бы нависала над расширяющейся трещиной — оступишься и полетишь в пропасть. Тем не менее, еще до захода солнца им удалось добраться до перевальной седловины и спуститься на базальтовое плато, сплошь покрытое цирками. Оно было довольно ровным и упиралось в очередной поперечный хребет, тянувшийся, как и все остальные, с запада на восток. Переночевав у худосочного, из-за недостатка дров, костерка, разведчики пошли четко на север. Елисей с беспокойством поглядывал на медленно надвигающийся хребет. Он был иссечен рубцами и трещинами, забитыми в изголовье льдом, а водораздельный гребень представлял собой нагромождение шпилей самых неожиданных форм. С каждым часом приближаясь, стена росла и казалась все более неприступной.

Ночь провели у его подножия, на базальтом пяточке среди пружинистого ковра кедрового стланика. Благодаря безветрию от него исходил аромат молодой, густо настоенной хвои. Разглядывая утром возвышающуюся перед

ними серую стену, скитники задумались: удастся ли одолеть эту громаду, что ждет их за ней?

На каменных скатах угадывались набитые за многие века бараньи тропы. По некоторым и сейчас двигались табунки в десять-пятнадцать голов. Особенно эффектно выглядели их точеные фигурки на фоне синего неба.

Возле одинокой скалы-башни, используемой снежными баранами для отстоя, когда преследуют волки, заметили косматую глыбу — медведь! На этот раз настоящий. Люди затаились.

Зверь вразвалку прохаживался вокруг останца, деловито ворочая на плотной дерновине угловатые, облепленные клочьями серой шерсти, обломки. Там же белело несколько черепов. Один с великолепными, желтоватого цвета, спиралевидными рогами. Не найдя ничего съестного, медведь побрел было к хребту, но внезапно застыл взгорбленным изваянием. Неуловимо развернувшись, присел и крадучись застелился промеж камней. Несколько раз замирал и вдруг со скоростью молнии метнулся в сторону рыжеватой, от высушенной травы, кочки — из-за неё предательски торчали уши зайца.

Не желая тревожить хозяина округи, дед с внуком терпеливо дождались окончания трапезы и вышли из укрытия, лишь когда насытившийся зверь побрел к ручью на водопой.

Большинство расщелин у подножия хребта были завалены конусами осыпей, состоящих из угловатых камней. Взбираться по этим кучам было не просто, но опасно, поскольку некоторые камни лежали неустойчиво и порой пугающе покачивались под ногами. Худенький, ловкий Изосим, шедший все время за дедом, тут быстро обошел его. Елисею трудно было поспевать за внуком. В одном месте он не устоял на шатком обломке и, падая, угодил ногой в щель. Изосим обернулся на произвольный вскрик деда. Среди шершавых глыб виднелся лишь его картуз. Внук подскочил и помог освободить зажатую ногу.

— Больно?

— Терпимо. Зашиб малость... Вотру слюну, сотворю молитву, и пройдет.

И впрямь, после этих немудреных действий боль отпустила, но идти Елисей мог лишь опираясь на посох и плечо внука. Так они доковыляли до безветренного пяточка со студеным родничком, бьющим из-под скалы. Здесь и заночевали. Ступня к утру распухла и посинела. Было очевидно, что деду необходим покой.

— Пока я не ходячий, сходи, разведай, есть ли проход и что там дальше, — предложил он Изосиму, подбрасывая сухие ветки в огонь.

— А как ты?

— За меня не беспокойся. Воды хоть залейся, харчей в достатке — на дня три можешь смело рассчитывать... Иди, чего время терять. Токо гляди, поосторожней, без нужды не рискуй, — напутствовал он внука.

Пройдя между испятнанных лишайниками скал, Изосим направился к месту, куда стекались звериные тропы — неспроста ж они туда шли. Подойдя ближе, увидел под нависающим карнизом чернеющую полость. Из неё тянуло холодом. Вход в пещеру был наполовину завален шершавыми глыбами когда-то рухнувшего свода. В слабом свете угадывались сводчатые арки, уходящие в таинственный мрак. Изосим стал осторожно углубляться в черноту. Шаги и скрежет камней под ногами гулко отзывались в пустоте. Уже после первого поворота парнишке пришлось достать из котомки несколько завитков бересты, и, запалив один, насадить его на кованный кончик посоха.

Коридор привел в расширяющийся грот. С его свода свешивались матово поблёскивающие сталактиты. С самого длинного срывались капли. Справа у стены лежала, вперемежку с клочьями бурой шерсти, груда голых веток кедрового стланика — похоже медвежье лежбище.

За гротом коридор уходил вниз. Поскольку оставалось всего два берестяных свитка, Изосим собрался было повернуть обратно, но смутил забрезживший впереди свет. Паренек завел чадящий завиток за спину — точно там светлее! Пройдя еще немного, вышел из пещеры и оказался на каменистом

склоне, только с противоположной стороны кряжа. Перед ним простиралась котловина, со всех сторон окруженная горами. Их очертания искажались восходящими от земли испарениями. Котловина имела в поперечнике верст семь и рассекалось на зеленые ломти двумя извивистыми речушками, сбегавшими со склонов гор в озеро. Над ним клубился туман и был он почему-то красноватого цвета. На лугах, разделенных перелесками, россыпью зерен смотрелись табунки оленей, лосей. К местам их водопоя вели выбитые до земли тропы.

— Так вот какова она — запретная страна! — С восторгом прошептал парнишка.

КУПОЛ

Воспользовавшись одной из звериных троп (звери, похоже, часто пользуются этим проходом), Изосим довольно быстро спустился на дно котловины. Здесь силы вдруг покинули его — видимо, сказалось напряжение предыдущих дней. Толком даже не оглядевшись, он прилег на траву в тени березы.

Сквозь убаюкивающие волны дремы парнишка видел, что к нему идёт в окружении голубоватой дымки человек, как две капли воды похожий на него самого. От двойника исходило приятное тепло.

— Здравствуй, Изосим. Будем знакомы, я местный Горный Дух. Я отвечаю за здоровье этого края. Вы его называете «Сибирь».

Безостановочно крестясь и бормоча: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй мя грешного», — Изосим открыл глаза и сел.

Двойник не исчез. Он стоял в нескольких шагах и, не обращая внимания на испуг парнишки, продолжал говорить. При этом губы не шевелились.

— Не бойся, я тебе не причиню вреда. Обо мне рассказывают разные легенды. О том, что я лишаю людей памяти и превращаю в зверей, ты, наверное, слышал. На самом деле, это не так. Люди, заходившие сюда без пригла-

шения, теряют память помимо моей воли и после этого не могут найти дорогу обратно — так устроена защита Купола — моей обители. Ты же особый случай. Почему? Скоро узнаешь. С тобой ничего подобного не произойдет. Ты готов выслушать меня?

Изосим машинально кивнул.

— Я подвластен Главному Горному Духу, живущему на Тибете. Там находится пуповина Земли — место прямого общения с Творцом. Люди то место именуют Шамбалой. После каждого миллионного оборота Земли вокруг Солнца, то есть каждый миллион лет, мы собираемся у Главного Духа на Отчет и Наставление. Не удивляйся — да, каждый миллион лет! Дело в том, что мы с вами живем в разных масштабах Времени. Для вас миллион лет — вечность, а для нас — один Вселенский год.

Мир устроен так, что время течет для разных групп с разной скоростью. И только мы, Горные Духи, наделены Творцом способностью перестраивать эту скорость под свои нужды. Вот сейчас, чтобы общаться с тобой, мне пришлось увеличить ее в миллион раз. Не сделай я этого, мы не смогли бы слышать и видеть друг друга. Вы живете невероятно быстро — в одной минуте нашей жизни умещается два года вашей.

Кстати, человек в критических ситуациях тоже способен замедлять течение времени, правда, бессознательно. В таких случаях даже краткий миг растягивается до минут и человеческий мозг получает возможность пропускать через себя огромный объем информации. А вот ускорять течение времени люди не могут. Впрочем, если бы такой человек и появился, никто из вас и не заметил бы его существования — ваш глаз не в состоянии фиксировать подобные скорости. Кстати, это один из вариантов человека-невидимки...

Изосим, я понимаю, тебе сложно это сразу воспринять. Попробую объяснить на примере из вашей жизни. Как думаешь, почему в детстве время течет медленно, а к старости его бег катастрофически ускоряется? — тут видение сделал выжидательную паузу. — Не знаешь? Да потому, что происходящее в детстве — все вновь, все впервые. Благодаря этому объем усваиваемой

«чистым» мозгом новой информации за единицу времени несравненно больше, чем в старости, когда переполненный мозг начинает воспринимать информацию дозировано.

Короче говоря, время для человека — это те мгновения, которые остаются в памяти. Как думаешь, почему годы пролетают быстро, а дни тянутся медленно?

— Не знаю, — с трудом пролепетал Изосим.

— Это же так просто: то, что произошло недавно, помнишь в деталях, а то, что было год назад, уже стерлось — информации осталось крохи. Чем больше массив хранимой мозгом информации, тем длиннее жизнь. У человека, прожившего все годы на одном месте и занимавшегося одним и тем же делом, из-за малого объема накопленной информации жизнь (в его восприятии) значительно короче, чем у человека, который много ездил, много повидал, многое свершил... На сегодня, думаю, достаточно.

Изосим почувствовал лёгкий щёлчок в голове. Непроизвольно потеряв виски и глаза, он растерянно огляделся. Рядом никого. «Надо же такому присниться!», — удивлялся паренек, доставая из котомки мясо вяленого гуся — пора было подкрепиться. После сытной трапезы на него вновь навалилась дрема...

— Изосим! Это опять я. Если ты не против, продолжу. Слушай внимательно. Видя, что человечество встало на путь саморазрушения, Спаситель хочет явиться на землю для того, чтобы вновь смиренно принять на себя все грехи людские. И через свои страдания еще раз очистить людей от скверны, дать им силы для духовного возрождения. Задача трудная и только Сыну Бога посильная. Главный Горный Дух поручил мне охранять первозданную чистоту вверенной мне территории и особенно Впадины, ибо она избрана Иисусом Христом местом второго Пришествия. Особенно тщательно обязан следить за тем, чтобы селились в ней только верные последователи Сына Божьего, ибо им уготована важная миссия. О ней скажу позже.

Для её исполнения я переместил во Впадину общину Пещерного скита, но те стали слабеть в вере и допускать тяжкие прегрешения. Не вняли они и трем предостережениям. Пришлось отправить их на Суд Божий. Когда искал замену, обнаружил твоих предков, живших в Забайкальском скиту на самой окраине моей Территории. Пригляделся и уверовал — достойный народ. А чтобы побудить их к переселению, устроил стычку с казаками. Когда же и вы вдруг стали слабеть в вере, вызвал землетрясение, следом затоп. Ваш наставник Григорий — мудрый и сильный человек! Не за наказание их воспринял, а за испытания. Правда, твой отец своей нестойкостью к бесовским козням чуть было не лишил вас моей благосклонности. Но вы верно повели себя — изгнали отступника из общины.

Время возвращения Иисуса на Землю близко, а до того дня вам предстоит исполнить одно очень важное дело. Во Впадине, в пещерах, в Ларе хранится прядь Его волос. Только прикоснувшись к ней, бестелесный Христос обретет земную плоть. Место куда явится Сын Божий, вы увидите на Пластине. Она лежит в каменной нише рядом с Ларем. Вам надлежит тот Ларь с прядью перенести на указанное место. Если ко времени не поспеете, Сын Божий в этот цикл не сможет попасть на Землю. А следующая возможность появится лишь через две с лишним тысячи лет. Да, чуть не забыл, Пластину ту сохраните. Она впоследствии будет служить сначала вам, а потом всему человечеству источником неискажённой правды о мире.

Ну вот, Изосим, всё, что я должен был тебе сказать — сказал. Теперь только от тебя зависит исполнение возложенной на вашу общину миссии. Не подведи! Трудно будет — помогу.

Когда скитник вновь открыл глаза, ему показалось, что окружавший его лес прибрел необычный красноватый цвет. В голове же творился полный сумбур: он уже запутался, что ему снится, а что вправду происходит.

Паренек огляделся. Красные волны исходили от зелёного купола, находящегося в полуверсте от него. Изливаясь из его макушки, они устремлялись к склонам кратера и, отразившись от них, побледневшей волной возвраща-

лись обратно. Насыщаясь, красная мгла запульсировала длинными, яркими лучами, переплетающимися в затейливые узоры. Из мест их пересечений во все стороны разбегались трепещущие струйки помельче. Вскоре Изосима обвили тысячи светящихся лент, нитей. Они бесшумно стекали по одежде, лизали руки, лицо, волосы. Свечение усиливалось, и вскоре все пространство запылало многоструйным пурпурным огнем. Казалось, будто все вокруг раскалилось до предела, а прикоснешься — нет, холодное. Струющаяся мгла настолько сгустилась, что невозможно стало различить деревья, стоящие в пяти шагах. На землю ступишь — вспыхивает четкий светящийся след.

Ошеломлённый Изосим побрел, не понимая, куда и зачем. Ему уже казалось, что он не идет, а плывет в громадном котле, наполненном чьей-то кровью. Скитник не ведал, что приближается к высокому обрыву. Сделав роковой шаг, полетел вниз...

Очнулся на косе из крупного галечника. Над речушкой висел белесый пласт тумана. Послышался приближающийся скрежет окатышей под ногами кого-то тяжелого, мощного. Вскоре проступили мутные силуэты лосихи с лосенком. На лежащего человека они не обратили внимания. Прошли мимо так, словно лежало не живое существо, а валёжина, каких полно в лесу.

С плеском зайдя в речушку, животные долго и шумно цедили воду. Затем, взойдя на противоположный берег, скрылись в молочной завесе.

Изосим растер ушибленные о камни ноги, бока, размял суставы и поднялся.

«Как я здесь оказался? Красное свечение возникло когда лежал под березой, — вспоминал он. — Если там заснул, то как попал сюда?»

Размышляя так, парнишка взобрался на береговую террасу и совсем близко увидел зелёную сферу.

«Какая гладкая!»

Паренек протянул руку, чтобы пощупать ее, но упёрся в невидимую стену. До Купола был один шаг, но сделать его он не мог — «стена» не пускала.

Изосим вернулся на косу. Солнце уже иссушило туман. Вокруг царила такая безмятежность, а с неба лился такой лучезарный свет, что скитник невольно подумал:

«Господи, лепота-то какая! Оказывается, и в самом деле существуют места благостней нашей Впадины. Эх, деда нет! Он бы враз определил, Беловодье это али нет. Ежели Беловодье, то-то радости будет!»

— Ты прав, лучшего места для жизни не сыскать, но до исполнения миссии тебе и вашей общине нельзя покидать Впадину, — услышал он знакомый голос. — Тебе следовало прийти сюда, чтобы получить канал доступа ко мне на случай крайней необходимости. Для этого дарую тебе способность видеть и чувствовать скрытое от других. Таких людей у вас именуют пророками.

Немного помолчав, Горный Дух продолжил:

— Как ты знаешь, Господь наделяет в людских душах при рождении милосердием, целомудрием, чистотой помыслов. Чем светлее мысли и чувства людей, тем мощней поле добра, любви в обществе. Но диавол не дремлет. К сожалению, людей, чья совесть отравлена жаждой к накопительству, алчностью, завистью, злобой, становится все больше.

Зная, что человечество встало на путь саморазрушения, Спаситель хочет явиться на землю для того, чтобы вновь смиренно принять на себя все грехи людские. И через свои страдания еще раз очистить людей от скверны, дать им силы для духовного возрождения. Задача трудная и только Сыну Бога powerful. Если мы не поможем Ему вернуться, то гибель цивилизации неминуема.

«Об этом наставник нам каждодневно в проповедях поминает!» — Пронеслось в голове у Изосима.

— Тебя не испугала красная мгла? Это я, на всякий случай, почистил окрестности от бесов, которые могли проникнуть сюда по твоим следам, и тебя тоже почистил. Красный свет подавляет все греховное. В других местах я не могу чистить, а здесь удастся, за счет энергии, накопленной Куполом.

— Вам миллионы лет. Значит, вы зрели сотворение гор. Их так много и все разные. Так хочется знать, как они появились, расскажите.

— Да, людской век столь краток, что вы не можете видеть, как возникают и исчезают огромные горные системы. Они ведь тоже живые, как и все на этой земле. Для вас горы незыблемы. Мы же наблюдаем перемены в них так же, как вы восход солнца или полет облаков.

Ведь земной покров находится в постоянном движении. Континенты — это, как гигантские льдины, плавающие по воде. При столкновениях на них возникают бугристые складки и шрамы — это один тип гор. Второй тип образуется при выбросе Землей внутренних отходов через жерла вулканов.

Но и горы не вечны. Одни, дряхлея, рассыпаются в песок, другие уходят под воду, с любопытством выглядывая скалистыми островками, потом тонут целиком.

Кстати, на моей Территории горы растут и поныне. Каньоны становятся все глубже, а вершины все выше и круче. Их «мускулатура» наливается гранитной мощью, становясь все тверже и прочней.

— А зачем Землю поделили на Территории и на каждой свой наместник? Неужто могущественный Главный Дух не в состоянии сам управлять земным хозяйством?

— Все имеет предел. Река когда-то должна впасть в океан. Дождь не может лить бесконечно. Звери метят границы своих владений и следят, чтоб чужак не нарушал их. Иначе нельзя, так устроен мир. Потому и Создатель разделил Землю на Территории. И это очень мудро — так за хозяйством легче присматривать.

— Если все имеет свои пределы, выходит и добро должно иметь предел?

— Конечно, ибо выходя из своих пределов, добро перерождается в зло. Не веришь? Вот, к примеру, родители, желая тебе добра, делают всю работу по хозяйству сами. И что в итоге? Ты вырастешь лентяем и неумехой. Это добро, перешедшее для тебя во зло.

— Наш наставник в проповеди о добре говорил, что иной человек, сделав добро, в ответ ждет благодарности. И это уже не добро, а корысть.

— Разумеется! Добро надо делать просто так, естественно, как дыхание. Ведь Господь не требует за воздух, которым мы дышим всю жизнь, благодарности и любви. Так и мы не должны требовать ее за творимые нами добрые дела. Та радость, что получаешь, творя добро, уже награда.

— А зло имеет предел?

— Имеет, но у зла предел иной. Достигнув его, оно превращается, к сожалению, не в добро, а в свою крайнюю степень — Конец Света. Наша общая задача не допустить этого.

После этих слов веки скитника опять сомкнулись от навалившейся тяжести.

Проснулся Изосим отдохнувшим и посвежевшим. Открыв глаза, очень удивился тому, что над ним по-прежнему сияет солнце. Он так и не понял, сколько проспал: час ли два, или целые сутки, а может и больше.

От всего услышанного и увиденного паренёк испытывал двойственные чувства. Если посетившие его необычные видения всего лишь сновидения, то для чего они ему были ниспосланы? Если же это явь, то как исполнить полученные указания? Неужто, и в самом деле — на него возложена особая Миссия! Скорей к деду, вот обрадуется! Эта мысль настолько окрылила Изосима, что он не взошел, а буквально взлетел на хребет, прыгая, дабы сократить дорогу к пещере, прямо по макушкам валунов.

Вскоре он с удивлением стал замечать, что приобрел способность осязать не только новые запахи, но и понимать смысл доносившихся со всех сторон звуков. Парнишка даже струхнул, но вспомнив сказанное Горным Духом, успокоился: так и должно было быть.

Елисей встретил внука совершенно здоровым.

— Спаси Христос, радость моя. Я, кажись, чуток вздремнул. А ты что, не ходил за хребет?

— Ты чего, деда?! — Оторопел Изосим, в голове которого опять закрутились вопросы: «Что это было — сон или явь?» — Сходил и, как видишь, вернулся... Там такого повидал и наслушался — не поверишь!

— Мудрено глаголешь. Говори толком.

Изосим подробно поведал о видениях, о Горном Духе, красном свечении.

Выслушав, дед заволновался:

— То диавол тебя дурманил. Он с бесами на заманки горазд. А как войдут в доверительное расположение, так через искуc в грех введёт. Вона, как твоего отца ловко спеленали. Вернемся в скит — Григорию обо всем поведаешь. Он быстро рассудит.

До Впадины ходоки по разведанной дороге дошли споро — в два дня уложились. Когда до скита оставалось версты две ходу, поднялся сильный ветер. Тайга пугливо ежилась от его мощных порывов. Даже скалы вздрагивали под их натиском. В его повторяющемся вое Изосиму слышалось одно и то же — «Бедная Впадина, несчастный Елисей! ...Бедная Впадина!»

Встревоженный Изосим поделился с дедом:

— В вое ветра мне послышалось, будто что-то нехорошее случится с тобой во Впадине.

— Видать, диавол и впрямь помутил твой разум. Как ветер может говорить? Не вздумай молвить кому! Потешаться начнут — рехнулся, мол.

В скит зашли в темноте. Наставника, на ночь глядя, не стали беспокоить. «Доложимся с утраца», — решил Елисей. Обмывшись после долгой дороги при свете волчьего солнышка в речке, легли спать.

ИЗВЕРЖЕНИЕ

На рассвете скитники ощутили неясное подрагивание почвы.

— Неужто опять землетряска?

Наблюдательная Дарья первой заметила, что из пещеры на вершине горы Шишка, где когда-то жил Горбун, бьет, как из под тяжелой крышки котла, струя сизого дыма. Вдруг на глазах скитников макушка горы вспучилась, покрылась трещинами и, разваливаясь на куски, взлетела в воздух. Окрестности вздрогнули от громopodobного гула. Повалившие клубы черного дыма снизу отсвечивали красным. На Впадину посыпался град каменных бомб и комья раскаленной лавы. Воздух наполнился тошнотворными запахами, а по склону горы, выжигая все на своем пути, пополз огненный поток. Достигнув горного озера, он стал со змеиным шипением срывать в воду тягучими шматками. Водоём скрылся в гигантских клубах пара.

— Сатана содержимое преисподни на нас изрыгает. Все как в священном писании. Неужто конец света? — В ужасе прошептала Дарья.

— Не каркай, — одернул снوخу Елисей, и, сердито глянув на Изосима, сказал: — Пойду к наставнику — дело-то, похоже, не шуточное. А ты пока на подворье будь — камни все ближе падают. Поглядывай, кабы не запылило чего. Ведра наполни и держи наизготовку.

В это время потрянуло так, что земля под ногами заходила ходуном. Елисей перекрестился и припустил к дому Григория. Но не успел он пересечь проулок, как услышал нарастающий свист.

В это же время Изосим почувствовал, что деду грозит опасность. В три прыжка нагнав, он резко дернул его на себя. Правую руку Елисея обожгло, раздался глухой стук, и рядом с его ногами ударила в землю раскаленная «бомба». Кровь, хлынувшая из ободранной до кости руки, обливая упавший камень, зашипела, как на раскаленной плите.

Побелевший Елисей пробормотал:

— То моя смерть была.

Только теперь дед почувствовал боль и стиснул пальцами руку выше локтя. Пульсирующие струйки крови ослабли. Подбежали Демьян, Петр. Они усадили соседа на лавку. Дарья сдернула с веревки сушившуюся простыню.

Перетянули руку, залепили рану комком голубой глины и замотали полотняной лентой. Пересиливая боль, дед сказал внуку:

— Бегом к Григорию, Расскажи про свои видения, без утайки. Похоже неспроста они.

Наставник с братией стояли посреди двора и, с беспокойством поглядывая на разбушевавшуюся Шишку, — решали, как быть. Увидев Изосима в рубахе с пятнами крови, Григорий встревожился:

— Что случилось?

— Слава Богу, пронесло — деда чуть не прибила каменная градина. По руке полоснуло так, что мясо срезало.

— Скажи, что скоро буду.

— Деда велел мне безотлагательно важное сказать наедине.

— погоди, сынок, — ответил наставник и, пересиливая гул извержения, прокричал так, чтобы все слышали: — Братья, каленые камни и сюда уж долетают. Надо срочно всех баб с детьми отправить к плотине — там безопасно. А самим у домов караулить! Как что упадет с Шишки, так сразу с водой туда. Давайте, действуйте!

Григорий повернулся к Изосиму:

— Так что у тебя, говори.

Выслушав сбивчивый рассказ, наставник сухо произнес:

— Мудреная история. Больше похожа на сказку, чем на правду. Пошли к деду.

Парнишка и сам сомневался — похоже, и впрямь вся эта чужь ему во сне привиделась. Больно уж неправдоподобны все эти странные беседы и происшествия. Хотя, как же тогда объяснить, то, что он стал слышать голос ветра? Но спорить не стал — пока лучше помалкивать, а то, чего доброго, и впрямь блаженным сочтут. Горный Дух говорил, что вулкан — это чирей, через который гной из Земли выходит. Получается, что Впадина сейчас очищается. Может, это подготовка к приходу Мессии?

Как только Изосиму пришла эта мысль, так он сразу уверовал, что явившийся Дух не наваждение, что все, что он говорил — правда.

Извержение продолжалось, то стихая, то возобновляясь, весь день.

Ночь прошла более спокойно. Возникающие местами пожары гасила гроза. Удивительно было видеть, как навстречу слепящим зигзагам молний из горы вылетают раскаленные докрасна камни.

К утру вулкан присмирел и Изосим решил посмотреть, что происходит на обезглавленной Шишке. Братишка Паша втихаря покрался следом. Почувствовав его присутствие, Изосим строго крикнул прячущемуся за кустом сорванцу:

— Вертайся домой!

Паренек, понуря голову, послушно повернулся, а Изосим зашагал дальше. Когда одолел полпути, вновь возникло ощущение, что брат где-то рядом. Точно, вон выглядывает из-за камня. Хотел отругать неслуха, но в его взгляде было столько жалостливой мольбы, что обречённо махнул — «иди уж», а про себя с гордостью отметил: «нашенская порода».

Усталый остывшими «бомбами» склон усечённой Шишки, покрывали желтоватые трещины, из которых сочился, пахнувший протухшими яйцами, газ.

Чем ближе братья подходили к кромке горы, тем горячее становилась почва под ногами и шире трещины. В глубине некоторых угадывалось красноватое мерцание. По дну ложбины, с того места, где прежде находился вход в пещеру Горбуна, с потрескиванием, напоминающим удары крупных капель дождя по листьям деревьев, медленно «текла» к Глухоманке огнедышащая, тестообразная масса.

Картина жутковатая, но ребята, пересилив страх, беспрестанно крестясь и бормоча «Господи, помилуй», продолжали отважно подниматься к истоку лавы. Жар становился все нестерпимее, ступни ног горели. Ну вот и верхняя кромка. С неё, наконец, увидели кратер, до краёв заполненный расплавленной массой. Тягуче набухая, она периодически исторгала огненные струи.

Часть быстро твердеющих в воздухе «плевков» падало на склон горы, но уже не так далеко, как вчера. Переполнявшая чрево лава, стекая по ложбине, медленно ползла через уже заполненное застывшей массой озеро, мимо сгоревшей часовни, к Глухоманке. Там поток исчезал в клубах дыма от горящих деревьев и густого пара. То, что озеро исчезло, расстроило братьев больше всего — прежде они ловили в нем жирных, крупных сигов.

Паша вцепился в пояс Изосима и взирал на огнедышащий провал широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Не бойся. Это гнойник — так Земля очищает себя от скопившейся гадости, — объяснил Изосим. — Давай спустимся к Глухоманке, посмотрим, что там творится.

Сойдя в ложбину, они пошли по ходу движения потрескивающей массы. Остывая, она покрывалась коркой, рассеченной подвижными разрывами, мерцающими переменчивым красноватым светом. И чем дальше лава удалялась от своего истока, тем темнее становились черно-бурые разводья, разделенные пунцовыми швами.

Вдруг Паша закачался, как пьяный, и повалился на землю. Изосим тоже почувствовал небольшое головокружение и тошноту. Ввалив братишку на спину, он побежал подальше от удушающих испарений-выбросов. Достигнув травянистой террасы, и сам упал без сознания...

Очнулся оттого, что рвало. После «очистки» сразу стало легче и Изосим попытался привести в чувство лежащего рядом Пашу, но тот уже не подавал признаков жизни.

— Дух, родненький, помоги, братишка умирает! — Прокричал он, повернув голову к синеющим хребтам.

— Ты сам все можешь! — Ответил кто-то внутри него. — Успокойся и слушай свой внутренний голос.

Изосим так хотел, чтобы брат задышал, что, набрав полные легкие воздуха, принялся, что было сил вдвухать его Паше в рот. Вдувал, вдувал без усталости, но безрезультатно. Не желая мириться с очевидным, он решил выда-

вить из него воздух и опять вдуть, для чего резко надавил на грудь раз, другой... Вдруг Паша шевельнулся и, слава тебе, Господи! — судорожно вздохнул. Его тоже вырвало. Через некоторое время он, с помощью Изосима, сел и доверчиво прижался к нему. Слезы счастья катились по их чумазым лицам...

После этого Изосим несколько раз водил на Шишку желающих посмотреть на преисподнюю. Кратер вулкана теперь чуть курился. Из застывающей лавы лишь посередке пробивались бесовские язычки «пламени».

Взрослые, удостоверившись, что «бомбы» более не летят, к вулкану и окаменевшей реке проявляли чисто хозяйственный интерес. Их огорчало то, что из Глухоманки, где потеплела вода, ушла рыба: хариус забился в холодные боковые ключи, а таймень вообще исчез. Зато утки и гуси, когда пришла осень, и не подумали улетать. Так и остались в зиму — вода не замерзала, и они легко доставали корм со дна мелководных заводей.

Григорий, поначалу весьма смущенный раскрытием врат преисподни, или, как он по-ученому выражался — «извержением вулкана», со временем тоже успокоился и перестал с тревогой поглядывать на чающую Шишку.

Еще одну пользу от появления вулкана выявили уже зимой: снег на его теплых склонах надолго не задерживался, а после рождества Христова стала всходить молодая трава. В том числе всеми любимая черемша. Особенно по нраву пришлось это оленям. В самую снежную пору, когда трудней всего копытить корм, Шишку покрыли тучные стада.

— Гляди-кась, сколь их набежало! Кабы земля не провалилась от эдакой прорвы, — ворчал довольный Демьян, главный добытчик мяса.

ПЕЩЕРНИКИ

Лайки в скиту появились давно. Елисей, живя у эвенков, так приохотился к ним, что женившись на Оксиктокан, крещеной Ольгой, выпросил у Агирчи несколько щенков. С той поры собаки в скиту не переводились.

Самая многочисленная свора была у Демьяна. Его собаки были настолько преданны ему, что каждая была готова не раздумывая, пожертвовать жизнью не только ради хозяина, но и всего, что имело к нему отношение.

Однако истинная любовь всегда ревнива. Поэтому псы не выносили, страдали если хозяин слишком долго возился с другими собаками. Стараясь привлечь внимание к себе, они принимались безостановочно лаять: «Гав, гав-гав! Хозяин, я, я самый верный друг! Я здесь!»

На ночь все собаки скита собирались в одну стаю возле ворот, справедливо полагая, что их главная обязанность — бдительная охрана входа в скит и, если они пропустят чужака, то могущественные, милующие и наказывающие хозяева перестанут их кормить и ласкать.

По только им известной очередности, они неожиданно убегали в тайгу и так же неожиданно возвращались. Уходили, как правило, втроем, вчетвером: в компании веселее и ловчее гонять зверя. Подобные вылазки у псов были особенно популярны во время линьки гусей — в эту пору их ватаги пировали в прибрежных зарослях, не зная меры.

Назревающее извержение собаки чуяли и выли всю ночь. А когда оно началось, ушли вместе с детьми и женщинами на рыбацкий стан у плотины. По возвращении, кто на третий, а кто на четвертый день, отправились, как обычно, добывать мясо. Вместе с дружкой Рыжим умчался и крепконогий Вольный. Они оба обожали гонять косых, но не столько из-за вкусного мяса, сколько ради удовольствия от самого процесса гона.

Больше всего длинноухих водилось возле Пещер, куда сами скитники никогда не ходили. Забравшись в осинник, густо разросшийся после подъема воды в Глухоманке, лайки зацедили воздух, сортируя запахи, доносимые ветром и идущие от земли. Зайцами пахло отовсюду, но надо было выловить самый свежий и осторожно двигаться по пойманной струе к нему навстречу.

«А это что за звери?» — Насторожились собаки. В сумрачном проеме одной из пещер шевелились два высоких беловатых силуэта.

«Да это ж люди. Только раздетые», — смекнул Вольный и взглядом приказал Рыжему замереть. Притаившись, они стали наблюдать за чужаками. По тому, что на людях не было одежды, собаки догадались, что те после бани. Стоят, отдыхают. Но почему от них так сильно пахнет потом?

Люди тем временем исчезли во мраке пещеры.

Собаки сразу утратили к ним интерес и вернулись к любимому занятию: Вольный поднимал зайца и гнал лаем по кругу, а Рыжий атаковал из засады. Добыв двух косых, лайки успокоились и, отдышавшись, принялись, довольно повизгивая, лакомиться у проема пещеры: из нее тянуло освежающей прохладой.

Опять показались голые люди. Разглядев собак, они стали что-то ласково говорить им. Вольный не понимал смысла слов, но собачьим умом чувствовал — чужаки не опасны. Самый высокий подошёл к ним и протянул руку, чтобы погладить. Вольный не возражал. Подставив загривок, он замер и вскоре даже заскулил от удовольствия. Пес обожал такие мгновения, когда пальцы человека касались его шерсти, приятно массировали мускулы, а голос ворковал что-то нежное. Не часто выпадало ему подобное собачье счастье.

Тут уж не устоял, подбежал и расхрабрившийся Рыжий — тоже любитель поласкаться. Люди вскоре вновь скрылись в чреве пещеры, а собаки, поддремав, поднялись в скалы, надеясь поугатать снежных баранов. На иное рассчитывать не приходилось — больно ловкие твари. Только один раз им удалось добыть ягненка. «Помнишь, какое вкусное было у него мясо?!» — Провизжал Рыжий. От этого напоминания пасть Вольного залило слюной, хотя совсем недавно до отвала поел зайчатины.

Пробежав без толку по каменистым скатам, друзья спустились к гроту, втайне надеясь еще раз получить порцию ласк от голых людей. Те как будто поджидали их и обрадовано загалдели.

«Какие-то они странные. Двигаются осторожно, разговаривают между собой шепотом, только к ним, собакам, обращаются нормальным голосом. Зато как приятны их холодные пальцы», — на ходу обменивались впечатлениями собаки, подбегая к незнакомцам.

Развалившись на спине и раскинув лапы, они наслаждались ласками новых знакомых.

Самый высокий, почесав Вольного под мышками, приподнял его голову и одел что-то на шею. Еще раз погладил и, слегка подтолкнув, отчётливо произнес знакомое Вольному слово: «Домой!»

* * *

Напевая стихиры, Анфиса достирывала на деревянных мостках вымоченное в щелоке белье: била небольшим валиком до тех пор, пока с него не начинала бежать чистая вода. В это время на берег выбежала неразлучная парочка лаек и затрусил к воротам. Увидев хозяйскую дочь, Вольный свернул и, подбежав, лизнул языком ее лицо. Когда облепленный репейниками пес попытался сделать это еще раз, девушка заметила, как у того что-то блеснуло в шерсти на шее.

— Пстой, пстой! Что это к тебе там пристало?

Она притянула собаку и увидела золотой крест на цепочке.

— Вот те на! И тебя окрестили!

Анфиса рассказала о находке матери. Та мужу. Вскоре община загудела.

— Что за святотатство! Кто посмел такое? — Негодовали скитники, но ни один не признал креста своим. Все в один голос утверждали: «Не нашенского скита крест, хотя и староверский».

Наконец, Демьян сообразил: поднес крест к носу Вольного и повелительно скомандовал: «След, Вольный! След!»

Умная лайка сразу поняла, что от нее требуют, и, отряхнувшись, понеслась, радостно взлаивая, в сторону Пещер. Демьян едва поспевал за ней. Со-

бака бежала, то и дело оглядываясь — ведь за людьми надо присматривать: они так плохо слышат и видят.

Изосим, уловив прозвучавший в голове зов, сообразил, что приближается момент, о котором предупреждал Сибирич, и кинулся вдогонку.

Совершенно загнанный ходкой собакой Демьян скомандовал «Стоять» и сел у тропы отдышаться. Вольный заскулил, словно хотел сказать «Вставай, уже совсем близко», и подбежал к входу пещеры.

Глядя в ее зев, он кому-то приветственно залаял. Демьян повернул голову, а увидев в черном проеме белых призраков, размахивающих руками, потерял сознание.

Спешивший следом Изосим, вслушиваясь в голос собаки, отметил, что характер лая переменился. Он извещал: «Нашел, я нашел!» Парнишка кинулся прямо на лай. Вольный стоял в полутьме пещеры в окружении голых, с кожей молочного цвета, мужчин. На груди каждого висели крест и камень. Увидев Изосима, Вольный пролаял: «Вот они».

Пещерники по шуму шагов определили, что к ним идет человек. Яркое свечение, исходившее от него, свидетельствовало, что человек этот особенный. Высокий, видимо, старший из них, сотворив уставные метания, поздоровался:

— Спаси Бог и помилуй. Мил человек, ты кто и откуда?

Говорил обнаженный неразборчиво, шамкая беззубой прорезью, но Изосим все понял.

— И вас спаси Бог и помилуй! Изосим — из Варлаамовского скита, что у Водопадов, — представился он.

— Нам такой неведом. Про дальние скиты за Синими горами слышали от родителей, а про ваш нет. Он старой веры али нового порядка?

— Тута все старой веры.

— Слава Богу, стало быть, одноверцы. А мы пещерники. Наши предки заселились сюда, по воле Божьей, более ста лет назад.

— Ежели вы старой веры, отчего скобленные?

— Нам нечего скоблить. У дедов, говорят, прежде были волосы. Потом выпали, а у нас и вовсе не растут.

«Правдив был Горный Дух в своих откровениях», — подумал Изосим, а вслух сказал:

— Мы полагали, что ваша община вся вымерла, ан нет, слава Богу, живы.

— Что с самой общиной нам неведомо. Мы ведь внуки тех, кого завалило на грибных полях в нижнем ярусе. Деды постепенно обвыклись жить в темноте, а нам иная жизнь и неведома. Только из устных преданий знаем, что за каменными стенами светло и просторно. В пещерах нам хватает света от лучистых камешков, которых много в нашей подземной речке. Мы их на груди носим. По ним друг друга издали узнаем.

— А мне дед сказывал, что когда они во Впадину пришли, ваш Пещерный скит уже безлюден был. Вроде как зараза смертная всех извела.

— Может, так оно и было. Мы о том не ведаем.

— Отчего ж вы раньше не выходили, маялись во тьме?

— Не по своей-то воле. Когда переход на верхний ярус завалило, наши прародители, да и мы сами прощупали каждую нишу, каждый отвод. Всё выход искали, да ни единой щелки не обнаружили. А недавно земля затряслась, и свершилось чудо — трещина по стене пошла. Из нее живым воздухом засквозило. Когда она расширилась, смогли протиснуться.

— И что, все эти годы голышом жили?

— В пещере тепло. Это у вас, старики сказывали, бывает так холодно, что даже вода каменеет.

— А питались-то чем?

— В основном грибами — растим в помете летучих мышей. И рыбой — по речке она два раза в год проходит. Если рыбы мало, мышей промышляем. Еще едим глину. Она — главное лакомство. Особенно любят дети. Лижут часами — до того хороша. Да, забыл представиться — Мефодий... Изосим, у нас к тебе большая просьба. Мы сами не можем выходить на свет, да и не ви-

дим почти. Отец мне перед смертью наказал, что коли Бог случай предоставит, сообщить одноверцам о том, что наверху, где-то над нами есть особенное зеркало — Пластиной называется. Ежели в левое углубление той Пластины вложить камень, напитанный чудоподобным светом, она явит откровение. А коли в правое — возникнут живые картины. Камень тот хранится в Дальнем скиту, что за Синим хребтом.

У Изосима от этих слов сердце екнуло, он радостно воскликнул:

— Да это ж волшебный агат, что у нашего наставника под образами на полке лежит. Его мой тятя сыскал в брошенном скиту, как раз за Синими горами.

— Вот и славно, коли так. Теперь, даст Бог, все сладится, Пластину бы токо найти — облегченно выдохнул Мефодий и присел на камень. Переведя дух, спохватился:

— Изосим, сходи к товарищу, он где-то на тропе лежит. Сотвори моление, разбуди от сна нечаянного.

Демьян очнулся при первых же словах молитвы. Внимательно выслушав рассказ парнишки, улыбнулся:

— Вот те клюква! Я-то, дуралей, их за призраков принял. Верно говорят, «у страха глаза велики». Пойдем, тоже хочу спознаться.

С любопытством оглядев нагих, безволосых людей, сидящих в сумраке пещеры, Демьян деловито осведомился:

— И много вас тут?

Пещерники стали что-то бубнить.

— Изосим, не разберу, че они лопочут?

— Говорят, что ты хороший человек. Их тут одиннадцать мужнего полу и девять женского, да малых десять. Почему-то одни мальчонки родились, ни одной девочки. В тревоге — рожать-то кому?

— Спасибо, братцы, за доброе слово, а кому рожать у нас найдется. Изосим, давай, пока солнце не закатилось, полазим по пещерам. Вона их тут

сколь. Когда еще все осмотрим. Даст Бог, повезет, и ту смотрильную Пластину отыщем.

Как промолвил Демьян эти слова, так какая-то сила мягко, но ощутимо, почти толкая, повлекла Изосима к одному из зияющих на склоне лазов. Перекрестясь, зашли в сумрачную прохладу. Каменный пол покрывал толстый слой высохшего помета и костей, среди которых выделялись громадные спирали рогов снежного барана. Глубже по стенам висели вниз головой гроздьями летучие мыши. С каждым шагом становилось все темней. Вокруг шуршали кожистые крылья потревоженных летунов. Демьян остановился:

— Ничего не видно. Надо вернуться, настрогать лучин.

Но Изосим не слышал — его тянуло вперед, словно магнитом. Демьян, потерявший напарника из виду, окликал его, но тот, будто глухой, шел и шел, не останавливаясь, пока не очутился в небольшом сухом гроте. Несмотря на окружающую тьму, он разглядел у стен каменные изваяния, искусно вытесанные мастером. Среди них выделялся бородатый старец, похоже, Николай Чудотворец. По этим прекрасным статуям можно было понять, о чем тосковал, что любил безвестный ваятель.

Между ними в просторной, вырубленной в виде арки нише, стояла тисненая по окладу, точь-в-точь, как на обложках старопечатных книг, древняя чудотворная икона Божьей Матери «Всех скорбящих Радость». Гармоничность удлиненных, пластичных фигур святых на заднем плане, среди которых в центре стоял Спас Нерукотворный на Убресе, любимец беспоповцев, создавала ощущение умиротворяющего покоя.

Рядом лежала серебристая пластина толщиной с вершок и размером полсажени на четверть*. Осторожно подняв ее, Изосим увидел в углублении под ней прозрачный, словно из родникового льда, небольшой Ларь, внутри которого светилась прядь волос.

Потрясённый скитник пал на колени:

— Свершилось! Прости, Господи милосердный, за сомнения и неверие!

Со слезами умиления на глазах он воздел руки и запел молитву во славу Христа Спасителя. Бьющая через край любовь к Сыну Бога заполнила все его существо.

Изосим понимал, что касаться Ларя без наставника и старцев общины не позволительно. Он положил пластину на место и повернул обратно.

На его лицо, по всей видимости, легла особая печать святости, потому как Демьян, увидев его, почтительно склонил голову. Вернувшись к ожидавшим их в полутьме грота единоверцам, скитники обрадовали их вестью, что Пластина с Ларем в целостности и сохранности пребывают в гроте.

Пещерники восхитились быстротой поиска.

— Не моя то заслуга — провидение вело, — признался Изосим.

— Теперь надобно, не мешкая, обо всем наставнику поведать, а там, как он скажет. Полагаю, скоро вернемся со старцами, — важно добавил Демьян.

Григорий, выслушав взволнованный рассказ Демьяна, велел Ефимье позвать Изосима. Когда юноша вошел, он положил ему на голову тяжелую руку и проникновенно молвил:

— Прости за неверие. Изначально знал, что общине нашей уготована особая роль — об этом говорили все предвестники, но не ожидал, что выбор падет на столь молодого отрока.

Изосим смущенно потупил взор. Выйдя во двор, паренек почувствовал в груди прилив какой-то новой силы и пошел по проулку степенной походкой взрослого человека.

ЛАРЬ

На крестный ход отправились все обитатели скита, взяли даже младенцев. Люди испытывали великую радость: выходит, не зря их деды и отцы, столько страданий и испытаний стерпев, добирались сюда. Души скитников

воспаряли от сознания, что они причастны к столь важному, спасительному для человечества делу.

Облачались в наилучшее, праздничное. Осматривая, справно ли одеты ее дети, Дарья достала один из дедовских поясков, тканый в елочку, и повязала его Изосиму так, чтобы висящие сбоку кисти оказались на уровне колен.

— Ты уже совсем взрослый, без внешнего пояса не пристало ходить.

Женщины надели вынутые на свет из бабкиных сундуков прародительские штопаные-перештопаные льняные рубахи небесной синевы с тугим сборчатым воротом, сверху сарафаны — в виде безрукавного платья, обшитые красным орнаментом и опять же традиционные тканые пояски. Поверх сарафана безрукавка на ляжках. На головы водрузили кто многослойную шашмуру¹, кто кокошники из бархата, с жесткой основой (у кого что сохранилось), на шею — бусы. Девицы шли без платков, с косой, заплетенной прядями вверх. Мужики в светлых, с красным узорчатым шитьем по груди, косоворотках навывпуск, с цветными поясками и в темно-синих в полоску штанах. В руках каждого лестовки. Лица торжественны, глаза сияют.

Возглавлял шествие седовласый Григорий. За ним следовал Демьян со знаменитой, сотни лет всеми христианами почитаемой, чудом сохраненной и дошедшей до края земли Российской в своем первоизданном виде, иконой «Умягчение Злых Сердец»². На сумрачной, темно-коричневого тона доске с двойной опушкой — узорочьем по полям, одухотворенный и смиренный лик Богородицы, при кажущейся простоте и лаконичности извода источал необыкновенное смирение, спокойствие и нежность.

Рядом Елисей с Уставом общины — толстенным фолиантом в кожаном, окованном медью переплете. За ними остальная братия, жены и дети.

¹ Шашмура (шамшура) — женский праздничный чепчик.

² Икона Богородицы «Умягчение Злых Сердец» в народе называется «Семистрельной», так как Богородица держит семь стрел (семь смертных грехов), направленных в её сердце. Так она отводит зло и грехи на себя, спасая нас.

Всю дорогу до пещерного скита пели духовные песни, в том числе полюбившиеся, Дарьей писанные:

*Молодец ото сна подымается,
Утренней росой умывается,
Белым полотном утирается,
На восток Богу молится...
Не огонь горит, не смола кипит,
А горит-кипит ретиво сердце от веры.
Веры праведной...*

Запалив факелы, в пещеру вошли четверо: Григорий, Елисей, Демьян и Изосим. Увидев суровые каменные лики и чудотворную икону Божьей Матери «Всех скорбящих Радость», вошедшие непроизвольно пали на колени. Наставник прерывающимся от волнения голосом испросил у Господа дозволения взять в руки найденные Изосимом святыни, и скитники с трепетом вынесли их на свет Божий. Торжественная процессия двинулась вниз.

Мужики сняли лосиные ичиги и шли босиком, не чуя под собой ни острых камней, ни зубастых сучьев. Они шествовали за наставником, прижимавшим к груди драгоценный Ларь с локоном Христа, распевая псалом в Его честь. Пластину нес Елисей, икону — Демьян.

Пещерники поджидали их в сумраке грота. Мефодий, прикрыв срамное место домотканой холстиной, данной кем-то из скитников, стоял уже совсем близко к выходу, остальные смутно белели в глубине: им, еще не привычным к свету, выходить было опасно.

Григорий осенил всех крестным знаменем, и, повернувшись к пещерникам, произнес:

— Велика радость зреть вас, братья. Вы своим долготерпением совершили настоящий подвиг веры. Благодарствуем вам и милости просим в наш скит на общинное житье.

Поклонившись в пояс, наставник добавил:

— Одежду справим, избы пособим срубить. А коли хотите и далее жить сами по себе — воля ваша.

Один из пещерников, по виду самый старей, ответил, заметно растягивая слова:

— На-а-ам бы о-о-о-бвы-ык-нуть-ся-я-я к све-е-е-туу, ааа та-а-ам и-и ре-е-е-ши-им. До-о-оз-во-оль свя-я-я-той о-о-о-тец при-и-ико-ос-ну-у-уть-ся-я-я к Ла-а-а-рю-ю с вла-а-са-а-ми Хри-ис-т-а-а и-и к Ли-и-ку-у Бо-о-о-го-о-о-ро-оди-и-цы-ы.

Григорий кивнул. Старик на коленях подполз к святыням и припал поочередно к прозрачной крышке ларя и к иконе губами. Когда он поднял голову, его лицо сияло от счастья:

— Братцы, чудо! Чудо свершилось! Я прозрел! Хвала Спасителю нашему и Богородице Деве! — Воскликнул он. На этот раз совершенно отчетливо.

— Чудо еще и в том, что Ларь сей и икону на свет Божий мы вынесли точно в день праздника иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость»¹! Зрю я в том перст Божий. Воистину, сегодняшний день — радость великая для нас! — Торжественно возгласил наставник.

Ларь с прядью волос Христа поставили перед божницей в красном углу в доме Григория. Скитники по-одному подходили, с благоговением молились и прикладывались к хранилищу святыни и чудотворной иконе. Уходили одухотворенными, со светлой радостью в глазах. Хворые исцелялись, всем пещерникам вернулось нормальное зрение.

Через три дня и стар, и млад собрались у наставника. Долго пели благодарственные стихиры и, наконец, в полной тишине наставник приблизился к Пластине, тщательно протер ее и вставил в углубление гладкий, как речной окатыш, агат. Пластина замерцала, и на ней проступили слова: «Братья и сестры! Сын Божий избрал местом второго Пришествия вашу Впадину. От-

¹ Общепринятая дата празднования иконы — 6 ноября, но некоторые списки с нею имеют свои дни празднования. В данном случае — это 17 июля.

сюда Он начнет духовное исцеление человечества. Вам надлежит установить Ларь на вершине скалы, что среди озера».

Неожиданная избранность всех взбудоражила и воодушевила. Казалось, что они и не ходят теперь, а летают над землей, такой благодатью были переполнены их сердца.

Люди в праздничных одеждах гуляли семьями по украшенным зелеными ветками проулкам, обнимались друг с другом, ликовались и все никак не могли поверить, что то, чего ждали веками все верующие, произойдет, и не где-то, а в их, затерянной в таежной глуши, Впадине.

В воскресенье Ларь всем миром перенесли и установили на островке, на самой вершине скалы. По ночам, в любую погоду, над скалой теперь стояло серебристое свечение. С того дня на большое моление стали собираться на берегу озера. Радостные волнения постепенно улеглись, и жизнь в скиту вернулась в свое обычное, полное забот русло.

* * *

Икона Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» и Пластина остались в доме наставника. В старину в иных дощаных иконах делали тайнички. Зная об этом, Григорий со старцами внимательно осмотрели, прощупали доску.

И не зря, с тыльной стороны, под слоем потемневшей олифы, обнаружили искусно замаскированную крышечку. Под ней лежали плотно сложенные бумаги: план пещерного скита и несколько листков, на которых кто-то слабеющей рукой описал кратко жизнь общины, заключив свое повествование словами: «Пагубная страсть к рыжью первым поразила достопочтенного наставника. Следом сим недугом захворали остальные, все поголовно. Забыв Бога, мы, как оглашенные, только и делали, что собирали презренный металл, плавил его и отливали слитки, состязаясь, у кого тяжелее. Господь не стерпел столь скорой и поголовной уступчивости сатанинскому искусству и покарал нас за корыстливую слабость неизлечимой хворью. Все уже помер-

ли. Остался я один. Ежели кто найдет, Христа ради, погребите похристиански».

«Верно сказано — тайное неизбежно найдет способ проявиться», — подумал Григорий, а вслух молвил:

— Просьбу усопшего надобно исполнить.

— Опасно, зараза в тех пещерах таится. О том еще схимник в забайкальском скиту предупреждал, — напомнил дед Тихон.

— Так та хворь и по Южным скитам прошла. А я самолично с Корнеем и Ефимьей погребли всех умерших, и ничего, слава Господу нашему, — живы. Богоугодные дела не наказуемы.

— Однакось, на всякий случай, тех, кто семя уже посеял, снарядить надо.

— Справедливо говоришь, Тихон, — одобрил наставник. — Отправим тех, у кого дети уже выросли...

На плане скита были нанесены залы, гроты, подписано их назначение. Отмечен и грот, где нашли Ларь. А в конце самого длинного коридора стояло три крестика с надписями «Завет», «Архив», «Ключ». Григорий сразу вспомнил про тетрадь Горбуна, которую они с Елисеем не так давно смотрели. На следующий день, после утренней службы, Григорий попросил Елисея прийти к нему с той тетрадью. Разложив её, стал сравнивать.

— Глядикась, совпадает с тем, что у Горбуна. Погоди, погоди, давай-ка глянем, что у него там написано... Ага, вот: «Ларь» и все. Остальное, похоже, разведать не успел... Позови Изосима и Демьяна, — велел он Ефимии.

Те явились быстро. Наставник рассказал про находку.

— Поищите, что еще схоронено там, где меты стоят, да без огласки пока.

Довольные тем, что им вновь оказано доверие, скитники ушли и уже на следующий день принесли наставнику три увесистых черных «кирпича» из грота, отмеченного как «Завет». Внутри как будто что-то, то ли шевелилось, то ли переливалось. Все грани были гладкими. Не было на них ни замка, ни

отверстий, ни ручки. Долго вертел, щупал, нажимая разные точки на «кирпичах», Григорий, но так и не смог открыть и заглянуть внутрь.

— Видно, время не поспело, на то он и «Завет», — философски заключил он, — пусть лежат, дожидаются своего часа. Чует сердце, все это понадобится, когда наша жизнь повсеместно на правду повернет.

* * *

Пещерников приодели и всем миром принялись отстраивать для них дома. Сами они не умели плотничать, посему по-первости работали на подхвате. Но, быстро постигая это непривычное дело, вскоре уже и сами во всю махали топорами. К зиме все перебрались в выстроенные для них избы. Но свою мать-кормилицу Грибницу пещерники не бросали. Поочереди ходили, ухаживали за ней и приносили грибы мешками. Они по-прежнему оставались основой их питания. Постепенно и многие варлаамовцы к ним привадились.

Диковатые дети пещерников поначалу держались наособицу, но мало-помалу включались в игры и занятия скитской детворы. Вместе ходили в школу. Сообща бегали купаться, собирали малину, смородину, голубику, позже брусену, клюкву. К осени все передружились.

Старших пещерников особенно радовало то, что у их пацанов полезли зубы, и они уже не шепелявили при разговоре. А два вошедших в возраст парня сосватали скитских сударушек. После того, как монастырские забрали четверых, это было весьма кстати и обрадовало варлаамовцев более всего — наконец-то и к ним свежая кровь прибыла.

По завершении каждой седмицы, вечером, скитники рассаживались летом у молельного дома, а зимой набивались в натопленную горницу наставника. Григорий ставил на амвон Пластину, вкладывал в правое гнездо голубой, с кругами жемчужного цвета, агат, и все замирали: перед ними и вокруг них возникали диковинные видения, каждый раз новые.

Вот и сегодня, сначала замерцал, как при северном сиянии, воздух перед Пластиной. Мерцание быстро ширилось, местами сгущалось, заполняло про-

странство перед ними, и вскоре скитники оказались среди незнакомых людей. Те ходили, разговаривали между собой, не обращая на сидевших никакого внимания. В первый раз Елисей даже не стерпел — подошел к одному из мужиков в оленьей куртке и поздоровался. Тот и бровью не повел. Сообразив, что перед ним бестелесные люди, Елисей успокоился.

На некоторых картинках местность была знакома, но в большинстве — новая. Наставник, потихоньку вращая агат в гнезде, менял созерцаемые края.

А при самом первом «включении» сразу после установки агата в гнездо скитники увидели свою Впадину, пещеры на склоне горы. Потом показались бородатые люди в длинных одеяниях — они несли в пещеру Ларь, икону...

После исполнения возложенной на него миссии, у Изосима возникло непреодолимое желание уйти в монастырь. Оно крепло с каждым днём. Не в силах более сдерживать его, он обратился к наставнику:

— Помните, отец Григорий, я рассказывал вам про Горного Духа. Теперь и вы знаете, что, то было правдивое откровение. А ныне, мне тот же голос говорит, что в скиту я боле не надобен, что в монастыре мое место и там мне надлежит служить Отцу нашему.

Наставник и сам в последнее время замечал, что Изосима что-то гнетет. Вроде, как и прежде, исполнял все работы, помогал деду и матери, но видно было, что душа его томится.

«Пожалуй, лучше отпустить. Лешак-Алексий совсем старый — не сегодня-завтра покинет мир. Кто станет настоятелем? Изосим же отмечен небесами. В монастыре ему самое место», — размышлял наставник, ласково глядя на возмужавшего воспитанника.

— Обетованная жизнь не только во Впадине должна быть — ей следует шириться и быть повсеместно. Ступай, и неси слово Божье и Его благословение монастырской братии. А мы молиться будем, чтобы ты им ко двору пришёлся, — произнес дрогнувшим голосом Григорий.

Они обнялись: молодой и старый, но оба наставники. Старец это уже знал откуда-то. Как знал и то, что Великому Наставнику сейчас дал он благословение...

В монастыре Изосим принял обет послушания, постригся в монашество и посвятил дальнейшую жизнь благоговейному служению Богу. В новом сане инок наречен был Андрианом.

Вскорости Господь прибрал отца Алексия и по предложению инока Макария, временно исполнявшего его обязанности, в настоятели монастыря избрали Изосима — отца Андриана, совершившего уже немало чудодеей — все его провидческие высказывания и предупреждения сбывались с точностью необыкновенной.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРНЕЯ

Отбывая срок, Корней часто мысленно представлял, как, вернувшись в скит и пав на колени, будет вымаливать прощение у Даренки и братии до тех пор, пока не получит его.

И вот уже наяву, как пчела, переполненная нектаром, возвращается в родной улей, так и он, переполненный надеждами, возвращается по амнистии летом 1953 года домой.

Но чем дальше удалялся Корней от лагерных ворот, с ладным деревянным чемоданом в руках — подарком Шамиля, тем тревожнее становилось ему. Вспоминая незыблемость и строгость установленных в общине порядков, Корней с каждой верстой все яснее осознавал, сколь наивными были его мечты. В голове замечались разные варианты куда еще податься, но все они неизменно замыкались на Впадине.

«Дерево пересаживают, пока оно молодое. Старое на новом месте не укореняется. Будь что будет — поеду к своим. Коли не примут, Впадина велика — и для меня уголок найдется», — определился, в конце концов, он.

На все том же, ничуть не изменившемся пароходике, все с тем же, правда, теперь одноруким капитаном, стоящим на мостике во все той же, уже совсем выцветшей фуражке, надвинутой на красное с седой щетиной лицо, Корней добрался до Сухой Глухоманки. Капитан признал его и высадил прямо на месте оголившегося устья. Осмотревшись, Корней с отвращением вспомнил, как ручным барашком бегал здесь за околдовавшей его Светланой. Где был тогда его разум? Почему спала совесть? Как мог он отринуть веру? Не устоял перед первым же искушением. Ничего не скажешь, красавицей Светлана была редкостной, да красота-то дьявольская. Столько бед принесла... За то, похоже, и мучилась перед смертью... А он не только Даренку, семью, общину потерял...

После двух переходов с ночевкой у костерка, Корней поднялся на плотину, перегородившую речку в давние и счастливые для него времена, и пошел по много раз хоженной тропе. Неизъяснимо родным, теплым повеяло на Корнея от этих мест. Целую вечность, а если быть точным, двенадцать с хвостиком лет, он жил вдали от любимой Впадины и жутко истосковался по ней. Бросилось в глаза то, что лес сильно изменился, а вот тропа была той же, что и прежде. Тени береговых деревьев причудливо колебались на речной ряби. От чего казалось, что они не стоят, а вместе с ним дружно шагают к поселению.

Послышались звонкие мальчишеские голоса. Притаившись за буреломным отвалом, Корней переждал, пока пройдет шумная ватага. У каждого на груди висел плетеный из крапивы кошель. «За кореньями, на Медвежью гриву», — догадался он.

«От этой приметной излучины до скита, с родительским домом, две версты», — прикинул Корней. Пора было принимать решение, куда идти? «А может, все же в скит?» — засомневался он. Но в памяти тут же всплыли слова отца: «Как смел поганить своими стопами нашу землю? Будь ты проклят! Прочь с глаз моих!» От этого воспоминания на душе стало ещё горше и мутней. Но винить некого. Сам виноват в том, что теперь не может зайти в

отчий дом, обнять своих близких. А ведь было время, когда в скиту каждый готов был отдать ему, если потребуется, последнее.

Размышляя так, он и не заметил как ноги сами собой сошли с тропы и понесли через лес к хижине деда Никодима. Увидев ее сквозь деревья, остановился, обрадованный:

«А что? Здесь рос, здесь и помру. Место удобное. Авось, когда-нибудь прощение вымолю. Коль не простят — так хоть рядом с дедовой обителью в землю лягу. Подремонтирую и заживу», — решил Корней.

* * *

К хижине подходил медленно. Каждый шаг открывал знакомые с малых лет картины. Взбудораженная память услужливо воскрешала события из прошлой, счастливой жизни. Какое славное было время!

Лужайка перед входом заросла деревцами. Чуть обветшавшая без хозяйского присмотра, с прохудившейся крышей, зимушка даже сейчас, спустя многие годы хранила тепло святости Никодима. От неё и у самого путника на душе потеплело, посветлело. Корней с трепетом отворил дверь, огляделся. Все стояло на своих местах, как прежде, только книг не было — перенесли в скит.

Мало-мальски обустроившись, Корней отчетливо осознал, что вынужденное затворничество, это как раз то, что ему сейчас необходимо: оно было ступенью на пути возвращения к себе.

«Кто спешит — тот не зрит», — вспомнил он любимое выражение отца Иллариона и подумал: «Жизнь прекрасна, несмотря на ее трагичность. Важно жить в ладу с собой... Эх, кабы повернуть время вспять...»

Бродя по лесу, Корней то и дело призывно высвистывал Рыжика — все надеялся увидеть его, но, похоже, что встреча возле лагеря злополучной экспедиции была для них последней. И не мудрено — Рыжику уже тогда перевалило за тридцать лет — почтенный возраст для беркута.

Рядом с избушкой жил ворон. Неожиданно для Корнея они подружились. Поначалу новосел каждый день просто вслушивался в скрипучие крики птицы. Через какое-то время он стал различать по характеру звуков и тембровым оттенкам заложенный в них смысл. Проверая свои ощущения, Корней попытался, копируя птичью «речь», общаться с говорливым соседом. И ворон, судя по всему, понимал его. Настал день, когда зоркий Карлуша, обозревавший окрестности с макушки кедра, завидев отшельника, слетел с дерева и, доверчиво сев на плечо, поприветствовал способного ученика: «Корр! Корр!»

* * *

Лето хирело. От солнца теперь было больше света, чем тепла. Ветер каждый день срывал и кружил в холодеющем воздухе несчетное число разноцветных листьев. По утрам они громко хрустели под ногами. Легкий морозец залатал ледком лужи. Выпавший снег поставил жирную белую точку на цветистом празднике жизни. Только тут спохватились лиственницы: в несколько дней отгорев оранжевыми факелами, обнажились и встали в строй уже неузнаваемо черными.

Когда метели, налетавшие одна за другой, злобно царапали мерзлыми когтями по стенам избушки, либо когда окрестности вдруг заливало волной чудовищного холода, и начинали раскатисто стрелять, лопающиеся в тисках стужи, стволы деревьев, а углы сруба изнутри покрывались густым инеем, на душе Корнея становилось особенно тоскливо: он один-одинешенек, а в скиту столько одноверцев, у них общие заботы, моления, песнопения, а главное, всегда есть с кем поговорить и отвести душу...

В дни, когда вихрастый ветер, забираясь в трубу, выдувал из печи клубы серого пепла, Корней из хижины не выходил — упаси бог, вылетит из очага искра и запалит зимушку. Единственный, кто поддерживал его в эту пору — весело потрескивающий в печи огонь. Он, особенно если на плите тонко посыпывал чайник, приглушал чувство одиночества, и у Корнея возникало ощущение, будто в избушке их двое.

И в сильные морозы хижину Корней покидал редко, а если и выбирался, то недалеко — мерз. меховые чулки и рукавицы из заячьих шкурок он смастерил, а вот с верхней одеждой была проблема — оленей добыть никак не удавалось. Донашивал старье.

Однажды ему послышалось, что кто-то скребет порог. Приоткрыл дверь. В избушку ввалилось морозное облако, и вместе с ним юркнуло под нары что-то длинное, гибкое. Заглянув под настил, разглядел за оставшейся еще от деда Никодима пудовой веригой¹ выдру.

Поздней осенью эту искусную рыбачку он частенько видел на ключе: округлая голова то и дело мелькала в чёрных промоинах. Интересно, что заставило ее прийти в гости? Причина должна быть серьезной, коль преодолела природную осторожность.

Корней принес с лабаза и положил под нары мороженого харюзенка, а сам, чтобы не беспокоить гостью, сел пить чай. Под лежанкой вскоре захрустело, и через некоторое время показалась седоусая голова, следом всё туловище. Выдра не мигая, уставилась на человека. В глазах читалась какая-то просьба. Приглядевшись, Корней понял, в чем причина необычной смелости гостью: из спины торчала огромная заноза. Потрогал — сидит глубоко и крепко.

Одной рукой он прижал зверя к полу, а второй стал вытягивать занозу. Выдра напряглась от боли.

— Умница, умница, потерпи еще чуть-чуть...

Заноза — целая щепка — наконец-то сдвинулась и вышла.

— Вот и все. Теперь лежи в тепле, погрейся.

Через пару часов речная красавица подошла к двери и встала, толкая ее передними лапами.

¹ Вериги — тяжёлые железные пояса с крестом и саженными цепями, железные подошвы или головные колпаки — всё это предназначалось для смирения плоти. Носили их, как правило, монахи и юродивые, с тем чтобы через телесный подвиг самим познать страдания, мучения за веру, через которые прошли Христос и первые христиане.

— Ну, ступай! Еже ли что, заходи.

После этой «операции» следы выдры долго не попадались. Наверное, промышляла в другом ключе, либо отлеживалась в норе, и Корней несказанно обрадовался, когда, наконец, увидел рыбачку, сидящую на краю промоины прямо напротив хижины. За ней начиналась глубокая яма, полная зимующих хариусов и ленков.

Сделав изящный разворот, выдра блеснула дугой мускулистого туловища, покрытого искрящейся, коричневого цвета, шубкой, и беззвучно скрылась в свинцовой от холода воде. Вынырнула уже со сверкающим хариусом в зубах. Оставляя в снегу глубокие парные следы, подбежала к Корнею и положила к его ногам трепещущую радугу. Отшельник ласково погладил «рыбачку» по спине. Выдра как будто улыбнулась и запрыгала обратно в родную стихию.

В углублении под корягой у нее была столовая. Вскоре ловкая добытчица сама трапезничала в ней.

С того дня они встречались регулярно. Выдра оказалась необыкновенно ласковым и привязчивым существом. Поначалу она скреблась в дверь хижины только в дни, когда мороз крепчал так, что при дыхании, казалось, глотаешь куски льда, и внутри все станет. А прочувствовав преимущества жизни в человеческой «норе», перебралась к нему, выбегая лишь поохотиться в зимовальной яме. Корней соорудил ей под нарами из длинных прядей лишайника теплое гнездо. Но с первыми оттепелями рыбачка опять перешла на студеный ключ и только приветственно посвистывала, когда проплывала или проносилась мерными прыжками-дугами по берегу мимо приятеля. Иногда вдруг подбегала, тыкалась лбом в ноги до тех пор, пока Корней не погладит, не поерошит её густую, с блестящей сединкой, шубку. Получив желанную порцию ласки, продолжала свой путь.

* * *

В скиту довольно быстро стало известно, что в хижине Никодима поселился изгнанный из общины Корней — дым из трубы не утаишь! Матвей, видевший приятеля издали, сообщил, что черноголовый стал белоголовым, а в остальном такой же, как и прежде, крепкий на вид мужик. Скитники возмущались бесстыдству изгоя и стали обходить то место стороной.

Озорники-мальчишки как-то подкрались к хижине и, открыв дверь, бросили в нее пчелиный рой. Разъяренные пчелы накинулись на Корнея, дремавшего на лежанке. Он заметался в поисках укрытия. Ладно, быстро сообразил — выбежал на берег и прямо в одежде сиганул в воду. Но с десятков пчел все же успели впрыснуть в него свой яд. Потеряв врага из виду, рой, собравшись вокруг молодой матки, повис живой гроздью, тягуче гудя, на ветке дерева.

Корней утихомирил их дымом от гнилушек и аккуратно стряхнул в берестяной короб. Прикрыв его куском дерюжки, ночь продержал в холодке. А с утра отнес к дуплистому кедру и пересадил рой в сухое убежище. Так, благодаря недружественной выходке скитской ребятни, было положено начало корнеевской пасеке.

* * *

Время, сплетаясь из дней в месяцы, летело неудержимо. Корней не заметил, как миновало второе лето, и подкралась осень. Над Впадиной пролетали тысячи уток и гусей. Временами небо буквально серело от несчётных стай, а воздух наполнялся волнующим шумом от свиста крыльев и крика птиц. Иногда пролетали почти с человеческим плачем клиновидные стаи лебедей. Но чаще они летели молча, втроем или вчетвером — каждое семейство отдельно.

В стало хорошо подмораживать. И хотя оголенный лес беспрепятственно пропускал лучи припавшего к горизонту солнца, они уже с трудом согревали мириады жизней затаившихся в вызревших за лето семенах и плодах. В озябшей тайге запахло зимой. Того и гляди, ляжет снег. В эту самую пору

Корней отважился на встречу с Дарьей. Долго ловил он момент, чтобы застать ее одну. Наконец повезло. Она собирала клюкву на болоте, тихонько напевая чистым и приятным, не тронутым временем, голосом что-то из обычного. Вокруг никого. Корней осторожно приблизился.

«Раздобрела», — отметил он и, перехваченным от волнения голосом, произнес:

— Здравствуй, Даша!

Жена обернулась и от неожиданности побледнела. Но быстро взяла себя в руки и строго предупредила:

— Не подходи — людей кликну.

Корней, по-собачьи заглядывая ей в глаза, охрипло выдавил:

— Даша, выслушай, Христа ради... Бог свидетель, наказан за свои преступления сполна, прости, Христа ради. — И упал на колени.

— Уходи, не о чем нам говорить! — Ответила она, выбегая на тропу.

Корней догнал, перегородил дорогу:

— Постой, неужто все хорошее, что было промеж нас, забыто? Мы же так счастливо жили.

— Верно, было время — жили счастливо. Видит Бог, любила тебя. Ты был для меня всем. Я верила в тебя. Верила и ждала, даже когда узнала, что ты уплыл на пароходе. Думала, что есть причина, о которой мы еще не ведаем. Кабы ты, когда сызнова во Впадину с нехристями заявился, пришел, покаялся, я, быть может, смогла бы простить, принять тебя. Но, когда Изосим увидел, как эта блудница ласкает тебя, а ты, довольный, лобызаешься — все в душе перевернулось. Ты сам любовь растоптал. Горше обиды не получала. — Ее голос дрогнул. — Это уже не ослепившая на время кобеля страсть, минутная слабость — это твой выбор! Не понимала, за что такое предательство? Перебрала всю нашу жизнь — все вроде ладно, полюбовно. Выходит, ты все время обманывал, не любил. Как увидел крашеную куклу, так и ослеп, — она невольно рубанула рукой. — Ни к чему теперь ворошить! За столько лет душа давно отболела, — смахнув навернувшуюся слезу, уже тверже

спросила: — Неужто она лучше и красивше? Так я тоже, вроде, не крива! И деток тебе не она, а я народила!

— Дарьюшка, я все объясню. Поверь, мне нет жизни без тебя. Прости, Христа ради.

— Не надо, Корней, не пытайся ужалобить. Все давно перегорело и выстыло. Не осталось на сердце ничего... Пусто. Слишком поздно пришел раздувать угли. Они стлели — остался лишь пепел, да и тот остыл. Ты мне теперь чужой.

— Даренка, я только тебя люблю. Поверь, диавол попутал, присушила городская ведьмица. Все эти годы, замаливая свой грех, о тебе только мечтал и думал.

— Пустое все это. Раньше надо было думать... Я не смогу забыть предательство. Не стереги больше, не то отцу скажу.

Корней обхватил ее ноги.

— Прояви милость, прости! Прости! — Хрипел он, иступленно целуя ичиги жены.

Дарья оттолкнула мужа и, спотыкаясь, побежала в скит.

* * *

Григорий имел привычку после утренней молитвы прогуливаться в кедровом бору по одному и тому же маршруту. Зная об этом, Корней дождался наставника и вышел ему навстречу.

— Не гони, отец Григорий. Сказать дозволю.

— Говори, — сухо ответил тот, сурово сдвинув брови.

— Тяжко мне без Дарьюшки и вас всех. Наваждение тогда меня помutilo. Попал во власть нечисти. Не в разум, как такое случилось... Все двенадцать лет, что сидел в лагере, ежечасно думал о вас, молил Господа о милости. И сейчас готов к любой каре, лишь бы приняли обратно. Но не знаю, что еще сделать для искупления вины? Подскажи, ради Бога, яви божеску милость, — выпалил скороговоркой Корней, пристально вглядываясь в лицо

наставника, стараясь угадать его мысли. В надежде быть понятым, Корней стал торопливо и сбивчиво рассказывать о лагерной жизни.

Наставник, слушая вполуха, задумался: «Наказан отступник сполна за свои прегрешения. Надобно помочь», — а вслух сказал:

— Тебе перво-наперво необходимо очистить душу и плоть до невинности новорожденного семидневной молитвой. Освободишь душу — тогда поговорим... Мы-то, может, и простим, но за Дарью не ручаюсь.

— Отец Григорий, как же мне ее умилоствовать?

— Я все сказал. Семидневку, молясь с беспрестанными великими земными поклонами, отстоишь, поговорим. Сам наведуясь.

Всю седмицу, как велел наставник, простоял Корней, гласно вымаливая прощение у Бога. Обращаясь к Нему, он не просто произносил заученные с малых лет слова покаяния, — переполненный чувствами, входил в экстаз молитвенной импровизации. Такие, идущие от сердца, слова Господь, как известно, лучше слышит.

На третий день от земных метаний до крови стерлась кожа на коленях. Но Корней не чувствовал боли. Раскаяние и желание обрести, наконец, милость Божью — получить прощение общины — были столь велики, что отсеки у него в это время пальцы, он и не заметил бы. Его душа до того жаждала прощения, что возвысилась над плотью, как бы отделилась от нее.

Поскольку он все эти дни не ел, черты лица заострились, а глаза приобрели особый блеск, выделяющий людей, находящихся на грани между жизнью и смертью.

Григорий в назначенный срок не явился.

Корней сник: «Видно, грех столь велик, что семидневного моления не достаточно... Боже милостивый, всемогущий, есть ли такая кара, что очистит мою грешную душу?»

Отшельник решил надеть на себя Никодимову поясную веригу, и не прерывать земных поклонов и молитв до полного истомления плоти.

Наставник пришел на девятый день, по первому снегу. Увидев исхудавшего, посиневшего Корнея в вериге, воскликнул:

— Истязать плоть до такой степени неразумно. Вижу, и вправду созрел, всей душой страдаешь прощения. Потолкую с братией.

* * *

Дарья всегда была охоча до чтения книг. Перечитав те, что были у них в доме, стала брать их у наставника. Читала не торопясь, вдумчиво, если что не понимала, возвращалась по нескольку раз, пока не доходила до сути своим умом. Сегодня с утра она забежала, к Григорию чтобы вернуть очередную прочитанную книгу.

— Отец Григорий, что еще присоветуешь?

— Возьми «Житие и чудеса святого великомученика и целителя Пантелеймона», зело благая книга, — предложил наставник и, заметив, что Дарья торопится, не стал ее задерживать, а лишь сказал:

— Справишь дела, будь ласка, загляни.

Когда она пришла, Григорий сразу обозначил тему разговора:

— Я вот тут все размышлял... Что есть любовь? Думается мне, соединение мужской и женской плотей — не есть главное. Ты согласна?

Дарья молча кивнула.

— Мне представляется, — продолжал он, украдкой поглядывая и пытаясь уловить ее реакцию, — что любовь, это когда две души, две выбранные на небесах половинки, сливаются воедино. Когда такое случается, небеса радуются и ангела-охранителя приставляют, потому как демоны не дремлют и людей постоянно в искушение вводят. А уж праведников особенно старательно и упорно. Для их совращения к самым изощренным способам прибегают. Кто-то, случается, и оступает. Вот где надобна женская мудрость...

— Отец Григорий, что огороды городить, чую, виделся ты с Корнеем. Плакался, поди? Заступиться решил? Похоже, разжалобил он тебя... Как че-

ловек, я могла бы простить, но как женщина, как жена... Постарайся понять меня — за столько лет все выгорело. Да и как можно простить такое...

— Разумею... Но смотри, что получается? Человек, не имея надежды на прощение, еще сильнее колебаться начнет, а диавол — тут как тут, не выпустит такого. Потому, наверное, Бог и милосерден и прощает покаявшихся и искупивших грех. И нам пример с Него брать не зазорно, — увещевал Дарью наставник.

— Что ж тогда будет с нашей общиной, коли ввести такое правило: сотворивши смертный грех, покайся, и тебя простят? Потому и живем ладно, без перекогов, оттого что строго у нас. Диавол, может, и силен, но чем питается его сила? Нашими пороками! Не станет в людях пороку — не станет пищи диаволу. Пороки надо искоренять, а не потворствовать им.

Григорий, хотя и сам так думал, был ошарашен откровенным упреком Дарьи, однако виду не подал, а возразил спокойно:

— Но и добрых дел твой муж великое множество для общины сотворил.

— Разве не ты наставлял: «В малом слабину дашь, до большого греха дойдешь»?

— Дарья, мне отраднa такая крепость, но и Христос учит прощать. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». Корней давно раскаялся и, поверь мне, искренне раскаялся. Грех его велик, но он наказан так, что не приведи, Господи, такое кому изведать. Нам надобно протянуть ему руку. А любовь — это мудреная штука... Мне думается, что и тут допускается простить во имя ея же.

Женщина задумалась, теребя кончик платка и глядя под ноги. Наконец, подняла глаза:

— Но ведь и Христос учит, что простить — это забыть прегрешение, но это не значит, быть с тем человеком в прежних отношениях. Вот как бы ты сам поступил?

Наставник, машинально расправляя надвое широкую бороду, задумался, и лишь через минуту молвил:

— Знаешь, все же мягкое — сильнее твердого, вода — сильнее гор, любовь — сильнее ненависти. Оступиться каждый может. Прости Корнея всем сердцем, и он на всю жизнь твой весь, без остатка.

— То не оступка была! Он бесстыдно миловался даже здесь, подле скита — сраму-то сколько! Люди что скажут? — Чуть не плача, простонала Дарья.

— Прошу тебя, не торопись с решением, хорошенько обдумай. Обида ведь все равно, что волна — идет шумно, а утихнет — и нет ничего. В душе и сердце православного христианина не должно быть места злопамятству. Сей вредный порок разъедает душу, отвращает от нас милость Божию. Вспомни, что в проповеди Исаака говорится: «Люби грешника, но ненавидь дела его».

— Благодарю, батюшка, за мудрые советы... Трудно мне... Он опозорил нас перед всей общиной в открытую, а прощать втихаря? Пусть придет прежде и перед всеми повинится. Коли община простит, в дом впущу. Но сие не означает, что я согласна жить с ним как с мужем, — сказала Дарья напоследок.

Корней, завидев шагающего к его хижине хмурого наставника, похолодел: «Ужели отказ?!»

— Доброго тебе здоровья, отец Григорий! Благодарствую, что не отверг грешника, пришел!

— Господь в назначенное время наказует и милует. Будь завтра после вечери в скиту. Дарья сказала: как собор порешит — так и будет. Она подчинится, коли простят, примет в семью, но не мужем, а жильцом, — сказал Григорий, не глядя на Корнея.

Вечером ритмичный звук била — широкой деревянной доски, похожей на лопасть весла, по которой по велению наставника стучал берёзовой киянкой кто-нибудь из молодых, — собрал скитников на собор.

Начался он бурно. Более всех противился Елисей, отец Корнея.

— Зачем впустили отступника? Гнать кобеля блудного прочь! — Возмущенно гудел он.

— погоди, Елисей, дело давнее, давай все же выслушаем, — увещевали остальные.

Часть братии, особливо ровесники Корнея, высказались за то, чтобы принять в общину на полгода, а там понятно будет, каков он стал. И отца пытались к этому склонить. Но Елисей ни в какую не соглашался.

— Каменьями отступнику ребра пересчитать и гнать взащей. Нет ему места в общине коли сошёл с корня, откололся от наших устоев. — Требовал он.

Тут подал голос старец Тихон:

— Пущай встанет тот, кто сделал для общины боле Корнея... Нету! Да, помутила обманная краса его разум. Потерял мужик связь с ангелом-хранителем, не устоял перед искусом. Скверно то! Очень скверно! Но прошло с той поры, дай бог памяти, кажись, четырнадцать годков. Нахлебался, поди, он за енто время вдосталь! Пошто дале топить? Как нам можно верно рассудить, коли сами не испытали такого?

Собор притих.

— Пожалуй, Тихон прав. Дерево смотрят в плодах, а человека — в делах. Ваше молчание считаю тому подтверждением, — подытожил наставник. Давайте позовем и послушаем, что сам отступник скажет. Дарья сказала, что впустит Корнея в дом, только ежели он прилюдно повинится на соборе, и при всех испросит прощения у нее и брошенных им детей.

Войдя, Корней положил земной поклон иконам и три поясных братии. Все выжидающе примолкли.

— Поведай, как на духу, про свое грехопадение, — велел Григорий.

Корней подробно, без утайки, рассказал про постыдную слабость, про золото, про Чванова, про лагерь, заключив покаянную исповедь словами:

— Вина моя многопогрешительна, но без общины и семьи нет мне болей жизни. Покорно молю всех, особливо Дарью и чад своих, о прощении. Каюсь, слаб духом оказался... Смилуйтесь, не отвергайте!

— Ты, Корней, бросил не токо свою жену, Богом данную, но и детей малых без мужского пригляду оставил. Заботы по дому на старого отца переложил. Ладно, дед крепкий еще. С бабкой Ольгой внуков вынянчили, воспитали на загляденье. Помогли Дарье все сдюжить. Когда ты ушел, она ж на сносях была. Срамно, не по-мужски поступил, — пенял бывшему другу Матвей.

— Дьявол искусил, не устоял... помилуйте, Христа ради, — покаянно бормотал, пав на колени, Корней.

И тут, словно очнувшись от своих дум, опять заговорил дребезжащим голоском Тихон:

— Братья, так, ежели вдуматься, получается, што содеянное Корнеем для семьи зло обернулось для общины добром: отвел от нас скобленных. Табашники, прознав про злато и благостность Впадины, поселились бы тута. Что стало бы с нами и Ларем?

И вновь над собором повисла тишина. Все задумались — а ведь и вправду могла случиться непоправимая беда.

— Так что, братья, порешим? Прощаем?

— Спору нет, грешен, но и кару понес сполна. А проступком, выходит, и обществу помог.

— Да уж, неисповедимы дела Господни!

Выслушав всех, Григорий разомкнул кустистые брови и торжественно объявил приговор: «Корнея Елисеевича на сей раз прощаем, возвращаем в общину. На том свете с него за все спросится, не нам главный суд вершить».

Лицо Корнея озарила счастливая улыбка:

— До конца живота моего не позабуду милость вашу! Радением докажу преданность общине, — поклонился в пояс он.

Народ стал расходиться. У всех полегчало на душе. Что ни говори, свой же мужик — столько лет бок о бок ладно жили, сколько всего вместе выдюжили.

Дарья стояла возле дверей молельни в ожидании решения. Когда вышедший первым Григорий сообщил ей, что Корней прилюдно покался и миром прощен, на лице женщины не дрогнул ни один мускул, только глаза выдали будто придавленную радость:

— Я исполню волю собора, — тихо молвила она и пошла домой.

Следом неуверенно шагал Корней. У дверей в отеческий дом вдруг совсем оробел и встал, не смея переступить порог. Из избы волнующе пахло знакомыми с детства запахами.

— Чего уж, заходи, — сказала Дарья.

Войдя в кухонный угол, он присел на край лавки и с облегчением вдохнул присущий только этому дому тонкий, терпкий аромат смеси дыма и кисловатых шкур. Не таясь, вытер непроизвольно набежавшие слезы. Вспомнив, наконец, о подарке, достал из котомки тускло поблескивающую чудомашинку — мясорубку.

— Дарья, это тебе. Сама мясо мельчит на пельмени.

— Ну, спасибочки, выходит, что вроде как позаботился.

Зашла со двора смуглолицая мать. Постарела, одрябла, сгорбилась; натруженные руки в узловатой сетке синих вен — как ни крути, а бабья доля тяжелее мужской.

Жаром осыпало Корнеевы виски. Он рухнул ей в ноги:

— Прости, матушка, за позор. Боле не запятнаю вас.

Ольга перекрестила сына:

— И ты прости меня, что не смогла отвести порчу сатанинскую... Рубашу и штаны сыми, извонялись с поту. Постираю.

Тут, услышав голос бабани, из боковой комнатки, которую прежде они с Дарьей занимали, вышла младшая дочь, родившаяся, как он только что узнал, после его бегства. Девочка выделялась природной красотой и необычайной

одухотворенностью лица. Она во всем повторяла мать в молодости, даже улыбкой, игравшей на губах, но была более мягкой, утонченной.

— До чего пригожа! Точь-в-точь ты в девичестве, — невольно вырвалось у него.

Дарья враз просияла. Лена была ее любимицей, главной помощницей. Сыновья все в мужских делах, Изосим и вовсе который год, как ушел в монастырь. Потому жили они с дочкою, как две подружки, даже спали вместе.

Елена, действительно, была удивительным созданием. От нее исходил теплый свет. Добрая, проворная, веселая — что бы ни делала, она всегда пела. Ее нежный голосок приятно ласкал слух. Если она чего просила — ни в чем, ни от кого не ведала отказа: ее просьбы исполнялись незамедлительно.

Корней, обводя взглядом горницу и родных, произнес:

— Вы не ведаете, как мне хорошо! Лишь узнал, что прощен, воспарил в небеса и такую радость и благодать там вкусил — выразить невозможно. Только много страдавший может такое почувствовать.

Дарья, не дослушав, резко повернулась и вышла.

ПО СЛЕДАМ ПРОТОПОПА

Капитон — самый младший из семи детей Демьяна — рос, как все: помогал старшим по хозяйству, прилежно исполнял домашние обязанности. Вместе с тем, уже с малых лет он выделялся особым, трепетным, отношением ко всему, что касалось духовных дел. Еще в младенчестве удивлял тем, что его самый безутешный плач прекращался с первыми словами любой молитвы. Пока она длилась, дитё лежало, не шевелясь, с улыбкой на устах. В семье все знали про это его необыкновенное пристрастие и, услышав плач, сразу спешили утешить малыша распевным чтением псалмов.

Подрастая, на богослужениях и проповедях конопатый, худенький, точно былинка, мальчонка не сводил глаз с наставника, которого боготворил. А

как одолел азбуку, сразу пристрастился книги читать. Григорий, видя такое прилежание и рвение, стал дополнительно заниматься с ним.

За зиму, с быстротой, удивившей всех, прошли и часослов, и псалтырь. Наставник стал давать ему домой из соборной библиотеки читать жития святых и рассказы о подвигах великих пустынножителей. Что интересно, их, а тем паче Евангелие, или послания апостолов, мальчик читал всегда стоя. Вечером они обсуждали с отцом прочитанное, примеряя к общине. В этих беседах Капитон, как правило, не произносил ни одного пустого слова. Старательный малый помогал всем и каждому, а когда случалось, его обижали, он молился Богу за обидчиков.

Более всего кроткое сердце отрока взволновала история несгибаемого протопопа Аввакума, авторитетнейшего учителя старообрядцев. Придя как-то к наставнику, Капитон с волнением спросил:

— Деда Григорий, как вы понимаете, стерпимы ли простому человеку те муки, что выдержал благочестивый Аввакум в огне за веру?

— Во-первых, ударение в его имени не на третьем, а на втором слоге, — поправил наставник мальчика. — Во-вторых, если говорить о сути вопроса, полагаю, что муки человек в пламени терпит ужасные, но то плата за обретаемую великую милость Божью. Стерпишь, и душа, огнем повенчанная, из тела воспарит прямо в полк Его святителей и водворится в Царствии Небесном для вечного блаженства. Но сам Аввакум самосжигателей осуждал за нелепоту и греховность самоистребления. И молил Бога удерживать паству от безумия подобного поступка. Самосожжение одобрялось им не как средство душевного спасения, а лишь как единственный способ избежать смерти от рук антихристов. И сам к нему вынужден был прибегнуть, ибо патриарх Иоаким убедил царя казнить неуступчивых противников новин во главе с ним, протопопом Аввакумом. Первого апреля 1681 года царем было повелено: «За великия на царский дом хулы сжечь раскольников». Дабы лишить подобного торжества еретиков-богоотступников, Аввакум и пошел на самосожжение¹.

¹ К самосожжению староверы в 17-18 веках прибегали нередко. Так, в 1743 году

— Это ж так страшно!

— Страшиться надобно огня вечного, а не земного, временного. Особо похвальным считалось, стоя в огне, среди пламени, псалом петь во славу Христа. Тогда душу, очищенную в горниле огненном, ангелы тут же к Создателю вознесут. Правда, ноне и такое самосожжение не приветствуется — паства и без того сократилась. В царствие небесное через праведную жизнь надобно стремиться, с терпением неся свой крест на земле. Сей путь тяжелее, но похвальней.

Стремясь хоть в чем-то походить на неистового протопопа, Капитон истязал себя многочасовыми молитвами во имя Господа, доказывая этим свою любовь к Нему. В конце концов, им овладело неодолимо-навязчивое желание огненной смерти.

Демьян, по отрешенному взгляду, не сходившему с конопатого лица сына, чуял, что с ним творится что-то неладное.

— Сынок, о чем ты все думаешь? Поведай!

— Не тревожьтесь, тятя, о пустяках разных.

— По очам вижу, что-то томит тебя. Не таись, может, что присоветую али пособлю.

— Понапрасну беспокоитесь, тятя, поблазнилось вам.

— Ну, и слава Богу. А то мне что-то не по себе... Гляди-кась, ветрено сегодня, к перемене, похоже. Сходил бы, Капитоша, березовых веток для бани наломал, лист поспел уж, а то, коли дождь зарядит, всю духовитость вымоет.

Навязав плотных веников, Капитон развесил их в предбаннике сушиться. После вечера взял в сенях рулон бересты, заготовленной для нового короба, и опять спустился к бане. Он решил именно сегодня исполнить своё давнее желание: предстать через подвиг самосожжения и распевания в огне псалмов,

семьдесят последователей радикального филипповского согласия, окружённые военным отрядом, сожгли себя в срубе, не отдавшись в руки слуг антихриста. Есть свидетельства о том, что в иных огнях разом сжигались до тысячи человек.

пред очи Всевышнего. Как ни странно, подтолкнула его к этому шагу мысль о том, что от свежих веников будет много густого дыма и он, быстро задохнувшись в нем, меньше времени будет чувствовать боль.

Разложив свитки бересты, прикрыл их охапками сухих веток и запалил баню с четырех углов. Ветер живо раздул пламя. Иссушенные до нутра бревна сруба тотчас занялись ярим пламенем. Капитон зашел в баню и, для верности подперев дверь изнутри колом, громко запел псалом, славя Бога-Отца.

Баня запылала жарким трескучим факелом. Часть искр метнуло ветром в сторону кедрового бора. Одна из них, угодив то ли в пучок усохшей, смолистой хвои, то ли в спутанную бороду лишайника, подожгла дерево. Жадное пламя, объяв его, заплясало, запорхало с кроны на крону факелами-свечами.

Кедры, так любовно сохраненные скитниками при строительстве, в данном случае сыграли роковую роль. Мгновенно вспыхивая, они поспособствовали тому, что скит накрыло огненным валом всего за несколько минут. Очумевшие от неожиданности люди выскакивали из домов — кто с иконой, кто с чадом на руках.

Пламя, тем временем, с ликующим ревом перекинулось на окрестную тайгу и, подгоняемое ветром, метнулось с устрашающим гулом на безлесую террасу, поросшую тучной травой. Здесь, слабея, быстро опало, но в скиту бушевало еще долго: огненные столбы от горящих изб до полуночи зловеще подсвечивали стоящих в удалении людей.

На огонь, как известно, можно смотреть бесконечно. Он действует на человека завораживающе. Скитники, отходя от нестерпимого жара все дальше и дальше, не могли отвести взоров от созерцания горестной, но вместе с тем чарующей картины бесноватой пляски пламени, безжалостно поедавшего скит. Опадая, оно трусливо пряталось от онемевших с горя людей в грудах углей, которые к утру рассыпались в серый прах — все, что осталось от обжитых, любовно ухоженных «гнездовий» — трех десятков домов с надворными постройками.

Спасли только Завет, иконы, Устав, некоторые книги старого письма, еще из Ветлужского монастыря привезенные, рукописи. Григорий стоял, крепко обхватив Пластину, и молча плакал от бессилия перед огненной стихией.

Мефодий успокаивал его:

— Не пропадем — до времени переселимся в наши пещеры. Там места много. Бог даст, отстроимся.

Самородки, хранившиеся, как с Никодимовой поры повелось, в доме Елисея, расплавились и растеклись по прокаленной земле увесистыми блинами, посыпанными серым пеплом: Корней незадолго до постигшего скит несчастья принес из одному ему известного тайника полпуда золота для поездки на ярмарку.

— Слава Богу, злата у нас в достатке. А случись подобная беда в Забайкальском скиту — так хоть помирай сразу. Ведь сколь теперича всего приобретать надобно?! Почитай все, начиная с одежды до топора, — сокрушался дед Тихон.

— Хвала Создателю, что живы! А отстраиваться нам не впервой. До морозов поспеть бы надобно. В трудах и молениях искупление наше и спасение, — ободрял и настраивал народ на работу наставник.

— Мово младшого никто не видел? Когда выбегал, в избе никого не оставалось, — тревожился Демьян.

— Я видел, он веники вязал возле бани. Должно быть, там и спит, тихоня.

Капитолина, жена Демьяна, опрометью бросилась к реке. Супруг за ней.

Вскоре с берега донеслись душераздирающие крики: увидев на месте бани пепелище, Капитолина запричитала во весь голос:

— Чадо мое родненькое! Прости, что не доглядела!

Скитники бросились к речке. На месте демьяновой бани зияло чёрное пятно.

Бабы разом заголосили, а мужики принялись разгребать еще горячие груды пепла, но ничего, кроме камней от очага, не нашли.

— Не похоже, чтоб сгорел — кости-то, всяко, должны остаться.

Тут прибрежные кусты зашевелились, и показалась голова, вся в красновато-водянистых волдырях, с обгоревшим чубом. Парнишка смотрел испуганно.

— Капитоша, сынок! Жив! Ну, слава Богу! Ох, и напужал ты нас, — бросилась обнимать мальчонку Капитолина, склонившись над ним, словно голубка над птенцом.

Демьян, почему-то сразу догадавшись, что пожар сотворил почитатель неистового Аввакума, треснул того хорошенько и потянул за руку:

— Иди погляди, сколько бед из-за тебя! Все в пепел обратилось. Сколь домов заново ставить придется. А до того еще инструмент, провиант, оружие, не токо закупить, но и доставить надобно. Слава Богу, до морозов время есть... Чудодеяние, что никто не сгорел, а то какой грех на наши души пал бы... Ты хоть понимаешь, что натворил? Чего молчишь? Пойдем, расскажешь наставнику. Скрывать не можно. Господь все видит, скроешь — только усугубишь грех... Ох, сраму-то сколько! Как ты мог... Ладно, ума хватило выйти. Что, испугался? Что ты все молчишь?

Капитон стоял, как истукан, глядя в ноги. Только беспрестанно хлюпал носом. Потом тихо произнес:

— Тятенька, когда я горел, сам Господь явился и оградил от огненной смерти. Сказал, что мне еще жить да жить надобно...

Скитникам и невдомек было, что мальчонку спас Изосим, вернее сказать, его провидческий дар. Почувствовав, что в скиту в одной из бань на берегу творится что-то неладное, он мысленно приказал своему брату Паше бежать туда.

Тот в это время складывал поленницу дров и вдруг, сам не ведая зачем, заспешил к речке. Слава Богу, вовремя поспел — услышал доносившиеся из объятной пламенем Демьяновой бани крики и, опрокинув на себя бочонок с

дождевой водой, вытащил из горящего сруба задыхавшегося от дыма соседского мальчонку. Убедившись, что Капитон жив, помчался в скит, на который шла огнедышащая стена.

* * *

Григорий был потрясен признанием любимого ученика. К удивлению Демьяна, он не стал бранить, укорять Капитона, а растерянно забормотал «Старый остолоп! Сам же подучил, дурья башка». Потом взял себя в руки и сказал, строго глядя на обгоревшего:

— Дети и так чисты, як ангелы, им не отчего и незачем очищаться. Аввакум ратовал за страдание, но я тебе не раз говорил о том, что нет у него никаких указаний, слов, одобряющих самосожжение, ибо это есть самоубийство — непрощаемый грех. А Аввакумово самосожжение есть мера вынужденная... Да что теперь толковать. Поздно — скит сгорел... Иди...

Когда Демьян с сыном вышли из шалаша, сооруженного для наставника, тот долго задумчиво глядел на колеблющийся язычок пламени наскоро изготовленной лампадки, как бы осмысливая случившееся. Ему вдруг пришла неожиданная мысль: «А может, пожар отвратил от нас большую беду?.. Все вершится по воле Его». И, подводя итог размышлениям, громко и торжественно, хотя никого рядом не было, произнес: «Он рожден не для мира и не для земных почестей».

Инструментом и мануфактурой для начала разжились у монастырских.

Чтобы в дальнейшем обезопасить оставшиеся книги, иконы, рукописи и реликвии, новый молельный дом решили сложить по примеру Сергиевского монастыря из дикого камня.

ОЧЕРЕДНОЕ СТРАНСТВИЕ КОРНЕЯ

Отстраивали скит два года. Для Корнея они пролетели быстро: занятый на лесоповале, дома ночевал редко — все больше в лесу, в балагане. Когда возводили срубы, тоже от темна до темна пластался изо всех сил на стройке.

Дарья, вроде, делала все, что положено жене — и кормила, и обстирывала, и разговаривала с ним — но все это лишь из врожденного чувства долга, без любви. Корней это чувствовал, но не обижался. Да и как обижаться, коли сам растоптал свое счастье. В то же время, постоянно ощущать ее молчаливую холодность было тяжело. Младший сын Паша, хоть и работает всегда рядом, тоже сторонится: привык жить без отцовской подсказки: всему дедом обучен. А тот и вовсе не здоровается. Только зыркает. Да и братия временами, как Корнею казалось, бросает укоризненные взгляды. Получалось, как будто вокруг люди, а поговорить по душам не с кем. Одна Ольга, втихаря от мужа, по-матерински жалела и, глядя его непослушные вихры, уговаривала:

— Потерпи, милой, потерпи! Это так же, как скит — сгорел в одночасье, а восстанавливаем второй год. Обвыкнется Дарья, и все будет, как прежде.

Когда Корней чувствовал себя особенно одиноко, он уходил в лес. Как-то, бродя по буреломной пойме, упёрся в огромный кедр. Корней видел его и прежде, но сегодня разглядывал будто впервые. При этом ощущал необычную тягу к нему. Подойдя, охватил руками и плотно прижался к стволу всем телом. После такого «общения» скитник почувствовал улучшение — ощущение одиночества ослабло. С того дня, когда оно обострялось, он отправлялся к кедру. Корней даже дал ему имя — Дед. Обняв шершавый ствол, замирал и вслушивался, как оживает душа, наливается силой тело.

К сожалению, это облегчение не было продолжительным. Особенно усилилось чувство одиночества после завершения строительных работ. С той поры оно ни на минуту не покидало его. Пока отстраивались, вроде, все дружно было, а теперь опять пустота одиночества вокруг.

Корней, можно сказать, не жил, а маялся. В лагере ему представлялось, что вот вымолит он прощение, и заживут они счастливо, в согласии. Ан нет,

прежних отношений наладить не получалось. Одна отрада — мать. И успокоит, и пожалеет, и присоветует что надо. Она и подсказала сыну:

— Может, тебе в монастырь сходить? Изосима повидает. Небось, и не представляешь, каков он стал! Прощения у него испросишь. Он ведь сильнее других страдал — любил тебя очень. Так и скажи наставнику: мол, перед сыном повиниться хочу.

Мать как-будто читала его мысли. Корнею и самому давно хотелось увидеться с сыном — пятнадцать лет в разлуке. Зайдя к наставнику за благословением, увидел, что тот с женой Анастасией, прижавшись к друг дружке, как два голубка, распевают любимую стихирю.

— Доброго здоровья! Отраднo смотреть на ваше согласие.

— А чего грустить? Отстроились. Провиант на зиму запасен, в скиту достаток, покой. Нет среди нас соперничества и зависти, нет первых и отсталых. Отсюда благодать! А ты чего невесел? Сказывай, что у тебя, — приказал наставник.

— За дозволением пришел, отец Григорий. В монастырь сходить хочу. Тяжко мне здесь. Вроде, и простила Дарьюшка, да любовь, похоже, не вернуть... Перед старшим сыном повиниться хочу. Обидел его крепко своим уходом... Может, и постриг приму.

Наставник поднялся с лавки во весь огромный, самую разве малость осаженный годами, рост:

— Отговаривать не стану. Чистый путь тебе, Никола в дорогу. Поклонись от нашей общины братьям, скажи, в гости ждем — всегда рады их видеть. А как тебе поступить, сам решай — перечить не стану. Верю, боле не оступишься.

* * *

Желая укоротить дорогу, Корней пошел не по тропе, а, как прежде, в молодости, напрямки через Синий хребет. На перевальной седловине наметанным глазом уловил чуть приметную звериную тропку. Спускаясь по ней,

вскоре оказался в глубокой теснине. Здесь было мрачно и сыро. Где-то внизу, в полумраке, журчала вода. На повороте тропу перегородил конус свежей осыпи. Пересекая сыпучий скат осторожными, скользящими шажками, невольно оживил его: камни пришли в движение, и путника понесло вместе с ними вниз. Ухватиться было не за что. Через несколько секунд (Корнею показалось, будто прошла вечность) он уже летел вместе с камнями в пропасть. Скитник впервые в жизни от отчаяния закричал. В этот момент падение прекратилось и он со всех сторон оказался зажат в расщелине. Над ним прогрохотали остатки осыпи. Задрав голову, Корней увидел сквозь густую, рыжеватую пыль голубую полосу небесного свода. Осмотревшись, сообразил, что застрял в скальном сужении. Шершавые стены сходились в этом месте почти вплотную. Корней с замиранием сердца наклонил голову, пытаясь понять, далеко ли дно расщелины. Не увидев под собой пугающей бездны, вздохнул с облегчением — его ступни висели в сажени от земли.

В надежде выбраться, Корней попытался подтянуться и взобраться на уступ, но это только усугубило его и без того незавидное положение — просел в клинообразную щель так, что стало трудно дышать.

Волки, трусившие вдоль ручья, уловили человеческий дух. Подбежав к скалам ближе, увидели свисавшие из расщелины ноги. Под ними, как будто специально, высилась ссыпавшаяся груда камней. С неё допрыгнуть до ног было ещё проще, но сытые звери не стали утруждать себя.

Ночью пленника теснины атаковала мошкара, к счастью не многочисленная на сквозняке. Тем не менее, она чувствительно кусала лицо, шею, слепила глаза, проникала под одежду. Первые часы его выводила из себя не столько болезненность укусов, сколько невозможность смахнуть впившихся кровососов. Но постепенно кожа теряла чувствительность, и уже на второй день укусы хозяев тайги беспокоили не так сильно.

Через день оголодавшая семейка серых вернулась. Волчица, подпрыгнув, первой вцепилась в один из ичигов. Повиснув трехпудовым маятником,

она стянула сыромятную обувь с ноги человека. Корней, понимая, что сейчас волку ничто не мешает оттяпать его ступню, попытался подтянуть ноги к себе. Но согнуть удалось только левую, а правой он даже пошевелить не смог.

Звери, поочередно прыгая и клацая клыками, вцеплялись в ступню. Корней слышал треск разрываемых сухожилий и хруст разгрызаемых костей, но боли не ощущал — онемевшая нога была совершенно бесчувственна.

«Вот и настал час расплаты. Однако мудреную кару Господь мне устроил», — подумал скитник и, готовясь к неизбежной смерти, сосредоточился на молитве.

Малость добычи и капавшая кровь только распалила серых, но оторвать кусок покрупней они, как ни старались, не могли — высоко. Тогда волки пошли на хитрость. Двое легли на осыпь, а третий, встав на них, принялся прыгать — тоже безрезультатно. Толчок не получался — податливость опоры сводила на нет выигрыш по высоте. Раскрыв пасти, хищники какое-то время, толкаясь, ловили алые капли. Но кровь капала все реже — рана запеклась. В конце концов, волки ушли...

Впав в дрему, Корней увидел высоко в небе Бога-Отца, сидящего на троне в сиянии одежд необыкновенных голубых тонов. От Него исходил теплый, как от солнца, свет. Затем трон приблизился к земле. Со всех сторон появились люди и по зеленому полю направились к седовласому Старцу. Одежда у всех стала тлеть. И Бог произнес: «Все тленное спадет, и только ваши добрые дела станут одеждой». Одежда у всех оказалась разной. У кого плотная, у кого почти прозрачная, а у иных и вовсе одежды не стало. Те люди, что в одеждах были, переступили с земли на небо и предстали перед Творцом, а кто без нее — не смогли от сраму даже приблизиться. Среди ступивших на небосвод разглядел и себя в полупрозрачной одежде. Однако у первых врат архангелы завернули его обратно. «Ты еще не все земные испытания прошел», — сказали они...

Ангел смерти терпеливо кружился над обескровленным, иссохшим пленником гранитной западни. Нестерпимо хотелось пить. Вода журчала совсем близко, но была недоступна. С усилием разомкнув веки, человек увидел над собой солнце, застрявшее среди пухлявых облаков.

Корней выдохнул застоявшийся в груди воздух. Но что это? Он как будто чуть-чуть сполз вниз! Выдавив остатки воздуха, просел еще ниже! Мысленно представляя себя плоским, как лист, вдыхая и выдыхая воздух, скитник, в конце концов, рухнул на груды камней. От пронзившей боли он потерял на некоторое время сознание.

Беспалая ступня распухла и болезненно пульсировала. Скатившись с кучи, он пополз к ключу. Прильнув к живительной влаге, пил долго и жадно. Никогда в жизни вода не казалась ему такой вкусной и желанной, как в эти минуты. Напившись, отдышался, но вскоре опять с жадностью и благодарностью прильнул к воде.

Силы понемногу возвращались. Корней обмыл ступню, обернул остатки ступни листьями растущей на берегу мать-и-мачехи. Чтобы они не слетели, оторвал и натянул на ступню рукав рубахи. Лохматя пятерней волосы на голове и бороде, стряхнул с них мусор, пыль, умылся. Разглядывая отражение в воде, не узнавал себя. На лицо было страшно смотреть: вместо глаз — черные провалы, горящие лихорадочным блеском, нос и скулы заострились. Особенно удивило то, что голова и борода стали совершенно белыми.

Восстановив дыхание, Корней встал на четвереньки и «пошел», скрежеща от боли зубами, вниз.

Добравшись до первых деревьев, вынул из-за пояса топорик и вырубил из молодых березок подпорки. Опираясь на них, поковылял по тропе, переплетенной толстыми корнями, будто старческая рука венами. Запас человеческого мужества неисчерпаем. Непонятно, как, но скитник упорно приближался к монастырю. Спотыкался, падал, терял сознание, опять вставал и опять шел.

Горы безучастно взирали на то, как человек борется со смертью — подобных сцен они перевидали немало, но никогда не вмешивались: все должно идти своим чередом. Проявит человек волю и находчивость, будет жить, уступит — смерть в награду.

От голода и поднимавшейся волнами по ноге боли, у Корнея начались галлюцинации. То ему виделся впереди костер, то бегущие на помощь люди. Стоило ему пойти навстречу, как видение исчезало. Корней усилием воли отгонял навязчивые видения, слуховые галлюцинации, но они наоборот учащались.

* * *

Изосим чувствовал, что жизнь родителя в опасности, что он где-то поблизости, но давняя, кровоточащая обида на отца, предавшего мать, подавляла желание помочь. Разум затмевала картина, горше которой не было в его жизни: ведьмица обнимает и гладит прильнувшего к ней человека, которого он считал самым честным и справедливым. Два дня Изосим боролся с собой, но, в конце концов, сострадание и память о прежних счастливых годах перешили неприязнь. Он оставил монастырь на старшего инокка Макария и отправился к отцу на выручку.

...Корнею очередной раз почудилось, что кто-то идет ему навстречу. Послышалось праздничное песнопение, и появился... Изосим. Путник спешно попытался отряхнуть с себя налипшую при падениях грязь, лесной мусор — нельзя же предстать перед старшим сыном в неопрятном виде, и в это время видение пропало...

Изосим едва успел подхватить обмякшее, костлявое тело отца.

* * *

После миски мясного бульона Корней почувствовал, как по телу разливается жизненная сила.

— Спаси Бог! Вкусно! Уж и не помню, когда ел, — улыбнулся он виновато.

Отец вглядывался в лицо сына и не узнавал его. Он лишь отдаленно походил на того, прежнего, Изосима. Усы, аккуратно подстриженная бородка. Черная шапочка скрывала волосы и высокий лоб, отчего на лице особо выделялись глаза — умные и такие пронизательные, что, казалось, все они про тебя знают, но не осуждают, а сочувствуют, жалеют.

Скитник попытался сесть, но от боли, прострелившей правую ногу от ступни до паха, вскрикнул. Заскрипев зубами, лег обратно на спину.

— Лежите, лежите. Вставать не следует, — предупредил штабс-капитан Тиньков, склоняясь над поврежденной ногой.

Ступня начала чернеть. Омертвевшие ткани разлагались, из косточек тек гной. Синюшность подступила к середине голени.

Тиньков помрачнел. Пригладив встопорщившиеся усы, после недолгого молчания произнес, обращаясь к настоятелю:

— Отец Андриан, посмотрите! Если ногу до колена не ампутировать, начнется общее заражение, тогда неминуем летальный исход.

Изосим оглядел ногу с тревогой, а Корнея в это мгновение залила теплая волна счастья и гордости за сына, которого зрелый человек, прошедший огни и воды, и медные трубы, уважительно величал «отцом».

— Коли так, будем резать! Николай Игнатьевич, прошу вас — возьмитесь. У вас ведь, как помнится, имеется фронтовой опыт в подобных делах.

— Попробую... Поручик, — крикнул он, выглянув за дверь, — неси спирт и пару простыней. И попроси есаула ниток из сухожилий сохатого надергать, он умеет. Постарайтесь потоньше — ими зашивать будем, да поскорее, время не терпит, — отдавал распоряжения сразу посуровевший штабс-капитан. — Я пока пойду, приготовлю инструмент: нож, иглу и пилу наточу.

Операцию Корней перенес без единого стога. Под конец даже заснул — кружка влитого в него спирта заметно притупила боль.

Дня три состояние прооперированного оставалось критическим: метался в жару, бредил, все звал Дарью.

Рядом с ним почти неотлучно находился сын. Обмывал, смазывал заживляющим настоем трав, культу. Поил бульоном из дичи. Монахи принесли с мари свежей брусники. Размяв, Изосим заправлял ее медвежьим жиром и давал отцу — от такой толкушки больной оживал на глазах. Настал день, когда исхудавший до такой степени, что почти светился, Корней попросил мяса. В его глазах вновь загорелся интерес к жизни. Он долго не решался поговорить с сыном, но, наконец, собрался с духом:

— Прости меня, сынок, — тут отец запнулся, кашлянул. — Прости, Христа ради, отец Андриан, отпусти грехи, коли можешь. Повинен я пред тобой, — и, не сдержавшись, зарыдал.

Изосим обнял белоголового отца, прижался к его мокрой от слез щеке.

— Не мне судить тебя, отец. Господь всем судья. Хоть и обидел ты нас, но многому и научил. Откроюсь, люблю я тебя...

Корней лежал, всем телом радуясь свежему, только надетому белью и испытывал такое чувство, будто скинул с себя грязные лохмотья и входит в иную жизнь незапятнанно чистым. В теперешней ситуации он тем более не мог помыслить о том, чтобы вернуться в скит — не хватало быть обузой для семьи. Это исключено! Какое-нибудь посильное для него дело и здесь найдется. Господь сам все устроил — место ему отныне только в монастыре.

В один из дней за больным присматривал поручик. В свободное время он все что-то писал, не поднимая головы от толстой тетради.

— Голубчик, позволь поинтересоваться, о чем так увлечённо пишешь?

— Про поход дружины генерала Пепеляева.

— Слышал, слышал в Алдане про такого. И в лагере рассказывали. А ты что же, участвовал в том походе?

— Да, имел честь. То была последняя, выдающаяся по мужеству и трагическая по исходу, масштабная экспедиция Белой гвардии. Не могу допустить, чтобы подвиг ее участников канул в лету.

— Доброе дело. Бог в помощь! Дашь почитать?

— С превеликим удовольствием. Вы будете одним из первых читателей. С недельку потерпите. Осталась последняя глава. Правда, не обессудьте, пока без начала — оно у штабс-капитана. Он, милостиво согласился просмотреть и сделать уточнения, а, возможно, и дополнения.

НАСТАВНИК

Наставник Варлаамовского скита отец Григорий, в миру Тиньков Григорий Игнатьевич, любил Впадину и запрятанную в ее безлюдной глухомани общину всем сердцем, и не мыслил себя вне ее.

Батюшка его, Игнат Савич, предприимчивый выходец из старинного дворянского рода, изменив традициям своего сословия, купил в Костроме мукомольный и лесопильный заводы с тремя паровыми котлами и типографию, которые давали хороший доход. Семья жила в Екатериновке, что под Костромой, в родовом поместье. Изучая передовые методы ведения сельского хозяйства, отец с младшим сыном Николаем целое лето прожили в Германии. Николай в дальнейшем выбрал карьеру военного. Похвально окончив юнкерское училище, он провоевал с 1914 по 1918 год на германском фронте. За храбрость был награжден именным оружием и двумя орденами. В Гражданскую, сначала победно прошел вместе со своим батальоном от Екатеринбурга до Казани, а потом, стиснув зубы, бесславно отступал до Дальнего Востока. Летом 1922 года, по воле случая, оказался в Охотске, где в числе первых записался в соединение полковника Лебедева, отправлявшегося в Якутск на помощь повстанческой армии Коробейникова.

В церковь Игнат Савич ходил редко, зато был щедр на пожертвования — на них в губернии были построены два храма. Замечая у старшего сына тягу к теологии, послал его на обучение в Московскую духовную семинарию. Откуда Григорий вернулся в сане иеродьякона. Приступив к службе, он увлекся

историей Раскола и весьма преуспел в этой области. В журналах начали публиковаться его исследования по трудам старолюбцев 18 века. Как раз в эти годы, особенно после Указа Николая Второго от 1905 года о веротерпимости, прекратились гонения на староверие и стало даже престижно и похвально приглашать на работу его приверженцев. Ему, уже признанному ученому, стали поступать различные предложения: то прочитать курс лекций по истории старообрядчества в университете, то написать статью в открывшихся в то время в большом количестве толстых журналах, то выступить на научном симпозиуме славянофилов или историков. А Иркутский университет прислал приглашение на должность профессора на кафедре истории религий. Григорий давно мечтал побывать в Сибири и с радостью откликнулся. Там и застала его революция. Несколько месяцев он жил в монастыре, а когда насельников выгнали, один из монахов предложил схорониться на лесной заимке у его родителей. Лодка, на которой они поплыли, угодила под залом. Спасти удалось лишь Григорию. Долгое время он кочевал с эвенками. Счастливая встреча с Корнеем в опустевших скитах у Синих гор привела его во Впадину.

С первых дней жизни в Варлаамовском скиту Григорий помогал престарелому наставнику Маркелу в духовном просветительстве членов общины. Фактически исполнял обязанности учителя не только детворы, но и взрослых членов общины. Избранный впоследствии наставником, профессор не только отправлял духовные требы, читал проповеди, молился о своих братьях и сестрах, но и продолжал занятия в школе, куда дети начинали ходить с шестилетнего возраста.

Обучал скитскую детвору основам веры, чистописанию, старославянскому языку, счету, истории, географии, устной словесности. Уроки вел в простой и доступной детям форме.

— Что есть грамота? — Спрашивал он их, и сам же отвечал: — Грамота — есть средство ознакомления ума с делами прошлого, жизнью в настоящем и возможностями в будущем. Лучшее средство для обретения грамоты — книга.

Что есть книга? Книга — это запечатленные на бумаге, посредством слов, мысли, чувства человека. Стало быть, в книгах заключены души людей, живших до нашего рождения, а также живущих ныне.

Убежденный, что именно книги являются главными носителями и хранителями культуры и традиций истинного православия, Григорий особое внимание уделял в своих занятиях вдумчивому чтению старопечатных изданий и рукописей. Он так доступно для детского ума читал вслух жития святых, что ученики зачастую плакали от сострадания, а потом пересказывали прочитанное. Если кто не понимал — терпеливо растолковывал трудные места.

Дети на уроках разучивали духовные стихиры, славники и самогласно¹ распевали их по нотам крюковой записи. Каждый ученик уже через два года умел писать, читать, знал таблицу умножения, четыре действия счета, все основные молитвы и стихиры.

В третьем классе особое внимание уделялось изучению Устава, правил семейной и общинной жизни по Домострою.

В обучении детей хозяйственным промыслам и развитию необходимых для жизни трудовых навыков Григорию помогала вся скитская братия. Каждый по своей части. Кто-то вел занятия по пчеловодству, кто-то по столярному и плотницкому делу, кто-то по шорному, кто-то по лечебным травам, съедобным растениям и кореньям.

Жена наставника Анастасия с вековухой Ефимией обучали девочек прясть тонкую, ровную нитку, красить ее, управляться с ткацким станком, кроить и шить; много времени уделяли стряпушьему искусству.

Воспитывая любовь к добросовестному и доброкачественному труду, взрослые своим примером показывали, что аккуратно выполненная работа радует глаз не только самого работника, но и всех окружающих. Про-

¹ Термин «самогласно» в древнерусской музыке обозначает гласовое песнопение, имеющее самостоятельный оригинальный напев, который может быть исполнен с иным текстом любой протяженности.

вода ребят в свой двор, наставник показывал им ладно сложенные поленницы, ухоженные, чисто выполотые гряды, приговаривая:

— Работа должна приносить удовольствие, а результаты труда радовать взор каждого.

«Добрый пример лучше проповеди», — наставлял он во время соборов, призывая родителей быть образцом для детей. Учительные беседы проходили не только в скиту, но и в тайге, и на берегу реки или озера.

Заядлый рыбак, он со знанием дела объяснял, как вернее ловить рыбу:

— Весной и осенью хариус хорошо берёт по дну, а летом, в жару, по верху. Возьмем тайменя: в июне берет на малька, а наступит июль — как обрежет. Можно только ночью на «мышья» попытаться. Рыба амур траву есть любит. Вон смотрите, легла травинка на воду. Все стояла, а тут легла — стало быть, амур кушает, травинку тянет за собой. Тут его и лови. Сазана тоже понимать надо. Сазан илом питается. Как откусил, так со дна пузырек воздуха поднимается. Тоже не зевай. Если рыба велика, сразу не вытягивай. Дай притомиться и воздуху глотнуть. Как посмирнеет, тогда и выводи.

Однажды на прогулке, правнук деда Тихона, озорник Митяй, обнаружил в скальном обнажении морские раковины.

— Деда Григорий, гляньте, диво-то какое — ракушка. Кто ее сюда принес? Чтоль орел?

— Нет, не орел. Давным-давно, много миллионов лет назад здесь было море. Потом оно отступило, и на его месте выросли горы, а останки моллюсков, так называются ракушки, оказались впрессованными в них.

— Деда Григорий, матушка говорит, остерегайся дьявола, а кто он и как выглядит, не объясняет, — интересовалась впечатлительная Нюра, дергая наставника за поясок. — Вдруг он подойдет, а я не узнаю, что это он.

— Детка, сатана не имеет постоянного телесного облика. Он многолик, может стать незримым. Может обернуться ветром, водою, огнем летучим и даже воробьем чирикающим. Когда-то Бог сотворил самого могущественного архангела Сатанила, но он возгордился и восстал против Божественной

власти над ним, сам захотел стать как Бог. За то был свергнут с небес вместе с обольщенными и поддерживающими его ангелами и наречен Сатаной, а его ангелы-сторонники — бесами, — терпеливо разъяснял наставник. — С тех пор Земля стала местом борьбы Бога и дьявола за души людей. Присутствие дьявола и иных падших духов вам может подсказать только ваш внутренний голос — совесть. Когда почувствуешь, что тебя обволакивает лень и безразличие или зависть, то это верный сигнал, что он где-то рядом.

Главная защита от искусов сатаны — крестное знамение на всю грудь, касаясь лба, живота и плеч двумя перстами со словами: «Господи, спаси и помилуй». Чтобы непоколебимо противостоять соблазнам нечистого, надобно стремиться быть совершенным, честным и безгрешным. Иначе по завершении земного пути можешь попасть в преисподнюю, где черти будут вечно жарить на огне.

— Ой, деда Григорий — страшно-то как! А за что можно попасть на жаровню?

— Дети, есть десять основных законов жизни — десять Заповедей, которые даровал нам Господь в Нагорной проповеди. Будете жить по ним, всегда будете любимы Им и никогда не попадете на сковородку. На следующих уроках мы с вами их выучим и каждую в отдельности обсудим.

Во время занятий наставник всеми силами старался донести до учеников, что на Земле — все живое. Что и сама Матушка Земля — тоже живое существо, что она все чувствует и надо стараться не наносить ей вреда. Даже просто упав на землю, человек ушибает ее, и надо просить у нее прощения. Иначе Земля может наказать болезнью. Особенно почтительно следует относиться к Земле весной — в это время она беременна. Ее лик, как лицо человека, со временем меняется. Сомневаетесь? Присмотритесь. Земля имеет кожу, поросшую волосами — деревьями и травой. Местами ее разъедают язвы болот и лишай пустынь. Кровеносная система — реки. Приливы и отливы — вдох и выдох. Вулканы — это гнойники, через которые Земля выбрасывает отходы...

* * *

В свои 83 года наставник, хоть и усох немного и слегка ссутулился, на вид был бодр. Тем не менее жизненная сила изо дня в день убывала. Только Анастасия с Ефимьей знали, каких усилий стоило ему сохранение бодрости на людях. Оставшись один, он вдруг сникал, покрытое старческими пятнами лицо, покрывала паутина морщин. По всему чувствовалось, что догорали остатки его земной жизни. Возраст щадил только ум. Он был ясен, как воздух после грозы.

Григорий как-то сказал Анастасии с грустью:

— Жизнь так быстро пролетела. Мой день кончился — наступил вечер. Пока молодой — летаешь, как ветер, а старому и себя носить тяжело, хотя весь уж высох. Знаю, смерть на пороге стоит, караулит. Я ее не боюсь. Беспокоит другое. Сможете ли сохранить от пришлых и неверующих заветный Ларь до Пришествия... Анастасия, как бы ни было тяжело, не покидайте Впадины и держитесь наособицу от мирян. Вижу, что зло на Земле пробивает дорогу, а добро втихомолку отступает, но верю в его победу. Сие и от нас зависит.

После Троицы, утомленный долгой службой, Григорий уединился в своей комнатке. Отдохнув, обошел все дома. Поликовался со щеки на щеку с главами семейств, благословил каждого. Сходил на выбранное им самим место погребения и долго сидел там, оглядывая окрестности, среди которых, предстоит лежать его брэнному телу.

Вернувшись в избу, протер от пыли собственноручно выдолбленную из цельного ствола тополя домовину, аккуратно сложил рядом смеретную одежду — длинную белую рубаху — должно предстать пред Богом чистым, как ребенок непорочный. Потом встал у любимой иконы Спаса Нерукотворного и стал просить кончину мирную, для людей необременительную. Свою мольбу заключил словами: «Господи, дай помереть враз, без затяжной хвори!», и приложился к окладу.

* * *

Отец Андриан последние несколько дней ощущал сильное беспокойство, словно кто звал его в скит для важного дела. Оставив монастырь, как обычно, на старшего инок Макария заторопился на зов. Велико было удивление Григория и его домочадцев, когда на пороге возник Изосим — отец Андриан.

— Как же добр ко мне Господь милостивый, что в последние часы явил любимое чадо!

Оставшись вдвоем, они долго разговаривали, распевали духовный стих «Уж вы, голуби» о расставании души с телом.

Утром из комнаты никто не вышел. Отворив дверь, матушка увидела, что Григорий лежит на своей постели со сложенными руками и спокойным, благостным лицом, какое бывает только у отошедших с миром, а отец Андриан молится пред Спасом Нерукотворным.

— Господи, неужто преставился? — Выдохнула она.

— Как покойно умирать, всё свершив, — прошептал в ответ Григорий чуть слышно. Он приоткрыл глаза. В них из-под серебристых бровей последний раз мелькнул и ускользнул в таинственную бесконечность свет жизни. Его земной путь замкнулся.

Смерть разгладила лицо старца, отчего он, казалось, улыбался умиротворенно, безмятежно, как будто перед уходом из земной жизни познал что-то самое важное, от живущих скрытое.

Отец Андриан с братией отслужили над покойным литию. Домовину окропили святой водой и уложили в нее наставника. Погребение завершили панихидой. На поминальный обед поставили на столы все постное: кутью, блины, облитые медовым сиропом, пирожки с молотой черемухой.

Всех тронуло величие смерти духовного пастыря. Даже в этом он, будучи верным своему принципу «пример лучше проповеди», как бы преподавал урок достойного ухода. Последние напутствия Григорий изложил в письмен-

ном завещании и, запечатав воском, вручил отцу Андриану для оглашения на общем соборе.

Отец Андриан ежедневно свершая за отошедшего все положенные службы, прожил в скиту ещё полную седмицу. В первый же вечер поведал матери обо всем, что случилось с Корнеем, и его решении остаться в монастыре. Выслушав, Дарья внешне ни как не проявила своего отношения к этому известию, лишь произнесла «На всё воля Создателя», но ночью дала волю слезам.

На восьмой день, оставив свиток с завещанием наставника Григория Ефимии, вернулся в монастырь, полагая, что вмешиваться в дальнейшую жизнь скита не должен. Собор без него решит, кому быть наставником.

Верно в народе говорят, что смерть одна не ходит. Супружница Анастасия после сорока дней тихо отошла во сне.

— Святая пара, — сказала Дарья, когда узнала о смерти золовки.

* * *

В общине теперь каждый задавался вопросом: «Кому быть наставником?»

— Не знаешь, на кого и положиться — кость пошла пожиже, — сетовал обомшелый Тихон.

— Что верно, то верно — Маркелов и Григориев средь нас боле не видать, — соглашался Демьян.

— А что коли на баб повнимательней глянуть? От иных проку поболе, чем от мужиков — зело домовитые да рассудительные, — подал голос Матвей.

— Не знаю, кто как, а я согласный. И предложение сразу есть — Дарья. Чем не наставница? Чадолюбива — вона каких детей воспитала и в дому примерный порядок, и со стариками уважительна. Так же мудро и общину поведет, — горячо откликнулся Тихон.

— Между прочим, интересное суждение. Она и Устав отменно знает, и догматы веры с Григорием штудировала, — просипел простуженный на рыбалке Петр.

После долгих споров — были и яростные противники этой идеи — участники собора в конце концов сошлись на том, что от бабьего правления общине только прок будет.

— Братья, а Григорий, видать, ведал, что на нее выбор ляжет — как свободное время выпадет, так все с ней Служебник да Часослов обсуждал, — вспомнил Елисей.

Когда свекор сказал Дарье, что ее зовут на собор по срочному делу, невестка не удивилась. Еще ночью приснившийся ей ангел сказал: «Возьми скатерть белую, застели стол и поставь хлеба на кормление многие люди».

Дородная, одетая, как была, по-домашнему, она уверенно вошла в молельню и почтительно поклонилась собору в пояс. Дед Тихон, как самый старший возрастом, торжественно проскрипел:

— Мы тута полудня кумекали, кого в наставники определить, и порешили тебя просить принять сию ношу. Что скажешь, сударушка?

Дарья не смутилась, ответила с достоинством:

— Благодарствую, велика честь и ответственность немалая. Пред Богом клянусь оправдать доверие собора!

К ней подошел Тихон со свитком в руках:

— Здесь предсмертные наставления Григория. Он велел огласить их после избрания приемника.

Дарья сломала печать с оттиском перстня наставника, развернула бумагу и стала читать громко, чтобы все слышали:

«Братья и сестры, верую в то, что вы избрали наставником того, кто будет жить горем и радостью нашей общины и станет ей истинным отцом.

(В этом месте Дарья поперхнулась и от себя добавила: «или матерью») .

Надеюсь, мои старательные труды по учению подрастающих чад будут продолжены. Советую приглашать с просветительскими лекциями и монастырских. Среди них немало zelo грамотных во многих науках.

Сберегайте веру в чистоте во имя грядущего величия нашего истомленного падениями и испытаниями Отечества. Добиться этого можно только с верой в Творца и Его помощью. Верую, что Россия переболеет и год от года начнет набирать силы для небывало высокого взлета. Живите дружно и непогрешно.

Дай вам Бог терпения и силы! Раб Божий Григорий. Аминь».

ЯКУТСКИЙ ПОХОД ГЕНЕРАЛА ПЕПЕЛЯЕВА

Обезноживший Корней все работы в стряпушной взял на себя и вскорости стал замечать, что приготовление пищи доставляет ему удовольствие. Особенно, если варево получалось вкусным и обитатели монастыря хвалили за трапезой. Работать на костылях было несподручно, и он вытесал деревянный протез. На верх культы одел чехол с двойным слоем меха и ремнями для крепления к ноге. Поначалу было больно и неудобно, но постепенно прировнился и стал «бегать» почти как прежде.

Тем временем поручик завершил первую часть рукописи «Последний поход». Прошитые листки, исписанные каллиграфическим почерком, уже с дополнениями штабс-капитана, как обещал, дал Корнею.

О Пепеляеве он не раз слышал и в городе, и в лагере. Говорили разное. Кто хорошо, кто плохо. И ему очень хотелось понять, каков на самом деле был знаменитый генерал. Прибрав трапезную после ужина, он проковылял в свой угол и открыл рукопись.

Успел прочесть только самое начало, как тягуче проскрипели и стукнули ворота — возвратился из скита отец Андриан. Принес опечалившую всех мо-

настырских вестях о смерти Григория. Накормив настоятеля, Корней вернулся к чтению:

«...30 августа 1922 года, когда жители Охотска провожали отряд полковника Степанова в Якутск на помощь повстанцам, из Владивостока пришла радиограмма: «Добровольческая дружина под командованием генерала Пепеляева, численностью 700 человек¹, на канонерке «Батарея» и минном транспорте «Защитник» вышла из Владивостока в Аян». Это известие чрезвычайно воодушевило охотчан. В составе этой дружины был в звании поручика и я, Орлов Виктор Михайлович, автор этих строк.

Перед выходом в море отслужили молебен, после чего выступил с короткой речью сам генерал. Он сказал, что дружина идет бороться за народ, вместе с народом, за власть, которую пожелает сам народ и, что самое главное, по просьбе прибывших во Владивосток полномочных представителей населения Якутии. Говорил просто, горячо и без всякой внутренней фальши, на что очень чуток русский человек. Свое выступление закончил словами:

«Братья, верю, что любовь к Родине, горячее желание послужить ей воодушевит и сплотит нас. Бог в помощь мне и вам!»

Уверенность генерала в праведности похода вливалась в наши сердца решимостью биться за спасение России насмерть.

Пепеляев планировал, освободив от большевиков Сибирь, укрепиться на ее западных границах и сформировать мощную добровольческую армию. Под ее защитой провести выборы Земского собора и договориться с Советской

¹ На самом деле, на двух пароходах уместилось только 533 бойца. Остальные отплыли в конце октября под командованием генерала Вишневого, загрузив дополнительный провиант и оружие. Вообще-то добровольцев было так много, что вербовку пришлось после набора 700 штыков прекратить. Многие из добровольцев уже осели и неплохо устроились в Харбине, но, услышав боевой клич своего любимого командира, оставили с трудом налаженную на чужбине жизнь и семьи на произвол судьбы и записывались в отряд целыми группами. Так сильна была вера в свою правоту и желание спасти Отечество.

Россией об автономии Сибирского Крестьянского царства, не зависящего от большевистской метрополии. Достаток старожильского населения Сибири был для него основным аргументом разумности подобного политического устройства. Пепеляев верил, что в Крестьянском царстве установится справедливая жизнь для всего народа и сохранится национальная самобытность россиян.

Уже в плавании Пепеляев принял решение разделить свою дружину на два отряда. Один — с Пепеляевым во главе — 6 сентября десантировался в маленькой, охваченной со всех сторон лесистыми сопками, бухте порта Аяне¹, а второй — менее многочисленный, под командованием генерала Ракитина, спустя два дня — в Охотске. Этот маневр позволял использовать людские и материальные ресурсы сразу двух портов побережья Охотского моря и вбирать, продвигаясь к Якутску по Аянскому и Охотскому трактам, в свои ряды белопартизан и сторонников из местного населения. Затем, соединившись в селе Амга, идти на штурм Якутска объединенными силами. Знай полковник Степанов об этом плане, он остался бы дожидаться генерала Ракитина в Охотске и в Якутск пошел бы вместе с ним.

** * **

Аян встретил нас ветхой церковью с почерневшим крестом, бревенчатыми пакгаузами на северной стороне залива и лавками, складами, жилыми домами на южной. Высланный для разведки небольшой десант сообщил, что двухтысячное войско белоповстанцев, потерпев в бою под Никольском сокрушительное поражение от подошедших из Иркутска регулярных частей Красной армии, рассеяно, и большая часть ее бойцов разошлась по своим улусам и наследам. А сам командующий белоповстанцев отчаянный корнет Коробейников с отрядом в 250 человек находится в Аяне. Его армия, целый год контролировавшая почти всю Якутию, исключая лишь сам город Якутск

¹ Аян — до конца 70-х годов 19 века оживлённый торговый порт. С развитием портов в Николаевске-на-Амуре и Владивостоке утратил своё былое значение.

и пары селений по долине реки Лена, теперь не представляла для большевиков серьезной угрозы.

Не последнюю роль в ее развале сыграло то, что среди повстанцев часть офицеров во главе с начальником штаба под прикрытием патриотических лозунгов о спасении России, на самом деле занималась мародерством, насилием, реквизициями в целях личного обогащения. Это подорвало дисциплину и боевой дух армии и привело к «покраснению» ее рядов.

Особенно возмущали рядовых повстанцев частые расстрелы и пытки не только большевиков, но и мирных жителей. Некоторые офицеры действовали столь жестоко, что воспринимались населением уже не защитниками Отечества, а шайкой грабителей и головорезов. Особенно «прославился» отряд Ивана Яныгина, не дававший проходу на Охотском тракте ни пешему, ни конному.

От небывалой по степени жестокости расправы над членами ревкома и рабочими, бежавшими из Охотска и настигнутыми на Аллах-Юньской перегонной станции, содрогнулись даже выдавшие виды мужики. Вспарывая ножами безоружным пленным животы, белобандиты вытягивали из живого человека на всю длину кишки и развешивали их под нечеловеческие крики жертв, как провода вдоль стен по деревянным колышкам. Глядя на это, некоторые пленные сходили с ума и ползали по лужам крови и человеческого кала, бормоча бессвязные слова.

Подобные случаи лютой жестокости, безусловно, вызывали ненависть населения и лишали белое движение поддержки.

В итоге, обстановка в Якутской области сложилась совершенно неожиданной для нашей дружины:плыли протянуть руку помощи участникам народного восстания, а выходило, что надо начинать все сначала.

Приди мы в Якутию месяца на четыре раньше и наведи в самой повстанческой армии должный порядок, ситуация, возможно, была бы иной. Объединившись с боевыми офицерами, имеющими богатый опыт, армия повстанцев могла стать мощной военной силой и, наверняка, выиграла бы

сражение под Никольском. После этого захват Якутска, последнего оплота красных, стал бы лишь вопросом времени.

Перед нашим генералом ребром встал вопрос: что делать? Поднимать новое антибольшевистское движение или же возвращаться во Владивосток? Было созвано совещание с участием местного населения. На нем жители Аяна, в основном промышленники и купцы, уверили Пепеляева в том, что народ не приемлет большевистский режим, пропитан антисоветскими настроениями, что в тайге скрывается много партизанских отрядов белых и достаточно дружине двинуться на Якутск, как она начнет пополняться новыми добровольцами.

Присутствующие на встрече тунгусы-оленоводы жаловались:

— Большевики забирай оленей. Все обшее делай. Теперь наса пропадай. — А в заключение попросили: — Надо воевай — большевики худой люди.

— Россия или смерть, — по-военному коротко выразил полковник Варгасов общее настроение офицеров. — Если и погибнем, то будем знать, что погибли за Отечество.

— Не посрамим честь и славу русской армии, — поддержали его и остальные участники заседания военсовета.

Эти заверения и настрой офицеров склонили генерала к продолжению военной кампании. Он оставил в Аяне сорок штыков во главе с назначенным им комендантом и в середине сентября 1922 года, несмотря на осеннюю распутицу, двинулся с тремя сотнями бойцов по тракту через громадный и безлюдный хребет Джугджур к поселку Нелькан — перевалочной базе для грузов, следующих из порта Аян в Якутск.

Товары, прибывающие морским путем, до Нелькана, а это 250 километров, доставляли на оленях и лошадях вьюками. В поселке его перегружали на баржи и сплавляли по рекам Мая, Алдан и Лена до самого Якутска.

Переход по разбитому тракту, представлявшему собой обычную вьючную тропу, оказался крайне тяжелым. Приходилось вброд одолевать замерзшие речки, вязнуть по колено в болотах. По обе стороны дороги белели

кости. Особенно много их было на перевале через хребет Джугджур. В основном конские — гибли лошадки оттого, что не были подкованы. Из обложных туч сыпала, секла лицо, тут же тающая, крупка. В разряженном воздухе было трудно дышать. Мы вынуждены были часто останавливаться, чтобы унять бешено бьющиеся сердца. С перевала перед нами открылась местность настолько дикая, что возникло ощущение, будто внизу молодая планета, на которой жизнь еще не зародилась.

Шли в обстановке колоссального напряжения, риска, теряя немыслимые лишения. Шли, тем не менее, счастливые, потому как чувствовали себя героями, спасающими Отечество от катастрофы. Для нас цель была столь важна и значима, что на трудности никто не обращал внимания.

Подойдя к Нелькану, мы должны были, врасплох захватив красный гарнизон (человек 200), завладеть двумя баржами, груженными продуктами и оружием и, пока река Мая не замерзла, спуститься на них к реке Алдан. Но агенты, внедренные в наши ряды большевиками во Владивостоке при записи добровольцев, ночью сбегали и предупредили красных. Те успели за час до нашего прихода спешно погрузиться на баржи и отплыть.

Войдя в пустой, безлюдный поселок, мы оказались в западне.

Двигаться вниз по реке было не на чем и не с чем. Идти назад тоже не могли — началось осеннее бездорожье. Оставалось ожидать морозов практически без провианта. Чтобы как-то продержаться, стали ловить оставшихся в поселке собак, кошек, варить не выделанные кожи, стрелять ворон. Иногда удавалось добыть оленя. Что интересно, первого добыл сам Пепеляев.

До этого он отправлял несколько команд на охоту, но стрелки приносили, самое большее, рябчиков. Тогда рассерженный генерал взял лишь одного казака и с утра отправился в сопки. Дальше привожу историю охоты в пересказе самого казака Гаврилы:

«Свежий след оленя нашли на склоне холма. Я потрогал рукой отпечатки.

— Снег чуть затвердел — часа три, как прошел. Высоко стоит, шаг широкий — стало быть здоровый, — говорю генералу. Стали тропить. Олень, видать, почуял нас, свернул в густую поросль колючих елок. Когда зашли туда, саженья в тридцати что-то мелькнуло, с лап ели посыпался снег. Пепеляев вскинул карабин и выстрелил без упора. Слышу мягкое «чпок». Кричу: «Попали!»

Вижу, зверь дыбится в снегу. Потом мекнул и рванул в чащу.

Бежать за раненым зверем сразу нельзя: разгоряченный, уйдет далеко. В таких случаях надобно посидеть у костра, попить чаю и только после того идти. Подранок, ежели его не преследуют, ложится, а пролежав с час, он уже не может прытко бежать. Но, как на грех, снег загустил, и мы, чтобы не потерять след, не стали ждать.

Олешек часто укладывался раненым боком на снег, но заслышав нас, вставал и продолжал путь. Съехал с берега на молодой лед. Пошел через речку. Несколько раз проваливался. Возле мелкого, бурунистого переката упал на колени и ткнулся мордой в черную воду. Я стою — вода хоть и не глубокая, но ледяная. А у меня ноги больные.

Генерал ругает: «Чего, брат, стоишь? Оленя под лед затянет». А я молчу, не знаю, как объяснить. Генерал, видя такое, осерчал, быстро стянул с себя сапоги и брюки. Обмотал ступни портянками и пошел сначала по льду, а потом по колено в воде. Привязал к рогам веревку. Олень попытался встать. Упал, забился, генерала обрызгал. Кое-как вдвоем подтащили тушу к берегу.

Я мигом соорудил костер. Надрезал горло оленя и заполнил котелок кровью. Генерал не побрезговал — выпил. Тушу разделали, засыпали снегом и вернулись в поселок. С собой токо с пуд мякоти взяли. Остальное доставила опозоренная охотничья команда. После такого урока враз добыли трех оленей».

Вот такой геройский офицер командовал нами! Как не пойти за таким?!

Когда дорога подмерзла, 5 ноября вернулись в Аян. Здесь отъедались и восстанавливались, готовились к боям в условиях суровой якутской зимы.

Приняв подошедшие из Владивостока на большом океанском пароходе «Томск» боеприпасы, теплое обмундирование, провиант и подкрепление из 190 человек во главе с генералом Вишневым, в середине декабря 1922 года опять были в Нелькане. Передохнув после тяжелого перехода через мрачный Джугдзур, двинулись несколькими эшелонами на Якутск, распределив по четырёмстам нартам боевые и съестные припасы.

Пошли, хотя понимали, что шансов на победу немного. Вела нас непоколебима вера в правоту нашего дела. Дороже России для нас ничего не было.

Одновременно с нами из Охотска отрядом численностью в 250 бойцов на трехстах оленьих упряжках выступила дружина генерала Ракитина.

По дороге нам встречались торговцы, едущие из Якутска. Они рассказывали, что партизанский отряд капитана Артемьева регулярно совершает успешные набеги на Петропавловский гарнизон красных, а в устье реки Мили стоят еще более сотни белопартизан. Такие сообщения воодушевляли, поднимали боевой дух, помогали преодолевать трудности.

Олени и лошади тоннули в глубоких сугробах. Местами сильно досаждали наледи. Ручьи промерзли, и грунтовая вода, лишившись слива, просачивалась и расплзалась где поверх наледи, а где прямо по дороге, покрывая ее слой за слоем льдистой кашицей.

В промокивших валенках и унтах ноги коченели. Приходилось останавливаться и разводить костры, чтобы просушить обувь. Ночевали, кто в палатках, кто в тунгусских чумах. Кому не хватало места — у костра. В чумах спали и люди, и собаки — все вместе, зато тепло и нет нужды каждые пять минут поворачивать замерзший бок к костру.

Холода стояли жестокие. Бывали дни с такими морозами, что плевки превращались в ледышки, не долетев до земли.

Прибыв в Усть-Миле в середине января, остановились, чтобы отладить взаимодействие батальонов, кавалерийских эскадронов и влившихся партизанских отрядов. Отряд под командованием подполковника Лосева, присоединившийся к нам еще в Усть-Юдоме, включили в наш второй кавалерийский эскадрон.

Две недели занимались подготовкой к предстоящим боям, не думая об отдыхе. Почти непрерывно шли совещания, вылазки по делам военной разведки, по налаживанию связей с сохранившимися самостоятельность партизанскими отрядами. Моральный дух дружины поддерживался тем, что население замордованное разного рода налогами и мобилизациями охотно помогало продовольствием и снаряжением. По всему чувствовалось, что люди рады нам и ждут от нас перемен к лучшему.

Под Петропавловском, грамотно применяя военные хитрости, разгромили, одну за другой, две роты красноармейцев местного гарнизона под командованием Дмитриева.

Встревоженные большевики срочно провели в Якутске областной съезд. На нем они продекларировали политику примирения, полной амнистии, привлечения видных якутов в Областной Совет и даже создания вооруженной Якутской дружины из числа бывших белоповстанцев. Также ослабили пресс под названием «продразвёрстка», «натурналог», трудовая и гужевая мобилизации. Это был сильный ход. Он заметно ослабил недовольство местного населения перегибами красных в предыдущие годы.

В это время к нам присоединилась охотская колонна генерала Ракитина. Готовя почву для овладения Якутском, Пепеляев направил вглубь области ряд небольших отрядов, дав им задание тревожить противника налетами в разных уездах. Подобным «веером» он старался скрыть от красных движе-

ние наших главных сил на слободу¹ Амга. Этот дальновидный ход вскоре принес хорошие плоды.

Слобода, расположенная на возвышенности, представляла в тактическом отношении довольно выгодную и сильную для красных позицию. Подступы к ней со всех сторон были открыты на две-три версты и хорошо простреливались. Единственным и серьезным ее недостатком было то, что Амга состояла из одной улицы, вытянувшейся на две версты, и для ее обороны требовались значительные силы.

5 февраля 1923 года в 5 часов утра объединенная Добровольческая дружина при пятидесятиградусном морозе, молча наступая с двух флангов, шагая, как на параде, без единого выстрела, под смертоносным огнем пулеметов заняла этот важный опорный пункт красных — дорога к центру огромного края была открыта. Почерневшие от мороза и копоти костров лица наших ратников засветились радостью.

Эта триумфальная победа имела огромное значение для поднятия боевого духа дружины — ведь сколько было пережито лишений! Но больше всего радовало, что в наших руках оказались бесценные трофеи: легкие и тяжелые пулеметы, винтовки, патроны, гранаты и несколько тысяч пудов провианта. По распоряжению генерала Пепеляева, во все близлежащие села были разосланы гонцы для записи в дружину, сбора теплой одежды, перевязочных материалов. Через несколько дней стали подъезжать небольшими группами новые добровольцы. Их сразу распределяли по ротам, и офицеры приступали к занятиям с ними.

11 февраля разведка доложила, что из Петропавловска на Амгу идет отряд красноармейцев под командованием полуполяка-полулатыша Ивана (Иоана) Строда. Похоже, они не знали о падении Амги.

¹ Слободой в Якутии называли сёла, где построена церковь, имелось волостное управление и торг, т.е. своеобразный сельский центр, к которому зачастую приписывалось несколько деревень.

Пепеляев отправил навстречу, для организации засады, смешанный батальон и нашу офицерскую роту, всего 230 штыков, под командованием генерала Вишневого. По данным разведки, выходило, что красным не избежать ночевки в аласе Сасыл-Сысы (Поляна Лис), что в тридцати верстах от Амги.

Нам было приказано затаиться в тайге в паре верст от аласа и, дождавшись, когда красные уснут, атаковать под покровом ночи. Вначале все развивалось по задуманному плану. Убедившись, что красноармейцы в аласе, разведчики подкрались к четырем юртам и без шума сняли три поста парных часовых. Получив донесение о том, что дозорные ликвидированы, генерал приказал наступать. Мы поднялись во весь рост и молчаливыми цепями вышли из чащи.

К сожалению, воспользоваться эффектом внезапности не удалось из-за бдительности пулеметчика у пятой, отдельно стоящей в лесу, юрты. Он засек наши цепи и поднял тревогу. Выбив из оконных проемов льдины, красные длинными прицельными очередями остановили нашу атаку. Захлебнулась и вторая. Ее красные встречали уже во всеоружии. Как позже выяснилось, по нашим цепям било около трехсот(!) стволов, в том числе три тяжелых ручных пулемета, два пулемета Кольт, восемь автоматов Шоша! Тысячи невидимых пуль ежеминутно с коротким певучим пересвистом разрезали воздух и валяли на снег наших ратников.

Огонь был столь плотным, что пришлось отойти в тайгу, черной стеной окружавшей поляну. Наша неосведомленность о столь большой численности отряда красных привела к огромным потерям. На истоптанном снегу поляны осталось лежать сорок девять убитых! Уверен, что все они пополнили пантеон российских героев. Иначе их не назовешь.

Вообразите на минутку: на вас смертоносным градом летит свинец, и нужно встать и пойти ему навстречу, преодолевая самый сильный инстинкт — инстинкт самосохранения. В такой обстановке подняться в атаку — уже подвиг! Попробуй заставить себя осознанно идти на смерть,

продираясь сквозь рой пуль! Сказать, что это невероятно трудный шаг — значит, оценить заключенную в нем доблесть только наполовину. И каждый, кто сделал его, попирая смерть мужественной верой в свою правду — неважно, красный он или белый, — достоин звания героя.

Хозяева юрт после первой же атаки, как только смолкла стрельба, сложили свой небогатый скарб в сани, укутали детей и покинули насиженный угол, бросив огромным трудом сколоченное хозяйство, включая оставшихся в живых коров, толпившихся между двумя десятками телег красных, посреди прямоугольного двора.

Строд понимал, что с приходом подкрепления мы возобновим атаки. Используя дневную паузу, он весьма грамотно строил оборону: красноармейцы, невзирая на обстрел, подтаскивали к ограде из жердей, опоясывающих прямоугольный двор, убитых животных, подносили балбахи — крупные кирпичи из замороженного навоза и, складывая из них стенку, обливали их водой. Она моментально замерзала, превращая кладку в скользкий ледяной бруствер. Для пулеметов оставляли бойницы. Всего по периметру у них получилось восемь пулеметных гнезд.

В итоге хутор Сасыл-Сысы к вечеру превратился в настоящую крепость. Глядя на сверкающий под лучами низкого солнца ледяной бастион, возведенный за несколько часов посреди ровного, покрытого глубоким снегом поля, мы поняли, что осада будет затяжной. Нас бы в этой ситуации могли выручить пушки, даже легкие, но где их взять?

Уже готовый к решающему походу на Якутск, генерал Пепеляев, получив через гонца донесение Вишневого, посчитал опасным оставлять столь мощное, боеспособное соединение противника у себя в тылу и решил, объединив все силы, либо уничтожить Строда, либо добиться его капитуляции.

Всего на эту операцию было брошено шестьсот дружинников.

Отряд красных оборонялся отчаянно. В иные дни из каждого пулемета они выпускали, как признавались потом пленные, по два десятка лент. Но и сами несли тяжелые потери. Из-за недостатка продовольствия они вы-

нуждены были есть мясо, настроганное с убитых лошадей и коров. Строд, несмотря на ранение (насквозь прострелено легкое), продолжал руководить обороной.

Чтобы укрепить ледяную стену, опоясывающую двор, красные ночью собирали убитых — из их тел наращивали и расширяли брустверы. Щели между трупами затирали снегом и снова заливали водой. Кроме того, спилили десятка два деревьев, росших вокруг юрт и хотонов. Повалили их так, что они легли ветками наружу. Получилось нечто вроде засеки.

В минуты затишья между нами через заснеженное поле то и дело начинала метаться перебранка:

— Эй, беляки, зачем притопали?

— Мы пришли спасти Россию. Большевики обманывают вас красивыми посулами, а вы верите.

— Без офицера разберемся, никто вас не звал сюда!

— Да нас как раз позвали, это вы на чужое заритесь!

— Мало вам нашей кровушки на войне было! Повернуть все по-старому хотите?

Дальше следовало упоминание многих предков, и на этом диалог, как правило, иссякал.

После двухнедельной осады силы красных были на исходе. Чувствуя это, генерал Пепеляев направил им с пленным красноармейцем ультиматум:

«Вы окружены со всех сторон Сибирской добровольческой дружиной и повстанческими отрядами. Сопротивление бесполезно. Во избежание кровопролития, исключительно в интересах сохранения жизни красноармейцев, предлагаю сдаться. Гарантирую жизнь всем красноармейцам, командирам и коммунистам.

Генерал Пепеляев».

Стродовцы подняли над юртой красное знамя, а гармонист заиграл «Интернационал».

Часа через два мы получили ответ. Вскрыв пакет, адъютант протянул листок генералу. По мере чтения его лицо хмурилось всё сильнее:

«Генерал Пепеляев!

Предлагаем вам сложить оружие и отказаться от задуманного вами нападения на молодую Советскую автономную Якутию.

Разве можно, проиграв генеральное сражение, теперь частными атаками восстановить разбитый вдребезги колчаковский фронт? Никогда, генерал! Забудьте об этом думать! Вся ваша авантюра построена на песке, и вас вместе с дружиной ожидает конец Колчака.

Советская власть — не есть власть коммунистов, — нет, это есть власть трудового народа. Советская власть не мстит никому. Сдавайтесь! Или вы будете уничтожены нашими товарищами».

Взбешенные наглостью красных, мы приступили к решающему штурму крепости. Один отряд начал демонстративное наступление, отвлекая на себя огонь противника. В это время основные силы почти без потерь преодолели утопанную предыдущими атаками поляну и стали кидать во двор легкие японские гранаты. Но из них разорвалась только одна.

Под стенами ледяной крепости теперь уже красные нас самих забросали ручными гранатами Рдултовского. Они оказались понадежней: вместе с плевками черного дыма разлетались со звоном, похожим на звуки бьющегося стекла, сотни мелких осколков, наносивших нам значительный урон. Несмотря на это, на левом фланге, там, где подступы к брустверам не были защищены засекой, группа офицеров сумела перебраться через ледяную стенку и пошла напролом, расчищая путь саблями и штыками. Со всех сторон неслись дикие крики, стоны, мат. Фельдфебель Колоколов прорвался к огневому гнезду, сильно досаждавшему продвижению наших, и разможжил ударом приклада голову пулеметчика. Но и сам пал от успевшего выстрелить в упор красноармейца.

Соппротивление красных слабело. Вот-вот должен был произойти прорывом в нашу пользу, но Строд бросил в бой свой штаб и легко раненых. Не по-

лучив подкрепления, отрезанные от основных сил, прорвавшиеся герои все полегли в неравной схватке. Правда, красным за это пришлось заплатить двойную цену.

Неистовая по своему накалу атака захлебнулась — мы в очередной раз откатились в лес.

Ветер, весь день гонявший по полю боя поземку, затих. В стылой тайге установилась торжественная тишина, именуемая белым безмолвием. Ее то и дело нарушали лишь выстрелы лопающихся деревьев.

Завершился семнадцатый день осады с яростной стрельбой по неосторожно выглянувшему красноармейцам. Еще две-три атаки — и у красных обороняться будет некому. В хотоне сотня раненых. Воды нет — пригодный снег вокруг юрт собран. Осажденные страдали не только от отсутствия воды и еды. Не меньше мучил расплотившийся в этой грязи новый, с булавоочную головку, враг — миллионы вшей рыскали по телам красноармейцев. Раны были сплошь облеплены паразитами. Люди умирали от заражения крови. В центральной юрте, где лежали раненые, в воздухе стоял нестерпимый смрад от естественных испражнений.

Тут наши разведчики перехватили донесение, что к Строду из Якутска на выручку идут 560 красноармейцев латыша Карла Байкалова. Его соединение имело пушки, большой запас боеприпасов, тогда как у нас оставалось по двадцать пять патронов на одного бойца.

Для их встречи на подступах к Амге окопался резервный батальон. Упорный, с большими потерями для обеих сторон бой, начавшись 1 марта, на следующий день завершился нашим поражением. Сняв осаду с Сасылысы, мы, преследуемые войсками красных, отступали в Аян, а генерал Ракитин — в Охотск.

В эти дни Пепеляев сделал в дневнике следующую запись:

«2 марта 1923 года. Амга взята красными. Якутские представители бегали и кричали: «Мы разорены!..» Эти слова открыли глаза — мы защищали не свой народ, а шкурные интересы деятелей областного управления, ко-

торые обирали население и совершенно спокойно занимались спекуляцией пушнины. Надо отдать должное коммунистам — наш приход заставил их в корне изменить свою прямолинейную и однобокую тактику, и более мягкой политикой они побудили население изменить позицию. Если в прошлом году жители угоняли скот от красных и сами прятались, то теперь страх перед ними ослаб. Население "покраснело". Прошлогодние повстанцы стали красноармейцами. Надолго ли эти заигрывания?»

В дороге на Аян ночевали без палаток, прямо у костров, по пять-восемь человек у каждого. Один бок, обращенный к огню, прогревался хорошо, зато другой в это время пробирал мороз. Приходилось то и дело поворачиваться. Забудешься поверхностным сном минут на десять и снова крутишься, чтобы подставить огню промерзший бок. И так всю ночь — и спишь, и не спишь. Когда ветер прорывался сквозь лесную чащу, он, как кузнечный мех, раздувал костры, взметая тысячи искр. Погаснув, они черной пылью покрывали нас. От выстреливаемых угольков нередко прогорали полушубки, шинели, катанки. Среди ночи то и дело слышались крики: «У тебя бекеша горит! А у тебя унты!» Кто-то вдруг, как ошпаренный, вскакивал и начинал сдирать с себя полушубок. Оказывается, тот выгорел на плече до гимнастерки. Люди так уставали и мерзли, что не сразу чувствовали огонь. К утру у кого-то не хватало целой полы от шинели, у кого-то на спине зияла огромная дыра; влажные рукава полушубков вблизи огня стягивало, морщило, словно сушеные грибы. Обмороженные лица чернели, покрывались струпьями. Дыры в обуви затыкали тряпьем или мхом и перевязывали веревочками. Проходя десятки верст по глухой тайге и терпя эти невероятные лишения, ко всему прочему, еще и голодали. Но в глубоких провалах глазниц большинства по-прежнему горел огонь жажды реванша.

Лежа у костров, мы все пытались докопаться до причин поражения монархии. Сошлись на том, что напрасно мы, офицерство, до красного переворота были аполитичны. Тем, что творилось в стране, интересовались мало. Большинство просто несли службу — прикажут, сделаем. А когда

гром грянул, многие оставались уверены, что все само собой образуется, что ничего страшного и при красных не произойдет, и его лично все это не коснется. А когда сущность большевиков проявилась в полной мере, и пришло понимание того, что кадровое офицерство в планах новой власти не значит, и ему уготовано истребление, спохватились, да поздно было — части расформированы, оружия нет, довольствие для содержания семей не выплачивается. Организоваться для сопротивления местами удавалось, но этих разрозненных сил было явно недостаточно. Беда в том, что воевали с большевиками порознь, каждый генерал сам по себе, а надо было объединиться. Тогда бы и красных одолели, и жертв меньше понесли. Тыловое обеспечение тоже хромало.

Да и сами не без греха оказались — недовольство народа мобилизацией и реквизициями зачастую подавляли с неоправданной жестокостью. Иные, потеряв человеческий облик и забыв о гуманности, очень даже лютовали.

Красных здорово поддержало то, что триста тысяч австро-германских военнопленных перешло на их сторону, и именно они, люди с боевым опытом, стали костяком Красной армии. Их почему-то скромно называли «красными латышами». Войска Антанты во главе с Жаненом вместо того, чтобы помогать нам, вступили в корыстный сговор с чехами в борьбе за двадцать с лишним тысяч пудов золота — золотой запас России.

С горечью приходится признать, что наш жертвенный героизм, огромное желание спасти Россию от безбожья и анархии не смогли противостоять организованности и классовой ненависти рабочих и крестьян-бедняков, воодушевленных обещанием скорого счастья. Мы исполняли свой долг, и сотни тысяч офицеров отдали жизнь, не задумываясь о том, что возможен и трагический исход борьбы.

** * **

Генерала Пепеляева еще до похода на Амгу стали посещать тревожные мысли. Может, напрасно он, невзирая на разгром Повстанческой армии,

принял решение идти на Якутск, подвергая огромному риску жизни сотен лучших офицеров, солдат и казаков Русской армии?

После поражения он совершенно лишился сна — его душу разрывало на части. Теперь генерала терзала другая дума — как спасти оставшихся в живых?

Отступление при тридцатиградусном морозе по снежному бездорожью, когда за день с трудом одолевали не более десяти верст, до предела измотало людей и животных. Тяжко и больно было смотреть на усеянный трупами лошадей и оленей, занесенный глубоким снегом Аянский тракт. Из двухсот голов, вышедших из слободы, до Нелькана дошли только десять, и то еле живых из-за нехватки корма.

Небольшой запас продуктов почти иссяк. Когда вставали на ночевку, физически более слабые бойцы, как только разгорались костры, выбирали поудобнее место, укладывали под голову вещевые мешки, а под бок наломанные ветки пихты или кедра — что найдется — и сразу засыпали. Когда поспевал ужин, их будили и заставляли есть.

После каждой ночевки на снегу оставались лежать один-два ратника. Сил хоронить не было. Тела просто относили в сторону и зарывали в сугроб.

В Нелькан добрались в первых числах апреля. Всего в дружине осталось после похода на Якутск не более трехсот офицеров и солдат. Заросший густой щетиной генерал выглядел почерневшим, постаревшим. Запавшие щеки, провалившиеся глаза выдавали безмерную усталость.

10 апреля прошел съезд тунгусов Аяно-Нельканского района, который постановил объявить территорию, где кочуют тунгусы, самостоятельной республикой и просил генерала остаться с дружиной для ее охраны. Взамен тунгусы обещали обеспечивать дружину продовольствием и транспортом. В постановлении выражалась благодарность пепелявцам за понесенные жертвы и труды, и за то, что офицеры уважительно обходились с населением края.

Славные кочевники-оленоводы видели в нас своих спасителей. Для победы они бесплатно трудились всю зиму в транспортных обозах, отдали сотни оленей на мясо, не меньшее поголовье погибло от тяжелой работы и бескормицы. И даже после разгрома дружины тунгусы сохраняли веру в наши силы.

На предложение остаться для охраны «тунгусской республики» генерал ответил отказом. Несмотря на это, съезд своего постановления не отменил.

В Аян Пепеляев привел остатки нашего войска в начале мая 1923 года.

Глядя на скованное толстым льдом море, мы понимали, что первые пароходы появятся не скоро и стали делать кунгасы¹, на которых собирались отплыть на Сахалин сразу, как только море освободится от ледяного панциря. Но морской десант Пятой Красной армии помешал осуществить этот план. Никто из нас и предположить не мог, что большевики после победы в Амге вышлют из Владивостока на пароходах «Индигирка» и «Ставрополь» еще одну карательную экспедицию.

Руководил ею известный красный командир, в прошлом кузнец из Бирского уезда Башкирии, Вострецов. Надо признать, порученную операцию он провел образцово. Для обеспечения внезапности красные высадились вечером 2 июня 1923 года десантом в 700 штыков не в самом порту Охотск, а на берег мыса Марикан, освободившийся уже ото льда. В первую очередь они решили уничтожить остатки отряда во главе с генералом Ракитиным в Охотске, а затем двинуться на Аян, где готовились к эвакуации мы.

Короткой июньской ночью красноармейцы совершили стремительный марш-бросок в 27 верст, и ранним утром 150 бойцов, остальные отстали по дороге, вошли в спящий город. Поднятые по тревоге офицеры открыли беспорядочную стрельбу, с колокольни застучал пулемет. Вместе с десятком рядовых красноармейцев сразу был убит заместитель Вострецова.

¹ Кунгас — дальневосточное деревянное беспалубное парусно-гребное судно прибрежного плавания.

После двухчасового боя красным удалось подползти к пакгаузу, и в него полетели связки гранат. Только тогда наши выкинули белый флаг. Генерал Ракитин не пожелал сдаваться и, как истинный офицер, пустил пулю в висок.

11 июня 1923 года «Ставрополь» с пленными вышел во Владивосток, а Вострецов со своими красноармейцами на «Индибирке» взял курс на порт Аян. Через сутки «Индибирка» встала на якорь в пустынной Алдомской бухте.

Для скрытности красные пошли на Аян по расквасившемуся снегу волчьей тропой, петлявшей по прибрежным сопкам. Утром 16 июня у Аянской высоты взяли в плен полковника Варгасова. Не выдержав пыток, он признался, что пепеляевцы наблюдают только за морем в надежде увидеть корабль, а отдельный отряд в восьми километрах от Аяна на берегу строит кунгасы.

17 июня 1923 года перед рассветом на порт пал туман. Красноармейцы, беглым шагом спустившись с сопки, окружили наш штаб и казарму. Оборонялись наши отчаянно. Стреляли редко, но наверняка — боеприпасов к тому времени осталось по шесть патронов на ствол. Красные под прикрытием шквального огня пулеметов стали подползать к окнам и кидать в них гранаты. Потери сразу возросли.

Во избежание дальнейших жертв, генерал отдал приказ сложить оружие. Он решился на этот несвойственный его убеждениям шаг, так как чувствовал перед нами личную вину: мы доверились его неукротимой воле, и пошли за ним, бросив более-менее устроенную в Харбине жизнь, а он не оправдал наших надежд — не сумел привести к победе.

До сего времени у него было четкое понимание, что есть долг перед Отечеством и что есть подвиг, что есть честь и предательство, смелость и трусость, и без колебаний, бесстрашно боролся за торжество своих идеалов. Но за эти месяцы все смешалось, и теперь сам генерал запутался. Он не мог понять — в каких деяниях он прав, а в каких ошибался. Нарушилась его

дотоле равновесная система координат. Все, что казалось несокрушимым, стало зыбким, как на болоте.

Откуда у красных такая убежденность в своей правоте и как им удалось обратить в свою веру миллионы людей? Кто искренне заблуждается — он или они? Кто на верном пути к Истине? Это для него, как, впрочем, и для всех нас, осталось неразрешимой загадкой.

Наш отряд под командованием подполковника Лосева был занят постройкой кунгасов на берегу моря. Мы завтракали, когда примчался раненый верховой и сообщил о нападении больших сил красных на штаб, и что они уже движутся сюда. Нам повезло — почти все лошади, имевшиеся в Аяне, были у нас, на них таскали из тайги стволы для кунгасов. Похватав самое необходимое, мы верхом ушли прямо через горы вглубь тайги. В пути было несколько боестолкновений. В итоге в отряде осталось пятнадцать человек. Местные казаки Дубов и Шалый, хорошо понимавшие тайгу, водили нас по безлюдной глухомани до тех пор, пока красные не потеряли след. Убедившись, наконец, что погони нет, построили в укромном распадке свои первые жилища и стали жить маленьким гарнизоном.

Конец первой части».

* * *

Дело генерала Пепеляева слушалось в Чите ревтрибуналом Пятой армии в январе 1924 года. Суду были преданы семьдесят восемь человек офицерского состава.

Незадолго до вынесения приговора Пепеляев писал в камере:

«Мы все были упорными и последовательными врагами советской власти и боролись с нею до последней возможности, руководствуясь нашей горячей любовью к Родине, России, желанием помочь русскому народу стать великим и сильным и изгнать тех, кого мы считали разрушителями России и насильниками над свободной волей народа.

Я имел одну цель — спасение родины, не допустить до развала и гибели народное хозяйство, считая, как и большинство интеллигенции, коммунистическую власть способной только разрушать со страшной жестокостью все основы государственности. То же чувство бесконечной любви к народу и Родине двигало мною, когда я по зову представителей Якутской области с горстью самоотверженных и бескорыстных бойцов пошел в далекую и суровую Якутию, чтобы оттуда протянуть руку народу, который, как казалось нам, гибнет под властью коммунистов.

Уцепившись за обломки разметанного революцией старого строя, мы старались склеить из них новую государственную храмину, бессильные оторваться от тех взглядов, которые были вложены в нас воспитанием и окружающей средой.

Но мы жестоко ошиблись в оценке того, что свершилось в стране.

Потерпев поражение, мы сдались отряду Красной Армии.

Я ожидал, что сейчас же начнутся расправы, насмешки победителей. Оказалось не так. Никакой вражды я не встретил. С удивлением замечал я, что улеглась злоба, утихла вражда, что русские люди снова становятся братьями. То, что я вижу вокруг, о чем слышу и читаю, убеждает меня, что незачем спасать Россию. Она спасена. Из кошмарных лет Гражданской войны выковалась действительно новая, свободная Россия. Теперь я глубоко убежден, что всякая борьба с советской властью будет борьбой с Россией.

И я обращаюсь к тем, кто, как и мы, мечтал и искал свободной России — вам нечего мучаться за границей, смело возвращайтесь и спокойно работайте среди трудового народа.

Я не знаю, что ждет меня через три-четыре дня, когда будет вынесен приговор пролетарского суда. Возможно, доживаю последние дни. Это меня не пугает. Я привык смотреть смерти в глаза. Поэтому физическая смерть не страшна. Я пережил пострашней — смерть идейную. Сквозь тюремную решетку я увидел и понял, что я жестоко ошибался, и что за нашей спиной, на нашей крови наживали деньги, а нас толкали в пропасть.

Каким бы ни был приговор, вынесенный мне, я буду считать его заслуженным. Если же советская власть оставит мне жизнь и в будущем доверит оружие, я даю слово офицера, что так же упорно буду защищать советскую власть, как до сих пор шел против нее».

Пепеляев А.Н. был приговорен вместе с двадцатью пятью старшими офицерами к расстрелу. ВЦИК заменил всем высшую меру на 10-летний срок тюремного заключения. В 1936 году генерал освободился и поселился в Воронеже, но в 1937 году был повторно арестован и расстрелян в Новосибирске 14 января 1938 г.

По иронии судьбы, его знаменитый победитель, всю свою жизнь боровшийся за коммунистические идеалы, Иван Строд, кавалер четырех орденов Красного Знамени, в 1937 году был признан опасным врагом Советской власти и расстрелян почти в один день с Пепеляевым.

Парадоксально, но многочисленные примеры истории убедительно подтверждают, что все революции сначала безжалостно сметают, уничтожают противников, а окрепнув — тех, кто ее вершил. Почему? Наверное, чтобы соратники не вздумали соперничать или мешать вождю реализовывать его планы.

Разгром армии генерала Пепеляева в Якутии поставил заключительную точку в таком совершенно диком явлении как Гражданская война, отнявшая у России через братоубийство миллионы сынов и обескровившая страну на многие десятилетия¹.

¹ Потери России в ходе Гражданской войны 1918-1922гг.

ВСЕГО УБИТО И УМЕРЛО ОТ РАН — 2,5 млн. чел.

В том числе:

Красная армия — 0,95 млн. чел.

Белая армия — 0,65 млн.чел.

Партизаны — 0,9 млн.чел.

ПОГИБЛО В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРРОРА — 2,0 млн. чел.

В том числе:

от красного террора -1,2 млн. чел.

Русские офицеры! Будет время, и не поверят потомки, что могли существовать на земле люди, во всем, казалось бы, похожие на остальных россиян. С такой же плотью и кровью, а на самом деле возвышающиеся над всеми, как вершины Эльбруса возвышаются над окрестными горами. Их предавали политики, союзники, жатка смерти десятки раз прокатывалась по их непокорным головам, а они не падали духом и просили об одном: не мешайте стоять за Отечество. Геройство без рисовки, страдание без жалоб, терпение без конца, самопожертвование без позы, патриотизм без фразы — таков российский офицер во все времена и режимы!

СПРАВКА ОБ ИСТОРИИ РАСКОЛА

Языческая Русь добровольно приобщилась к христианству, приняв Крещение в водах Днепра от греческих священнослужителей в 988 году. Летописцы не отметили каких-либо выступлений, тем более кровопролитных, со стороны язычников против новой веры. Стало быть, по характеру и свойствам души подходила она славянам, и учение Христа быстро распространилось по княжествам, которые в совокупности потом и образовали Святую Русь, живя в согласии, крепчая из века в век. Для становления русских как этноса, роль православия оказалась системообразующей. Именно православие дало возможность подданным разных княжеств осознать себя единым народом.

В течение почти семи столетий единство и чистоту русского православия не могли поколебать ни возникавшие временами ереси, ни набеги степ-

от белого террора — 0,3 млн. чел.

от партизан — 0,5 млн. чел.

УМЕРЛО ОТ ГОЛОДА И ЭПИДЕМИЙ — 6,0 млн. чел.

ВСЕГО ПОГИБЛО — 10,5 млн. чел.

Эмигрировало — 2,0 млн. чел.

ных половцев, ни феодальные распри великих и малых князей, ни даже двухсотлетнее татаро-монгольское сожительство.

К середине 17 века, когда русский народ успешно справился и с авантюрой лжецаревичей, и с изменой бояр, и с бедствиями Смутного времени, когда соборно избрали царя из новой династии Романовых и, казалось, наступили времена процветать государству, Русь взломала катастрофа церковной реформации.

До 11 — 12 веков христианское вероучение было едино, и Церковь возглавлял Папа, живущий в первопрестольном граде — Риме, где когда-то проповедовали и приняли мученическую смерть апостолы Петр и Павел. Начиная с 11 века, из-за споров о роли Римского Папы во Вселенской Церкви и его прав на внесение изменений в соборно принятые решения, происходит раскол Церкви на православную и католическую. После этого главой православия становится Патриарх Царьграда (Константинополя), которого титулуют «Вселенским». Русские Цари и митрополиты довольно точно следуют установившимся в Константинополе, именуемом Святым Царством или Вторым Римом, догматам, признают их образцами православия.

Но к середине 15 века под натиском турков Византия слабеет. Русская православная Церковь оказывается в сложном положении. С одной стороны, «тысячелетнее царство» катится к гибели, с другой — русская держава усиливается и сохраняет верность православию. Так зародилась идея: «Москва — Третий Рим, а четвертому не быти». После захвата турками в 1453 году Константинополя и прекращения существования Византии как государства, эта идея еще более крепнет.

На Руси падение оплота православия — Царьграда — напрямую связывали с отступнической Флорентийской унией, заключенной с католиками в 1439 году в стремлении спастись от турецких завоевателей. Но это еретическое отклонение в вере так и не помогло.

Святая Русь в глазах народа начинает отождествляться с Государством Святого Духа, отмеченного избранничеством, как некое благодатное исключение.

В 16 веке учение о Москве — Третьем Риме — получает дальнейшее развитие и становится более утвердительным. Знаменитый Московский собор 1551 года, называемый Стоглавым, окончательно подтверждает учение о превосходстве Православной Руси и ее церковно-социального уклада над иным православием, напрямую связывая политическую независимость Российского государства с соблюдением верности всем канонам православия. Собор также пригрозил строгими карами тем, кто дерзнет нарушать правила святых апостолов, исказить или отменить старые обряды и предания святой Церкви. Происходит реальное осуществление того, что предрекал киевский митрополит Илларион еще в 11 веке, — «последние станут первыми».

В этот же период (в 1589 году) на Руси устанавливается свое патриаршество, что знаменует полноту и самодостаточность священного царства: и царь, и патриарх — оба православного вероисповедания. В других восточных Церквях православные только патриархи, а правители, как правило, католической веры. Обращаясь по этому случаю к царю Федору, восточный патриарх Иеремия сказал: «Ветхий Рим пал от ересей, вторым Римом — Константинополем — завладели турки; твое же великое Российское царство — Третий Рим — всех превзошло благочестием».

Отныне Русь стала именоваться Святой Русью. В начале 17 века она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы задуматься об избавлении славянских народов и Константинополя от османской власти и стать Третьим Римом, Новым Израилем, империей, где сохранялась бы вся полнота Веры.

Молодой царь Алексей Михайлович возмечтал воссесть и на царьградском престоле. Вместе с Никоном они замыслили объединить вокруг Русской Церкви и Русского Царя все православные земли и народы, бывшие под гнетом мусульман и «папешников»¹, чтобы распространить спасительный свет

¹ Папешники — пренебрежительное прозвище католиков на Руси.

Русского Православия повсюду и превратить Русь в Империю Православия. Тараном в реализации этих планов стал Никон. Ещё одной тайной целью царя было подчинение самостоятельной и богатой Церкви лично ему — самодержцу Всея Руси. Для осуществления этого замысла он, используя честолюбивое желание патриарха Никона обрести вселенское первенство и освободить византийские святыни православия от османского ига.

Для того чтобы заранее снять трения с иными православными Церквями в деле их интеграции под эгидой Московского Патриаршества и Русского Царя, Никон, отличавшийся жестокостью и упрямым характером, не выбирал средств. С молчаливого согласия самодержца, он самовольно и скоропалительно взялся подстраивать ритуально-символические аспекты Русской Православной богослужебной практики под новогреческие стандарты, принятые в большинстве православных Церквей за пределами Руси и прежде всего среди украинцев, сербов и греков.

При этом он упустил важнейший момент: сам факт мощи Московского Царства связывался русскими именно с непорочной верностью первородной вере, с упорным противостоянием всем нововведениям, идущим с Запада, от которых и пал Константинополь.

Иными словами, Никон решил пожертвовать ради унификации «Третьего Рима» — Москвы — тем, что являлось её самым важным и сильным религиозным и обрядовым преимуществом. И совсем уже нелепыми и надуманными кажутся ссылки патриарха Никона на якобы имевшееся отклонение Русской Церкви от древнегреческих норм, о «порче книг» и «богослужебных ритуалов». На самом деле Русь жила по древнему Студийскому уставу, действовавшему в Константинополе-Царьграде до его падения и смененного затем на правленный Иерусалимский.

Незадолго до этого московскими ревнителями веры были справедливо подняты вопросы о том, что негоже, не по чину вести службу многогласием, когда священники поют, каждый свое, в два, три и даже в шесть голосов, отчего прихожанину невозможно понять, что читают, что поют им служители.

Что надобно перейти к единогласному песнопению и псалмы говорить неспешно и внятно. Самыми активными сторонниками этого являлись члены кружка царского духовника Стефана Вонифатьева — протопопы Неронов, Аввакум, Логтин и Данилов. Осуждали они и «хомовое пение», при котором слова изменялись так, что нельзя было их узнать: вместо Спас, Бог пели Сопасо, Бого.

Многогласное пение приучало народ к формальному отношению к церковной службе, хотя многих прихожан устраивала быстрота богослужения, достигавшаяся именно благодаря многогласию.

Наконец, по их предложению на соборе 1651 года было постановлено «петь чинно и единогласно, а псалмы говорить в один голос, тихо и неспешно». Одновременно с единогласием была возвращена в церковь вышедшая из обычая устная проповедь.

Таким образом самими будущими старолюбцами (духовник Стефан Вонифатьев из страха потерять своё место в конце концов перешел в стан Никона) был дан толчок последовавшим за этим переменам, в которых они, правда, прямого участия не принимали: в исправлении «недостатков» в богослужебных книгах. На них прежде не раз указывали Никону наезжавшие в Москву за милостыней греки, с внесением троеперстия и иных новшеств. (В первоисточном православии существовал единый знак «ручного креста» — двуперстие).

Эти, так называемые книжные исправления, Никон поручил Арсению Греку. Последний отличался стяжательством и чрезвычайно легко менял свои духовные пристрастия в зависимости оттого, кому служил: в Венеции он был католиком, в Польше — униатом, потом принял магометанство. На Руси же притворялся православным, но патриарх Иосиф, предшественник Никона, отправил его в Соловецкий монастырь, как опасного вероотступника для исправления его веры. Тем не менее, патриарх Никон призвал его к себе и сразу сделал главным своим помощником. Это вызвало ропот среди верующих; стали говорить, что «басурманин» правит святыми делами Церкви. Но

царь Алексей предоставил Никону такое неограниченное право и чрезмерную власть, что перечить было сложно и смертельно опасно.

Под руководством Грека исправлениями богослужебных книг под новогреческие образцы занималась целая бригада справщиков. Эта работа началась и велась еще до Грека старцами Савватием и Иосифом, но они недоверчиво относились к греческим текстам и были близки по воззрениям к Неронову и Аввакуму. Посему Никон вывел их из состава переписчиков.

Не ошибки, не описки или другие неисправности старых книг «исправляли» никоновские книжные справщики. А выбрасывали из них вековые чины, обычаи и предания древней вселенской Церкви. Исправляли не только книги, но и богослужебные чины для приведения их в согласие с действующими новогреческими образцами. Фактически не осталось ни одной неисправленной богослужебной книги. Изменений этих было внесено чрезвычайно много — насчитываются сотни. (К сожалению, в краткой справке нет возможности дать даже часть погрешностей никоновских книг).

Особое недовольство противников перемен вызвал циркуляр, разосланный по московским храмам в 1653 году. В нем отменялись поклоны до земли во время Великого поста с вставанием на колени и касанием головой пола.

Начавшись с распоряжения о крестном знамении и поклонах, эти исправительные перемены постепенно распространились на весь чин богослужения и получили одобрение в соборных определениях 1654, 1656 годов. Эти изменения церковных обрядов не могли не вызвать резкий отпор со стороны рядовых священников и русских людей, почитавших святыне предания и опасавшихся утраты чистоты веры. В народе возникло брожение и пошло нарастание противодействия новинам.

Польская война и мор 1654 года, стувившие множество людей, были истолкованы в народе как Божие наказание за отступничество от старой, отеческой веры, поругание над святыми образцами. Противники реформ, составившие в дальнейшем ядро старообрядцев, были убеждены, что избранничество Третьего Рима было основано как раз на твердой приверженности суще-

ствующему церковному преданию, буквальному исполнению всех норм и традиций в малом и в великом.

Бывшие члены кружка царского духовника к этому времени перешли в открытую оппозицию, считая, что книжная справа является подрывной антихристовой инициативой, аналогичной той, что ранее погубила Константинополь. Тем более что делалась она самочинно, без созыва, как требовали каноны, Собора, на котором и следовало открыто обсудить программу реформы. Они считали, что если и выправлять православный устав и богослужебные книги, то делать это надо другим православным странам по русскому образцу, а не наоборот.

Никон, тем не менее, продолжал реформу резко и своевольно. О его человеконенавистническом нраве ясно свидетельствует сделанное им в 1656 году распоряжение о том, чтобы преступников, осуждённых на смерть, священники не только не удостоивали святого Причастия, но и не допускали к Исповеди. И чем жестче действовал патриарх, тем радикальней становилась оппозиция. А он уже мнил себя главой всей будущей Православной Империи и даже делал попытки к узурпированию светских функций.

Точно в год, предсказанный «Книгой о Вере» — 1666 — в Москве произошёл беспрецедентный по своим разрушительным последствиям Собор, где властолюбивый патриарх Никон, исполнивший свою миссию, был по указанию царя низложен и отправлен в ссылку в Белозерский монастырь, но его нововведения одобрены, а царская власть абсолютизирована. В результате идея Третьего Рима была подорвана и структурно, и идеологически.

Какими бы благими ни были изначально намерения Никона, результат реформ был катастрофичен во всех отношениях: Церковь разделилась на старообрядческую (народную) и официальную, именуемую сейчас — Русская Православная Церковь (РПЦ).

Как полное подтверждение трагической правоты староверов о попрании истинного православия наступило царствование Петра Первого, при котором католическо-протестантский Запад откровенно был взят за образец, патри-

аршество упразднено и официальная Церковь поставлена под жесткий контроль светской власти на манер английской монархии. В высшей степени символично, что столица России переносится на Запад, прочь от Москвы, ставя тем самым последнюю точку в вопросе о Третьем Риме, который отныне фактически пал.

Все эти отступничества от традиций «Святой Руси» породили величайшую и грозную драму — Раскол, справедливый духовный протест россиян против прерывания нестяжательной и аскетической религиозной традиции, пренебрежения к старине. Это уникальное и вместе с тем трагическое духовное явление разделило народ на мужественных и непреклонных приверженцев старого обряда, готовых за веру претерпеть все, что придумано для унижения и мучения человека, и пассивно-послушную массу во главе с иерархами, поступившимися ради своего спокойствия моральными убеждениями.

Планируя реформу, ни царь Алексей Михайлович, ни патриарх Никон не ожидали столь мощного сопротивления церковным новинам со стороны паствы. И хотя большая часть наших предков и священноначалия, из-за угрозы проклятия, вынуждена была все же пойти за корыстолюбивыми устроителями реформы, не менее четверти православных, получив от царевых соглашателей неправое прозвище раскольников, осталось в старой, истинной вере. И это несмотря на то, что гонения на ее приверженцев (своих же русских людей) были порой страшны по своей жестокости. В дикой бесовской злобе новолюбцы и светская власть сжигали сторонников старой веры на кострах, рубили им головы, резали языки, вырывали ноздри, ломали клещами рёбра, замораживали живьём, топили в прорубях. Тюрьмы и подземелья монастырей были переполнены страдальцами за Христову веру.

Никому не было пощады: убивали не только мужчин, но и женщин, и даже детей. Особенно поусердствовала в этом царевна Софья, издавшая в 1685 году против старообрядцев 12 грозных статей. Одна из них гласила: «Если кто из старообрядцев ... раскается, исповедуется и искренне пожелает

причаститься, то его, исповедовав и причастив, все-таки казнить смертью безо всякого милосердия».

«Истинная вера не та, что гонит, а та, что терпит гонения. Истинно то, что со времен Христа, а не искаженное в угоду властолюбцам», — говорили старолюбцы и шли на смерть. В результате Раскола в России произошло первое выбраковывание всего генетически ценного и сильного, продолженное в последующие века и завершившееся двумя опустошительными волнами: в Гражданскую войну и в ходе репрессий тридцатых годов 20 века.

Само слово «старообрядчество» не передает с должной полнотой суть явления. Смысл старообрядчества его оппоненты обычно сводили к обрядо-верию, но это неверно. Старообрядцы были готовы претерпеть муки и пойти на смерть не ради самих обрядов, а во имя сохранения в неприкосновенности православной веры, «древлецерковного благочестия», порушенного реформой Никона. Они отстаивали незыблемость обрядов потому, что они есть символы, выражение веры. Реформой был затронут и такой важный обряд, как крестное знамение. Никон личным, ничем не обоснованным циркуляром изменил этот освященный Стоглавым собором обряд и ввёл по примеру Римокатолической церкви троеперстное знамение. Соборы 1666 — 1667 годов, поддержав Никона, не только утвердили это и другие новшества, но и объявили древнее апостольское двоеперстное крестное знамение еретическим, что было неверно по существу. Тогда же было отменено крещение через троекратное погружение в воду и принято по католическому обычаю — обливанием.

Если пролистать страницы истории Руси, то приходишь к горькому и парадоксальному выводу: большинство реформ, задумываемых под завесой самых благих намерений, в итоге только ухудшали жизнь народа, ослабляли его корень, потому что проводились они не ради большинства, а для удовлетворения интересов самих реформаторов.

Старая Россия, сломленная и проклятая, оборванная на полуслове, не исполнившая своих заветов, осталась на жестокие гонения. Новая, наслед-

никами которой мы являемся, пошла за Петром. А та, которая могла явиться из самостоятельного пути, не внедрявшая бы передовое насильно, а производившая его естественным ходом развития, так и не явилась на свет. А то, что она могла явиться, что в народе было для этого творческое и духовное обеспечение, больше всего размахом раскола и доказывается.

Самым сильным аргументом в руках сторонников староверия было убеждение, что Первый и Второй Рим пали именно из-за измены первородному православию. Вновь насаждаемое православие, утвердившееся и почитаемое в Греции и Сербии, с точки зрения сторонников староверия было ущербным, негодным Творцу. За что Он их и покарал, отдав эти страны под власть иноверцев.

Старолюбцев страшило, что если изначально не стяжательное православие не противопоставит антихристу силу веры, питаемую идеей богоизбранности русского народа, то такая же участь постигнет и Москву. Они всегда смотрели на себя как на последний оплот истинного православия на земле. Противление любым изменениям и новинам не только в церковных книгах и обрядах, но и в одежде, быту стало целью их жизни.

Государство отвечало на это волнообразными гонениями. Они привели к тому, что старообрядцы массами бежали в соседние государства. (Каково было их количество можно судить по сообщению Сената Петру I — 900 тысяч человек. В отношении к общему числу всего тогдашнего населения России составляло десять процентов).

Император Петр I, провозгласив принцип веротерпимости, разрешил католическое, протестантское, мусульманское, иудейское вероисповедания. И только одни старообрядцы не получили свободы в родном отечестве. В царствование Петра их уже не сжигали массами, но отдельные случаи были. Петр I подписал указ о наложении на староверов двойного платежа податей, также вводился оброк за ношение длинной одежды и бороды.

Только во второй половине 18 века во времена Екатерины Великой произошло первое заметное послабление староверам. Сенатским указом от

01.02.1762 года были прекращены все следственные дела о старообрядцах («содержащихся под караулом тотчас в дома свои отпустить»), отменён двойной подушный налог, разрешалось носить бороды, древнерусскую одежду, строить церкви, селиться в городах и селениях, с условием регистрации их как раскольников в метрических книгах волостных правлений. При этом самые принципиальные старообрядцы отказались официально (через метрические книги) регистрироваться в раскол, считая раскольниками не себя, а как раз служителей господствующей церкви, искаживших отеческое православие. Поэтому запись в раскол ими воспринималась как признание своей неправоты.

В итоге уже в самой среде староверов рождается радикальное странническое или бегунское согласие, в котором идеализируется и приветствуется побег из мира, за пределы «антихристового царства». Бегуны, уходя в изоляцию от цивилизации, отрицали не только собственность («мое» — от дьявола), но и классовое разделение в обществе. Впоследствии, как следующий шаг, в тридцатых годах 19 века в Москве возникают два мощных центра старообрядчества — Рогожская община поповцев и Преображенская беспоповцев.

Относительно спокойные времена продолжались для старолюбцев до восхождения на престол в 1825 году Николая Первого, обладавшего рациональным, холодным умом, явно тяготеющему к протестанству. Особенно активно приверженцев старой веры он стал преследовать и принуждать к переходу в никонианскую церковь с 1841 года. Одновременно велась крупномасштабная «охота» на старообрядческое священство. Были арестованы и сосланы в дальние монастыри-тюрьмы многие священнослужители. В результате большинство старообрядческих общин на долгое время остались без пастырского окормления. Но старообрядчество не какая-то политическая партия и победить его — дело немыслимое. Николаевская реакция, приведшая к почти повсеместному оскудению древлеправославного духовенства, с новой силой оживила в среде староверов желание восстановить институт епископства —

это решило бы вопрос с нехваткой духовенства. На общих тайных собраниях сложившихся духовных центров было решено послать на поиски подходящей, достойной кандидатуры епископа особо доверенных делегатов. Нужно было найти еще и страну, и место для учреждения архиерейской кафедры за границей, так как в России это было невозможно из-за усилившихся притеснений.

После долгих поисков в 1846 году в австрийском селе Белая Криница безместный митрополит Амвросий дал согласие в обмен на пожизненное материальное содержание перейти в древлеправославие через соответствующий чиноприём и учредить староверческую иерархию. Так возникла Белокриницкая митрополия. Рукоположив несколько епископов, Амвросий дал начало так называемой Белокриницкой иерархии, находящейся в Австрии. Ее священство быстро распространилось так же и по другим странам, где обосновались старообрядцы. В 1853 году в России была основана старообрядческая Архиепископия. Поскольку светская власть её не признала, старообрядческим священнослужителям приходилось вести службы скрытно.

Сибирские же общины, не имея возможности из-за удаленности и оторванности приглашать епископов, стали вынужденными беспоповцами.

В связи с тем, что митрополит Амвросий был признан верховным пастырем не общим Собором, часть староверческих общин не признали Белокриницкую иерархию тем более что иным общинам не было представлено убедительных свидетельств о его крещении троекратным погружением. Они остались в своём прежнем состоянии, продолжая окормляться бегствующим от новообрядческой церкви священством. Эта часть древлеправославных христиан, уповая на Промысел Божий, ожидала и искала такого архиерея, который бы полностью соответствовал всем православным каноническим требованиям и шёл бы в древлеправославие не по земным расчётам, но из стремлени спасти свою душу.

Долгие, многотрудные поиски единомысленного древлеправославным христианам епископа в 1923 году привели к тому, что архиепископ Никола

присоединился через повторное миропомазание к Древлеправосланому обществу. Так была восстановлена трёхчинная иерархия и в Древлеправославной Церкви (епископ, пресвитер, диакон). К сожалению Белокриницкие священнослужители той поры восприняли это событие негативно, усмотрев в этом угрозу собственным амбициям. Они всячески старались очернить не только владыку Николу, но и всю Древлеправославную Церковь. Однако, несмотря на все происки недоброжелателей, Древлеправославная Церковь укреплялась. И надо отдать должное мудрости новых Белокриницких иерархов: Рогожинская старообрядческая (РПСЦ) и Древлеправославная старообрядческая (РДПСЦ) Церкви со временем примирились. Так Господь в очередной раз явил приверженцам старой веры Свою любовь и заботу, посрамив сеятеля всяческих раздоров — диавола.

В 2002 году собор, проходивший в городе Новозыбково Брянской области восстановил в Древлеправославной Церкви Патриарший чин и избрал архиепископа Александра первым за последние три с половиной века Древлеправославным Патриархом Московским и всея Руси.

Отрадно, что и официальная Русская Православная Церковь на Поместном Соборе в 1971 году сняла клятвы и анафемы со сторонников старого обряда. Более того на том же Соборе старый обряд был окончательно объявлен равнозначным новому, введённому патриархом Никоном.

Бог милостив, будем верить, что со временем Русская Православная Церковь и Старообрядческие Церкви воссоединятся ибо православные все есть братья и сестры во Христе.

Для старообрядцев непримиримость в вопросах веры являлась равноценной собственному спасению. Именно поэтому старообрядец есть для России новый тип человека. Его не знали ни Древняя Русь, ни Московское царство. В основе его — душевная тревога и мука, вызванные потерей святости бытия в любимой стране, матушке России.

Раскол по своим внутренним духовным переживаниям есть явление глубоко драматичное. Он означал уход многих деятельных и грамотных россиян

из лона государства и властвующей Церкви, которыми, как они полагали, овладел Антихрист. Это существенно повлияло на ход исторического развития России, ослабило ее.

Вопреки устоявшемуся мнению о растворенности, нивелировке личности в общинах старообрядцев, особенность их мировоззрения, как раз напротив, способствовала глубоко личностному восприятию окружающей действительности. И поныне староверы осознают себя единственными хранителями, защитниками истинного православия и старорусской национальной культуры и почитают своим долгом сохранять в чистоте древнерусскую веру до второго пришествия Христа.

Эта сверхзадача личной ответственности давала и дает старообрядцам силы для преодоления экстремальных трудностей и невзгод, развило в них исключительную способность к адаптации, включая житейскую предприимчивость. Ибо каждый период 350-летней истории староверства, порой кровавой и бессмысленно жестокой, требовал новых форм и способов сохранения старого уклада.

Часть старообрядцев вообще отвергла священство, утверждая, что «священный чин повсюду упразднен, и потому таинств более нет, кроме крещения и исповеди на основании канонических правил. «Сам Христос, — говорили они, — будет нам невидимым Святителем, как непреложно Он есть невидимый глава церкви православной». Эта часть старообрядцев и получила название беспоповцев. Важно подчеркнуть, что беспоповцы отвергали и отвергают священников и всю иерархию «не по принципу, а лишь по факту», т. е. они признают необходимость священства и таинства, но считают, что в сложившихся условиях правильных попов нет, восстановление их невозможно, следовательно, невозможно и совершение пяти таинств. У них обязанность исполнения религиозных обрядов возлагается на наставников, избираемых общиной.

Бегуны, являвшиеся наиболее яркими последователями старой веры, мир антихриста отрицали буквально. Они считали, что истинный православный

должен разорвать всякую связь с обществом и стать странником — не иметь «ни града, ни села, ни дому». Бегуны отвергали всякое подчинение властям, не платили податей, избегали военной службы. Странническое учение объявляло уход из мира главной целью человека, ибо бегство есть «брань с антихристом», но не открытая, которая невозможна до последнего пришествия, а в форме «противления его воле и неисполнения его законов».

Еще на заре раскола у старолюбцев появилась мечта о земле обетованной, окруженной природными преградами — свободной стране Беловодье, воплощавшей идеал спасения, где царит воля и справедливость. По преданиям, находится она где-то на востоке, в Опоньском царстве и откроется только тому, кто тверд в направленной отеческой вере.

Что любопытно, в Индии тоже существует легенда о сказочной стране всеобщего благоденствия где-то в Гималайских горах, называемая Шамбалой, что в переводе означает «Белый остров». Туда могут попасть только люди высшей святости и духовной чистоты. Это место так защищено Творцом, что диавол и приблизиться к нему не смеет.

* * *

Долгое крепостное право, существовавшее в России, привело к тому, что у крестьянина, занятого подневольным трудом, не было желания и устойчивых навыков к упорному, целенаправленному труду. А в староверческих поселениях занятие трудом каждого члена общины с малых лет было таким же естественным делом, как молитва, обед, сон — они работали на себя и свою общину. В их мировосприятии неустанный труд являлся высшим предназначением человека. Поэтому их культура не знала такого явления, как нищество. Раскол дал удивительные результаты своего союзничества и братства в организационной и хозяйственной деятельности. В невольной соревновательности с государственной системой, пользующейся, казалось бы, передовой структурой, раскол не открывал Америк, не искал чужедального опыта, а взял за основу институт земства.

Жизнестойкость общины обеспечивалась немудреным и естественным балансом коллективизма и единоначалия, включавшим в себя строгую нравственную дисциплину. Это осуществлялось через самоуправление сообщества, соборное обсуждение вопросов, но вместе с тем и безоговорочное послушание в исполнении решений общины и указаний наставника.

Бытовой и нравственный уклад семьи староверов держался и держится на прочной и долговечной основе: его определяют лучшие традиции русской национальной культуры, неистребимый культ чистоты во всем.

Свидетельство тому — поразительно быстрое становление общин при любых, даже самых неблагоприятных условиях, на новых девственных и малородных землях. Обладая традиционно крепкой общинной спаянностью, обеспечиваемой взаимной поддержкой друг друга, особой любовью к матушке-земле, неистощимым трудолюбием, трезвым и здоровым образом жизни, исключительной честностью, смекалкой, выносливостью в борьбе не только с капризами погоды, но и с жизненными препонами, они проявляли себя самым лучшим образом.

Губернатор Трескин, правивший Восточно-Сибирским краем в начале 19 века, после первой же инспекционной поездки по своим владениям, которые, разумеется, оставили в нем тягостное впечатление, о староверах же писал: «...они и камень сделали плодородным».

Старовер не курил, не пил вина, а в Сибири и чай заваривали только на травах. Строго соблюдал посты и моральные уставы, не плясал под чужеземную дудку и лишь в одном не знал воздержания — в работе.

Старообрядцев, действительно, отличает высокий уровень сознательной дисциплины, без которой невозможно было бы сохранение первоисточного богослужения и уклада жизни в нетронутом виде. Они, вопреки всем бедам и обстоятельствам, упрямо хранили в себе национальную культуру, традиции. Этим людям удалось через осмотрительный консерватизм как бы остановить историю, посадить ее под замок, фактически законсервировать ее срез, существовавший в прошлых веках, невзирая на периоды безжалостного преследо-

вания. Взяв за основу институт земства с его практикой советов, сходов (сборов), выборного самоуправления, принципы общинного пользования капиталом, они выехали из лесов на большую дорогу экономики. Братство и общинность старолюбцев, свободно складывающиеся и свободно развивающиеся, взаимоподдержка и культура привели к неожиданному повороту, когда в рыхлой и плохо управляемой стране эта часть народа повела хозяйство и быт лучше и успешней.

Находясь во враждебно настроенной официальной среде, они нашли, быть может, единственно верный путь к сохранению своих идейных убеждений и воззрений. А именно — перешли от первоначально приветствовавшегося отрешения от мира к рациональному участию в хозяйственной деятельности в тех сферах, где государство не препятствовало свободному предпринимательству и само практически не участвовало: текстильная промышленность, торговля и т. п.

Эта перемена во взаимоотношениях с внешним миром, позволила создать мощную материальную основу не только для существования, но и развития староверческих толков и согласий, не изменяя при этом убеждению в своей избранности быть орудием Бога в сохранении первоисточного православия.

В результате из староверческой среды стали выходить яркие, цельные, предприимчивые личности — родоначальники крупнейших династий, имена которых неразрывно связаны с историей отечественной торговли и промышленности: Третьяковы, Рябушинские, Морозовы, Гучковы, Хлудовы, Кокоревы, Бриллиантовы, Громы и многие другие.

Вопреки настороженному и подозрительному отношению государства к противникам реформы Никона староверы всегда были самыми верными сынами и патриотами Отечества. Они довели русскую фабричную промышленность до состояния, превосходящего западную.

Старообрядцы полагали, что коли земные дела идут хорошо, стало быть, Господь к ним благоволит. Предприниматель-старообрядец видел в богат-

стве, созданном в результате неутомимого и честного труда, не богатство, как таковое, а Божье благословение. Первоосновой их успехов было то, что они были поголовно грамотными, много читали, ибо понимали, что только всесторонне развитая личность способна осознать истинное назначение человека.

Они же явились застрельщиками меценатства в России и многое сделали для распространения его в среде обеспеченных слоев населения. А период с 1905 по 1917 год вообще можно назвать «золотым временем» старообрядчества. Дело в том, что в 1905 году Николаем II, мечтавший о воссоединении Старообрядческой и Русской Православной Церквей подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», позволивший старообрядцам легализоваться. С этого момента начинается бурное возрождение духовной жизни староверов. Строятся тысячи храмов, около десятка монастырей; открываются печатальни, издаются газеты и журналы, повсюду появляются книжные лавки, певческие и приходские школы. Число староверов к тому времени в России достигло двадцати миллионов! (В 1853 году их было девять миллионов).

В это трудное, исчервленное пороками и брожением время, часть народа, собравшись по человеку, явила силу и убежденность, какой никогда ни до, ни после в России не бывало, показав не только способность к самоорганизации, но и нравственное здоровье. Они подняли человека в его физических и духовных возможностях на такую высоту, какой он в себе и не подозревал.

Невольно задаешься вопросом, а что бы могло стать с Россией, каких бы высот она достигла, если бы не десятая часть народа, а половина не дала увести себя от национальной самобытности в угоду сомнительных, насаждаемых со стороны, чужеродных идей? Какими еще достижениями обогатили бы мы цивилизацию?!

Трудно поверить, но к началу революции в руках представителей старообрядчества было сосредоточено более 60% всего российского капитала! В

августе 1917 года был созван Съезд старообрядцев всех согласий. Его председатель П.П. Рябушинский в своей речи выразил недовольство бессилием Временного правительства и призвал «мощно встать на защиту нашей великой, глубоко несчастной России». Увы, было поздно. После Октябрьского переворота началось тотальное богоборчество и уничтожение в кострах ценнейших рукописей, древних икон и книг, как патриаршей, так и староверческой церковью.

Парадоксально, но старообрядцам для сохранения «неподвижного», т. е. традиционного ядра старого, коими являются восьмиконечная форма креста, двуперстное знамение, хождение «посолонь», трехкратное погружительное крещение, совершение проскомидии на семи просфорах, двукратное (сугубое) произнесение «аллилуйя», написание через одно «и» Иисус, сами старопечатные книги, служение по первоисточникам с использованием знаменитых древнерусских крюковых распевов, окладистая борода и русская одежда, приходится идти на мелкие «подвижные» компромиссы с вечно меняющейся действительностью.

Древнерусские обычаи и культурные традиции и по сей день бережно берегаются в старообрядческих общинах в двадцати странах всех континентов Земного шара. Что интересно — у старолюбцев ни когда не было агрессивности по отношению к инаковерцам. Они не вмешивались и не пытались влиять на представителей иных христианских и инославных вероисповеданий. Никогда не выступали против действующей власти, ибо считали, что всякая власть от Бога.

Что привлекало и привлекает людей в старообрядчестве, почему оно в продолжение трех с половиной веков не отмерло, как положено отмирать всему отжившему и случайному? Надо полагать, влечет, прежде всего, то, что и положено в основание человека — самостоятельность, первенство нравственной чистоты; и в основание народа — национальное своеобразие, историческая память, стремление к высокой цели. Народ развивается во вре-

мена испытаний и дряхлеет в благополучии. Раскол невольно соединил в себе и то, и другое.

Старообрядчество ценно уже тем, что сберегло для нас в нетронутой чистоте прежние формы нестяжательного русского быта и религиозности, дало примеры удивительной духовной стойкости, продлив жизнь истинно русской культуры до наших дней. Это, быть может, не меньший подвиг, чем защита отечества на поле брани. Надо полагать, староверство еще послужит России, ибо оказалось исторически право — оно возникло не против истины, а ради истины.

Камиль Зиганшин

Переделкино, Уфа 2007 — 2010 гг. Доработано в 2016 г.